

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 26. № 4

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 4

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,*

Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina

Editor of English texts *E.A. Agarkova*

Making up and technical editing:

E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina

Relayed to print July 28, 2021.

Date of publication Aug. 31, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.8. Published pages 25.6.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–58). Order 129. «С» 20.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина

Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*

Верстка и техническое редактирование:

Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 28.07.2021 г.

Дата выхода в свет 31.08.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 25,6.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–58 экз.). Заказ 129. «С» 20.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Tel.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021

Том 26. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2021

Volume 26. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2021. Vol. 26. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* – Issue Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021. Т. 26. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* – редактор номера (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

- Зайцева И.В.* Олимпиодор – схолярх Александрийской школы неоплатонизма 6
- Бирюков Д.С.* Некоторые линии отношения к Византии, проявленные в русской историософской литературе начала – середины XIX в. (И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, А.А. Кунин) 16

ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

- Болдырева И.И.* «De virginitate» Альдхельма и англосаксонские монахини на рубеже VII–VIII веков 28
- Дринова Е.М.* Направления и приоритеты политико-коммуникативного взаимодействия органов власти и Русской православной церкви в публичном пространстве современной России 41
- Якунин В.Н.* Государственно-церковные отношения и религиозная ситуация в провинциальном городе в 1997–2003 гг. (на примере города Тольятти) 54

РУСЬ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СССР В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

- Кром М.М.* Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика 66
- Аваков П.А.* Новый документ о Булавинском восстании (1708 г.) 79
- Житко А.П.* Дискриминационная экономическая политика российского правительства в отношении дворян-католиков Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.) 89
- Каппасов М.М.* Промыслы у кочевников начала XX в.: на примере Уральской и Тургайской областей 102
- Юдина Т.В.* Иностранцы в Сталинграде в конце 1920-х – 1930-е гг.: условия жизни, восприятие новой социокультурной среды 117
- Ваикау Н.Э., Лакизюк А.А.* «Зона пустыни»: боевые действия и преступления пехотных дивизий вермахта на территории современной Липецкой области в 1941 году 125

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- Киселев А.А.* Визит посланника О.Г. Непеи в Англию (1556–1557 гг.): успех или провал русской дипломатии? [На англ. яз.] 137
- Шенин С.Ю.* Эволюция американской программы помощи и фактор советского «экономического наступления» (1950-е гг.) 148

- Малашевская М.Н.* Идеи Сато Масару о российско-японских связях в 1990–2010-е гг. в контексте его профессиональной биографии 160
- Арсентьева И.И., Орехова В.Д.* Роль стигматизации в международном восприятии Тройной границы Бразилии, Аргентины и Парагвая [На англ. яз.] 173
- Парубочая Е.Ф., Прыгункова А.С.* Стратегия Европейского союза в отношении стран Южного Кавказа в рамках программы восточного партнерства: 20 результатов к 2020 году 183

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В США

- Латыпова Н.С.* История чрезвычайных полномочий Президента США: от Авраама Линкольна до Дональда Трампа [На англ. яз.] 193
- Алентьева Т.В.* Импичмент Президента Эндрю Джонсона: первая практика применения в истории США [На англ. яз.] 212
- Болдырев В.Е.* Принятие решений и адаптация органов исполнительной власти. Пример тихоокеанской политики Б. Обамы 222
- Нелин Т.В.* Латиноамериканское направление политики Д. Трампа во внутривластной борьбе США 2020 г.: анализ предвыборных программ кандидатов в президенты 236

ОБЗОРЫ

- Усик Б.Г., Редькина О.Ю., Лысенко И.А.* Центр по изучению Сталинградской битвы: вчера, сегодня, завтра 246

CONTENTS

HISTORY OF SOCIAL THOUGHT

- Zajceva I.V.* Olympiodor of Alexandria – Scholarch of the Alexandrian School of Neoplatonism 6
- Biriukov D.S.* Certain Attitudes Towards Byzantium As Manifested in the Russian Historiosophical Literature of the Early and Middle 19th Century (Ivan Kireyevsky, Petr Chaadaev, Alexander Pushkin, Arist Kunik) 16

STATE, CHURCH, AND SOCIETY: PROBLEMS OF INTERACTION

- Boldyreva I.I.* Aldhelm's *De Virginitate* and Anglo-Saxon Nuns at the Turn of the 7th – 8th Centuries 28
- Drinova E.M.* Political and Communicative Interaction in Public Space Between the Russian Government and the Russian Orthodox Church: Directions and Priorities 41
- Yakunin V.N.* State-Church Relations and the Religious Situation in a Provincial Town in 1997–2003 (On the Example of Tolyatti) 54

**RUS', THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR
IN THE CONTEXT OF WORLD PROCESSES**

Krom M.M. Patronage and Clientele
in the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries:
Historiography and the Key Issues 66

Avakov P.A. The New Document
About the Bulavin Uprising (1708) 79

Zhitko A.P. Discriminative Economic Policy
of the Russian Government
Towards the Catholic Nobility of Belarus
(Second Half of the 19th Century –
the Beginning of the 20th Century) 89

Kappasov M.M. Crafts by Nomads
of the Ural and Turgai Regions
at the Beginning of the 20th Century 102

Yudina T.V. Sociocultural Perception
and Living Conditions of Foreign Citizens
in Stalingrad in the 1920s – 1930s 117

Vashkau N.E., Lakiziuk A.A. Desert Zone:
History of Warfare and Crimes Committed
by the Nazis in 1941 on the Territory
of the Present-Day Lipetsk Oblast 125

**INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE PAST AND PRESENT**

Kiselev A.A. The Visit of Envoy Osip Nepeya
to England (1556–1557):
Success or Failure of Russian Diplomacy? 137

Shenin S.Yu. Evolution of the U.S. Assistance Program
and the Soviet “Economic Offensive” Factor (1950s)..... 148

Malashevskaya M.N. Sato Masaru’s Views
on the Russian-Japanese Relations in the 1990s – 2000s
Withing the Context of His Professional Biography 160

Arsentyeva I.I., Orekhova V.D. Role of Stigmatization
in International Perception of the Triple Frontier
Between Brazil, Argentina and Paraguay 173

Parubochaya E.F., Prygunkova A.S.
The European Union’s Strategy
for the South Caucasus Countries
Within the Eastern Partnership Program:
20 Deliverables for 2020 183

POLITICAL PROCESS IN THE UNITED STATES

Latypova N.S. History of Emergency Powers
of the US Presidents: From Abraham Lincoln
to Donald Trump 193

Alentieva T.V. President Andrew Johnson Impeached:
The First Presidential Impeachment
in American History 212

Boldyrev V.E. Decision-Making and Executive Power
Departments’ Adaptation.
Barack Obama’s Pacific Policy Case 222

Nelin T.V. Donald Trump’s Policy
Toward Latin America
As an Issue of the U.S. Political Struggle 2020:
Candidates’ Election Programs 236

REVIEWS

Usyk B.G., Redkina O.J., Lysenko I.A.
Center for the Study of the Battle of Stalingrad:
Yesterday, Today, Tomorrow 246

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.1>

UDC 94
LBC 86.37

Submitted: 27.06.2019
Accepted: 03.11.2020

OLYMPIODOR OF ALEXANDRIA – SCHOLARCH OF THE ALEXANDRIAN SCHOOL OF NEOPLATONISM

Irina V. Zajceva

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The domestic and foreign research literature pays great attention to Alexandrian Neo-Platonists of the 4th–6th centuries such as Hypatia, Ammonius son of Hermias, John Philoponus, but at the same time Olympiodorus, David the Invincible, Elias, Horapollon are given insufficient attention. This is largely due to lack of any reliable information in modern science, which reveals the life and professional path of these eminent intellectuals, as well as the fact that the majority of the few preserved works of these authors have not yet been translated into Russian and English. The author of the article aims to study the “intellectual portrait” of Olympiodorus without reconstruction or refinement of his curriculum vitae based on source analysis. *Methods and materials.* The Intellectual History and the micro-historical approach were chosen as the main methodological basis of this article. The work is based on the system-wide analysis and historical-biographical approach. The source base of the article consists of the extant Olympiodorus works in the book series “Commentaria in Aristotelem Graeca”. The historiography of the topic, for the most part, is represented by the works of Western European scientists: L. Westerink, S. Viano, N. Tarrant, etc., in particular. Russian Science almost did not study the personality of Olympiodorus: the only exceptions are small articles or just incorporation of information about him in the biographies of other well-known personalities. *Analysis.* The author argues for the thesis that Olympiodorus, contrary to the prevailing opinion in Russian science, was a smart executive and a good scientist who managed to preserve the traditions of the Neo-Platonic School of Alexandria by continuing to interpret classical works of Plato and Aristotle. *Conclusion.* Based on the analysis of Olympiodorus works, the author concludes that Olympiodorus of Alexandria has assumed the post of head of the Alexandrian Philosophical School of Neo-Platonism in the competition with John Philoponus, also he has been able to continue the activities in line with the tradition of Ammonius, son of Hermias while supporting political parity with the Church authorities and has furthermore become one of the first of Alexandrian intellectuals who used a classical scientific approach to interpret works of Plato and Aristotle without striving for their absolutization.

Key words: Olympiodorus of Alexandria, Alexandria, the Alexandrian Philosophical School of Neo-Platonism, Ammonius, son of Hermias, Christianity, Paganism.

Citation. Zajceva I.V. Olympiodor of Alexandria – Scholarch of the Alexandrian School of Neoplatonism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.1>

ОЛИМПИОДОР – СХОЛАРХ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ НЕОПЛАТОНИЗМА

Ирина Валерьевна Зайцева

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Исследовательская литература (как отечественная, так и зарубежная) традиционно уделяет значительное внимание таким крупным александрийским неоплатоникам IV–VI вв., как Гипатия, Аммоний Гермий, Иоанн Филопон, и, напротив, недостаточное – Олимпиодору, Элию, Давиду, Горapolлону. Во многом это обстоятельство связано с отсутствием в современной науке полноценной информации, раскрывающей жизненный и профессиональный путь этих выдающихся интеллектуалов, а также с тем, что большая часть, из немногочисленных сохранившихся произведений данных авторов, еще не переведена на русский и английский языки. Автор статьи ставит целью изучение «интеллектуального портрета» Олимпиодора без попытки реконструировать или уточнить биографические данные о нем на основании анализа источников. *Методы и материалы.* В качестве главных методологических оснований данной статьи выбрана интеллектуальная история и микроисторический подход. Работа строится на применении метода системного анализа и историко-биографического метода. Источниковую базу статьи составили работы Олимпиодора, дошедшие до наших дней и собранные в серии «Commentaria in Aristotelem Graeca». Историография заявленной темы по большей части представлена трудами западноевропейских ученых, в частности: Л. Вестеринка, С. Виано, Н. Тарранта и др. В российской исторической науке изучение личности Олимпиодора практически не предпринималось (исключение составляют небольшие заметки или включение информации о нем в жизнеописания других, более крупных персоналий). *Анализ.* Автор доказывает тезис о том, что Олимпиодор, в противовес устоявшемуся в российской науке мнению, был хорошим администратором и ученым, которому удалось сохранить традиции Александрийской школы неоплатонизма, продолжив комментирование классических трудов Платона и Аристотеля. *Результаты.* На основе проанализированных трудов Олимпиодора Александрийского автор пришел к выводу, что Олимпиодор занял пост руководителя Александрийской школы неоплатонизма в борьбе с Иоанном Филопоном, сумел продолжить административную деятельность в русле традиций Аммония, поддерживая паритетную политику с христианскими властями, а также стал одним из первых александрийских интеллектуалов, использующих классический научный подход к комментированию работ Платона и Аристотеля, без стремления к их абсолютизации.

Ключевые слова: Олимпиодор Александрийский, Александрия, Александрийская школа неоплатонизма, Аммоний схолярх, христианство, язычество.

Цитирование. Зайцева И. В. Олимпиодор – схолярх Александрийской школы неоплатонизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.1>

Введение. Александрия как крупнейший интеллектуальный центр Восточного Средиземноморья на протяжении длительного времени выступает в качестве центрального объекта исследований как отечественных (О.М. Новицкий, В.Н. Дмитриевский, В.Я. Саврей), так и зарубежных авторов (А. Роу, К. Хаас, П. Фрэйзер, Э. Уоттс). При этом исследователи диспропорционально подходят к изучению крупных персоналий александрийской интеллектуальной традиции IV–VI веков. Отдельным александрийским интеллектуалам (здесь мы ведем речь исключительно о представителях

александрийской неоплатонической философии) уделяется, особенно в зарубежной историографии, значительное внимание (например, Гипатия, Аммоний Гермий, Иоанн Филопон)¹. Тогда как другие (Олимпиодор, Элий, Давид, Горapolлон), напротив, почти не изучены. В этой связи представляется очевидной научная новизна заявленной темы, из-за отсутствия полноценных работ, посвященных, по сути, последнему крупному александрийскому ученому-язычнику Олимпиодору, пытавшемуся соединить «языческое прошлое» и «христианское настоящее». Основной це-

люю статьи является составление персонального биографического портрета Олимпиодора – схолаха Александрийской школы неоплатонизма.

Методы и материалы. Методологическую основу статьи составляют отдельные положения интеллектуальной истории и микроисторический подход. Интеллектуальная история как важнейшая методологическая составляющая позволяет сконцентрировать внимание на трудах интеллектуальной элиты, в нашем случае Олимпиодора Александрийского, посредством чего мы определяем основные тенденции развития индивидуального и коллективного сознания александрийских ученых VI века. Микроисторический подход позволяет рассмотреть способ жизни и условия «выживания» языческой интеллектуальной элиты (на примере Олимпиодора) в период разрастания конфронтационных процессов между язычниками и христианами. Используя микроисторический подход, мы определяем способы, которые были выбраны представителями языческой интеллектуальной элиты Александрии для продолжения своей философской деятельности в разрезе христианского давления².

Источниковая база исследования представлена отдельными текстами Олимпиодора, дошедшими до наших дней, а именно комментариями к работам Платона и Аристотеля («Введение в логику», «Категории», «Метеорологика», комментарии на труды Платона «Алкивиад I», «Горгий», «Федон»). Переводы работ осуществлены У. Стуве [9], Р. Джэксоном, К. Ликосом, Х. Таррантом [10], Л. Вестеринком [11], А. Буссе [13].

Относительно историографического аспекта исследуемого предмета следует сказать, что в российской исторической науке нет ни одной работы, специально посвященной Олимпиодору. В отдельных трудах мы либо встречаем краткие заметки об этом александрийском схолахе [3; 5; 6], либо более расширенную информацию, но вписанную в биографические портреты других мыслителей, как это происходит в работе А.М. Болговой «Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы» [1], в которой автор рассматривает личность Олимпиодора в контексте исследования жизни Аммония Гермия и Иоан-

на Филопона. Зарубежная литература в этом отношении представлена более широко. К числу самых крупных авторов, которые посвящали свои научные изыскания личности Олимпиодора Александрийского, следует отнести: Л. Вестеринка [11; 21; 22], С. Финка [12], С. Виано [18], Н. Тарранта [17], Л. Таррана [16], Ж. Опсомера [14], Э. Уоттса [19; 20], К. Вайлдберга [23].

Анализ. Олимпиодор Александрийский (Младший) (Ὀλυμπιόδωρος ὁ Νεώτερος)³ стал одним из последних язычников, преподававших философию в Александрийской школе неоплатонизма в VI веке. Существует несколько достоверных фактов, на основании которых можно реконструировать основные вехи жизни Олимпиодора. Во-первых, известно, что он занимал кафедру философии в Александрии. Во-вторых, Олимпиодор считал себя интеллектуальным наследником Аммония и, как следствие, был его преемником, хотя и не состоял с ним в родственных отношениях [1, с. 306], несмотря на устоявшуюся в этом вопросе традицию, сложившуюся у неоплатоников начиная с III–IV веков⁴. В-третьих, некоторые из его лекций были прочитаны вскоре после 565 г. (Olymp. Meteor. 52,31). То, как Олимпиодор напоминает своим ученикам о комете, появившейся в марте – апреле 565 г., наводит на мысль, что это событие произошло несколькими годами ранее. Аммоний Гермий скончался (или прекратил преподавание) между 517 и 526 годами⁵. Если эти даты верны, мы можем заключить, что Олимпиодор был молодым человеком, когда начал заниматься у Аммония, и что он вел активную интеллектуальную жизнь в конце шестидесятых или начале семидесятых годов VI века. Исходя из вышесказанного, предполагаем, что Олимпиодор жил в промежутке между 500 и 570 годами⁶.

Олимпиодор не сразу занял пост схолаха. После смерти Аммония руководство школой перешло к математику Евтокию Аскалонскому. Евтокий умер вскоре после вступления в должность (возможно, уже в 525 г.), не оставив после себя преемника. Как разворачивались последующие события, которые привели Олимпиодора к должности руководителя Александрийской школы неоплатонизма, неизвестно. Э. Уоттс предполагает, что назна-

чение произошло в середине 520-х гг. [20, р. 234], а А.М. Болгова называет более точную дату – 526 г. [1, с. 306].

Будучи главой школы Олимпиодор сделал ставку на развитие системы оплаты обучения. Это решение не могло даваться схоляру легко, поскольку в отличие от учителей риторики преподаватели платонической философии считали ниже своего достоинства взимать плату за преподавание. В комментарии на «Алкивиада I» (написан около 560 г.) Олимпиодор косвенно обосновывает необходимость такой меры: «когда философ провозглашает, что его задача делать хороших людей, он надеется, что таким образом они не будут несправедливо обращаться с ним» (Olymp. Alc. 140.22). Это мягкий намек на то, что ученики, которые учились у философа, должны выражать свою благодарность, добровольно делая ему подарки и выплачивая суммы денег. В комментарии к «Горгию» эти призывы уже выглядят как открытое требование: «студенты, которые понимают, что они получают пользу, не должны слышать, как их учителя говорят им принести плату. Они спешат сами позаботиться о своих учителях и выразить им свою благодарность» (Olymp. Gorg. 43.2). Подобный интерес к взиманию платы может выступать подтверждением тому, что Олимпиодор выполнял административные функции в школе и был вынужден заботиться о ее финансировании. Таким образом, присутствие подобной темы в комментарии к «Горгию» предполагает, что текст был опубликован после того, как Олимпиодор взял на себя формальный контроль над школой Аммония.

По мнению А.М. Болговой, на деятельность Олимпиодора повлиял изданный в 529 г. указ Юстиниана I, из-за которого он вынужден был сложить обязанности главы школы, хотя и продолжил преподавать в ней минимум до 565 года [1, с. 324]⁷. Вероятно, эту возможность он получил благодаря тому, что Олимпиодор шел по пути Аммония, достигшего договоренности о христианизации школы с александрийским патриархом Петром Монгом⁸. Возможно, из-за своего молодого возраста, неопытности и отсутствия родства с Аммонием, Олимпиодор мог согласиться с даже более жесткими ограничениями в отношении язычников, обучающихся в школе, на-

лагаемыми христианскими властями [1, с. 306]. Выгода этого соглашения для Олимпиодора была, как нам кажется, вполне очевидной. Во-первых, Олимпиодор вступил в конкурентную борьбу за пост схоларха Александрийской школы неоплатонизма с другим, не менее именитым учеником Аммония Гермия – Иоанном Филопоном, отношение к которому со стороны как язычников, так и христиан на протяжении всей его жизни было неоднозначным. Во-вторых, у Олимпиодора отсутствовала родственная связь с Аммонием, что делало его положение в среде неоплатоников-интеллектуалов не вполне устойчивым. Исходя из этих обстоятельств следует полагать, что для Олимпиодора выгодным было продолжить традиции Аммония, как интеллектуальные, так и административные, что в дальнейшем позволило ему сохранить школу и должность в ней для себя.

Рисуя биографический портрет Олимпиодора, необходимо скорректировать общее представление о его личности, сложившееся в современной науке. Традиционно принято полагать, что Олимпиодор явно проигрывал своему сопернику Иоанну Филопону по ряду характеристик, в том числе и личностных [1; 8; 15]. То обстоятельство, что Олимпиодору в достаточно молодом возрасте удалось получить должность схоларха школы, несмотря на возросшую в этот период популярность Иоанна Филопона, указывает на то, что не только Филопона отличал «бойцовский характер» [1, с. 305]. Олимпиодор, по крайней мере к концу своей жизни, пользовался авторитетом и уважением как крупный интеллектуал. В сохранившихся фрагментах его трудов встречается словосочетание «великий философ», которое применялось в том случае, если человек пользовался уважением в интеллектуальных кругах города [1, с. 325; 7, р. 12]. О публичной жизни Олимпиодора сохранилось мало сведений. Тем не менее очевидно, что как руководитель школы он имел сильные позиции в общественной жизни города. Так, известно, что он присутствовал в 546 г. на выступлении грамматика Анатолия, приглашенного губернатором Гефестом в город (Olymp. Alc. 2. 80–82).

Интеллектуальную традицию Олимпиодора можно отследить по его трудам, дошед-

шим до наших дней в той или иной степени сохранности. К их числу относятся: комментарии к работам Аристотеля «Введение в логику», «Категории» [13], «Метеорологика» [9], комментарии на труды Платона «Алкивиад I», «Горгий» [10; 11; 12], «Федон» [6; 12], работа «Жизнь Платона»⁹. Некоторые исследователи приписывают Олимпиодору комментарии к «Филебу» Платона¹⁰, а также алхимический трактат по работе Зосима Панопольского «Об энергии»¹¹. Следует полагать, что за свою долгую карьеру Олимпиодор написал гораздо больше произведений. Так, сам он ссылается на комментарий к «Введению» Порфирия, которым пользовались Давид и Элий. Также он мог быть автором комментария на аристотелевскую «Аналитику» и на «физические» трактаты Аристотеля, которые упоминаются в арабских источниках. В комментариях на платоновского «Алкивиада» Олимпиодор упоминает лекцию о «Софисте». Полный очерк трудов Олимпиодора можно найти в работе Л. Вестерника [22, р. 21–25].

Особого внимания заслуживают комментарии на платоновские диалоги, которые представляли собой отдельные части цикла более обширного платоновского комментария, предположительно состоявшего из 12 диалогов. Комментарий Олимпиодора на «Горгия» был издан предположительно около 525 года. Несмотря на то что текст сочинения чаще всего называют комментарием, данная работа представляет собой собрание лекций, которые, очевидно, прослушал Олимпиодор в школе своего учителя Аммония [1, с. 259; 19, р. 229]. Работая над текстом сочинения, Х. Таррант [17, р. 181–192] определил некоторые особенности педагогических интересов Олимпиодора как преемника Аммония Схоларха. Х. Таррант отмечает, что Олимпиодор был заинтересован в том, чтобы его студенты получали правильное знание о языческом прошлом. На это обстоятельство указывает тот факт, что рассматриваемая работа Олимпиодора изобилует упоминаниями греческих героев классической древности и историями, связанными с ними (Olymp. Gorg. 44. 3–7 – о Тезее; 7.3 и 33.2 – о Перикле; 44.1–3 – о Ликурге; 33.2 – о Фемистокле). А.М. Болгова указывает, что, возможно, целью этого было формирование осознания у обучающихся ве-

личия греческого наследия через призму анализа биографий древних греков [1, с. 259]. Поскольку работа относится к раннему периоду творчества Олимпиодора, маловероятно, чтобы интерес к анализу античных авторов был заимствован им у своего учителя.

Сочинение указывает на то, что среди обучающихся у Олимпиодора было много христиан (Olymp. Gorg. 44.4, 6). В целом для руководителей языческих философских школ это было не новым, если вспомнить аналогичные примеры школ Гипатии и Аммония Гермия. Олимпиодор, как и его учитель Аммоний, продолжал традицию симбиоза язычества и христианства в преподавательской сфере. В этом состоит неоспоримая заслуга Олимпиодора как администратора, поскольку он не только преподавал христианам, но и позволил им занять высшие преподавательские должности в своей школе (к числу таких преподавателей относились также Элий и Давид).

Для творчества Олимпиодора характерным является то, что он показывал своим ученикам пользу изучения философии Платона¹². Поэтому неудивительно, что он снабжает свои комментарии к Платону ссылками на Гомера, Демосфена, Элия Аристиды¹³, Плутарха, Эпиктета и Аристотеля, а также на другие работы Платона. В этой связи следует согласиться с мнением Х. Тарранта, который назвал Олимпиодора «первым классицистом» и отметил, что он жил в тот позднеантичный период, когда Платон и Аристотель перестали быть «воротами к истине» и превратились в некое культурное наследие, которое стоило сохранить по другим причинам [17].

Будучи, прежде всего, администратором и преподавателем Олимпиодор понимал, что сдерживать «интеллектуальное обнищание» городских масс станет возможно лишь в том случае, если работа языческого преподавателя будет более системной, но при этом не лишенной гибкости. В этой связи он разработал педагогическую практику, в соответствии с которой каждый класс в школе разделялся на три секции. За чтением оригинального платоновского (или аристотелевского) текста следовал «обзор» отрывка (θεωρία), который, в свою очередь, переходил в более тщательное чтение (ἀνάγνωσις). Обзор позволял преподавателю делать общие замечания о смысле обсуждаемого отрывка, а

внимательное чтение представляло собой более подробные филологические, лингвистические, логические или риторические наблюдения. Подобная процедура представляется формализованным развитием работы Прокла (Olymp. Proleg. 21,101–3; Cat. 28,25ff7).

Судя по всему, ранняя программа Олимпиодора была рассчитана на религиозную нейтральность. Олимпиодор старался не оспаривать ключевые догматы христианства. Вместо этого, как показывает комментарий к «Горгию», он прилагает усилия, чтобы подчеркнуть сходство между языческим и христианским богословием. Так, в рассуждении о происхождении устройства материального мира он утверждает: «Не следует поверхностно понимать учения, представленные в мифологических терминах. Мы и сами хорошо знаем, что Бог – единственная первопричина [устройства материального мира], ибо первопричин немного» (Olymp. Gorg. 43). Это делалось для того, чтобы у христиан не сложилось впечатление, что Олимпиодор или другие язычники имели принципиальное несогласие с их теологией творения. Далее, пытаясь совместить язычество и христианство, Олимпиодор, используя христианский постулат «Единого Бога» в гностической интерпретации, упоминает, что языческие боги Зевс и Кронос лежат ниже единого Бога, но выше людей, и именно они ответственны за создание нижнего мира (Olymp. Gorg. 47.2).

Как следствие, Олимпиодор предостерегает, что не следует насмехаться над именами низших богов. Вместо этого, говорит он, нужно понять, что имена богов указывают на их творческую функцию или иным образом представляют атрибуты единого Бога. Например, он объясняет: «Они говорят о жизни, используя имя Зин (жизнь), а также Зевс, потому что именно через себя Зевс дает жизнь» (Olymp. Gorg. 47.4). Затем Олимпиодор объясняет языческую теологию в христианских терминах, давая понять христианам, что она выполняет многие из тех же функций, что и христианский Бог. Олимпиодор также защищает языческие идеи от христианской критики. Данную позицию не следует путать с доктринальной гибкостью. Подобно Аммонию он утверждал вечность материи и говорил, что мир не может быть разрушен. Олимпиодор

также отрицал учение о вечном наказании нераскаянных грешников, полемизируя тем самым с основной массой христиан и, вероятно, склонялся к идее посмертного существования души. Так, в подтверждение последнего он писал: «Воистину, мы не наказаны навеки... если душа наказана навечно и никогда не наслаждается добром, она всегда в состоянии порока... Ибо если наказание не приносит нам пользы и не ведет нас к лучшему, то оно налагается напрасно, и ни Бог, ни природа ничего не делают напрасно» (Olymp. Gorg. 50.2). Позиция александрийского схолярха по этим двум вопросам согласовывалась с учениями предшественников Олимпиодора и представляла реальный вызов христианскому учению.

Помимо Платона, Олимпиодор также занимался комментированием текстов Аристотеля. Прологомены к «Логике» Аристотеля, или, в некотором смысле, ко всему философскому творчеству последнего, начинаются с тщательно сформулированного утверждения, напоминающего первые слова комментария на «Алкивиада»: «поскольку мы хотим наслаждаться фонтаном хороших вещей, в нас есть стремление цепляться за философию Аристотеля, которая обеспечивает жизнь принципом хороших вещей, и не в последнюю очередь потому, что она ведет светлый ум к точности относительно того, что ищется» (Olymp. Proleg. 1,3–6). Работа состоит из пяти лекций, в которых Олимпиодор дает своим ученикам краткий обзор различных школ греческой философии и структуру сочинений Аристотеля. Олимпиодор объясняет цель философии Аристотеля – признание добра (Olymp. Proleg. 9,14–30) и определяет моральные и интеллектуальные требования ученика и учителя по отношению к философии (Olymp. Proleg. 10,3–33). Различные философские мыслители и школы упоминаются в работе без оценки их философских достоинств, и, безусловно, речь здесь не идет о гармонии философов вообще или гармонии между учениями Платона и Аристотеля. Олимпиодор принимает точку зрения Ямвлиха о том, что предметом категорий является речь, определяющая сущность вещей через мыслеформы (Olymp. Proleg. 21,101–3; Olymp. Cat. 28,25 и далее), что соответствует основному толкованию категорий в Александрийской школе.

Комментарий на «Метеорологику» начинается без введения, а непосредственно с самого текста Аристотеля. В этой связи невозможно сказать, была ли осуществлена проработка самим Олимпиодором или его учениками других «физических» трактатов Аристотеля (в частности «Физики», «De Caelo» и «De Generatione et Corruptione»). Олимпиодор не ссылается на лекции, которые он ранее читал по этим текстам, а только упоминает, что «Метеоролика» относится к физическим трактатам древнегреческого мыслителя. Так, например, он говорит, что Аристотель написал три трактата об элементарных телах: «De Caelo», который касается их, поскольку они вечны; «De Generatione», касающийся их возникновения, и «Метеорологику», которая рассматривает их как вещи, «подверженные влияниям»¹⁴. Последняя работа (написанная после 565 г.) представляет особый интерес, поскольку это единственный полный комментарий по «Метеорологике» Аристотеля, сохранившийся с древности¹⁵.

При комментировании трактатов Аристотеля Олимпиодор отмечает, что существует пять элементов, а не только четыре, и что небесный элемент (αἰθήρ) является творческим, другие элементы материальные (ἕλη) (Olymp. Meteor. 2, 15f). Также он воспроизводит аргумент Аристотеля о существовании пятого элемента из «De Caelo» (круговорот небесного движения можно объяснить только предположением об особом небесном элементе) (Olymp. Meteor. 16, 25–17, 9) и полемизирует против представления, что небеса состоят из огня (Olymp. Meteor. 17, 1–18, 30).

Обсуждение комментария к «Метеорологике» Аристотеля (с так называемым «химическим трактатом» в качестве его четвертой книги) ставит вопрос о тождестве неоплатоника Олимпиодора с другой фигурой, носящей точно такое же имя, которая встречается в традиции алхимиков. Четыре дошедшие до нас рукописи алхимического труда, которые претендуют на то, чтобы быть комментарием Олимпиодора к работе Зосима Панопольского «Об энергии» ((ὁ) Ενέργεια), утверждают, что произведение было написано «Олимпиодором, Александрийским философом» [7, р. 69–104]. Алхимический трактат начинается как комментарий к Зосиму Пано-

польскому, но затем продолжается в духе дидактического письма, написанного неназванному собрату-алхимику (называемому в какой-то момент «другом муз»). Он объясняет, как соединить разбросанные части золота и очистить металлы, подчеркивает значение «божественной воды». Автор немного знает о досократиках (которых он считает алхимиками), но почти ничего о Платоне и Аристотеле. Вместо этого он приводит пространные цитаты из Зосима, Гермеса, Петасия, Пелагия и «божественной Марии» (не Матери Иисуса, а еврейского мудреца, упоминаемого в алхимической традиции).

Более внимательное изучение текста показывает, что такие ученые, как Х. Саффрей [15], правы, полагая, что алхимический трактат не мог быть создан философом-неоплатоником. Во-первых, в отличие от философа, алхимик, по-видимому, был христианином. Во-вторых, содержание, стиль, а также вся риторическая атмосфера, созданная двумя авторами, кардинально различны. С. Виано [18], которая ранее отстаивала тождество двух фигур и которая обнаруживает некоторое сходство в языке между алхимическим трактатом и комментарием к IV книге «Метеорологики», теперь предполагает, что автор алхимического трактата мог использовать метеорологический комментарий Олимпиодора или другую, скорее алхимическую (а не философскую) работу для написания собственного труда. Однако рукописи алхимика тогда были бы свидетельством влияния Олимпиодора. В этой связи нам представляется маловероятным, чтобы Олимпиодор мог написать подобный алхимический трактат. Поскольку псевдоэпиграфика является одной из определяющих характеристик жанра алхимической литературы, можно с уверенностью предположить, что комментарий к Зосиму является ложной атрибуцией.

Со смертью Олимпиодора обучение философии в Александрии не прекратилось. У него были талантливые ученики, посвятившие себя философии на профессиональном уровне. Были они язычниками или христианами, не совсем ясно, но их комментарии передавались под именами Давида и Элия. То же самое относится к Стефану Александрийскому, который преподавал философию в Константинополе в начале VII в. и, как предпола-

гают некоторые авторы (например, Н.Н. Болгов и А.М. Болгова) [2, с. 278], мог быть учеником Олимпиодора.

Результаты. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

– Олимпиодор Александрийский, вопреки устоявшемуся мнению, был не только крупным интеллектуалом, но и администратором, сумевшим противостоять своему авторитетному сопернику в борьбе за пост схолярха Александрийской школы неоплатонизма Иоанну Филопону;

– основная заслуга Олимпиодора как управленца состоит в том, что он, подобно Гипатии и Аммония Гермию, сумел адаптировать школьную программу обучения под потребности христианских студентов, сняв тем самым угрозу закрытия школы;

– вклад Олимпиодора в развитие интеллектуальной традиции Александрии состоит в сохранении неоплатонической практики комментирования трудов Платона и Аристотеля. При этом Олимпиодор отошел от необходимости считать древнегреческих мыслителей идеалом философии, обращаясь к комментированию их работ с целью формирования у своих студентов фундаментального классического образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К числу основных исследователей личного и профессионального пути указанных интеллектуалов можно отнести М. Дзельску, М. Дикина, К. Миранди, Э. Уотса, А.М. Болгову, Ю.Ю. Чуеву, К. Фили, А. Беленького, Р. Сорабджи, К. Веррикена, Г.И. Беневица.

² В отличие от других христианских центров (например, Афин) александрийские язычники в VI в. не подвергались активному давлению со стороны христиан. Прежде всего, это обстоятельство было обусловлено соглашением, которое Аммоний Гермий, схолярх Александрийской школы неоплатонизма, заключил с александрийским патриархом Петром Монгом. Кроме того, сама деятельность Олимпиодора и его ближайших последователей (Элия, Давида и Стефана) была отмечена стремлением сохранить религиозный нейтралитет и защитить позиции неоплатонизма в Александрии.

³ Олимпиодора Александрийского следует отличать от другого Олимпиодора, который жил, пред-

положительно, в первой половине V в. н. э. и был учителем Прокла в Афинах. То обстоятельство, что Олимпиодор Александрийский мог быть алхимиком и автором комментария к работе Зосима Панопольского «Об энергии», остается предметом научного спора.

⁴ Встречаются отсылки в сочинениях Олимпиодора, в которых он называет Аммония «великим философом» или «нашим философом» (Olymp. Gorg. 40.5, 39.2).

⁵ Первая дата чаще всего устанавливается исходя из Комментариев на «Физику» Иоанна Филопона, которая датируется 517 г. (считается, что, когда Филопон редактировал лекции Аммония по «Физике», Аммоний был еще жив). А.М. Болгова, напротив, отмечает, что исходя из общепринятой датировки жизни Олимпиодора можно сделать вывод, что еще к 520 г. он учился у Аммония, и, как показала его последующая научная жизнь, много от него воспринял, что невозможно было бы сделать за несколько месяцев. Следовательно, Аммоний был еще жив в 520 г., а умер ближе к 526 г. [1, с. 258].

⁶ Место рождения, очевидно, Александрия. См.: [3, с. 145].

⁷ Кроме того, существует подтверждение и обратному, что Олимпиодор оставался руководителем школы, и поэтому в комментарии на «Исагогу» он называет Аммония своим *progonos* (предшественником). Использование данного термина указывало на понижение человека с должности профессора. А.М. Болгова считает, что подобный акцент Олимпиодора в 564 г. может указывать на то, что он в этот период по-прежнему был руководителем школы [1, с. 325].

⁸ То есть школа проводила своего рода паритетную политику, поскольку активно не демонстрировала языческие предпочтения и не принимала участие в политической жизни города.

⁹ Исследователи предполагают, что, несмотря на тот факт, что «Жизнь Платона» была издана Олимпиодором (или его последователями) отдельно, все же она представляет вступительную часть к комментарию на «Алкивиада I» [4, с. 445–448]. В комментариях на «Алкивиада I» уделяется внимание σοφροσύνη (благоразумию, деланию добра) [5, т. VII, кн. 1, с. 378; кн. 2, с. 266–267; т. VIII, кн. 2, с. 481].

¹⁰ Кроме этих работ, мы располагаем схолией из комментария Олимпиодора к «De Interpretatione» Аристотеля в Codex Vaticanus Urbinas Graecus 35. Искаженный анонимный комментарий к «De Interpretatione», сохранившийся в Codex Parisinus Graecus 2064 и отредактированный Л. Тараном [16], ошибочно приписывается Олимпиодору. То же самое относится и к комментарию Платона к «Филебу», который, хотя и приписывается Олимпиодо-

ру, в 1959 г. был назван Л.Г. Вестеринком работой Дамаския [21].

¹¹ Об ошибочности данного суждения будет идти речь ниже.

¹² Примером может служить высказывание Олимпиодора в комментарии на платоновского «Алквиада»: «Аристотель начал свое богословие со слов: “все люди по природе своей желают знать, и доказательством тому является наша любовь к восприятию. Но когда я начинаю говорить о философии Платона, я бы сказал, что лучше сказать, что все люди имеют желание философии Платона, потому что все люди хотят извлечь из нее что-то полезное; они спешат околдовать его источником и останавливаются только тогда, когда полны платонического энтузиазма”» (Olymp. Alc. §1).

¹³ Оратор II в. н. э.

¹⁴ Термин *pathainomena* Олимпиодор нигде не определяет, однако он в разных контекстах встречается у Прокла.

¹⁵ Есть еще один комментарий (неизданный), написанный Иоанном Филопоном, но он неполный (комментарии обрываются в 12-й главе I книги). Это был, по сути, последний комментарий Филопона, написанный после весьма спорного *Contra Aristotelem*, и, вероятно, как раз в то время, когда он перестал преподавать философию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болгова, А. М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы / А. М. Болгова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2018. – 404 с.
2. Болгов, Н. Н. Стефан Александрийский – последний схолярх / Н. Н. Болгов, А. М. Болгова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 2 (52). – С. 277–284.
3. Византийский словарь : в 2 т. / сост. К. А. Филатов. – СПб. : Амфора, 2011. – Т. 2. – 591 с.
4. Жизнь Платона / пер. М. Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М. : Мысль, 1979. – 629 с.
5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики : [в 8 т.] / А. Ф. Лосев. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2000. – Т. VII, кн. 1. – 512 с. ; кн. 2. – 544 с. ; Т. VIII, кн. 2. – 544 с.
6. Памятники византийской литературы IV–IX веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М. : Наука, 1968. – 480 с.
7. Bertholet, M. Collection des anciens alchimistes grec / M. Bertholet, C.-M. Ruelle. – Paris : Steinheil, 1887–1889. – Vol. III. – 708 p.
8. Beutler, R. Olympiodorus / R. Beutler // Real-Encyclopaedie der Klassischen Altertumswissenschaft / ed. A. F. v. Pauly and G. Wissowa. – Stuttgart : J.B. Metzler, 1949. – 13, 18.2. – Col. 207–228.
9. Olympiodori in Aristotelis Meteora / ed. W. Stüve // Commentaria in Aristotelem Graeca. – Berlin : Reimer, 1900. – Vol. 12, pt. 2. – 406 p.
10. Olympiodorus' Commentary on Platos Gorgias / trans. R. Jackson, K. Lycos, H. Tarrant. – Leiden : Brill, 1998. – 349 p.
11. Olympiodori in Platonis Gorgiam commentarii / ed. L.G. Westerink. – Leipzig : B.G. Teubner, 1970. – 313 p.
12. Olympiodori philosophi scholia in Platonis Phaedonem / ed. C. E. Finckh. – Oxford : Oxford University, 1847. – 343 p.
13. Olympiodori Prolegomena et in Categorias Commentarium / ed. A. Busse // Commentaria in Aristotelem Graeca. – Berlin : Reimer, 1902. – Vol. 12, pt. 1. – 590 p.
14. Opsomer, J. Olympiodorus / J. Opsomer // Late antique philosophy. The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity / ed. L. Gerson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – Vol. 2. – P. 696–710.
15. Saffrey, H. D. Olympiodore d'Alexandrie / H. D. Saffrey // Goulet R. Dictionnaire des philosophes antiques IV. – Paris : CNRS, 2005. – P. 769–771.
16. Taran, L. Anonymous Commentary on Aristotle's De Interpretatione (Codex Parisinus Graecus 2064) / L. Taran. – Meisenheim am Glan : Anton Hain, 1978. – P. 55–98.
17. Tarrant, H. Olympiodorus and the Surrender of Paganism / H. Tarrant // Byzantinische Forschungen. – 1997. – № 24. – P. 181–192.
18. Viano, C. La matière des choses: Le livre IV des Météorologiques d'Aristote et son interpretation par Olympiodore / C. Viano. – Paris : Vrin, 2006. – 409 p.
19. Watts, E. J. An Alexandrian Christian Response to Fifth Century Neoplatonic Influence / E. J. Watts // The Philosopher and Society in Late Antiquity: Essays in Honour of Peter Brown / ed. Andrew Smith. – Swansea : Classical Press of Wales, 2005. – P. 215–229.
20. Watts, E. J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria / E. J. Watts. – Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press, 2006. – 302 p.
21. Westerink, L. G. Damascius: Lectures on the Philebus Wrongly Attributed to Olympiodorus / L. G. Westerink. – Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1959. – 149 p.
22. Westerink, L. G. The Greek Commentaries on Plato's Phaedo / L. G. Westerink. – Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1976. – Vol. 1 – P. 20–32.
23. Wildberg, C. Philosophy in the Age of Justinian / C. Wildberg // Maas M. The Age of Justinian. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 316–340.

REFERENCES

1. Bolgova A.M. *Rannevizantijskie portrety: ritory, sofisty, filosofy* [Early Byzantine Portraits: Rhetoricians, Sophists, Philosophers]. Belgorod, Izd-vo BelGU, 2018. 404 p.
2. Bolgov N.N., Bolgova A.M. Stefan Aleksandrijskij – poslednij skholarh [Stephanos of Alexandria – The Last Scholarch]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2016, no. 2 (52), pp. 277-284.
3. Filatov K.A., ed. *Vizantijskij slovar': v 2 t.* [Byzantine Dictionary: In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2011, vol. 2. 591 p.
4. Zhizn' Platona [The Life of Plato]. *Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov* [Diogenes Laertius. On Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 629 p.
5. Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki: [v 8 t.]* [History of Ancient Aesthetics: In 8 Vols.]. Moscow, AST Publ., Kharkov, Folio Publ., 2000, vol. 7, book 1. 512 p., book 2. 544 p., vol. 8, book 2. 544 p.
6. Freyberg L.A., ed. *Pamjatniki vizantijskoj literatury IV–IX vekov* [Literary Monuments of Byzantine Literature of the 4th–9th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 480 p.
7. Bertholet M., Ruelle C.-M. *Collection des Anciens Alchimistes Grec.* Paris, Steinheil, 1887–1889, vol. 3. 708 p.
8. Beutler R. Olympiodorus. Pauly A.F. v., Wissowa G., eds. *Real-Encyclopaedie der Klassischen Altertumswissenschaft*, Stuttgart, J.B. Metzler, 1949, 13, 18.2, col. 207-228.
9. Stüve W., ed. Olympiodori in Aristotelis Meteora. *Commentaria in Aristotelem Graeca.* Berlin, Reimer, 1900, vol. 12, pt. 2. 406 p.
10. *Olympiodorus' Commentary on Platos Gorgias.* Leiden, Brill, 1998. 349 p.
11. Westerink L.G., ed. *Olympiodori in Platonis Gorgiam commentarii.* Leipzig, B.G. Teubner, 1970. 313 p.
12. Finckh C.E., ed. *Olympiodori philosophi scholia in Platonis Phaedonem.* Oxford, Oxford University, 1847. 343 p.
13. Busse A., ed. Olympiodori Prolegomena et in Categorias Commentarium. *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Berlin, Reimer, 1902, vol. 12, pt. 1. 590 p.
14. Opsomer J. Olympiodorus. *Late Antique Philosophy. The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity.* Cambridge, Cambridge University Press, 2010, vol. 2, pp. 696-710.
15. Saffrey H.D. Olympiodore d'Alexandrie. Goulet R. *Dictionnaire des philosophes antiques IV.* Paris, CNRS, 2005, pp. 769-771.
16. Taran L. *Anonymous Commentary on Aristotle's De Interpretatione (Codex Parisinus Graecus 2064).* Meisenheim am Glan, Anton Hain, 1978, pp. 55-98.
17. Tarrant H. Olympiodorus and the Surrender of Paganism. *Byzantinische Forschungen*, 1997, no. 24, pp. 181-192.
18. Viano C. *La matière des choses: Le livre IV des Météorologiques d'Aristote et son interprétation par Olympiodore.* Paris, Vrin, 2006. 409 p.
19. Watts E.J. An Alexandrian Christian Response to Fifth Century Neoplatonic Influence. Smith A., ed. *The Philosopher and Society in Late Antiquity: Essays in Honour of Peter Brown.* Swansea, Classical Press of Wales, 2005, pp. 215-229.
20. Watts E.J. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria.* Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2006. 302 p.
21. Westerink L.G. *Damascius: Lectures on the Philebus Wrongly Attributed to Olympiodorus.* Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1959. 149 p.
22. Westerink L.G. *The Greek Commentaries on Plato's Phaedo.* Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1976, vol. 1, pp. 20-32.
23. Wildberg C. Philosophy in the Age of Justinian. Maas M. *The Age of Justinian.* Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 316-340.

Information About the Author

Irina V. Zajceva, Doctor of Sciences (History), Deputy Head of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308000 Belgorod, Russian Federation, zajcevil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5374-0510>

Информация об авторе

Ирина Валерьевна Зайцева, доктор исторических наук, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308000 г. Белгород, Российская Федерация, zajcevil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5374-0510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

UDC 1(470+571)“19”
LBC 66.1(2)

Submitted: 03.12.2020
Accepted: 25.02.2021

**CERTAIN ATTITUDES TOWARDS BYZANTIUM
AS MANIFESTED IN THE RUSSIAN HISTORIOSOPHICAL LITERATURE
OF THE EARLY AND MIDDLE 19th CENTURY
(IVAN KIREYEVSKY, PETR CHAADAEV, ALEXANDER PUSHKIN, ARIST KUNIK)¹**

Dmitry S. Biriukov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk),
Novosibirsk, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* I expose in Ivan Kireyevsky a specific attitude to the Byzantium, which I qualify as byzantinocentric. *Methods and materials.* I use the historical method. Materials are Russian Historical and Publicistic Literature. *Analysis.* In the course of research, I identify two opposite lines in terms of perception of the image of Byzantium, manifested in the circle of Kireyevsky. One of these lines may be called anti-Byzantine, while the other Pro-Byzantine. The first line goes back to the anti-Byzantine message inherent for the age of Enlightenment. It found its expression in the “Lectures for the philosophy of history” by Georg Hegel, which became known in Russia soon after its publication. In this study, I point out in Kireyevsky the traces of an implicit polemic with Hegel’s anti-Byzantinism and reveal the context of this polemic in Russian literature. I find such a context in Arist Kunik’s papers. *Results.* This anti-Byzantine line is clearly seen in Petr Chaadaev, for whom the theme of the relationship of Russian civilization with the Byzantine was sensitive, because Chaadaev considered such a relationship very negatively. This view is the opposite of Kireyevsky’s one, for whom this relationship is also obvious, but Kireyevsky perceives it as happy. Alexander Pushkin – a close acquaintance of both Chaadaev and Kireyevsky (in pre-Slavophil period of the latter) – also recognizes this kinship and, like later Kireyevsky, perceives it as happy and beneficial for Russia (i.e. the both share the Pro-Byzantine line). At the same time, Pushkin’s view assumes freedom and the absence of determinism of Russia by Byzantium, which is inherent to Chaadaev’s position. The difference between Pushkin and Kireyevsky in this respect is that Kireyevsky’s byzantinocentrism includes the idea of a higher spiritual connection between Byzantium and Russia, whereas Pushkin leaves Russia free from Byzantium in this respect as well.

Key words: Byzantium, Russia, Ivan Kireyevsky, Alexander Pushkin, Georg V. F. Hegel, Petr Chaadaev, Arist Kunik, Slavophilism, philosophy of history, historiosophy.

Citation. Biriukov D.S. Certain Attitudes Towards Byzantium As Manifested in the Russian Historiosophical Literature of the Early and Middle 19th Century (Ivan Kireyevsky, Petr Chaadaev, Alexander Pushkin, Arist Kunik). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 16-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

**НЕКОТОРЫЕ ЛИНИИ ОТНОШЕНИЯ К ВИЗАНТИИ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НАЧАЛА – СЕРЕДИНЫ XIX в.
(И.В. КИРЕЕВСКИЙ, П.Я. ЧААДАЕВ, А.С. ПУШКИН, А.А. КУНИК)¹**

Дмитрий Сергеевич Бирюков

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск),
г. Новосибирск, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Я выявляю в славянофильском учении И.В. Киреевского особое, специфическое отношение к Византии («византийскому просвещению»), которое квалифицирую как византиноцентризм. *Методы и материалы.* Я использую стандартные исторические методы исследования. Материал – русская историко-публицистическая литература. *Анализ.* В ходе исследования выявлено две противоположные линии в плане восприятия образа Византии, проявляющиеся в круге Киреевского. Одну из этих линий можно назвать антивизантийской, другую – провизантийской. Первая линия восходит к антивизантийскому посланию, характерному для эпохи Просвещения; она нашла свое проявление в «Лекциях по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, которые стали известны в России вскоре после их публикации. В настоящем исследовании я указываю на следы в статье Киреевского «О характере просвещения Европы» имплицитной полемики с антивизантизмом Гегеля и выявляю контекст этой полемики в русской историко-публицистической литературе. Такой контекст я обнаруживаю в статьях А.А. Куника. *Результаты.* Эта просвещенческая антивизантийская линия ярко проявлена у П.Я. Чаадаева, для которого тема родственной связи русской цивилизации с византийской была острой – потому что Чаадаев рассматривал такое родство весьма негативно. Такой взгляд противоположен взгляду Киреевского, для которого эта связь также представляется очевидной, однако Киреевский воспринимает ее как счастливую. А.С. Пушкин – близкий знакомый как Чаадаева, так и Киреевского (еще в его дославянофильский период) – также признает эту родственную связь и, как и позднее Киреевский, воспринимает ее как счастливую и благотворную для России (то есть у обоих имеет место провизантийская линия). При этом взгляд Пушкина предполагает свободу и отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. Разница же между Пушкиным и Киреевским в этом плане в том, что византиноцентризм Киреевского включает в себя представление о некоей высшей духовной связи между Византией и Россией, тогда как Пушкин оставляет России свободу от Византии и в этом отношении.

Ключевые слова: Византия, Россия, И.В. Киреевский, А.С. Пушкин, Г.В.Ф. Гегель, П.Я. Чаадаев, А.А. Куник, славянофильство, философия истории, историософия.

Цитирование. Бирюков Д. С. Некоторые линии отношения к Византии, проявленные в русской историософской литературе начала – середины XIX в. (И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, А.А. Куник) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 16–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

Введение. Настоящая статья задумывалась как исследование предыстории идей одной из моих предыдущих статей, опубликованной в византийском номере «Вестника Волгоградского университета», посвященной философскому статусу паламизма и варлаамизма в русской религиозной философии 1910-х гг. [2]. Одна

из намеченных мною в этой статье линий, проводимых П.А. Флоренским и его кругом, связывала паламизм, как и ортодоксальное богословие вообще, с платонистической линией в истории философии. Я пришел к выводу, что эта линия в русской философии восходит по крайней мере к И.В. Киреевскому.

Методы и материалы. Это подтолкнуло меня к пристальному изучению историософского наследия Киреевского и его круга, чтобы, используя исторические и историософские методы, понять контекст, логику и внутренние причины проводимой Киреевским квалификации византийской богословской мысли как платонической в своей сути. Мои исследования этого вопроса еще далеки от завершения, однако изучение соответствующих текстов позволило поставить перед собой новые вопросы и сделать наблюдения, лишь косвенно относящиеся к изначальному вопрошанию. Эти наблюдения и предлагаются на суд читателя.

Анализ. В середине XIX в. – после «греческого проекта» Екатерины II, но до появления в России академической византистики – в русской интеллектуальной культуре начинает играть заметную роль образ Византии. Мною используется слово «образ» потому, что в XIX в. до появления академической византистики когда шла речь о Византии, как правило, использовалось и обсуждалось не столько представление о Византии в ее конкретно-историческом содержании, сколько понятие, нагруженное содержанием идеологическим (и в частности, политическим). В свою очередь, это идеологическое содержание несло в себе как коннотации, сформированные в европейской культуре ранее, в XVII и начале XIX в., так и коннотации, сформировавшиеся к середине XIX в. и соответствующие нуждам этого времени.

Так, Византия играет ключевую роль в программной статье представителя славянофильского движения Ивана Васильевича Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому)», опубликованной в 1-м (единственном изданном) томе альманаха славянофилов «Московский сборник» за 1852 г.² (с. 1–68)³. Здесь Киреевский проводит представление о Византии как о цивилизации, воплотившей совершенный тип просвещения, в рамках которого достигим совершенный вид познания (именно такую историософскую позицию я и называю «византиноцентрической»). В этом качестве Византия, в аспекте того типа просвещения, который воплощает собой эта цивилизация, фак-

тически предстает у Киреевского в качестве идеального «Я» по отношению к России, унаследовавшей у Византии этот вид просвещения, но не воплотившей его еще в полной мере. По крайней мере, такая историософия просматривается в сочинении Киреевского «О характере просвещения Европы»; образ же Византии, представленный в более поздней программной статье Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856), более сложен, но его я здесь касаться не буду.

«Византия» Киреевского существовала не в пустом пространстве. Был ряд мыслителей, в том числе друзей и идейных противников (что совсем не исключало друг друга) нашего автора, высказывавших те или иные представления о Византии, которые – насколько можно судить – возмущали Киреевского, или же которые были ему симпатичны. Надо сказать, что в эпоху Киреевского в общественном мнении превалировало видение Византии скорее в черных тонах (об источниках этого я еще скажу), и в окружении Киреевского отношение к Византии в основном было либо откровенно негативное, либо, если не негативное, то далекое от идеализации; видение же Византии такое, которое разделял Киреевский, было скорее редкостью.

Этот спектр позиций, фон и контекст византизма Киреевского я и хочу освятить в ряде исследований, первое из которых представляет собой данная статья. Ни одно из известных мне комментированных изданий статьи Киреевского «О характере просвещения Европы» не касалось этого контекста: ни академические издания с комментариями Ю.В. Манна [4, с. 418–420 (примечания)] и В.Н. Грекова [16, с. 930–963 (комментарии)], ни более популярные издания с комментариями Н.Ю. Лазаревой [9, с. 502–517 (комментарии)]; 6, с. 398–414 (комментарии)].

Известные мне единичные исследования, где затрагивается вопрос об образе Византии в русской культуре XIX в., также не проводят анализа этого контекста, и даже не осознают особенности византиноцентрической позиции И. Киреевского на фоне эпохи. Так, И.Ф. Мейендорф в статье «Византийское влияние на русскую цивилизацию» вообще не замечает византизма, присутствовавшего в славяно-

фильском движении [13, с. 662; пер. с изд.: 28], а Сергей Иванов в своей обзорной статье, посвященной образу Византии в русской культуре от эпохи Древней Руси до Путина, ведет речь лишь про одного из симпатизантов раннего славянофильства – Федора Тютчева и не упоминает Киреевского [26, р. 60 (о Тютчеве)]. Дмитрий Оболенский в своей обзорной статье [30]⁴ (републиковано в: [29, р. 193–204]) упоминает (мимоходом) и Киреевского, и еще одного из героев моих исследований – Т.Н. Грановского, но его изложение этого материала очень краткое и не нацелено на анализ деталей.

Византиноцентризм И.В. Киреевского. Сначала я более подробно коснусь содержания соответствующих статей Киреевского, и в первую очередь его статьи «О характере просвещения Европы».

Мыслитель начинает свое сочинение с полемики со взглядом, по которому «наша», то есть российская образованность полностью определяется современной образованностью (просвещения) Западной Европы, по отношению к которой «мы» находимся в позиции учеников. Киреевский указывает на Петра I как на ярчайшего представителя и проводника такого взгляда, политика которого сформировала в России социальный класс, разделяющий эти убеждения [7, с. 249–250]. Однако, считает Киреевский, плоды данного современного западноевропейского (или просто: европейского) просвещения оказались разочаровывающими для людей, которые мыслят исходя не из сиюминутных интересов [7, с. 250–251]. Причиной явился характер этого просвещения, для которого характерна односторонность, холодный анализ, отвлеченно-силлогистическое мышление, замкнутость на личном опыте и собственном рассудке. В свою очередь, такой характер просвещения сформировался по причине происшедшей в ходе исторического процесса абсолютизации особенностей мировосприятия западного, или римского средневекового христианства (пропитанного еще дохристианским римским менталитетом), которое вследствие разделения церковью и иными причинами развивалось на Западе односторонне [7, с. 257–258, 296–297].

Коллективный разум Европы, утверждает Киреевский, в его эпоху достиг собствен-

ных границ и осознания этих границ; он убедился, что для полноценного мышления требуются иные источники познания, чем те, которые мышление может обрести в себе самом [7, с. 252–253]. По Киреевскому, фигура философа аккумулирует жизнь и сознание народа, к которому он принадлежит [7, с. 252], и в случае народов Западной Европы, образующих духовное единство (ср. [7, с. 256]), фигурой, воплотившей это осознание философией собственных границ, является Фридрих Шеллинг [7, с. 270–271], а соответствующей философской системой, в которой философия достигает своих границ, является учение Шеллинга периода его философии Откровения. Достигнув таким образом границ, считает Киреевский, западная философия не способна развиваться далее исходя из собственных оснований [7, с. 271]. Вследствие этого разочарования, вызванного самой природой западноевропейского просвещения, европейский человек (и западно-, и восточноевропейский, то есть русский человек) утерял веру в возможности разума и стоит на распутье. Он может оставаться в наличном, разлагающем положении, либо вернуться к утерянной первоначальной чистоте основополагающих начал [7, с. 253].

Согласно Киреевскому, такая чистота воплощена в альтернативном к западноевропейскому византийском (точнее: византийско-христианском) типе просвещения и, соответственно, в просвещении древнерусском, которое является продолжением просвещения византийского, поскольку Древняя Русь переняла христианство из Византии, причем с чистого листа, не будучи отягощенной античным элементом в своей национальной культуре [7, с. 258–259]. И хотя на старте своего просвещения уровень образованности в России был не хуже западного, дальнейшее развитие русской образованности осуществлялось не без препятствий. В современной Киреевскому России (то есть в середине XIX в.), по его оценке, слишком превалирует западноевропейский тип просвещения, а византийский и древнерусский тип просвещения слабо проявлен и присутствует в основном в скрытом виде, нуждаясь в выявлении [7, с. 255].

Исторический контекст византиноцентризма И.В. Киреевского: вопросы. Этот выраженный византиноцентризм И.В. Ки-

реевского, представляющий собой внутренне-цельную позицию, послужит для меня ориентиром и отправной точкой для исследования линий отношения к Византии (и их исторического контекста), проявленных в русской историко-публицистической литературе начала – середины XIX в., то есть в литературе, представляющей собой контекст позиции Киреевского. Исследование этих линий послужит прояснению двух стоящих передо мною вопросов: узкого и широкого. Узкий вопрос связан с необходимостью прояснения специфики византиноцентрической позиции Киреевского на фоне эпохи, поскольку специфика этой позиции станет более очерченной, если мы взглянем в ее исторический фон. Стоящий же передо мною широкий вопрос связан с выявлением линий отношения к Византии в русском образованном обществе XIX в., при том что, по моему наблюдению, византийская цивилизация нередко понималась русскими мыслителями как имеющая родственную – точнее, родительскую – связь с цивилизацией русской. В связи с этим мне представляется важным исследовать спектр отношений различных русских мыслителей к этому родству. Действительно, такое родство может рассматриваться – на одном полюсе отношения – как несчастливое, как происхождение от злого родителя, и на другом полюсе оно может восприниматься как счастливое стечение родственных обстоятельств, дающее отпрыску благоприятные возможности, которых нет у других. Соответствующие полюсы ярко выражены у круга Киреевского (в который входит и он сам). Мы увидим это ниже.

Итак, контекст византиноцентризма Киреевского представляет собой картину с переплетением различных линий, как «провизантийского», так и «антивизантийского» характера. Я начну с последних.

Византия П.Я. Чаадаева. Очевидная полемическая линия для Киреевского в этом отношении связана с известным «антивизантийским» высказыванием из первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева⁵ (написано в 1828–1829 гг., напечатано в русском переводе в 1836 г. в № 15 [т. XXIV] журнала «Телескоп»), где последний выражает позицию, полностью противоположную исходным интуициям Киреевского: русский народ испы-

тал сущностное влияние Византии, однако Византия рассматривается Чаадаевым в совершенно негативном ключе и влияние ее понимается как исключительно негативное. А именно, Чаадаев связывает несчастливую судьбу России с тем фактом, что «мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к жалкой Византии» [23, с. 331]⁶. Противоположный взгляд высказывается Чаадаевым в его тексте «Ответ на статью А.С. Хомякова “О сельских условиях”» [23, с. 543], однако современные комментаторы текстов Чаадаева правдоподобно утверждают, что здесь у него звучит скорее ирония [23, с. 745–746].

Выражаемый Чаадаевым негативный образ Византии, связывающий Византию и византизм с моральным разложением, имеет длительную историю, восходящую к эпохе Просвещения. Эссенцией такого взгляда является фундаментальный многотомный труд британского историка Эдварда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1789), охватывающий в том числе историю византийской империи, рассматриваемой им как разложение Римской. Из самого названия этой книги видно, под каким углом зрения Гиббон смотрит на Византию.

Антивизантизм Г.В.Ф. Гегеля. И.В. Киреевский и А.А. Куник. Подобный взгляд (ср. [27, р. 5]) выражен и Георгом В.Ф. Гегелем в его «Лекциях по философии истории» (Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte) – труде, который был хорошо известен в России⁷ (так же как, впрочем, и книга Гиббона). Лекции по философии истории читались Гегелем в Берлинском университете в 1822, 1828 и 1830 гг. и изданы в их каноническом и полном варианте сыном Гегеля Карлом в 1840 г., уже после его смерти. В гегелевских лекциях проводится мысль о разумном принципе, присутствующем в изменениях, происходящих в ходе мировой истории. В плане составляющих историю элементов, проявленных в ходе нее, Гегель различает детский период, соответствующий Восточному миру, период юности – Греческий мир, период возмужалости – Римский мир и период зрелости – Германский мир. Византии в этой схеме Гегель отводит довольно скром-

ное место и посвящает ей несколько страниц (третья глава третьего отдела третьей части «Лекций») [25, S. 406–412; 5, с. 353–357]. Разделяя тот же взгляд, что и Гиббон, Гегель рассматривает Византию как излет Римской империи, а византийскую историю – как упадок римской. Гегель считает, что христианская идея не могла найти для себя адекватного воплощения в увядавшем Римском обществе, то есть в обществе, в котором она зародилась. И таким обществом, пригодным для воплощения идеи христианства, послужила вышедшая на мировую арену Германская цивилизация. Таким образом, Византия у Гегеля оказывается не включенной в ход развития Мирового Духа⁸. Более конкретно, Гегель утверждает, что византийское государство – это пример того, как христианство может оставаться в государстве абстрактным принципом, не проявленным в жизни народа [25, S. 409; 5, с. 356]. Следуя, вероятно, Гиббону, Гегель видит в ходе византийской истории лишь моральное разложение⁹.

Взгляд на Византию, представленный в «Лекциях по философии истории» Гегеля, бесспорно, представляет собой значимый полемический контекст для «византизма» Киреевского. О том, что наш автор был основательно знаком с «Философией истории» Гегеля, свидетельствует тот факт, что он делает очевидную отсылку к гегелевской «Философии истории» в статье «О характере просвещения Европы», настаивая на том, что философия византийских отцов Церкви представляет собой особую философию, отличную от остальных философских направлений и, в качестве выводящей разум за пределы рассудка, отличающуюся особой глубиной и богатством. Эта византийская философия, по Киреевскому, не оценена западными мыслителями и почти им неизвестна. «По крайней мере, – пишет Киреевский, – ни один философ, ни один историк философии, не упоминает об ней, хотя в каждой истории философии находим мы длинные трактаты о философии Индейской (то есть индийской. – Д. Б.), Китайской и Персидской» [7, с. 272]. Именно здесь я нахожу полемическую отсылку Киреевского к гегелевской «Философии истории»: действительно, три отдела первой части «Лекций по философии истории» Гегеля посвяще-

ны именно Индии, Китаю и Персии [25, S. 147–225; 5, с. 155–250]¹⁰.

Впрочем, еще до написания Киреевским статьи «О характере просвещения Европы» в русском литературном пространстве звучала критика гегелевской оценки Византии (так же как и славянства), данная в его «Лекциях по философии истории». Немец Арист Куник (Ernst-Eduard Kunick), историк, в первый раз приехавший в Москву в 1839 г., а затем ставший в России академиком по русской истории в Академии наук, опубликовал, благодаря симпатизировавшему ему М.П. Погодину, в погодинском «Москвитянине» за 1841 г. большую обзорную статью, посвященную исторической литературе в Германии за последние два года¹¹.

В этой статье, в которой просматривается его желание выступить «в роли беспристрастного посредника между славянской и немецкой наукой» [12, с. 1460], Куник касается и только что изданных в Германии «Лекций по философии истории» Гегеля. Соответственно, он критикует германоцентричность гегелевской философии истории и недооценивание значения византийского и славянского начал в мировой истории и развитии христианства: «Главнейшая его (Гегеля. – Д. Б.) ошибка состоит в том, что он, как германец, придает слишком высокое всемирное историческое значение тому племени, от которого происходит сам, и, относительно христианского периода, выставляет германцев как единственных и главных блюстителей христианства. И поэтому постепенное возрастание славянства и греческой Церкви, так же как и возможность их будущего значения, остаются закрытыми от взоров Гегеля» [10, с. 128].

Таким образом, в русской литературе полемика с гегелевской германоцентрической схемой философии истории, которая не придает Византии (и славянству) исторического значения, сначала – и впервые – подверглась за это критике Аристом Куником (в 1841 г., почти сразу после выхода полного варианта гегелевских «Лекций по философии истории»), а после, десять лет спустя, и Киреевским.

Следы этой критики гегелевской историософской схемы можно обнаружить в сочинениях Куника и далее. Они обнаруживаются в его известном докладе «Почему Византия

дныне остается загадкой во всемирной истории?»), произнесенном, когда он стал уже академиком, в Академии наук 11 ноября 1853 г., а затем опубликованном в академических Ученых записках. Появление этого доклада и соответствующей статьи можно связать с тем, что Куник являлся горячим сторонником изучения Византии в России и способствовал возникновению российского академического византиноведения¹². В этой статье Куник отстаивает взгляд о неверности представления истории Византии и зависимых от ее культуры славянских стран как «добавочных статей во всеобщей истории». Куник настаивает, что византино-славянские народы представляют собой не менее органичную часть средневековой мировой истории, чем романо-германские [11, с. 428].

Отмечу также, что выделенная мною антивизантийская линия была весьма влиятельной в русской исторической и публицистической литературе первой половины – середины XIX века. Помимо Чаадаева, ее можно встретить, например, у А.И. Герцена (в сочинениях которого антивизантизм ярко выражен и разбросан по разным текстам), который был близким знакомым Киреевского, или же у писателя и публициста А.П. Милюкова, которому симпатизировал и герценовский круг [1, с. 718]. Милюков в своем «Очерке истории русской поэзии» (1-е издание: СПб., 1847), полемизируя со славянофилами [14, с. 7]¹³, отстаивает значимость норманнского влияния на происхождение и культуру древнерусского народа; и соответственно, византийское влияние на древнерусскую литературу, противопоставленное скандинавскому влиянию, Милюков оценивает как бесплодное и схоластическое [14, с. 9–10, 15, 27 и др.].

Византия А.С. Пушкина. Ближайший контекст византиноцентризма Киреевского включал в себя и определенную провизантийскую линию. Она состояла в признании благотворного влияния византийской языковой стихии на формирование славянского, древнерусского языка. Так, эта линия проявлена у А.С. Пушкина (входившего в круг общения молодого Киреевского¹⁴).

Прежде чем сказать о ней, очерчу контуры историософии, разделяемой Пушкиным, которая касается Византии в ее отношении к

русскому народу. Эта историософия выражена в неопубликованном, сохранившемся в черновиках тексте Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (последний вариант текста: 1834 г.), а также в отражающем те же мысли его письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года. В этом письме Пушкин благодарит Чаадаева за присланную брошюру – как следует из контекста, это том «Телескопа» с первым «Философическим письмом» Чаадаева¹⁵, о котором я вел речь выше. Он полемизирует с выраженным в этом «Философическом письме» радикальным антивизантизмом Чаадаева и с его позицией о несчастье судьбы русского народа из-за перенятого им византийского наследия. В своем письме к Чаадаеву и в статье Пушкин говорит, что разделение церковью (и, соответственно, следование Россией византийскому изводу христианства) отделило Россию от Запада и хода западной истории с его потрясениями, но по этой же причине «у нас было свое особое предназначение». Пушкин не принимает всерьез утверждения Чаадаева о том, что «источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема». По Пушкину, нравы Византии не оказали существенного влияния на Русь, но при этом «мы» взяли из Византии «Евангелие и предания»¹⁶, а русское духовенство хоть и в скромной мере, но заимствовало византийскую образованность [19, с. 432]. Все это Пушкин, как следует из контекста, рассматривает позитивно.

Позитивный полюс этого умеренно-положительного отношения Пушкина к византийскому наследию в русской культуре проявился в его более ранних рассуждениях о том, что русский язык обязан своей красотой и выразительностью языку греческому, одарившему его этими свойствами. Эти мысли Пушкин развивает в своей статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова», опубликованной в «Московском телеграфе» за 1825 г. (ч. V, № 17). Пушкин видит счастливость русского языка по отношению к европейским в том, что он был сформирован на основе греческого: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке

древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи <...>. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность» [20, с. 27]¹⁷.

Таким образом, отношение Пушкина к Византии и статусу ее наследия в русской культуре представляется срединным между крайними полюсами позиций Киреевского и Чаадаева. В отличие от Чаадаева, видевшего историческую неудачливость русского народа в восприятии им византийского наследия как преобладающего в своем развитии, Пушкин видит в этом скорее удачу русских. «Темная сторона» византийцев его не пугает, поскольку он признает свободу в развитии русского народа, отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. При этом, в отличие от позднего Киреевского (взгляды которого Пушкин не успел узнать), Пушкин не разделяет представления о некоей высшей духовной связи и единстве, наличествующем между Византией и Россией, и оставляет России свободу от Византии и в этом смысле.

Результаты. Итак, мой взгляд на публицистическое наследие И.В. Киреевского выделяет в его славянофильском учении особое, специфическое отношение к Византии («византийскому просвещению»), которое я квалифицирую как византиноцентризм. В настоящей статье я описываю специфику отношения Киреевского к Византии, а также предлагаю материал, способствующий прояснению двух стоящих передо мною вопросов. Один из этих вопросов – более узкий – связан с необходимостью анализа образа Византии у мыслителей круга Киреевского с целью более глубокого понимания специфики византиноцентрической позиции Киреевского, как данной в контексте его эпохи. Другой – широкий – вопрос связан с тем, что, по моему наблюдению, византийская цивилизация нередко понималась русскими мыслителями как имеющая родительскую связь с цивилизацией русской. В связи с этим мне представляется важным исследовать спектр отношений различных русских мыслителей к такому родству.

В ходе исследования я выявил две противоположные линии в плане восприятия образа Византии, проявляющиеся в круге Киреевского (в который входит и он сам). Одну из этих линий можно назвать антивизантийской, другую – провизантийской. Первая линия восходит к антивизантийскому посланию, характерному для эпохи Просвещения; она нашла свое проявление в «Лекциях по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, которые стали известны в России вскоре после их публикации. В данном исследовании я указываю на следы в статье Киреевского «О характере просвещения Европы» имплицитной полемики с антивизантизмом Гегеля и выявляю контекст этой полемики в русской историко-публицистической литературе. Такой контекст я обнаруживаю в опубликованных в русской печати статьях А.А. Куника – немецкого историка, переехавшего в Россию и сделавшего академическую карьеру. Эта просвещенческая антивизантийская линия (еще не индуцированная Гегелем) ярко проявлена у П.Я. Чаадаева, для которого тема родственной связи русской цивилизации с византийской была острой и, можно сказать, травматичной – но именно потому, что Чаадаев рассматривал такое родство как несчастливый фатум русского народа, а «родителя» – Византию – считал презренной. Такой взгляд противоположен взгляду Киреевского, для которого эта связь также представляется очевидной, однако Киреевский воспринимает ее как счастливую. А.С. Пушкин – близкий знакомый как Чаадаева, так и Киреевского (еще в его дославянофильский период) – также признает эту родственную связь и, как и позднее Киреевский, воспринимает ее как счастливую и благотворную для России (то есть у обоих мы находим провизантийскую линию). При этом взгляд Пушкина предполагает свободу и отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. Разница же между Пушкиным и Киреевским в этом плане в том, что византиноцентризм Киреевского включает в себя представление о некоей высшей духовной связи между Византией и Россией, тогда как Пушкин оставляет России свободу от Византии и в этом отношении.

Мои исследования показывают, что предложенным выше материалом контекст визан-

тиноцентризма И.В. Киреевского далеко не исчерпывается. Так, непосредственный контекст в этом отношении составляют публичные лекции Т.Н. Грановского по истории средних веков 1843–1844 гг., прочитанные в Московском университете, и ответные публичные лекции по истории русской словесности С.П. Шевырева, а также другие авторы и тексты. Но этот материал я рассмотрю в последующих публикациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

This research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, the project No. 20-68-46021, “Slavophilism in Its Religious and Philosophical Dialogue: 1836–1917”.

² Те же идеи, в менее развернутом виде, выражены И.В. Киреевским в статье «В ответ А.С. Хомякову» (1839) и в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856).

³ В этом издании сочинение И.В. Киреевского было опубликовано с цензурными сокращениями. Без цензурных правок впервые оно было опубликовано в издании [8, с. 174–222]. Здесь реконструкция полного текста была осуществлена М.О. Гершензоном на основании статьи [3].

⁴ Я благодарю В.М. Лурье, обратившего мое внимание на эту публикацию.

⁵ О взаимоотношениях Чаадаева и Киреевского см.: [15, с. 304].

⁶ Русский перевод с небольшими изменениями. Французский оригинальный текст: «nous allions chercher dans la misérable Byzance... le code moral qui devait faire notre éducation» [23, с. 97].

⁷ Так, гегелевская философия истории составляет важный контекст для фундаментальной историософии А.С. Хомякова, выраженной в его «Семирамиде».

⁸ Ср. хорошее описание византийского элемента в гегелевской историософии у младшего современника Киреевского М.М. Стасюлевича [22, с. 474–475].

⁹ «История высокообразованной Восточной римской империи, где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет нам тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину.

<...> В Византии христианство попало в руки подонков и необузданной черни. С одной стороны грубая дикость, с другой стороны придворная низость оправдывают себя религией и оскверняют ее, обращая ее в нечто позорное» [5, с. 355–356; 25, S. 408–409].

¹⁰ Этот факт не отмечен в известных мне исследованиях, касающихся наследия философии Гегеля у славянофилов и И. Киреевского, и в частности, в фундаментальном исследовании Д.И. Чижевского «Гегель в России» [31] (современное издание на русском языке: [24]).

¹¹ Эта статья была написана Куником еще на немецком языке (в дальнейшем, живя в России продолжительное время, Куник писал уже на русском) и опубликована в «Москвитянине» в переводе П. Пяттерикова.

¹² В частности, Куник способствовал появлению в России первого (и существующего до сих пор) специализированного периодического академического издания, посвященного Византии – журнала «Византийский Временник», см. [12, с. 1472].

¹³ У меня был доступ только ко второму изданию этой книги 1858 года.

¹⁴ Переписка Пушкина и Киреевского опубликована в издании [17]. Об отношениях Пушкина и Чаадаева см. [18].

¹⁵ Публикаторы этого письма Пушкина (Л.Б. Модзалевский, И.М. Семенко, Б.В. Томашевский) не отражают в комментариях того, о какой брошюре могла идти речь, однако из датировки письма Пушкина и его содержания несомненно следует, что речь идет о 15-м номере «Телескопа» за 1836 г., в котором было опубликовано первое «Философическое письмо» Чаадаева.

¹⁶ Русский перевод: [21, с. 866–867]. Французский оригинал: [21, с. 595–596].

¹⁷ О провизантийской позиции Пушкина, выраженной в его рассуждениях о русском языке, и об историческом контексте этой позиции см. [4, с. 18–19, примеч. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.А. Чумиков – Герцену. Публикация М.Я. Полякова. Письмо от 5 августа 1851 г. // Литературное наследство. Т. 62. Герцен и Огарев II. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 710–725.

2. Бирюков Д. С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 34–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.3>.

3. Веневитинов, М. А. И. В. Киреевский и цензура «Московского сборника» / М. А. Веневитинов // Русский архив. – 1897. – Кн. 10. – С. 287–291.
4. Виноградов, В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М.; Л.: АКАДЕМИА, 1935. – 462 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; пер. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
6. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. – 445 с.
7. Киреевский, И. В. Критика и эстетика / И. В. Киреевский; сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. – М.: Искусство, 1979. – 439 с. – (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).
8. Киреевский, И. В. Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. I / И. В. Киреевский; под ред. М. Гершензона. – М.: Путь, 1911. – 289 с.
9. Киреевский, И. В. Разум на пути к истине: философские статьи, письма, дневник / И. В. Киреевский. – М.: Правило веры, 2002. – 663 с.
10. Куник, А. Литература истории в Германии за последние два года (окончание) [Ч. 2] / А. Куник // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. – 1841. – Ч. III, № 5. – С. 68–130.
11. Куник, А. А. Почему Византия донныне остается загадкой во всемирной истории? / А. А. Куник // Ученые Записки Императорской Академии наук по I и III отделениям. Т. II. – СПб., 1853. – С. 423–454.
12. Лаппо-Данилевский, А. С. Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов (с портретом) / А. С. Лаппо-Данилевский // Известия Императорской Академии наук. – Петроград, 1914. – С. 1455–1479.
13. Мейендорф, И., протопресв. Церковь в истории. Статьи по истории Церкви: [пер. с англ. и фр.] / И. Мейендорф; сост. И. В. Мамаладзе; авт. предисл. и науч. ред. П. Б. Михайлов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – XXXII, 1010 с.
14. Милюков, А. П. Очерк истории русской поэзии / А. П. Милюков. – Второе, доп. изд. – СПб., 1858. – 236 с.
15. Милюков, П. Главные течения русской исторической мысли / П. Милюков. – М., 1897. – Т. 1. – 308 с.
16. Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. – СПб.: Наука, 2014. – 1308 с. – (Серия «Литературные памятники»).
17. Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1982. – 574 с. – (Переписка русских писателей).
18. Пугачев, В. В. Пушкин и Чаадаев / В. В. Пугачев // Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого. – М.: Наука, 1973. – С. 101–111.
19. Пушкин, А. С. О ничтожестве литературы русской / А. С. Пушкин // Литературное наследство. Т. 16–18. Александр Пушкин. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – 1183 с.
20. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. VII. – 768 с.
21. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. X. – 899 с.
22. Стасюлевич, М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории / М. Стасюлевич. – СПб., 1866. – 506 с.
23. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 1 / П. Я. Чаадаев; под ред. З. А. Каменского. – М.: Наука, 1991. – 801 с.
24. Чижевский, Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – СПб.: Наука, 2007. – 411 с.
25. Hegel, G. W. F. Werke, Band 12. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte / G. W. F. Hegel. – Suhrkamp Verlag AG, 1989. – 568 S.
26. Ivanov, S. A. The second Rome as seen by the third: Russian debates on “the Byzantine legacy” / S. A. Ivanov // The Reception of Byzantium in European Culture since 1500 / ed. by P. Marciniak, D. C. Smythe. – L.; N. Y.: Routledge, 2016. – P. 55–79.
27. Marciniak, P. Introduction / P. Marciniak, D. C. Smythe // The Reception of Byzantium in European Culture since 1500 / ed. by Przemyslaw Marciniak and Dion C. Smythe. – L.; N. Y.: Routledge, 2016. – P. 1–8.
28. Meyendorff, J. The Byzantine Impact on Russian Civilization / J. Meyendorff // Windows on the Russian Past: Essays on Soviet Historiography since Stalin. – Columbus, OH, 1977. – P. 45–56.
29. Obolensky, D. Byzantium and the Slavs: Collected Studies / D. Obolensky. – L.: Variorum Reprints, 1971. – 323 p.
30. Obolensky, D. Modern Russian Attitudes to Byzantium / D. Obolensky // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinische Gesellschaft. – 1966. – № 15. – P. 61–72.
31. Tschizewskij, D. Hegel in Rußland / D. Tschizewskij. – Halle, 1934.

REFERENCES

1. A.A. Chumikov – Gercenu. Publikacija M.Ja. Poljakova. Pis'mo ot 5 avgusta 1851 g. [A.A. Chumikov to Herzen. Publication by M.Ya. Polyakov. Letter of August 5, 1851]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 62. Gercen i Ogarev II* [Literary Heritage. Vol. 62. Herzen and Ogarev 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1952, pp. 710-725.

2. Birjukov D.S. Issledovaniye retseptsii palamizma v russkoy mysli nachala XX v.: vopros o filosofskom statuse palamizma i varlaamizma, ego resheniya i kontekst [The Reception of Palamism in Russian Thought in the Early 20th Century: The Issue of the Philosophical Status of Palamism and Barlaamism, Its Solutions and Context]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 34-47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.3>.
3. Venevitinov M.A. I.V. Kireevskij i cenzura «Moskovskogo sbornika» [I.V. Kireyevsky and the Censorship of the “Moskovskiy sbornik” (“Moscow Collection”)]. *Russky arkhiv*, 1897, book 10, pp. 287-291.
4. Vinogradov V.V. *Jazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo jazyka* [Pushkin’s Language. Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 462 p.
5. Gegel’ G.V.F. *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p.
6. Kireevskij I.V. *Duhovnye osnovy russkoj zhizni* [Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2007. 445 p.
7. Kireevskij I.V. *Kritika i jestetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 439 p. (Series: “History of Aesthetics in Monuments and Documents”).
8. Kireevskij I.V. *Polnoe sobranie sochinenij. V 2 t. T. I* [Complete Collection of Works. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Put’ Publ., 1911. 289 p.
9. Kireevskij I.V. *Razum na puti k istine: filosofskie stat’i, pis’ma, dnevnik* [The Mind on the Path to Truth: Philosophical Articles, Letters, Diary]. Moscow, Pravilo very Publ., 2002. 663 p.
10. Kunik A. Literatura istorii v Germanii za poslednie dva goda (okonchanie) [Ch. 2] [The Literature of History in Germany over the Past Two Years (Ending) [Part 2]]. *Moskvityanin*, 1841, part 3, no. 5, pp. 68-130.
11. Kunik A.A. Pochemu Vizantiya donyne ostaetsja zagadkoj vo vseмирnoj istorii? [Why Does Byzantium to This Day Remain a Mystery in World History?]. *Uchenye Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk po I i III otdelenijam. T. II* [Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences, Departments 1 and 3. Vol. 2]. Saint Petersburg, 1853, pp. 423-454.
12. Lappo-Danilevskij A.S. Arist Aristovich Kunik. Oчерk ego zhizni i trudov (s portretom) [Arist Aristovich Kunik. Outline of His Life and Works (With Portrait)]. *Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd, 1914, pp. 1455-1479.
13. Mejendorf I. *Cerkov’ v istorii. Stat’i po istorii Cerkvi* [The Church in History. Articles on the History of Church]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2018. XXXII, 1010 p.
14. Miljukov A.P. *Oчерk istorii russkoj poezii* [Essay on the History of Russian Poetry]. Saint Petersburg, 1858. 236 p.
15. Miljukov P. *Glavnye techenija russkoj istoricheskoy mysli* [Main Trends of Russian Historical Thought]. Moscow, 1897, vol. 1. 308 p.
16. Grekov V.N., ed. *Moskovskij sbornik* [Moscow Collection]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2014. 1308 p. (Series: “Literary Works”).
17. *Perepiska A.S. Pushkina. V 2 t. T. 2* [Correspondence of Alexander Pushkin. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 574 p. (Series: “Correspondence of Russian Writers”).
18. Pugachev V.V. Pushkin i Chaadaev [Pushkin and Chaadaev]. *Sbornik statej k 80-letiju chlenakorrespondenta AN SSSR D.D. Blagogo* [Collection of Articles for the 80th Anniversary of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences D.D. Blagoy]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 101-111.
19. Pushkin A.S. O nichtozhestve literatury russkoj [On Insignificance of Russian Literature]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 16–18. Aleksandr Pushkin* [Literary Heritage. Vols. 16–18. Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob’edinenie Publ., 1934. 1183 p.
20. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah* [Complete Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 7. 768 p.
21. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah* [Complete Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 10. 899 p.
22. Stasjulevich M. *Opyt istoricheskogo obzora glavnyh sistem filosofii istorii* [Experience of Historical Overview of the Main Systems of Philosophy of History]. Saint Petersburg, 1866. 506 p.
23. Chaadaev P.Ja. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis’ma. V 2 t. T. I* [Complete Collection of Works and Selected Letters. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 801 p.
24. Chizhevskij D.I. *Gegel’ v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p.
25. Hegel G.W.F. *Werke, Band 12. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Suhrkamp Verlag AG 1989. 568 S.
26. Ivanov S.A. The Second Rome as Seen by the Third: Russian Debates on “The Byzantine Legacy”. Marciniak P., Smythe D.C., eds. *The*

Reception of Byzantium in European Culture Since 1500. London, New York, Routledge, 2016, pp. 55-79.

27. Marciniak P., Smythe D.C. Introduction. Marciniak P., Smythe D.C., eds. *The Reception of Byzantium in European Culture Since 1500*. London, New York, Routledge, 2016, pp. 1-8.

28. Meyendorff J. The Byzantine Impact on Russian Civilization. *Windows on the Russian Past*:

Essays on Soviet Historiography Since Stalin. Columbus (Ohio), 1977, pp. 45-56.

29. Obolensky D. *Byzantium and the Slavs: Collected Studies*. London, Variorum Reprints, 1971. 323 p.

30. Obolensky D. Modern Russian Attitudes to Byzantium. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinische Gesellschaft*, 1966, no. 15, pp. 61-72.

31. Tschizewskij D. *Hegel in Rußland*. Halle, 1934.

Information About the Author

Dmitry S. Biriukov, Doctor of Sciences (Philosophy), PhD, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk), Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation; Researcher, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St, 20, 101000 Moscow, Russian Federation, dbirjuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3000-0864>

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Бирюков, доктор философских наук, PhD, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация; научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Российская Федерация, dbirjuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3000-0864>

ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.3>

UDC 94(410)«6/7»
LBC 63.3(4)4

Submitted: 30.03.2020
Accepted: 08.07.2020

ALDHELM'S *DE VIRGINITATE* AND ANGLO-SAXON NUNS AT THE TURN OF THE 7th – 8th CENTURIES

Irina I. Boldyreva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The publication focuses on the prose treatise *De virginitate*, composed by Anglo-Saxon Church author Aldhelm at the turn of the 7th–8th centuries. The work was written for the nuns of the double monastery of Barking and its abbess Hildelith. The treatise has not received proper attention in domestic historiography. The purpose of this article is to study *De virginitate* in the context of associated with double monasteries social, cultural, and historical realities of Aldhelm's day Britain. *Methods and materials.* The study is based on textual, historical, and cultural methods. The treatises of individual Church Fathers and a wide corpus of narrative testimonies, provided by Anglo-Saxon Church writers, have been used. *Analysis.* It is shown that in his epistle to the nuns of Barking Aldhelm not only derived from the previous tradition of praising virginity, but produced original writing that has preserved unique features of the environment in which he and his dedicatees moved. Among these features the following are emphasized: the presence of a large number of formerly married noblewomen in Anglo-Saxon double monasteries, the use of luxury, the wide spread of epistolary contacts in the clerical circles, the high level of aristocratic nuns' education, and a large share of intellectual activity in their daily life. *Results.* Rhetorical, conceptual, and structural peculiarities of Aldhelm's treatise prove that he belonged to the part of Anglo-Saxon clergy that did not debate the high position of noble women in the Church. Aldhelm's praise of the Barking nuns' virginity and learning, as well as the examples of cooperation and spiritual amity between the sexes among early Christian saints, can be considered manifestations of support for double monasteries as Church institution, spread in his days.

Key words: Anglo-Saxon nuns, Aldhelm of Malmesbury, double monasteries, Barking Abbey, *De virginitate*, medieval clerical culture.

Citation. Boldyreva I.I. Aldhelm's *De Virginitate* and Anglo-Saxon Nuns at the Turn of the 7th – 8th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 28-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.3>

УДК 94(410)«6/7»
ББК 63.3(4)4

Дата поступления статьи: 30.03.2020
Дата принятия статьи: 08.07.2020

«DE VIRGINITATE» АЛЬДХЕЛЬМА И АНГЛОСАКСОНСКИЕ МОНАХИНИ НА РУБЕЖЕ VII–VIII ВЕКОВ

Ирина Ивановна Болдырева

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко,
г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В центре внимания статьи – прозаический трактат «О девстве» (*De virginitate*), составленный англосаксонским церковным писателем Альдхельмом на рубеже VII–VIII веков. Сочинение было написано для монахинь двойного монастыря Баркинг и его настоятельницы Хильделиты. В отечественной историографии этот памятник до сих пор слабо изучен. Целью настоящей статьи стало исследование «De virginitate» в контексте социокультурных и исторических реалий современной Альдхельму Британии, связанных с существованием двойных монастырей. *Методы и материалы.* Основу работы составили текстологический и историко-культурный методы. Были привлечены творения отдельных западных отцов и широкий корпус нарративных свидетельств, составленных англосаксонскими церковными авторами. *Анализ.* Показано, что в своем послании к инокиням Баркинга Альдхельм не просто обобщает существовавшую до него традицию, связанную с жанром похвалы девственности, но создает самостоятельное произведение, сохранившее уникальные черты той среды, в которой вращался он и его адресатки. В числе этих черт выделены: присутствие среди насельниц двойных монастырей большого числа представительниц знати, имевших опыт семейной жизни; использование атрибутов роскоши и широкое распространение эпистолярных контактов в церковных кругах; высокий уровень образованности монахинь-аристократок; большая доля интеллектуального труда в их повседневных занятиях. *Результаты.* Риторические, идейные и структурные особенности трактата свидетельствуют о принадлежности Альдхельма к той части англосаксонского духовенства, которая не стремилась оспаривать авторитет представительниц нобилитета в Церкви. Восхваление целомудрия и учености баркингских монахинь, а также приводимые Альдхельмом примеры сотрудничества и духовной дружбы между полами среди раннехристианских святых можно рассматривать как одобрение получившей распространение в его время традиции двойных монастырей как церковного института.

Ключевые слова: англосаксонские монахини, Альдхельм Малмсберийский, двойные монастыри, монастырь Баркинг, трактат «О девстве», церковная культура Средневековья.

Цитирование. Болдырева И. И. «De virginitate» Альдхельма и англосаксонские монахини на рубеже VII–VIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 28–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.3>

Введение. Творчество англосаксонского церковного писателя Альдхельма (639–709) представляет собой один из ярких образцов трансляции позднеантичного интеллектуального наследия в раннесредневековой культуре [5; 6]. Среди разножанровых сочинений, вышедших из-под его пера, особое место занимает составленный в прозе и в стихах трактат «О девстве» (*De virginitate*). Прозаический трактат, посвященный похвале девственности, был написан на рубеже VII–VIII вв. для игуменьи Хильделиты и насельниц располагавшегося на землях восточных саксов двойного монастыря Баркинг. Это сочинение, ориентированное на женскую аудиторию, затрагивает тематику, нашедшую отражение в творениях многих святых отцов [1; 13; 15; 19]. В своем послании к монахиням Баркинга западно-саксонский клирик не просто обобщает существовавшую до него книжную традицию, но создает самостоятельное произведение, впитавшее в себя присущее автору мировоззрение и отразившее уникальные черты социальной и культурной среды, в которой вращался Альдхельм и его адресатки.

На сегодняшний день трактату «De virginitate» посвящен достаточно объемный корпус научной литературы, авторами которой, главным образом, являются зарубежные исследователи. В центре внимания этих работ – литературный стиль Альдхельма, механизмы культурного континуитета, относящиеся к использованию сочинений раннехристианских писателей в книжной традиции англосаксов [25; 27; 28; 36]. Другое направление изучения памятника предполагает гендерный ракурс. В посвященных различным аспектам жизни раннесредневековых женщин монографических исследованиях К. Фелл, Дж. Т. Шуленбург, Д. Уотт «De virginitate» фигурирует как свидетельство высокой образованности англосаксонских инокинь [17, р. 109–111; 31, р. 98–99, 330–331; 35, р. 47–53]. Отдельные аспекты «De Virginitate» затронуты в одной из новейших публикаций А.А. Сазоновой, которая обсуждает риторический голос Альдхельма и возможное политическое прочтение его сочинения, хотя и не подкрепляет свой тезис детальным анализом текста нарратива [4]. Дидактика трактата, его агиологические образы и основанные на них модели поведе-

ния, которые западно-саксонский книжник предлагал своим читательницам, до сих пор остаются неизученными. Ставя своей целью исследовать прозамер Альдхельма в контексте социальных и культурных особенностей англосаксонских королевств рубежа VII–VIII вв., мы в своем исследовании показываем связь этих образов с традицией двойных монастырей, получившей распространение в раннесредневековой Британии. Такой подход проливает свет на положение женского монашества, особенности монастырской культуры и взаимоотношений в англосаксонских церковных кругах конца VII века.

Методы и материалы. Одним из основных методов исследования стал текстологический анализ, благодаря которому мы можем проследить особенности работы Альдхельма с его источниками, характер его отношений с баркингскими монахинями, а также собственные представления писателя о роли женщин в Церкви и тех духовных проблемах, с которыми могли столкнуться его современницы. Используемый нами историко-культурный метод позволил рассмотреть сочинение западно-саксонского книжника с учетом исторической специфики развития Англии его времени. Для достижения этой цели особую роль сыграло привлечение «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного, составленной в 30-е гг. VIII века [14]. Нами также были привлечены творения отдельных западных отцов и целый ряд нарративных памятников, созданных англосаксами в VII–X веках.

Анализ. Ранняя история монастыря Баркинг известна из «Церковной истории» Беда Достопочтенного. Основателем Баркингской обители он называет епископа Эрконвальда (ум. 693), занимавшего Лондонскую кафедру с середины 70-х гг. VII века. Первой игуменьей Баркинга стала его сестра Этельбурга [14, р. 354–363]. В VII–VIII вв. Баркинг представлял собой аристократический монастырь, на территории которого существовали мужская и женская общины, подчиненные аббатисе. Двойные монастыри как форма монашеского общежития, заимствованная англосаксами у Меровингов, получают широкое распространение в донорманнской Англии. Среди их насельниц было много представи-

тельниц знати, а настоятельницы состояли в родстве с королевскими династиями [3, с. 40].

В сознании Беда южнобританский монастырь Баркинг остался, прежде всего, как святая обитель, прославленная благочестием первой аббатисы преподобной Этельбурги. Работая над «Церковной историей», нортумбрийский монах имел возможность использовать ее не дошедшее до нас житие. Здесь он изображает Этельбургу заботливой матерью-игуменьей и повествует о чудесах, сопровождавших ее праведную кончину [14, р. 356–364]. Сведения, приводимые Бедой о жизни монастыря при второй настоятельнице Хильделите, напротив, скудны. Однако текст его сочинения сохранил косвенные свидетельства того, что во второй половине VII в. в Баркинге велась работа по созданию манускриптов, тесные связи обитель поддерживала с правящим домом. Монастырская «книжица» (*libellus*), на которую ссылается Беда, сохранила повествование о святом короле Себби, современнике Хильделиты. После тридцати лет правления тяготившийся властью король отошел от государственных дел и принял постриг [14, р. 362–369].

В отличие от масштабного исторического нарратива Беда, «De virginitate» являет пример внутрицерковного гендерного диалога и имеет четко обозначенный круг адресатов, с которыми Альдхельм поддерживал персональные контакты. В преамбуле к «De virginitate» он обращается к Хильделите, «наставнице регулярного устава и монашеского жития», а также к девяти монахиням, которых называет поименно: Иустина, Кутбурга, Осбурга, Альдгита, Схолостика, Хидбурга, Бернгита, Евлалия и Фекла. Из этого перечня он особо выделяет Осбургу как связанную с ним узами родства [11, р. 228–229].

В историографии предпринимались попытки идентифицировать этих женщин с историческими лицами, известными по другим источникам. В частности, высказывалось предположение, что монахиня Кутбурга – не кто иная, как сестра короля западных саксов Ине (688–726), выданная замуж за правителя Нортумбрии Альдфрида (685–705) [8, р. 52; 22, р. 81; 35, р. 49]. Из «Англосаксонской хроники» мы узнаем, что Кутбурга оставила своего супруга и впоследствии основала на зем-

лях Уэссекса двойной монастырь Уимборн [33, р. 42]. Монахиню Осбургу отдельные исследователи принимают за принцессу Буггу, дочь западно-саксонского короля Кентвина (676–685), известную по «Церковным песням» (*Carmina ecclesiastica*) Альдхельма [9, р. 14–15; 24, р. 17–22]. Доказать или опровергнуть эту гипотезу вряд ли представляется возможным, поскольку женские имена, оканчивающиеся на *-burg* и имеющие уменьшительную форму *Bugga / Bucga*, весьма многочисленны среди представительниц англосаксонских благородных фамилий.

Как бы привлекательны ни казались подобные реконструкции, наиболее достоверные выводы, связанные с исторической личностью адресаток Альдхельма, возможно, следует ограничить их принадлежностью к высшим кругам социума и прекрасной образованностью. Избираемая автором манера повествования свидетельствует о высоком статусе этих Христовых невест. Послание Альдхельма составлено с большой деликатностью, выдержано в подчеркнуто почтительных тонах. Ко времени написания трактата Альдхельм занимал высокое положение в англосаксонской Церкви, будучи настоятелем Малмсберийской обители, а впоследствии был возведен на Шерборнскую кафедру. Однако в отличие от своих предшественников по жанру Альдхельм предлагает не просто душеполезное чтение. Беседу с благородными монахинями он выстраивает с позиций равного коммуниканта и ценителя женской образованности. Он хвалит рафинированный эпистолярный стиль своих корреспонденток, их глубокие познания Священного Писания [11, р. 229–233]. Среди повседневных для монахинь занятий в «*De virginitate*» фигурируют библейская экзегеза, изучение творений святых отцов, исторических сочинений и хроник, упражнения в грамматике и искусстве стихосложения [11, р. 232]. Обещая порадовать религиозных читательниц метрической версией своего сочинения, автор выражает надежду доставить им эстетическое удовольствие [11, р. 321]. Это обещание Альдхельм сдержал и спустя несколько лет составил стихотворную версию прозаметра [10].

Отмечаемый исследователями диалогизм риторики Альдхельма [4, с. 15] отчасти

можно объяснить историей его замысла. Благодаря «*De virginitate*» мы располагаем одним из ранних свидетельств эпистолярной активности англосаксонских *mulieres religiosae*. Хронологически это свидетельство предшествует знаменитой переписке со своими английскими соотечественницами проповедовавшего в Германии Уинфреда-Бонифация (VIII в.) [2]. Трактат был написан в форме послания в ответ на просьбы знакомых монахинь, изложенные в их письмах. Призывая своих корреспонденток поделиться впечатлениями о прочитанном, западно-саксонский книжник поощрял их интеллектуальные труды [11, р. 320–321]. К сожалению, переписка Альдхельма с монахинями, за исключением письма к Сигигите, не сохранилась, и о ее содержании можно судить лишь из его кратких ремарок в тексте трактата [11, р. 229, 320–321].

Противопоставление девства и супружества, составившее основу похвалы девственности как формы агиографического жанра и нашедшее отражение в трудах христианских мыслителей поздней Античности и Средневековья, восходит к трудам апостола Павла. Обсуждая эту тему в седьмой главе первого послания к коринфянам, Павел пишет, что в брачном состоянии как установленном Богом нет греха, но при этом достоинство девства и вдовства ставит выше супружества (1 Кор 7: 8–9, 28, 32–34, 36, 38). В общих чертах осмысление девства Альдхельмом выдержано в русле традиций западной патристики. Сочинение изобилует цитатами из Священного Писания, творений Августина, Седулия, Проспера Аквитанского, Киприана, Амвросия.

В историографии указывают на сходство прозаметра Альдхельма с трактатом Киприана «Об одежде девственниц» (*De habitu virginum*) и посланием Амвросия «О девственницах», написанном для его сестры Марцелины (*De virginibus ad Marcellinam*) [8, р. 56; 28; 30, р. 10]. На наш взгляд, это сходство выражалось в адаптации и развитии их отдельных идей, нежели в заимствовании целостного композиционного замысла. Развивая на первых страницах своего сочинения апиальную тему, ранее появляющуюся у Амвросия [1, с. 80–83], Альдхельм сравнивает христианское монашество с медоносными пчелами. Пчелиный топос, нашедший распространение

в ранних богословских и агиографических трактатах применительно к христианскому монашеству, книжник использует не только с целью разъяснить сущность девства. Для него, помимо телесной чистоты, пчелы символизируют социальную сплоченность, трудолюбие, иноческое послушание, тягу к интеллектуальной деятельности [11, p. 231–233].

«De habitu virginem» Киприана Альдхельм цитирует много раз, предостерегая своих читательниц от изысканной одежды и украшений [11, p. 315–316]. Его сдержанная обличительная риторика является не просто данью жанру. VII век в английской истории – время, когда христианство только распространялось. Поступая в монастырь, представительницы знати не всегда были готовы отказаться от прежней жизни и приносили за монастырские стены внешние символы своего статуса и достатка. Беда Достопочтенный в «Церковной истории» с сожалением пишет об инокинях двойного Колдингемпского монастыря, которые ткали себе цветные одежды и общались с мирскими мужами [14, p. 424–426]. Обращаясь к культурным реалиям своих дней, Альдхельм тонко нивелирует гендерный аспект, преодолевая стереотипное изображение пристрастия к роскоши как сугубо женского порока. Льняное белье, пурпурные и фиолетовые туники, искусная шелковая вышивка, завитые локоны, длинные ухоженные ногти и цветные головные покровы фигурируют в его нарративе как атрибуты быта не только благородных англосаксонских инокинь, но монахов и приходских священников, впавших в сети «безумного тщеславия» (*elationis impubentiam*) [11, p. 317–318].

В сочинении Альдхельма важное место отведено концепции трехчастной общественной структуры, основанной на выделении трех степеней целомудрия. Если в трудах его предшественников составляющими этой схемы являются девство (*virginitas*), вдовство (*viduis*) и супружество (*iugalitas*), то Альдхельм вместо вдовства использует понятие «воздержание» (*castitas*), которое определяет как «то, что, будучи предназначено для брачных уз, презрело супружеское общение ради Небесного Царствия» [11, p. 249].

Для раннесредневековой женщины христианское учение о целомудренной жизни не

было единственно значимым культурным контекстом, в котором актуализировалась эта социальная модель. На протяжении всего раннесредневекового периода семейное положение представительницы слабого пола оставалось одним из важных аспектов ее социально-правового восприятия. В текстах законодательных памятников англосаксов женщины фигурируют как девицы (*mægpe*), жены (*wifes*), вдовы (*widuwān*) [23, p. 46–72, 111–149, 199–200]. Указанная особенность объяснима, прежде всего, теми изменениями, которые происходили в общественном и имущественном статусе женщины после вступления в брак и кончины супруга – событий, маркировавших начало очередного значимого этапа ее жизненного цикла. Титулы англосаксонских судебных регламентируют порядок заключения брачного соглашения [16, Aethelberht 77-77.1, S. 7–8; Ine 31, S. 102], материальное и юридическое положение вдовы [16, Aethelberht 75-76, S. 7; Ine 38, S. 104–106, etc.], обсуждают супружескую неверность [16, Aethelberht 31, S. 5; Aelfred 10, S. 56, etc.] и причастность жены к правонарушениям, совершенным мужем [16, Ine 7, S. 92; Ine 57, S. 114; II Cnut 76-76.1, S. 368]. В поздних кодексах за оскорбление вдов и девиц предписываются повышенные штрафы [16, VI Aethelred 39, S. 257; II Cnut 52-52.1, S. 346]. Вместе с тем в англосаксонских правовых текстах классификация женщин по принципу семейного положения не имеет выраженных признаков иерархичности, присутствующих у христианских богословов. В их работах закономерная последовательность основных социальных ролей женщины в патриархальном обществе (дева – жена – вдова) трансформируется в аксиологический конструкт, меняющий порядок этих категорий с целью акцентировать духовное превосходство девства и вдовства над брачными узами.

Замена в сочинении Альдхельма традиционной категории *viduis* на более широкую *castitas*, вероятно, определялась историческими реалиями ранних англосаксонских монастырей, за стенами которых находили пристанище не только овдовевшие, но расставшиеся со своими мужьями аристократки. М. Лэпидж и М. Хэррен отмечают, что в трудах апостола Павла и западных отцов какое-либо обо-

снование возможности расторжения брачного союза ради вступления в монашество отсутствует [8, p. 53–54]. С другой стороны, доктрина христианского монашества восходит к приводимым в Евангелии словам Иисуса Христа: «И всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29). Социальная практика поздней Античности и раннесредневековой Европы показывает, что среди христианских подвижников всегда находились люди, имевшие опыт семейной жизни.

Историческим реалиям англосаксонской Британии расставание супругов ради монашеского служения было хорошо знакомо. Допуская эту возможность, архиепископ Кентерберийский Теодор, грек по происхождению, ссылается на постановления жившего в IV в. святителя Василия Кесарийского [29, II, 12:6–8, p. 199]. Обращение Теодора к этой проблеме в его пенетенциалиях, где он пытался адаптировать нормы Римской Церкви и греческие практики к местным особенностям, как нельзя более соответствовало духовным устремлениям англосаксонской знати. Среди семейных людей, пополнивших ряды слуг Божьих, были и дамы, и представители сильного пола. Помимо короля-монаха Себби, Беда упоминает праведного мужа по имени Дрихтхельм, который после тяжелой болезни и видения загробного мира оставил жену и удалился в Мелроузский монастырь [14, p. 488–499]. Ради монашества отрекся от престола уэссекский правитель Кентвин, современник Альдхельма [9, p. 14–15]. Согласно одной из древнейших рукописей Жития св. Милдред, аббатисы Танета (ум. 733), ее родители разлучились «во имя [своей] любви к Богу» (*for Godes lufan*) [26, p. 424].

Поступление в монастырь овдовевших королей и женщин, расставшихся с мужьями, в Англии VII–VIII вв. было явлением привычным. Основательница Уитби св. Хильда до 33 лет жила в миру. Второй игуменьей Уитби становится Эанфледа – вдова Освью Нортумбрийского (655–670) [14, p. 428–430]. Одна из наиболее почитаемых англосаксонских святых Этельтрыта Илийская дважды была замужем, прежде чем поступить в монастырь. Беда Достопочтенный приводит убедительные

аргументы, свидетельствующие о добровольном избрании ею иноческого пути. В должности аббатисы Этельтрыте наследовала ее овдовевшая сестра Сеаксбурга [14, p. 390–395]. После гибели Экгфрида Нортумбрийского (670–685) в битве при Нехтансмере королева Ирминбурга также принимает монашеские обеты [34, p. 48–49].

Традиционно считается, что среди знатных адресаток Альдхельма были женщины, ранее связанные брачными узами [8, p. 52; 22, p. 81]. Текст трактата не позволяет однозначно об этом говорить. Игуменью Хильделиту и монахинь, которых Альдхельм перечисляет в своей преамбуле, он именует *Christi virginis* [11, p. 228]. Однако потенциальную аудиторию сочинения Альдхельм, по всей видимости, рассматривал значительно шире, и в контексте социальных особенностей двойных монастырей замена *viduis* на *castitas* оказалась оправданной.

Подобно Августину и Иерониму, Альдхельм рассматривает три степени христианского целомудрия сквозь призму евангельской притчи о сеятеле: пребывающие в девстве (*virginitas*) приносят духовный плод во сто крат, живущие в воздержании (*castitas*) – в шестьдесят крат, благочестивые супруги – в тридцать крат [11, p. 249; 13, col. 423; 32, col. 212–214]. Девство оказывается на вершине этой иерархии, однако духовное величие *virginitas* не обесценивает достоинств воздержания и супружества. Заимствованная Альдхельмом из Священного Писания и творений святых отцов идея превосходства девства над вдовством (воздержанием) и браком и одновременно похвала всех трех состояний получает на страницах «De virginitatae» дальнейшее развитие. Воссоздавая трехуровневую модель христианского целомудрия, Альдхельм сетует, что эта иерархия «имеет обыкновение меняться, так что состояние более низшей жизни, мало помалу совершенствуясь во всем, занимает место жизни более высокого ранга, по мере того как она постепенно охладевает... и отныне тот, кто считался последним из-за небрежности прежнего жития, разгоревшись пламенем божественной любви, оказывается первым» [11, p. 238].

По мнению Альдхельма, сохранившая девство монахиня не должна свысока смот-

реть на других сестер. Ученый книжник открыто указывает на опасность греха гордыни (*elation*), которому подвержены вступившие на иноческий путь с юных лет. Отрекшиеся от мира девственники «тщеславятся непорочностью своего тела», но ослабевают духовно [11, р. 238–239]. Им писатель противопоставляет тех, которые, пройдя через водоворот мирской суеты, пристали в спасительную гавань монашества и проводят свои дни в покаянии [11, р. 238–239]. Эти рассуждения Альдхельма можно воспринимать в двойном контексте. Во-первых, в качестве напоминания баркингским девам о необходимости постоянного духовного совершенствования. Во-вторых, как поощрение инокинь, вступивших в монашество уже в зрелом возрасте и имевших опыт семейной жизни.

После Альдхельма к теме женской непорочности англосаксонские церковные писатели обращались не единожды. В конце X в. писавший на национальном языке Элфрик в одной из своих проповедей воспроизводит знакомую патристике схему трех ступеней целомудрия в ее классическом варианте (*mæðhad* – девство; *wudewanhād* – вдовство; *sinscipe* – брак) [12, S. 13–23]. В свои «Жития святых» Элфрик включает переложения на англосаксонский язык духовных биографий более десятка раннехристианских дев-мучениц и единственное житие англосаксонской подвижницы – преподобной Этельтриты [7, р. 432–441]. Почитание святой, сохранившей девство в браке и впоследствии возглавившей двойной монастырь, приобретает особенно широкое распространение на рубеже X–XI веков [18, р. 157–231]. Однако еще в VIII в. младший современник Альдхельма Беда повествует о преподобной Этельтрите с особой теплотой. Отдельную главу «Церковной истории» он посвящает ей в качестве гимна, где сравнивает Этельтриту с римскими девами, ставшими героинями сочинения Альдхельма [14, р. 390–401].

Понимание девства у Альдхельма шире, чем, например, у Беды, который причину нечестия мощей преподобной Этельтриты сводит к тому, что при жизни «она осталась неоскверненной сожителем с мужчиной» [14, р. 392]. Для Альдхельма *virginitas* не только телесное состояние и соответствующие ему внешние атрибуты. Это – состояние челове-

ческой души. После обличительных слов в адрес привыкших к роскоши монахинь и клириков он сетует, что уделил слишком много внимания столь незначительным вопросам. «Ибо всякое достоинство непорочного девства, – пишет он, – заключено лишь в твердыне свободной воли и не ограничено только вещными рамками» [11, р. 319]. Цитируя Августина, он утверждает, что без святости души девство плоти не является добродетелью, но если невинность тела нарушена, а душа сохранена непорочной, человек остается свят. Вслед за Августином западно-саксонский писатель выделяет девство плоти (*virginitas carnis*) и девство ума (*virginitas animae*): «Девство плоти – неоскверненное тело, девство ума – вера непорочная» [11, р. 319].

Противопоставление внешнего целомудрия и чистоты духовной является одной из ключевых идей нарратива Альдхельма. Наиболее четко сформулированная в одной из последних глав, она выражена уже в первых строках его трактата. Адресуя свой труд баркингским монахиням, Альдхельм превозносит их не только за выдающуюся телесную чистоту, «являющуюся достоянием многих», но за чистоту духовную, «которой удостоились немногие» [11, р. 228]. В связи с этим интерес вызывает краткое переложение истории Юдифи, которое Альдхельм главою выше включает в свой текст. Западные отцы приводят этот библейский сюжет в назидание вдовам [1, с. 217–223; 20, col. 559; 21, col. 732]. Для Альдхельма, писавшего для монахинь, образ библейской вдовы был примером женского целомудрия и одновременно примером того, насколько опасна для мужчины украшающая себя женщина. «И это не мое суждение, – пишет он, – но так сказано в Писании, что украшения женщин – ловитва для мужчин» [11, р. 317]. Святая, облачившись в лучшие одежды и украсив себя драгоценностями, одерживает победу над злом, так как нарушает внешнее благочестие не ради распущенности, а из добрых побуждений.

Наличие пространного каталога почитаемых в христианстве святых, снискавших добродетель целомудрия, является значимой особенностью «De virginitate». Автор выделяет их перечень в крупный самостоятельный фрагмент своего текста. По замыслу Альд-

хельма, эти образы должны были стать живым примером целомудренной жизни, о которой он рассуждает во вводной части своего сочинения: «С помощью Господа попытаюсь свить самый прекрасный венок девства из алых цветов непорочности, собранных на пажити духовных книг» [11, р. 249]. Антология Альдхельма, составленная на основе разновременных церковных источников различного авторства и включающая краткое изложение не только женских, но мужских духовных биографий, имеет оригинальную структуру. Сначала он повествует о пророках, затем – об Иоанне Крестителе, апостолах, святителях, преподобных и мучениках. География его антологии весьма обширна. В ткань своего повествования западно-саксонский монах вплетает сведения из житий римских понтификов и стратотерпцев, галльских, итальянских, испанских и греческих святых, пустынников Египта и Палестины.

Соблюдая гендерную иерархию, после каталога святых мужей Альдхельм помещает примеры целомудренной жизни «равночестных лиц другого пола, которые, храня святое девство, неустанно проявляли непоколебимую силу духа» [11, р. 291]. Перечень святых дев «De virginitate» начинается с Богородицы и завершается святыми Викторией и Анатолией. Большинство этих агиографических персонажей принадлежат к лику мучениц. Исключение составляют святая исповедница Схоластика, святая Константина, преподобные Евстохия и Деметриада [11, р. 292–310]. Жизнеописание Константины, убедившей многих знатных римлянок предпочесть девство супружеству [11, р. 302–303], оказывается в центре внимания Альдхельма, видимо, потому, что имеет сходство с биографиями англосаксонских настоятельниц королевского рода, в подчинение которых попали отказавшиеся от брака представительницы светской элиты.

После страстей Анатолии и Викторией Альдхельм снова обращается к духовным биографиям ветхозаветных патриархов. На примере Иосифа он показывает связь целомудрия с покровительством Всевышнего, а рассказы о царе Давиде и богатыре Самсоне приводит для иллюстрации Божьего наказания за нецеломудренное поведение [11, р. 310–312].

Перечень святых трактата «О девстве» является одним из самых ранних свидетельств распространения в англосаксонской Британии почитания позднеантичных мучеников и преподобных. Содержание этого перечня указывает на наличие в распоряжении Альдхельма обширного корпуса континентальной агиографической литературы. Доступность манускриптов могла стать значимым фактором, определившим выбор писателем святых для своего каталога. Однако этот фактор не был единственным.

Использование мужских житий в похвале девственности не имеет параллелей в ранней западной патристике, к которой обращается Альдхельм. Характерную структуру его мартиролога можно объяснить феноменом двойного монастыря, получившим распространение в современной ему Британии. В каталоге святых Альдхельма, включающем мужской и женский перечни и организованном по хронологическому принципу, С. Холлис усматривает присутствие образа ступенчатой башни – христианской Церкви, символа оплота веры и единения различных типов целомудрия в одно мистическое, преодолевающее границы пола. Венок девства, о котором пишет Альдхельм, символизирует духовный союз Церкви с самим Христом, который сам, будучи девственником, вися на Кресте, поручает Деву Марию своему девственнику-ученику [22, р. 109–110].

Обращение Альдхельма к этому сюжету, изложенному в Евангелии от Иоанна (Ин 19:25-27) [11, р. 235], служит одним из оснований структуры его антологии, воссозданной по типу гендерной структуры двойного монастыря. Двойной монастырь, разделенный на мужскую и женскую половины и управляемый одной настоятельницей, представлял собой единый хозяйственный механизм и единое духовное пространство. Сохранение этой формы монашеской организации у франков и англосаксов на протяжении нескольких столетий можно объяснить не только поддержкой местных элит, но ее практическими удобствами. Женские общины нуждались в священнослужителях. На плечи монастырской братии ложились работы по благоустройству обители. Вне зависимости от степени гендерной сегрегации насельники и насельницы двойных

монастырей взаимодействовали напрямую или опосредованно. Примеры такого взаимодействия мы находим неоднократно в источниках VII–VIII веков [9, р. 16; 14, р. 412–414, 394–395].

Помимо иерархичности в структуре мартиролога Альдхельма заметен параллелизм. Открывая каталог святых дев, он называет их вторым (другим) полом (*secundi sexus personas*), но отмечает их равное достоинство со святыми мужами (*inclitas itidem*) [11, р. 291]. Обращает на себя внимание присутствие в этой антологии мучеников Хрисанфа и Дарии, Юлиана и Василисы, живших в белом браке. Элементы двойного жития мы находим в повествовании о подвиге мученицы Сесилии, обратившей в христианство своего жениха. Альдхельм пишет, как в чудесном видении ангел Господень приносит супругам-девственникам два прекрасных цветочных венка [11, р. 276–284, 292]. Примером брака, лишённого плотских отношений, является приводимое Альдхельмом Житие преподобного Аммона Нитрийского – египетского отшельника IV века [11, р. 284–286].

Вряд ли западно-саксонскому книжнику биографии этих святых были интересны как образец христианского супружества. Здесь он предоставляет примеры содружественности, деятельного сотрудничества мужчин и женщин, посвятивших себя Богу. Супруги-девственники, скрывая свой подвиг, живут под одной крышей, совместно проповедуя и приводя к вере язычников. Хрисанфа и Дарию, вместе претерпевших мучения, погребают в одной крипте, а Юлиан и Василиса основывают множество монашеских общин [11, р. 280–282].

К двойным житиям можно отнести повествование о святой мученице Иустине, чье имя носила одна из монахинь адресаток «De virginitate». Святая Иустина, давшая обет девства, силой своей веры обращает в христианство антиохийского волхва Киприана, который, отрекшись от языческих заблуждений, становится православным епископом [11, р. 295–296].

Присутствующий в нарративе Альдхельма другой пример взаимодействия полов в среде раннехристианских подвижников относится к исповеднице Схоластике. Этот при-

мер демонстрирует, что перед Богом молитва святой девы и любящей сестры оказывается не менее ценной, чем благочестие сурового монаха. Однажды, когда к ней пришел брат, святой Бенедикт (ум. 547), Схоластика просила его провести ночь в ее жилище, предаваясь беседам о небесном. Строгий аскет не соглашался. По молитвам святой было явлено чудо: разразилась буря, и он был вынужден остаться [11, р. 300].

О дружбе между христианской девой и святым подвижником мы также узнаем из биографии преподобной Евстохии. Альдхельм подчеркивает ее выдающуюся ученость и пишет о трудах, которые ей адресовал блаженный Иероним (ум. ок. 420) [11, р. 303–304]. В одной из своих новейших работ Д. Уотт отмечает, что Альдхельм создает «положительный образ Баркинга как ученого сообщества», образ, который объединял монашествующих жен и мужей благодаря их причастности к книжной традиции. В культурном пространстве Англии его времени любовь к интеллектуальным занятиям и книгам становится основой для духовной дружбы в церковных кругах [35, р. 53]. Модель общения Иеронима с преподобной Евстохией, а также с ее матерью и сестрой была авторитетным прецедентом, который Альдхельм мог использовать, выстраивая свои отношения с учеными баркингскими инокинями.

Видимо, в том же контексте книжник воспринимал пастырское послание к Деметриаде, современнице Евстохии. До недавнего времени это послание, написанное Пелагием, относили к творениям св. Иеронима. В сочинении, которое Альдхельм обильно цитирует, Деметриада превозносится как благородная дева (*virginem nobilem*), богатая дева (*virginem divitem*) [11, р. 304]. Фрагменты послания, приводимые англосаксонским клириком, акцентируют высокий общественный статус и достаток знатной римлянки. Девушка, воспитанная в роскоши и излишествах, отказывается от своего богатства и мирских почестей. Именно в этом, по мнению Альдхельма, заключается духовная высота ее иноческого подвига [11, р. 304]. Жизнеописание Деметриады Альдхельмом – очередная попытка поиска социально-исторических параллелей, интересных и релевантных для его ауди-

тории, а также тонкий комплимент монашествующим аристократам, с которыми автор сочинения поддерживал дружеские связи.

Результаты. Наши наблюдения отчасти могут служить аргументом в поддержку гипотезы А.А. Сазоновой, по мнению которой «De virginitate» представляет собой «интеллектуальную лепту» в защиту двойного монастыря как церковного института. Создание трактата Сазонова относит ко времени, когда Кентерберийскую кафедру занимал проводник римской политики архиепископ Теодор (ум. 690). Иницировавший дробление епархий, греческий святитель, с большой долей вероятности, вынашивал планы по реформированию монашеских центров [4, с. 11–12]. Несмотря на то что эти планы до нас не дошли, неоднозначное отношение Теодора к двойным обителям хорошо известно. В своих пенитенциалиях он пишет: «Не должно мужам жить с монахинями, также и женщинам с мужами [монахами]; однако не буду разрушать то, что стало обычаем в этой стране» [29, II, 6:8, р. 195]. Оговорка Теодора может указывать на развернувшуюся в Англии полемику по поводу статуса двойных монастырей, в которой прелат был вынужден уступить местной знати.

Выходец из высших кругов западно-саксонской аристократии Альдхельм принадлежал к части духовенства, которая была готова мириться с существованием в Англии двойных монастырей и оказывала им поддержку. Об этой готовности недвусмысленно свидетельствуют риторические, структурные и идейные особенности трактата. Альдхельм восхваляет целомудрие инокинь, живших за стенами двойной обители. Составленный им каталог святых выстроен по типу гендерной структуры двойного монастыря и содержит целый ряд агиологических образов, демонстрирующих примеры деятельного сотрудничества раннехристианских подвижников, мужчин и женщин.

Помимо скрытой полемики, относящейся к обозначенному социально-политическому контексту, трактат преследовал важные дидактические цели – укрепить знатных монахинь в их духовном выборе и стимулировать их интеллектуальную активность. Будучи ориентированным на закрепление раннехристианских ценностей и моделей поведения в мона-

шеском опыте современниц, это сочинение было призвано подчеркнуть значимое место женщин в сонме христианских подвижников. Признание равного достоинства святых дев и святых мужей оказывается не просто частью дружеской риторики, но одним из ключевых тезисов Альдхельма в его диалоге с учеными монахинями, косвенно иллюстрируя статусность его корреспонденток и высокую степень авторитета женщин в ранней англосаксонской Церкви.

Адресуя «De virginitate» баркингским девам, потенциальную аудиторию своего трактата Альдхельм рассматривал значительно шире. Его сочинение отразило присутствие среди насельниц двойных монастырей большого числа представительниц знати, имевших семейный опыт, использование предметов роскоши знатными постриженницами и клириками, высокий уровень образованности монахинь-аристократок, большую долю интеллектуального труда в их повседневных занятиях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

MGH – Monumenta Germaniae Historica.
PL – Patrologia cursus completus series Latina.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амвросий Медиоланский. О девственницах. О вдовицах. О девстве. О наставлении девы и приснодевстве Святой Марии. Увещание к девству / пер. А. Вознесенского // Амвросий Медиоланский. Собрание творений: на лат. и рус. яз. – Т. II. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 568 с.
2. Болдырева, И. И. Англосаксонское женское монашество VIII века в свете переписки миссии святого Уинфреда Бонифация / И. И. Болдырева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 4 (58). – С. 211–222.
3. Болдырева, И. И. Двойные монастыри в Англии в эпоху Беды Почтенного / И. И. Болдырева // Клио. – 2014. – № 2 (86). – С. 40–43.
4. Сазонова, А. А. Голоса женщин, животных и музыкальных инструментов в авторском нарративе Альдхельма / А. А. Сазонова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. А. Ю. Серегинной; отв. ред. А. В. Стогова. – М.: ИВИ РАН, 2017. – № 25. – С. 8–32.
5. Сазонова, А. А. Первый англосаксонский интеллектуал Альдхельм Малмсберийский / А. А. Са-

занова // Новый исторический вестник. – 2008. – № 2 (18). – С. 98–104.

6. Сазонова, А. А. Трансляция латинской интеллектуальной традиции: Альдхельм Малмсберийский / А. А. Сазонова // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / под ред. М. С. Петровой. – М. : Круг, 2010. – С. 323–357.

7. Aelfric's Lives of Saints. In 2 vols. Vol. 1 / ed. W. W. Skeat. – L. : Trübner & Co., 1881. – 552 p.

8. Aldhelm. The Prose Works / trans. M. Lapidge, M. Herren. – Cambridge : D. S. Brewer, 1979. – 210 p.

9. Aldhelmi Carmina ecclesiastica // MGH. Auct. ant. – T. XV: Aldhelmi operae / ed. R. Ehwald. – Berolini : Apud Weidmannos, 1919. – P. 11–32.

10. Aldhelmus. De Virginitate. Carmen // MGH. Auct. ant. – T. XV: Aldhelmi operae / ed. R. Ehwald. – Berolini : Apud Weidmannos, 1919. – P. 327–471.

11. Aldhelmus. De Virginitate. Prosa // MGH. Auct. ant. – T. XV: Aldhelmi operae / ed. R. Ehwald. – Berolini : Apud Weidmannos, 1919. – P. 226–323.

12. Angelsächsisch Homilien und Heiligenleben / hg. B. Assmann. – Kassel : Georg H. Wigand, 1889. – 295 S.

13. Augustinus Hipponensis. De Sancta Virginitate / Augustinus Hipponensis // PL / ed. J.-P. Migne. – Paris : Garnier fratres, 1865. – Vol. 40. – Col. 395–428.

14. Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. and trans. B. Colgrave, R. A. B. Mynors. – Oxford : Clarendon Press, 1969. – 618 p.

15. Cyprianus. Liber de habitu virginum / Cyprianus // PL / ed. J.-P. Migne. – Paris : Petit-Montrouge, 1844. – Vol. 4. – Col. 439–464.

16. Die Gesetze der Angelsachsen / hrgs. F. Liebermann. – Bd. I. – Halle : Max Niemeyer, 1903. – 675 S.

17. Fell, C. Women in Anglo-Saxon England and the Impact of 1066 / C. Fell. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 208 p.

18. Gretsch, M. Aelfric and the Cult of Saints in Late Anglo-Saxon England. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 263 p.

19. Hieronymus. Epistola 22, ad Eustochium de custodia virginitatis / Hieronymus // PL / ed. J.-P. Migne. – Paris : Petit-Montrouge, 1859. – Vol. 22. – Col. 394–425.

20. Hieronymus. Epistola 54, ad Furiam / Hieronymus // PL / ed. J.-P. Migne. – Paris : Petit-Montrouge, 1859. – Vol. 22. – Col. 550–560.

21. Hieronymus. Epistola 79, ad Salvinam / Hieronymus // PL / ed. J.-P. Migne. – Vol. 22. – Paris : Petit-Montrouge, 1859. Col. 724–732.

22. Hollis, S. Anglo-Saxon Women and the Church / S. Hollis. – Woodbridge : The Boydell Press, 1992. – 323 p.

23. Hough, C. "An Ald Reht": Essays on Anglo-Saxon Law / C. Hough. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 276 p.

24. Lapidge, M. The Career of Aldhelm / M. Lapidge // Anglo-Saxon England. – 2007. – Vol. 36. – P. 15–69.

25. McDaniel, R. L. Agnes among the Anglo-Saxons: Patristic Influences in Anglo-Latin and Anglo-Saxon Versions of the Passio of St Agnes, Virgin and Martyr // Writing Women Saints in Anglo-Saxon England / ed. P.E. Szarmach. – Toronto : University of Toronto Press, 2013. – P. 217–248.

26. Of St Mildrið // Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft being a collection of documents / ed. O. Cockayne. – L. : Longmans, Green, 1866. – Vol. 3. – P. 422–433.

27. O'Sullivan, S. Aldhelm's 'De Virginitate' and the Psychomachian Tradition / S. O'Sullivan // Mediaevalia. – 2001. – Vol. 20. – P. 313–337.

28. O'Sullivan, S. Aldhelm's De virginitate – patristic pastiche or innovative exposition? / S. O'Sullivan // Peritia. – 1998. – Vol. 12. – P. 271–295.

29. Penitentiale Theodori // Councils and Ecclesiastical Documents Relating to Great Britain and Ireland / eds. A. W. Haddan, W. Stubbs. – Oxford : Clarendon Press, 1871. – Vol. 3. – P. 173–204.

30. Pettit, E. Holiness and Masculinity in Aldhelm's Opus Geminatum *De virginitate* / E. Pettit // Holiness and Masculinity in the Middle Ages / eds. P. H. Cullum, K. J. Lewis. – Toronto : University of Toronto Press, 2005. – P. 8–23.

31. Schulenburg, J. T. Forgetful of their Sex: Female Sanctity and Society, ca. 500 – 1100 / J. T. Schulenburg. – Chicago : The University of Chicago Press, 1998. – 587 p.

32. S. Eusebii Hieronymi Adversus Jovinianum // PL / ed. J.-P. Migne. – Paris : Garnier fratres, 1883. – Vol. 23. – Col. 211–336.

33. The Anglo-Saxon Chronicle / ed. & trans. M. Swanton. – N. Y. : Routledge, 1996. – 364 p.

34. The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / ed. and trans. B. Colgrave. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 192 p.

35. Watt, D. Women, Writing, and Religion in England and Beyond, 650 – 1100 / D. Watt. – L. : Bloomsbury Academic, 2020. – 238 p.

36. Winterbottom, M. Aldhelm's Prose Style and its Origins / M. Winterbottom // Anglo-Saxon England. – 1977. – Vol. 6. – P. 39–76.

REFERENCES

1. Амвросий Медиоланский. О девственничестве. О вдовстве. О наставлении девы и преневестве Святые Марии. Увещевание к девству [Ambrose. On Virgins. On Widows. On

Virginitate. On Birth of the Virgin and the Perpetual Virginitate of Mary. Exhortation to Virginitate]. *Ambrosii Mediolanskiy. Sobranie tvorenii: na lat. i rus. yazykakh* [Ambrose. Collected Writings in Russian and Latin]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2012, vol. 2. 568 p.

2. Boldyreva I.I. Anglosaksonskoe zhenskoe monashestvo VIII veka v svete perepiski missii svyatogo Uinfreda Bonifatsiya [Anglo-Saxon Female Monasticism of the 8th Century in the Light of Correspondence of the St. Winfred Boniface Mission]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2017, no. 4 (58), pp. 211–222.

3. Boldyreva I.I. Dvoynye monastyri v Anglii v epokhu Bedy Pochtennogo [Double Monasteries in England in the Age of Bede the Venerable]. *Klio*, 2014, no. 2 (86), pp. 40–43.

4. Sazonova A.A. Golosa zhenshchin, zhivotnykh i muzykal'nykh instrumentov v avtorskom narrative Al'dhel'ma [The Voices of Women, Animals, and Musical Instruments in Aldhelm's Author's Narrative]. Seregina A. Yu., Stogova A.V., eds. *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii* [Adam and Eve. Gender History Review]. Moscow, IVI RAN, 2017, no. 25, pp. 8–32.

5. Sazonova A.A. Pervyy anglosaksonskiy intelektual Al'dhel'm Malmsberijskiy [The First Anglo-Saxon Intellectual Aldhelm of Malmesbury]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2008, no. 2 (18), pp. 98–104.

6. Sazonova A.A. Translyatsiya latinskoy intellektual'noy traditsii: Al'dhel'm Malmsberijskiy [Translation of the Latin Intellectual Tradition: Aldhelm of Malmesbury]. Petrova M.S., ed. *Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (issledovaniya i perevody)* [Intellectual Traditions of Antiquity and the Middle Ages (Studies and Translations)]. Moscow, Krug Publ., 2010, pp. 323–357.

7. Skeat W.W., ed. *Aelfric's Lives of Saints. In 2 Vols. Vol. 1*. London, Trübner & Co., 1881. 552 p.

8. *Aldhelm. The Prose Works*. Cambridge, D. S. Brewer, 1979. 210 p.

9. Aldhelmi Carmina ecclesiastica. Ehwald R., ed. *MGH. Auct. ant., vol. 15: Aldhelmi operae*. Berolini, Apud Weidmannos, 1919, pp. 11–32.

10. Aldhelmus. De Virginitate. Carmen. Ehwald R., ed. *MGH. Auct. ant., vol. 15: Aldhelmi operae*. Berolini, Apud Weidmannos, 1919, pp. 327–471.

11. Aldhelmus. De Virginitate. Prosa. Ehwald R., ed. *MGH. Auct. ant., vol. 15: Aldhelmi operae*. Berolini, Apud Weidmannos, 1919, pp. 226–323.

12. Assmann B., hg. *Angelsächsisch Homilien und Heiligenleben*. Kassel, Georg H. Wigand, 1889. 295 S.

13. Augustinus Hipponensis. De Sancta Virginitate. Migne J.-P., ed. *PL*. Paris, Garnier fratres, 1865, vol. 40, cols. 395–428.

14. Colgrave B., Mynors R.A.B., eds. *Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Oxford, Clarendon Press, 1969. 618 p.

15. Cyprianus. Liber de habitu virginum. Migne J.-P., ed. *PL*. Paris, Petit-Montrouge, 1844, vol. 4, cols. 439–464.

16. Liebermann F., hg. *Die Gesetze der Angelsachsen*, bd. 1. Halle, Max Niemeyer, 1903. 675 S.

17. Fell C. *Women in Anglo-Saxon England and the Impact of 1066*. Oxford, Basil Blackwell, 1986. 208 p.

18. Gretsche M. *Aelfric and the Cult of Saints in Late Anglo-Saxon England*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 263 p.

19. Hieronymus. Epistola 22, ad Eustochium de custodia virginitatis. Migne J.-P., ed. *PL*. Paris, Petit-Montrouge, 1859, vol. 22, cols. 394–425.

20. Hieronymus. Epistola 54, ad Furiam. Migne J.-P., ed., *PL*, Paris, Petit-Montrouge, 1859, vol. 22, cols. 550–560.

21. Hieronymus. Epistola 79, ad Salvinam. Migne J.-P., ed., *PL*. Paris, Petit-Montrouge, 1859, vol. 22, cols. 724–732.

22. Hollis S. *Anglo-Saxon Women and the Church*. Woodbridge, The Boydell Press, 1992. 323 p.

23. Hough C. *“An Ald Reht”: Essays on Anglo-Saxon Law*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2014. 276 p.

24. Lapidge M. The Career of Aldhelm. *Anglo-Saxon England*, 2007, vol. 36, pp. 15–69.

25. McDaniel R.L. Agnes Among the Anglo-Saxons: Patristic Influences in Anglo-Latin and Anglo-Saxon Versions of the Passio of St Agnes, Virgin and Martyr. Szarmach P.E., ed. *Writing Women Saints in Anglo-Saxon England*. Toronto, University of Toronto Press, 2013, pp. 217–248.

26. Of St Mildrið. Cockayne O., ed. *Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft Being a Collection of Document*. London, Longmans, Green, 1866, vol. 3, pp. 422–433.

27. O'Sullivan S. Aldhelm's 'De Virginitate' and the Psychomachian Tradition. *Mediaevalia*, 2001, vol. 20, pp. 313–337.

28. O'Sullivan S. Aldhelm's De virginitate – Patristic Pastiche or Innovative Exposition? *Peritia*, 1998, vol. 12, pp. 271–295.

29. Penitentiale Theodori. Haddan A.W., Stubbs W., eds. *Councils and Ecclesiastical Documents Relating to Great Britain and Ireland*. Oxford, Clarendon Press, 1871, vol. 3, pp. 173–204.

30. Pettit E. Holiness and Masculinity in Aldhelm's Opus Geminatum De virginitate. Cullum P.H., Lewis K.J., eds. *Holiness and Masculinity in the Middle Ages*. Toronto, University of Toronto Press, 2005, pp. 8–23.

31. Schulenburg J.T. *Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society, ca. 500 – 1100*. Chicago, The University of Chicago Press, 1998. 587 p.

32. S. Eusebii Hieronymi Adversus Jovinianum. Migne J.-P., ed. *PL*. Paris, Garnier fratres, 1883, vol. 23, cols. 211-336.

33. Swanton M., ed. *The Anglo-Saxon Chronicle*. New York, Routledge, 1996. 364 p.

34. Colgrave B., ed. *The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985. 192 p.

35. Watt D. *Women, Writing, and Religion in England and Beyond, 650 – 1100*. London, Bloomsbury Academic, 2020. 238 p.

36. Winterbottom M. Aldhelm's Prose Style and Its Origins. *Anglo-Saxon England*, 1977, vol. 6, pp. 39-76.

Information About the Author

Irina I. Boldyreva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Humanitarian Sciences, Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Studencheskaya St, 10, 394036 Voronezh, Russian Federation, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>

Информация об авторе

Ирина Ивановна Болдырева, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Российская Федерация, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.4>

UDC 323(470+571):2:327
LBC 66,3(2Рос),4

Submitted: 01.02.2021
Accepted: 16.05.2021

POLITICAL AND COMMUNICATIVE INTERACTION IN PUBLIC SPACE BETWEEN THE RUSSIAN GOVERNMENT AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: DIRECTIONS AND PRIORITIES¹

Elena M. Drinova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of the work was to analyze the leading directions of interaction between the state and religious authorities in the modern public space. It is shown that the result of this interaction was the politicization of the Russian Orthodox Church (hereinafter ROC). It is proved that in recent decades the Church continues to exert direct and indirect influence on the state, which, in turn, uses its spiritual potential to stabilize the socio-political system. *Methods and materials.* Institutional and modernization approaches were used as the research methodology. Within the framework of the institutional approach, an analysis of the interaction of government structures and the ROC in the context of adaptation, cooperation and competition in the course of democratic transformations in the country was carried out. Within the framework of the modernization approach J. Haber formulates the fundamental thesis on the increasing role of religion in a secular (modernizing) society and its strengthening in the national state. *Analysis.* It is noted that in the 1990s the leading direction of interaction between the state and the ROC was exclusively the political sphere, which was associated with the democratization of public life, the involvement of the clergy in political modernization. At the beginning of the 21st century the state proclaimed a course towards depoliticizing the institution of religion. The activities of political religious parties were prohibited. Subsequently, the ruling United Russia party began to focus on mutually beneficial partnership with the ROC, priority was given to the patriotic education of young people. The result of joint activities of the Main Military-Political Directorate of the Armed Forces of the Russian Federation and the ROC was the formation of a new type of soldier, a bearer of spiritual and moral values, a statesman, defender of the Fatherland. The ROC, as the dominant religious figure in the public space, actively participates in the domestic and foreign policy of the country, challenging other confessional structures. The highest officials of the state and the church share the common values of conservatism, but at the same time, each of them defends its own interests, which initiates the limitation of their mutual support. *Results.* The state power, together with the ROC, solves internal political problems, including the formation of spiritual, moral, patriotic constants in modern Russian society. In the context of the sanctions policy, the activity of the ROC as a conductor of the “soft power” of the state contributes to the improvement of the countrys image. The result of the interaction of state and religious structures is the formation of a new ideological paradigm based on the principles of religious ethics, conservative values, as well as national identity, patriotism.

Key words: state, Russian Orthodox Church, public space, value system, politicization of religion, symphony of power, domestic/foreign policy, “soft power”.

Citation. Drinova E.M. Political and Communicative Interaction in Public Space Between the Russian Government and the Russian Orthodox Church: Directions and Priorities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 41-53. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.4>

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Елена Михайловна Дринова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В последние десятилетия в России сформировались прагматичные отношения между государственными органами власти и Русской православной церковью, которая стала ключевым игроком в публичном пространстве страны. РПЦ оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на образовательную, военную, внешнеполитическую сферы. Государство в свою очередь использует ее духовный потенциал для стабилизации социально-политической системы, укрепления своего имиджа за рубежом. *Методы и материалы.* В рамках информационно-кибернетического подхода были проанализированы формы социально-политической коммуникации государственных и религиозных акторов. В рамках модернизационного подхода были исследованы проблемы РПЦ в условиях реформирования российского общества. *Анализ.* Цель статьи – исследование совместной деятельности государственных органов власти и Русской православной церкви в публичном пространстве современной России. Выбор сфер взаимодействия государственных органов власти и Русской православной церкви определен исходя из форм прагматичного сотрудничества, взаимовыгодного партнерства, при этом отмечается, что каждая из сторон отстаивает свои интересы, что порой инициирует ограничение их взаимной поддержки. *Результаты.* В статье обосновано, что политико-коммуникативное взаимодействие осуществляется на основе системы традиционных ценностей, которые апеллируют к религиозным константам православия, духовности, патриотизму. Отмечается, что данная система, с одной стороны, противостоит западноевропейской демократической системе ценностей, с другой стороны, находит отклик у части консервативного истеблишмента США, Евросоюза. Рассматриваются приоритетные сферы взаимодействия государства и РПЦ. Отмечается роль церкви в распространении консервативных ценностей в политической, армейской и образовательной среде, обсуждаются последствия взаимодействия государственного и религиозного институтов. Исследована роль РПЦ как проводника «мягкой силы» в ряде стран Евросоюза. Отмечается, что одним из каналов по реализации «мягкой силы» выступает Фонд «Русский мир». Показывается, что первоначально это был глобальный светский проект, целью которого выступало формирование российской национальной идентичности. Но со временем «Русский мир» приобрел религиозное звучание. Обсуждается также, что результатом взаимодействия государственных и религиозных структур становится формирование новой мировоззренческой парадигмы, опирающейся на систему консервативных ценностей, национальной идентичности, патриотизма.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, публичное пространство, система ценностей, политизация религии, симфония власти, внутренняя/внешняя политика, «мягкая сила».

Цитирование. Дринова Е. М. Направления и приоритеты политико-коммуникативного взаимодействия органов власти и Русской православной церкви в публичном пространстве современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 41–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.4>

Введение. В последнее десятилетие в России сформировались прагматичные отношения между государством и Русской православной церковью, они стали возможными в результате демократических преобразований, в стране были созданы рыночная экономика, институты демократии, сформировалось гражданское общество. Одним из ключевых игро-

ков публичного пространства выступила РПЦ, восстановившая статус доминирующей религии, которая представляет свои интересы в условиях отсутствия конкуренции со стороны религиозных элит иных конфессий страны.

В 2020 г. по инициативе патриарха Кирилла в Конституцию была внесена поправка о вере в Бога, анонсированная Президен-

том РФ [5; 14]. Согласно данной поправке следует учитывать исторически сложившиеся культурно-религиозные доминанты при проведении внутренней и внешней политики государства. Вместе с тем можно предположить, что данная поправка используется для выстраивания нового тренда – гражданской религии, которая основывается на верховенстве традиционных религий и православия как государствообразующей силы; предполагает доминирование культа государства с опорой на консервативные ценности. Соответственно основной функцией гражданской религии выступает легитимация политической власти.

Что же касается востребованности религиозных ценностей среди россиян, то отметим следующее. В 2019 г. православными себя называли 63 % опрошенных. При этом из них не посещали церковь 15 % опрошенных; реже одного раза в год – 13 %; и один раз в месяц посещали церковь 11 %. На вопрос «Как часто вы причащаетесь?» 34 % опрошенных ответило – никогда; 11 % – реже одного раза в год; 14 % – один или несколько раз в год, только 3 % причащались раз в месяц или чаще [12]. Вместе с тем в христианской традиции причастие означает для верующего символическое и физическое воссоединение с Богом.

Существуют определенные критерии религиозности, к которым относится регулярное посещение церкви, исполнение таинств, чтение священных книг и др. Согласно этим критериям процент православных верующих в стране является минимальным. Для большинства россиян религиозная самоидентификация является скорее отражением их гражданской идентичности, а отнюдь не православной принадлежности. В данном контексте православность рассматривается как признак самоидентификации и отчасти социальной респектабельности российских граждан. Вместе с тем наличие православного идентификационного конструкта в массовом сознании свидетельствует о том, что в России существует религиозность без религии как таковой. Религиозные ценности воспринимаются гражданами скорее в культурном цивилизационном аспекте. Иными словами, религиозность представляет собой систему консервативных ценностей, традиционных идеалов, при-

витых государством совместно с РПЦ, при этом используется исключительно организационная составляющая православной религии, а теологическая отходит на задний план [19].

Методы и материалы. Анализ форм социально-политической коммуникации государственных / религиозных акторов был осуществлен в рамках информационно-кибернетического подхода. Согласно К. Дойчу, коммуникация лежит в основе динамических изменений политической системы. Социальные цели достигаются посредством координации, сотрудничества между государственными и религиозными акторами социально-политического процесса. Институциональный подход позволил изучить взаимодействие между государственными структурами и РПЦ, которые преследуют сакральные / светские цели в контексте адаптации, сотрудничества и конкуренции в ходе демократических преобразований [23, р. 132]. В рамках модернизационного подхода основополагающим стал тезис Ю. Хабермаса о возрастающей роли института религии в постсекулярном обществе, усилении ее роли внутри национального государства [18]. Роль института религии в таких обществах увеличивается, что обусловлено переосмыслением человечеством конфликтов, которые имеют религиозную составляющую; усилением института церкви в национальных государствах, где он функционирует в секулярной среде; существованием «чужих» религиозных общин, что заставляет по-новому пересмотреть отношение человека к «своим» церквям.

Следует отметить некую парадоксальность взаимоотношений между государством и РПЦ в России. Чем выше уровень секуляризации в современном государстве, тем активнее политическая элита использует институт религии в качестве новой объединяющей идеологии [28]. Православие как доминирующая в публичном пространстве конфессия активно участвует в социальной политической жизни страны, бросает вызов иным конфессиям [29]. Высшие лица государства и церкви разделяют общие консервативные ценности, но при этом отстаивают свои интересы, что инициирует ограничение их взаимной поддержки. Вместе с тем в стране сложились условия для формирования отношений в формате симфонии властей [20].

Дрейф православия в культурно-образовательную сферу, введение в школе курса по основам православной культуры, поддержка церковных инициатив государством приводит к трансформации церкви, которая в своей деятельности начинает исходить из симбиоза светских и религиозных принципов [16; 26; 27]. Государственные органы при проведении культурной образовательной политики в стране учитывают православный компонент, что приводит к размыванию границ светского характера государства.

Согласно Конституции, Россия является светским деидеологизированным государством. Однако сегодня наблюдается выход страны из идеологического вакуума, трендом правящей партии выступает консервативная идеология, в основу которой положены ценности патриотизма, суверенная демократия и православие. Данная идеологическая модель противостоит западной и, соответственно, предполагает защиту от западноевропейских ценностей [9; 24]. Российская модель управления, основанная на традиционных ценностях, усиливает возможности при проведении внешней политики страны. Вместе с тем система ценностей, которые Россия и РПЦ транслируют зарубеж, может сделать страну «лидером нелиберального мира» [21; 25; 30].

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой российский консервативный дискурс нашел отклик у части политической элиты в США, а также ряда политиков США и ЕС, которые скептически относятся к проекту евроинтеграции. Следует отметить, что изначально консерватизм в странах Западной Европы был связан с христианством, моральными ценностями и установкой политической элиты на служение обществу [1]. В XXI в. евроскептицизм был положен в основу программ ряда националистических партий Франции, Германии, Великобритании и др., стал частью политической жизни Европы. С таких позиций евроскептикам более близка российская консервативная модель, основанная на национальном суверенитете, традиционной семье, национальной культуре, религиозности, чем наднациональная мультикультурная модель Брюсселя.

За рубежом государство использует РПЦ в качестве проводника внешнеполити-

ческих взглядов государства, как инструмент «мягкой силы». В России акцентируется внимание на информационной пропагандистской составляющей «мягкой силы» [10]. Ряд зарубежных исследователей рассматривает «мягкую силу» России применительно к странам развитой демократии как угрозу их национальной безопасности, отмечают ее экспансивный и манипулятивный характер [32]. Следует отметить, что в 2016 г. Россия впервые вошла в рейтинг 30 стран, использующих «мягкую силу». Однако на протяжении последних лет отмечается падение рейтинга, в итоге она спустилась с 26-го места в 2016 г. до 30-го места в 2019 году [33].

Анализ. Исторически Россия была поликонфессиональным государством. Современная Россия учитывает исторически сложившуюся культурно-историческую роль православной церкви. Конституция закрепляет светский характер государства, запрещает любой религии выступать в качестве «государственной». Обозначенная выше тенденция стала основополагающей при формировании приоритетных направлений органов государственной власти и церкви в публичном пространстве страны.

Направление первое – демократизация социума и политизация религии. Распад СССР, формирование новой государственности, переход к демократии сопровождался возрождением религиозности. Патриарх Всея Руси Алексей, а впоследствии Кирилл заявляли о своей поддержке избранных президентов Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева, благословляли их политическую деятельность. Результатом политизации религии, включенности священнослужителей и мирян в политический процесс стало образование политических религиозных партий. Со временем деятельность как христианских, так и исламских политических партий усилила потенциал угроз, связанный с религиозным экстремизмом, а политизация религии стала фактором дестабилизации системы национальной безопасности. Так, например, с 1996 по 2004 г. только в Москве произошло более 20 террористических актов, половина из них была совершена смертниками, в результате более 500 человек погибло, более 800 было ранено. Принятый закон «О политических партиях»

запрещал создание и деятельность партий по религиозным и национальным признакам.

Отметим, что в дальнейшем политические партии стали придерживаться полярных позиций по проблеме выстраивания государственно-конфессиональных отношений. Партии «Гражданская платформа», «Правое дело» отстаивали принципы светского общества, светский характер государства, в том числе его силовых и образовательных структур. Правящая «Единая Россия» стала придерживаться принципов постсекулярного общества, ориентированного на взаимовыгодное партнерство с институтом религии; акцентировать внимание на вере и этнической принадлежности граждан; уделять внимание военно-патриотическому воспитанию. Центристские положения стали занимать КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко» [8, с. 14].

Позднее российское духовенство заявило о необходимости проведения экономических и политических реформ на основе ценностей православия. Была обоснована идея духовной модернизации в России при участии РПЦ. В Русской доктрине, программном документе была обозначена цель – формирование государственности на основе духовности. Духовная модернизация, на наш взгляд, представляла собой попытку реализации политических амбиций православной церкви, ее стремления стать полноправным актором политического процесса. Позднее РПЦ запретило священнослужителям заниматься политической деятельностью, в то время как православным мирянам было дано такое право, правда только с благословения Синода [15]. Следует отметить, что политизация церкви не есть исключительно новая тенденция, она была обусловлена становлением российского государства, которое во времена кризисов традиционно обращалось к институту религии. Вместе с тем включенность РПЦ в политический процесс инициировала трансляцию консервативных ценностей в публичное пространство страны.

Направление второе. Духовные ценности как основа нравственного потенциала России. Размышляя о духовно-нравственном потенциале российского общества, отметим следующее: его основу составляет феномен патриотизма, формирование позитив-

ного отношения граждан к своей Родине, ее защите; уважение к памяти защитников Отечества, активная гражданская позиция, служение и преданность Отечеству. Приоритетным направлением в сфере образования становится формирование духовно-нравственного потенциала в молодежной среде. Следует отметить, что РПЦ длительное время лоббировала включение в государственную систему школьного образования курса «Основы православной культуры», который был официально введен в 2012 г. только после того как Президент РФ Д.А. Медведев поддержал эту инициативу. Включение православного компонента в систему школьного образования, по мнению разработчиков, способствует сохранению национальной и духовной идентичности, укреплению ценностей державности, российской самобытности, стабильности, суверенности. В настоящее время этот курс читается в 4-м классе начальной школы. При этом следует отметить тот факт, что сегодня большая часть учителей, преподающих данный курс в школе, так и родителей, его выбирающих для своих детей, не являются верующими. Как показали результаты опроса ВЦИОМ, большая часть россиян выступает за сохранение принципа светскости государства, желает жить в стране, где религия не оказывает доминирующего влияния на общество и является частным делом граждан [11].

После апробации курса в начальной школе патриархом Кириллом было предложено преподавать его на протяжении всей учебы в школе. Соответственно в 2019 г. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации РПЦ разработал примерные образовательные программы по учебному предмету «Православная культура». На изучение курса в начальной школе отводится 102 ч, основные темы – нравственные принципы и нормы в православной культуре, православное искусство, христианская семья; на основное общее образование (5–9 кл.) – 175 ч, упор делается на формирование религиозного мировоззрения, православный образ жизни; на среднее общее образование (10–11 кл.) – 70 ч, изучается роль Церкви в современном мире. Но здесь возникает закономерный вопрос, почему бы церкви не увеличить число воскресных школ, в которых можно углублен-

но изучать данный курс на протяжении длительного времени? Вместо этого церковь стремится расширить свою аудиторию за счет молодого поколения, получающего образование в государственной школе. По нашему мнению, данная тенденция чревата негативными последствиями для самой церкви, происходит ее трансформация, что сопровождается выхолащиванием трансцендентной сущности духовного института.

Отметим, что данный проект РПЦ не был поддержан Министерством просвещения Российской Федерации. В 2021 г. был опубликован Национальный проект «Образование», целью которого провозглашается самореализация и развитие талантов у подрастающего поколения, базовыми составляющими проекта выступают система патриотического воспитания, волонтерское движение, акцент делается на цифровую трансформацию системы образования. Несмотря на конфликт интересов, РПЦ остается выгодным партнером для государственных структур в формировании ценностных моральных установок россиян. Исходя из того, что молодое поколение предопределяет будущее состояние политической элиты страны, РПЦ рассматривается в качестве духовного наставника молодежи, при этом еще закладывает толерантное отношение к церкви.

Формирование патриотических ценностей у молодежи так же происходит в рамках Рождественских чтений, крупнейшего общественного религиозного форума, участие в котором принимают члены правительства, сенаторы, парламентарии. В приветственном слове участникам Рождественских чтений в 2020 г. Президент РФ В.В. Путин отметил вклад РПЦ в укрепление совместной деятельности с государственными органами, институтами гражданского общества в деле сплочения нации и патриотического воспитания молодежи. В рамках Рождественских встреч в Государственной думе проводятся круглые столы, конференции, проходят встречи священнослужителей с лидерами партийных фракций, спикерами верхней и нижней палат парламента, посвященные духовно-нравственному просвещению, патриотическому воспитанию молодежи, формированию христианских ценностей в семье, армии.

Так же православная составляющая имеет место в Вооруженных силах России. Первоначально совместная деятельность РПЦ и армейских структур носила символический характер, заключалась в конструировании и распространении религиозного армейского культа, цель которого – духовная защита российской армии. Так, ракетные войска стратегического назначения получили своего небесного покровителя святую Варвару, Андрей Первозванный стал покровителем Военно-морского флота, пророк Илия – покровителем ВДВ, небесным покровителем сухопутных войск стал Александр Невский. Следует отметить, что не все войска имеют своих небесных покровителей, соответственно работа церкви в этом направлении будет продолжена. РПЦ заложила традицию по благословению икон, написанных для российской армии. В Главном храме Вооруженных сил Российской Федерации, сооруженном в 2020 г., проходят церемонии по передаче икон, которые покровительствуют военным структурам.

Приоритетным направлением стало участие РПЦ в реформировании российской армии. Реформы проводились с 2008 по 2020 год. В результате была создана новая структура российской армии, изменилась система военного образования. В аналитическом докладе международного дискуссионного клуба Валдай, посвященном военной реформе, особое место уделялось как формированию нового облика офицера и сержанта, так и отмечалась необходимость разработки новых программ обучения военного состава [3]. На заключительном этапе военной реформы было образовано Главное военно-политическое управление Вооруженных сил. Его задачей является формирование воина-государственника, защитника Отечества, носителя духовно-нравственных ценностей. Как отметил начальник управления генерал-полковник А. Картаполов, Главное военно-политическое управление занимается морально-психологическим обеспечением военнослужащих, поддерживает их моральный и боевой дух, ведет информационно-пропагандистскую работу, создает условия «для реализации права на свободу вероисповедания с учетом особенностей армейской жизни», сохраняет патриотические традиции. По его мнению, военное духовен-

ство играло «великую роль» в армии России, в современных реалиях ее необходимо вернуть [13].

Институт военного духовенства занимается патриотическим воспитанием в воинских частях, верующие военнослужащие получили возможность исполнять свой религиозный долг. Так же военное духовенство принимало участие в проведении российской операции в Сирии. В местах дислокации российских военных баз были открыты и действовали православные приходы, деятельность которых способствовала усилению сплоченности военнослужащих, снижению постбоевого стресса. Армейские структуры активно поддерживают миссию духовенства и считают, что оно может и обязано заниматься воспитанием духа военнослужащих, при этом возрождение Российского государства связывается ими с возрождением православия.

Результатом совместной деятельности вооруженных сил и РПЦ в 2020 г. стало открытие духовно-просветительского центра при Храме Вооруженных сил РФ. Центр проводит курсы по повышению квалификации по военно-патриотической работе; работает с верующими военнослужащими. Таким образом, РПЦ использует свой потенциал для духовной поддержки, окормления военнослужащих.

Направление третье. РПЦ как канал «мягкой силы». Создатель концепта «мягкой силы» Дж. Най выделил три ее основания – ценности демократии, культура и внешняя политика, используя которые государство приобретает возможность оказывать влияние на другие страны, реализуя при этом свои внешнеполитические цели [31]. В дальнейшем к глобальным ресурсам «мягкой силы» стали относить цифровую инфраструктуру страны, использование цифровой дипломатии; привлекательность экономической модели, достижений национальной культуры; в политической сфере – приверженность ценностям демократии, качество функционирования политических институтов.

В России существует иное понимание «мягкой силы», она представляет собой «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие аль-

тернативные классической дипломатии методы и технологии» [6]. Российская «мягкая сила» основывается на ценностях консерватизма, которые апеллируют к семейным, религиозным ценностям, сильному государству. Одним из каналов по проведению политики «мягкой силы» является Фонд «Русский мир». В числе его основополагающих задач отметим следующие: сотрудничество с международными государственными, общественными организациями по популяризации русского языка и культуры; поддержку русскоязычных диаспор за рубежом, сохранение культурной идентичности; взаимодействие РПЦ с другими религиями с целью продвижения русской культуры и языка [17]. Первоначально «Русский мир» представлял собой глобальный светский проект, целью которого выступало формирование российской национальной идентичности, что, по мнению его создателей, привело бы к усилению роли России на международной арене. Впоследствии «Русский мир» приобрел выраженный православный окрас. В трактовке патриарха Кирилла понятие «Русский мир» следует рассматривать как цивилизационное, основанное на православной вере. Православные сторонники «Русского мира» позиционируют себя в качестве защитников религиозных ценностей христианской цивилизации. С таких позиций миссией «Русского мира» провозглашалось сдерживание секуляризма, явления, которое, по мнению духовенства, уже охватило Запад.

Так, например, применительно к Украине религиозно-культурный фактор был главной движущей силой действий РПЦ в этой стране. Исторически Киев являлся колыбелью русской цивилизации, где в 988 г. была основана русская православная вера. По мнению российской политической элиты, принятие Украиной западных ценностей может привести к расколу православных, как следствие к краху страны. Вплоть до 2013 г. «Русский мир» как проводник «мягкой силы» был ориентирован на интеграционные процессы между двумя странами; вхождение Украины в общее цивилизационное православное пространство [4]. Политическое звучание концепция «Русский мир» получила после того как Крым вошел в состав России в 2014 году. Президент РФ В.В. Путин обосновал присоеди-

нение Крыма как событие по «воссоединению русского мира», что тем самым оправдывало нарушение территориальной целостности Украины [7]. Самопровозглашенные Донецкая и Луганская республики, не признанные украинской властью, также апеллировали к ценностному потенциалу «Русского мира». Следует отметить, что с этого периода времени политическая, православная составляющая «мягкой силы» в Украине практически исчерпала себя.

На Балканах политика «мягкой силы» активно реализуется в Сербии, где объединяющим фактором выступают общая славянская идентичность, православная религия. Знаменательным стал визит В.В. Путина в 2019 г. в Сербию. Президент А. Вучич выразил благодарность за помощь в строительстве крупнейшего на Балканах православного собора Святого Саввы, которое было завершено благодаря финансовой помощи из России. Высокая привлекательность «мягкой силы» России на Балканах уходит своим основанием как в общую религию, так и историю народов. Россия выступает и историческим союзником и защитником южных славян.

РПЦ последовательно выстраивает дружеские отношения с православным большинством в Сербии, Болгарии, Греции. Ее ведущим партнером выступает Сербская православная церковь, которая имеет тесные отношения как с Сербским правительством, так и контролирует межцерковные связи с Косово, Черногорией, Хорватией, Сербской Республикой. По мнению западных исследователей, в основу стратегии «мягкой силы» России по большей части были положены антизападные отношения, а не привлекательность русской культуры. Стратегией России на Балканах является предотвращение расширения НАТО, стремление замедлить расширение ЕС и Китая [22].

Во Франции «мягкая сила» основывается на хороших исторических культурных отношениях, наследии Де Голя, считавшего Россию частью Европы. Во Франции действуют два православных фонда, которые продвигают систему консервативных ценностей России, позиционирующей себя защитницей христианской идентичности Европы. В 2014 г. в центральном районе Парижа на набережной

Бранли, напротив Эйфелевой башни, началось строительство православного духовно-культурного центра, который включал в себя Свято-Троицкий собор, приходской центр, франко-русскую начальную школу на 150 человек. В 2016 г. Русский духовно-культурный центр был открыт, что стало большим дипломатическим успехом России и признаком ее «мягкой силы». Инструментами «мягкой силы» так же является религиозная дипломатия, деятельность русских православных церквей на постсоветском пространстве, что способствует повышению престижа России [2]. «Мягкая сила» в условиях санкций дает возможность России выстраивать долгосрочные отношения с европейскими странами, укрепляя при этом свой имидж на международной арене.

Результаты. Приоритетными направлениями совместной деятельности государственных органов и РПЦ выступают образовательная, военная и внешнеполитическая сферы. В образовательной сфере совместная деятельность предполагает формирование духовно-нравственного потенциала в детской, подростковой, молодежной среде. Широкий спектр взаимодействия государственных и религиозных органов власти в публичном пространстве страны находит отражение в проведении Рождественских парламентских чтений, в рамках которых проходят конференции и круглые столы по формированию духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Вместе с тем в образовательном пространстве страны происходит смешение светских патриотических традиций с религиозными православными, что сопровождается секуляризацией и приводит к трансформации духовного института, выхолащиванию его трансцендентно-имманентной сущности.

В военно-политической сфере глобальным трендом выступает воспитание воинов патриотов, защитников отечества, носителей традиционных ценностей, духовности. В условиях ведения современных гибридных войн, информационной контрпропаганды возрастает риск деморализации воинского состава. Главное военно-политическое управление Вооруженными силами Российской Федерации, отвечающее за идеологическое направление, совместно с институтом военных капелланов проводят политику, направленную на форми-

рование морального облика военнослужащего. Новой формой сотрудничества Министерства обороны и РПЦ является обеспечение национальной безопасности.

Консолидирующим политическим концептом предстает «Русский мир», который стал краеугольным камнем российской «мягкой силы». Как политическое понятие «Русский мир» используется государственными структурами для укрепления национальной безопасности, восстановления статуса России как великой державы, усиления ее влияния на постсоветском пространстве. В религиозном аспекте «Русский мир» выступает хранителем традиционных ценностей христианской цивилизации, основу которой составляют Россия, Молдова, Беларусь, Украина. Православные сторонники «Русского мира» полагают, что его миссия – вторая христианизация Руси, десекуляризация современного общества; трансляция консервативных ценностей и сдерживание секуляризма в Европе. С таких позиций РПЦ рассматривает государство в качестве инструмента для достижения поставленных целей. Российский дискурс «мягкой силы» востребован у части консервативного истеблишмента США и Евросоюза. Часть западноевропейской консервативно настроенной элиты принимают российскую модель «мягкой силы». Следует отметить, что в ряде восточноевропейских стран, где исторически консолидирующим фактором выступали общая славянская идентичность и православие, политики ориентированы на сближение и сотрудничество с Россией.

Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 г., закрепляют формирование новой российской идеологической модели, основу которой составляют патриотизм, система консервативных ценностей. Результатом взаимодействия государственных и религиозных структур становится формирование гражданской религии и новой мировоззренческой парадигмы, опирающейся на принципы религиозной этики; традиционных ценностей, национальной идентичности, патриотизма.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградс-

кой области в рамках научного проекта № 19-411-340006 р_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

The study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project № 19-411-340006 r_a “Socio-political design of public space and mass communication system in the regions of the Russian Federation (the example of the Volgograd region)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бер, К. Консерватизм: многогранное понятие. Попытка описания и ограничения – поиски следов / К. Бер // Исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 10–28.

2. Будаев, А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы / А. В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 48. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk__48_fevral_2015_g._/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/budaev.pdf (дата обращения: 15.05.2020). – Загл. с экрана.

3. Военная реформа: на пути к новому облику российской армии. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/22561/> (дата обращения: 21.02.2020). – Загл. с экрана.

4. Донцев, С. П. Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг. / С. П. Донцев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2018. – № 2 (12). – С. 71–91. – DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-2-79-91>.

5. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/.cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=346019&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.40642575178824414#07762658172629764> (дата обращения: 02.05.2020). – Загл. с экрана.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 // Официальный сайт МИД РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 12.12.2020). – Загл. с экрана.

7. Кудорс, А. «Русский мир» от концепции «мягкой силы» до обоснования войны / А. Кудорс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150417/227571026.html> (дата обращения: 16.03.2020). – Загл. с экрана.

8. Лаврентьев, С. Н. Политические партии и постсекулярный синдром в современной России / С. Н. Лаврентьев // Власть. – 2013. – № 12. – С. 14–15.

9. Ларюэль, М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния / М. Ларюэль. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf. (дата обращения: 25.02.2020). – Загл. с экрана.

10. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 212–223. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

11. Опрос ВЦИОМ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (дата обращения: 11.02.2020). – Загл. с экрана.

12. Опрос ФОМ. 2019 г. Считаете ли вы себя верующим человеком? И если да, то к какому вероисповеданию (конфессии) вы себя относите? – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14128> (дата обращения: 09.11.2020). – Загл. с экрана.

13. Право первым подняться в атаку. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_35_748.pdf (дата обращения: 11.02.2020). – Загл. с экрана.

14. Патриарх Кирилл: «Если в гимне может быть “Богом хранимая родная земля”, почему об этом не может быть сказано в нашей конституции». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/religion/discussions/authorities/2020/02/d42018/> (дата обращения: 16.06.2020). – Загл. с экрана.

15. Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах // Официальный сайт Московского Патриархата. Русская Православная Церковь. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400896.html>. (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.

16. Рогинская, М. А. Православная модернизация как предельный интерес: о некоторых аспектах диалога церкви и общества / М. А. Рогинская // Культура и цивилизация. – 2012. – № 5. – С. 91–92.

17. Фонд «Русский мир» создан во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 29.11.2020). – Загл. с экрана.

18. Хабермас, Ю. Против «воинствующего атеизма». Постсекулярное общество – что это такое? / Ю. Хабермас. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Protivvoinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 30.12.2020). – Загл. с экрана.

19. Adamsky, D. The Role of the Russian Orthodox Church in Moscow’s Syrian Campaign / D. Adamsky // PONARS Eurasia. – February 10, 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepm635_Adamsky_Feb2020.pdf (date of access: 24.02.2020). – Title from screen.

20. Anderson, J. Putin and the Russian Orthodox Church: Asymmetric Symphonia? / J. Anderson // Journal of International Affairs. – 2007. – № 61 (1). – P. 185–201.

21. Antunez, J. C. The role of religion and values in russian policies: the-case of hybrid warfare / J. C. Antunez. – Electronic text data. – Mode of access: https://global-strategy.org/the-role-of-religion-and-values-in-russian-policies-the-case-of-hybrid-warfare/#_ftn14 (date of access: 25.02.2020). – Title from screen.

22. Bechev, D. Russia’s Strategic Interests and Tools of Influence in the Western Balkans / D. Bechev // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. – 2019. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.stratcomcoe.org/russias-strategic-interests-and-tools-influence-western-balkans> (date of access: 13.01.2021). – Title from screen.

23. Cesari, J. Religion and democratisation: when and how it matters / J. Cesari // Journal of Religious and Political Practice. – 2016. – № 2 (2). – P. 131–134.

24. Curanovic, A. The Attitude of the Moscow Patriarchate towards Other Orthodox Churches / A. Curanovic // Religion, State and Society. – 2007. – № 35 (4). – P. 301–318. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09637490701621679>.

25. Curanovic, A. A. Russia’s Mission in the World. The Perspective of the Russian Orthodox Church / A. A. Curanovic // Problems of Post-Communism. – 2019. – № 66 (4). – P. 253–267. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1530940>.

26. Clay, E. Multiculturalism and Religious Education in the Russian Federation: The Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics / E. Clay // State, Religion and Church. – 2015. – № 2 (1). – P. 44–74.

27. Eremin, A. The Education Activity of the Russian Orthodox Church in the Contemporary Transcultural Space of Russia / A. Eremin // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2017. – № 237 (2). – P. 1475–1481. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.232>.

28. Inglehart, R. F. Giving Up on God. The Global Decline of Religion / R. F. Inglehart // Foreign Affairs. – 2020. – № 99 (5). – P. 111–112. – Electronic text data. –

Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/node/1126301> (date of access: 01.02.2020). – Title from screen.

29. Köllner, T. Businessmen, Priests and Parishes: Religious Individualization and Privatization in Russia / T. Köllner // Archives de sciences sociales des religions. – 2013. – Vol. 162, № 2. – P. 37–53. – DOI: <https://doi.org/10.4000/assr.25037>.

30. Kaczmarek, K. B. Conservative soft power: Liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia / K. B. Kaczmarek, V. Keating // Journal of International Relations and Development. – 2019. – Vol. 22, № 1, pp. 1-27. – DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>.

31. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. – N. Y. : Public Affairs, 2004. – 191 p.

32. Petro, N. Russia’s Orthodox Soft Power / N. Petro // Carnegie Council for Ethics in International Affairs. – 2015. – 23 March. – Electronic text data. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3172378 (date of access: 30.12.2020). – Title from screen.

33. Portland. Soft Power 30. – Electronic text data. – Mode of access: <https://softpower30.com> (date of access: 14.02.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Ber K. Konservativizm: mnogogrannoe ponyatie. Popytka opisaniya i ogranicheniya – poiski sledov [Conservatism: An Opaque and Shimmery Notion. Outlines of a Description of a Notion and an Enclosure of Meaning]. *Istoricheskie issledovaniya* [History Studies], 2016, no. 5, pp. 10-28.

2. Budaev A.V. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy [“Soft Power” in Russian Foreign Policy: Origins, Features, Prospects]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [E-journal. Public Administration], 2015, vol. 48. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk__48._fevral_2015_g._pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/budaev.pdf (accessed 15 May 2020).

3. *Voennaya reforma: na puti k novomu obliku rossijskoj armii. Analiticheskij doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»* [Military Reform: Toward the New Look of the Russian Army. Valdai Discussion Club Analytical Report]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22561> (accessed 21 February 2020).

4. Doncev S.P. Religiozno-politicheskij konflikt na Ukraine v kontekste rossijskih proektov «myagkoj sily» v 1990–2017 gg. [Religious and Political Conflict in Ukraine in the Context of Russian Projects of “Soft Power” in 1990–2017]. *Vestnik RGGU. Seriya*

«Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie», 2018, no. 2 (12), pp. 71-91. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-2-79-91>.

5. *Zakon RF o popravke k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii ot 14.03.2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti»* [Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities”]. URL: <http://www.consultant.ru/.cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=346019&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.40642575178824414#07762658172629764> (accessed 2 May 2020).

6. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii ot 12.02.2013* [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation February 12, 2013]. *Officialnyj sayt MID RF* [Website of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 (accessed 12 December 2020).

7. Kudors A. «Russkij mir» ot koncepcii «myagkoj sily» do obosnovaniya vojny [“Russian World” – From the Concept of “Soft Power” to the Justification of War]. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150417/227571026.html> (accessed 16 March 2020).

8. Lavrentev S.N. Politicheskie partii i postsekulyarnyj sindrom v sovremennoj Rossii [Political Parties and Post-Secular Syndrome in the Modern Russia]. *Vlast*, 2013, no. 12, pp. 14-15.

9. Laryuel M. *Myagkaya sila Rossii: istochniki, celi i kanaly vliyanija* [Russian Soft Power: Sources, Goals and Channels of Influence]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (accessed 25 February 2020).

10. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody [“Soft Power”: Concept and Approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212-223. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

11. *Opros VTsIOM* [VCIOM Poll]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (accessed 11 February 2020).

12. *Opros FOM. 2019 g. Schitaete li vy sebya veruyushchim chelovekom? I esli da, to k kakomu veroispovedaniyu (konfessii) vy sebya otosite?* [FOM Poll, 2019. Do You Consider Yourself a Religious Person? If so, What Religion (Denomination) Do You Belong to?]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14128> (accessed 9 November 2020).

13. *Pravo pervym podnyat'sya v ataku* [The Right to be the First to Attack]. URL: <https://vpk-news.ru/>

sites/default/files/pdf/VPK_35_748.pdf (accessed 11 February 2020).

14. Patriarh Kirill: «*Esli v gimne mozhet byt "Bogom hranimaya rodnaya zemlya", pochemu ob etom ne mozhet byt skazano v nashej konstitucii*» [Patriarch Kirill: "If the Anthem Says The Native Land So Kept by God Why Cant it be Said in Our Constitution?"]. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/discussions/authorities/2020/02/d42018> (accessed 16 June 2020).

15. Praktika zayavlenij i dejstvij ierarhov, duhovenstva, monashestvuyushchih i miryan vo vremya predvybornyh kampanij. Problema vydvizheniya duhovenstvom svoih kandidatur na vyborah [The Practice of Statements and Actions of Hierarchs, Clergy, Monks and Laity During Election Campaigns. The Problem of Clergy Nominating their Candidates for Elections]. *Oficialnyj sajt Moskovskogo Patriarhata. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov* [Russian Orthodox Church. Official Website of the Moscow Patriarchate]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400896.html> (accessed 18 December 2020).

16. Roginskaya M.A. Pravoslavnaya modernizaciya kak predelnyj interes: o nekotoryh aspektah dialoga cerkvi i obshchestva [Orthodox Modernization as the Ultimate Concern: The Dialogue on Some Aspects of Church and Society]. *Kultura i civilizaciya* [Culture and Civilization], 2012, no. 5, pp. 91-92.

17. Fond «*Russkij mir*» sozdan vo ispolnenie Ukaza Prezidenta RF V.V. Putina ot 21 iyunya 2007 goda [The "Russkiy Mir" Foundation was Established in Accordance with the Decree of the President of the Russian Federation Vladimir Putin of June 21, 2007]. URL: <https://russkiymir.ru/fund> (accessed 29 November 2020).

18. Khabermas Yu. *Protiv «voinstvuyushhego ateizma»*. *Postsekulyarnoe obshchestvo – chto eto takoe?* [Against "Militant Atheism". A Post-Secular Society – What Does That Mean?]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushhego-ateizma> (accessed 30 December 2020).

19. Adamsky D. The Role of the Russian Orthodox Church in Moscow's Syrian Campaign. *PONARS Eurasia*. February 10, 2020. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepm635_AdamskyFeb2020.pdf (accessed 24 February 2020).

20. Anderson J. Putin and the Russian Orthodox Church: Asymmetric Symphonia? *Journal of International Affairs*, 2007, no. 61 (1), pp. 185-201.

21. Antunez J.C. *The Role of Religion and Values in Russian Policies: The-Case of Hybrid Warfare*. URL:

https://global-strategy.org/the-role-of-religion-and-values-in-russian-policies-the-case-of-hybrid-warfare/#_ftn14 (accessed 25 February 2020).

22. Bechev D. Russia's Strategic Interests and Tools of Influence in the Western Balkans. *NATO Strategic Communications Centre of Excellence*. 2019. URL: <http://www.stratcomcoe.org/russias-strategic-interests-and-tools-influence-western-balkans> (accessed 13 January 2021).

23. Cesari J. Religion and Democratisation: When and How It Matters. *Journal of Religious and Political Practice*, 2016, no. 2 (2), pp. 131-134.

24. Curanovic A. The Attitude of the Moscow Patriarchate Towards Other Orthodox Churches. *Religion, State and Society*, 2007, no. 35 (4), pp. 301-318. DOI: <https://doi.org/10.1080/09637490701621679>.

25. Curanovic A.A. Russias Mission in the World. The Perspective of the Russian Orthodox Church. *Problems of Post-Communism*, 2019, no. 66 (4), pp. 253-267. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1530940>.

26. Clay E. Multiculturalism and Religious Education in the Russian Federation: The Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics. *State, Religion and Church*, 2015, no. 2 (1), pp. 44-74.

27. Eremin A. The Education Activity of the Russian Orthodox Church in the Contemporary Transcultural Space of Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2017, no. 237 (2), pp. 1475-1481. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.232>.

28. Inglehart R.F. Giving Up on God. The Global Decline of Religion. *Foreign Affairs*, 2020, no. 99 (5), pp. 111-112. URL: <https://www.foreignaffairs.com/node/1126301> (accessed 1 February 2020).

29. Köllner T. Businessmen, Priests and Parishes: Religious Individualization and Privatization in Russia. *Archives de Sciences Sociales des Religions*, 2013, vol. 162, no. 2, pp. 37-53. DOI: <https://doi.org/10.4000/assr.25037>.

30. Kaczmarska K.B., Keating V. Conservative Soft Power: Liberal Soft Power Bias and the Hidden Attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 1-27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>.

31. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

32. Petro N. Russia's Orthodox Soft Power. *Carnegie Council for Ethics in International Affairs*. March, 23 2015. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3172378 (accessed 30 December 2020).

33. *Portland. Soft Power 30*. URL: <https://softpower30.com> (accessed 14 February 2020).

Information About the Author

Elena M. Drinova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, drinova_em@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6927-0242>

Информация об авторе

Елена Михайловна Дринова, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, drinova_em@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6927-0242>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.5>UDC 281.9(470.43)
LBC 63.3(2)64-22Submitted: 23.12.2019
Accepted: 19.08.2020**STATE-CHURCH RELATIONS AND THE RELIGIOUS SITUATION
IN A PROVINCIAL TOWN IN 1997–2003 (ON THE EXAMPLE OF TOLYATTI)****Vadim N. Yakunin**

Volga State Orthodox Institute, Tolyatti, Russian Federation

Abstract. Introduction. The goal of the article is to investigate the nature and assess the results of state-church relations in Tolyatti after the implementation of the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” of September 26, 1997. **Materials and Methods.** In order to implement the goal of the research, we used the materials of the municipal public institution “Tolyatti Archive” (orders and resolutions of the mayor of Tolyatti), data from periodicals, memoirs of contemporaries, materials of the current archive of the Samara diocesan administration closed to the public (reports of the ruling Bishop of the Samara diocese to the Moscow Patriarchate), materials from the author’s personal archive: reports of the assistant governors of Samara Oblast on religious issues reports of both secular and ecclesiastical officials on the religious situation in Samara Oblast and Tolyatti, other official and unofficial documents, many of which, due to their specificity, do not end up in Church or secular archives (correspondence between the heads of local religious organizations with Tolyatti Duma and City Hall officials; protocols of City Hall meetings on religious issues and the protocols of meetings in the religious organizations, which were conducted by the author). The research methodology includes the method of document analysis. **Analysis.** The construction of churches, the development of educational institutions, the opening of a monastery, guardianship and fraternities, and the publication of religious periodicals continued in 1997–2003. For Tolyatti’s clergy and believers, the preparation and celebration of the 2000th anniversary of the Nativity of Christ was an opportunity to express themselves in the media, increase the number of parishes and ask the authorities for assistance in solving various life issues including financial assistance. The Orthodox clergy also hoped to solve the problem of various religious organizations and sects functioning on the territory of Tolyatti, which they considered their canonical territory, with the help of the authorities. **Results.** With the celebration of the 2000th anniversary of Christianity, Orthodox religious organizations strengthened their position in society, established a dialogue with business and government, and gained advantages over other religious organizations in all matters. It was connected with both the allocation of land for temples and their subsequent financing.

Key words: temples, cathedrals, churches, monasteries, clergy, bishops, charity.

Citation. Yakunin V.N. State-Church Relations and the Religious Situation in a Provincial Town in 1997–2003 (On the Example of Tolyatti). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 54-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.5>

УДК 281.9(470.43)
ББК 63.3(2)64-22Дата поступления статьи: 23.12.2019
Дата принятия статьи: 19.08.2020**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ
В 1997–2003 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ)****Вадим Николаевич Якунин**Поволжский православный институт им. Святителя Алексия, митрополита Московского,
г. Тольятти, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие религиозных организаций г. Тольятти с органами власти и управления, а также религиозная ситуация в г. Тольятти в 1997–2003 годах. Этот период интересен прежде всего началом нового этапа государственно-церковных отношений, наступившего после принятия Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях». Сделан вывод о том, что православные религиозные организации Тольятти при помощи и поддержке государства, местных органов власти по максимуму использовали преамбулу Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», где признавалась особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Доказывается, что к концу рассматриваемого периода православным религиозным организациям Тольятти удалось укрепить свои позиции в обществе, наладить диалог с бизнесом и властью и получить преимущества во всех вопросах своей жизнедеятельности по сравнению с другими религиозными организациями (прямое финансирование из бюджета и выделение земельных участков в лучших районах города).

Ключевые слова: храмы, соборы, церкви, монастыри, духовенство, архиереи, благотворительность.

Цитирование. Якунин В. Н. Государственно-церковные отношения и религиозная ситуация в провинциальном городе в 1997–2003 гг. (на примере города Тольятти) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.5>

Введение. В статье рассмотрено изменение государственно-церковных отношений в 1997–2003 гг. на примере г. Тольятти. Проанализировано соотношение официальной религиозной политики с конкретным ее воплощением на местах. Цель статьи – исследовать характер и оценить результаты государственно-церковных отношений в Тольятти после принятия Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях».

Хронологические рамки исследования охватывают 1997–2003 гг., так как за этот период можно проследить, как воплощалась в жизнь государственная церковная политика на местах после принятия данного закона.

Методы и материалы. Цель исследования была достигнута на основе использования материалов муниципального казенного учреждения (МКУ) «Тольяттинский архив» (распоряжения и постановления мэра г. Тольятти), данных периодической печати, воспоминаний современников, материалов закрытого для общественности текущего архива Самарского епархиального управления (отчеты правящего архиерея Самарской епархии в Московскую патриархию), материалов личного архива автора: отчетов помощников губернатора Самарской области по религиозным вопросам, отчетов чиновников как светских, так и церковных о религиозной обстановке в Самарской области и г. Тольятти, других официальных и неофициальных материалы, многие из которых в силу своей специфики не по-

падают ни в церковные, ни в светские архивы (переписка руководителей местных религиозных организаций с чиновниками мэрии и Думы г. Тольятти, протоколы совещаний в мэрии по религиозным вопросам и протоколы совещаний в религиозных организациях, которые вел автор, работая в местной православной религиозной организации и в мэрии Тольятти в 1998–2001 гг.) [55].

Методология исследования включает метод анализа документов, в работе с материалами периодической печати был применен метод синхронного сопоставления с документальным материалом.

Анализ. 26 сентября 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Новым было то, что в преамбуле закона признавалась особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Несмотря на то что это была только преамбула закона, юридически не дающая никаких дополнительных прав, православные религиозные организации при помощи и поддержке государства постарались использовать ее в свою пользу. В ст. 9 закона признавалось необходимым для религиозных групп иметь подтверждение их существования на данной территории на протяжении не менее 15 лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией. Именно ст. 9 закона о 15-летнем цензе стала камнем

преткновения и споров между «традиционными» и «новыми» религиозными организациями.

Рассмотрим религиозную ситуацию в Тольятти в 1997–2003 гг. и как она изменилась после принятия нового закона.

В Самарской области и г. Тольятти самой крупной по количеству приходов религиозной организацией была Русская православная церковь (далее – РПЦ). В постсоветское время увеличилось количество храмов, усилилось влияние веры и церкви на все стороны жизни россиян [49, с. 295]. В 1997 г. на территории города было зарегистрировано 9 православных приходов, 1 монастырь, 3 домовых церкви, но только 3 прихода и 1 часовня располагались в уже построенных храмах [53]. Несмотря на то что церковь активно боролась в конце советского периода за сохранение материального наследия, ощущался острый недостаток мест служения [48, с. 113, 114]. Власти выделяли приходам квартиры на первых этажах многоэтажек либо непригодные помещения, где совершались церковные службы. В такие приходы назначали настоятеля, который обустроивал выделенное помещение под временную церковь и одновременно руководил организацией строительства стационарного храма. В 2 больницы Тольятти были открыты молитвенные комнаты [14, л. 13]. Все храмы г. Тольятти, за исключением Благовещенского в Федоровке, были новостройками. В 1998–2003 гг. открылось еще 4 прихода и 10 молебных комнат и часовен, домовых церквей на производствах ОАО «АвтоВАЗ», в медицинских и социальных учреждениях, в Тольяттинском военно-техническом институте, Тольяттинском филиале Самарской гуманитарной академии, в доме ветеранов и исправительной колонии № 16 [17; 26; 29; 46; 54].

Управляющий Самарской епархией (территориально совпадала с границами Самарской области) архиепископ Самарский и Сызранский Сергей (Полеткин) старался поднять роль Церкви в общественной жизни, для этого он встречался с руководством Тольятти, руководителями тольяттинских предприятий и организаций, на которых поднимал вопросы о передаче церковным организациям зданий и строений, выделении им земельных участков, финансовой и материальной помощи при стро-

ительстве новых храмов, противодействию в деятельности новых религиозных организаций, установлении сотрудничества с муниципальными органами в области духовного просвещения и социального служения [15, л. 2; 16, л. 1–2; 27]. Того же архиерея требовал от подчиненных: в Тольятти – от благочинного Ставропольского округа (куда входили г. Тольятти и Ставропольский район) протоиерея Николая Манихина и настоятелей приходов. Приходы имели формально независимый юридический статус местной православной религиозной организации и собственный расчетный счет, но фактически, согласно Уставу РПЦ, настоятели полностью подчинялись епархии в лице ее правящего архиерея. Благочиние же ни юридического статуса, ни тем более расчетного счета не имело, при всем том именно благочинный рекомендовал правящему архиерею назначить того или иного священнослужителя в конкретный приход. В 2002 г. Ставропольское благочиние было разделено на два – Тольяттинское во главе с протоиереем Николаем Манихиным, в которое вошли все городские приходы, и Ставропольское, в которое вошли сельские приходы Ставропольского района. Это было логичное решение в свете увеличения количества приходов и активизации религиозной жизни.

Община Русской православной старообрядческой церкви организационно оформилась в Тольятти в конце 90-х гг. XX в., что позволило ей в начале 2000-х гг. обратиться в мэрию Тольятти с просьбой выделить землю под храм.

В 1998 г. мэрией г. Тольятти был выделен под строительство католического костела участок земли у кинотеатра «Сатурн», где установили сборную модульную церковь, изготовленную в Германии, которая была освящена 20 декабря 1998 года. В 2002 г. приходу был выделен участок земли под строительство стационарного храма [1]. В связи с празднованием 1700-летия крещения Армении в Тольятти с 2001 г. активизировалось движение за строительство первоапостольской церкви. У баптистов церковь «Благая весть» имела собственное церковное здание. Две другие баптистские церкви – «Возрождение» и «Пробуждение» – своих помещений не имели и брали их в аренду. В 2002 г. мэрией г. Тольятти

была выделена земля под строительство баптистской церкви «Возрождение» [1]. Пятидесятнические общины были представлены такими организациями, как «Христианин», «Открытое небо», «Глобальная стратегия» и «Осана». Все они арендовали помещения для своих собраний [1; 44]. Из протестантских организаций в Тольятти имелись по 1 общине новоапостольской церкви, духовных христиан-молокан, адвентистов седьмого дня [5; 25].

Мусульманские религиозные организации были разобщены, самой крупной из них была соборная мечеть, построенная в 1997 г. [50]. Другие объединения – «Вахдад» и «Байт-Аллах» – собственных помещений не имели, были немногочисленны. Соборная мечеть и «Вахдад» входили в состав центрального духовного управления мусульман России, а «Байт-Аллах» – в состав духовного управления мусульман европейской части России [1]. Эти противоречия не позволили реализовать проект строительства Джума Джамии мечети в Автозаводском районе, хотя деньги для этого строительства выделялись, в том числе и из бюджета Тольятти [42; 51].

Община иудеев находилась в стадии регистрации. Буддисты были представлены филиалом необуддийского центра Карма Кагью [4; 9].

В Тольятти в тот период времени действовали неоднозначно воспринимаемые религиоведами и общественностью общины «Богородичного центра», «свидетелей Иеговы»¹, саентологов, сахаджа-йоги, кришнаитов, церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), последователей Саи-Бабы, секты Виссариона (Церковь Последнего Завета) [8; 43; 52], последователей Порфирия Иванова и других. Свидетели фиолетового пламени, гедеоновы братья не были зарегистрированы [39], что не мешало им вести свою деятельность, другие же были зарегистрированы под видом общественных организаций: сахаджа-йога, кришнаиты, дом Рерихов, саентологи (гуманитарный центр «Дианетика») [3; 6; 8]. Последние активно действовали и набирали своих последователей, особенно среди молодежи [3; 6].

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) приобрела в 2002 г. у ООО «ГриГер» в собственность здание для

проведения культовых мероприятий. Активная публичная деятельность этой организации к этому времени пошла на спад после ряда публикаций в прессе, в которых выражалась озабоченность укоренением организации в Тольятти. Протестанты, как и представители нетрадиционных для России религиозных организаций, использовали под свои собрания дома молодежи, дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки, актовые залы учебных заведений, арендовали помещения детских садов, школ, училищ, колледжей [7]. Саентологи организовывали платные семинары, арендовали помещения в одной из школ города, а когда родители выступили против такого соседства, то переместились в стены кулинарного училища. Религиозные общины пятидесятнического направления «Открытое небо», «Христианин», «Тольяттинский христианский центр» организовали в Тольятти «Огненную конференцию» 26–28 мая 2000 г. на стадионе «Строитель» и «Фестиваль музыки и чудес» с 22 июля по 27 августа 2000 г., в ходе которого установили шатер наподобие циркового (первоначально в Автозаводском, а затем в Центральном районе), и там собирали своих последователей [13; 18]. Характерный факт, который показывает противоречивость государственной религиозной политики в те годы, – несмотря на то что мэрия Тольятти разрешила мероприятия, заместитель мэра отправил по месту регистрации пятидесятнических церквей в отдел юстиции администрации Самарской области письмо с пунктами допущенных нарушений во время проведения мероприятий организаторами фестиваля: «В представленных уставах организаторов отсутствует разрешение на осуществление оздоровительной медицинской деятельности (заживление ран, избавление от недугов). В то же время на мероприятиях фестиваля в ходе отправления культа явно просматриваются суггетивные методы воздействия на человеческую личность» [13].

Начиная с 1998 г. на страницах местной прессы появляются статьи, комментарии, прямые линии с профессиональными экспертами-религиоведами по проблеме функционирования новых для Тольятти религиозных организаций [6; 10; 44; 45], с 2000 г. стали публиковаться обращения православных священнослужителей с протестом против религиозной

экспансии новых религиозных организаций, в том числе зарегистрированных под видом общественных [11]. По их мнению, было необходимо упорядочить деятельность новых религиозных организаций, которые составляли конкуренцию православным организациям [20].

25 февраля 1998 г. на совете благочиния Ставропольского округа было принято обращение к председателю Тольяттинской городской думы А.Н. Дроботову, в котором указывалось, что «нормальное существование традиционной для России Православной Церкви в действительности нарушается ничем не ограниченной деятельностью тоталитарных сект», которые «активно внедряются в образовательную систему». Совет благочиния просил «ограничить деятельность на территории г. Тольятти деструктивных и тоталитарных сект» [21; 36]. Под сектами подразумевались религиозные организации, которые были новыми для г. Тольятти.

Представители православной церкви были против проникновения на территорию Тольятти новых для города религиозных организаций, к каким они относили всех, кроме представителей ислама и евангельских христиан-баптистов. Исключение делалось лишь для римско-католической церкви (с оговоркой, чтобы она не вела миссионерскую деятельность). Планы строительства католиками большого костела и монастыря с благотворительной столовой и медицентром вызвали обеспокоенность у православных священнослужителей, в мае 2002 г. они обратились по этому поводу с письмом к мэру г. Тольятти, отметив, что количество тольяттинцев, исповедующих католицизм, незначительно по сравнению с размерами предполагаемого строительства [1]. В результате костел, хоть и позже, но все-таки был построен, однако без монастыря, благотворительной столовой и медицентра.

Начиная с 90-х гг. XX в. в России стали популярны такие формы работы с населением, как прямые линии, телефоны доверия. Но только в ноябре 2002 г. в Тольятти начал реализовываться проект «Прямая линия телефона доверия», который был призван помочь в поисках ответа на вопросы в тех ситуациях, когда люди не могли оперативно обратиться за советом к православному священнику.

Характерной особенностью нового этапа государственно-церковных отношений, наступившего после принятия Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», можно назвать активную помощь со стороны властных структур православным религиозным организациям. Она заключалась в предоставлении им лучших земельных участков для строительства храмов, помещений для совершения богослужений, выделении денежных средств как напрямую, так и опосредованно, через благотворительные фонды, в содействии в проведении юбилейных мероприятий в честь 2000-летия христианства [22; 41], оказании помощи в организации визита в Тольятти Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 14 октября 1999 г. [34]. В свою очередь Русская православная церковь на местах пыталась встроиться в государственную систему, в том числе и в области образования, получить все возможные преференции как крупнейшая конфессия России [33]. Это выражалось в стремлении получить доступ в систему образования Тольятти через факультативные курсы «Основы православной культуры» (далее – ОПК), организацию для учителей города, преподающих ОПК, 2-годичных катехизаторских курсов, причем финансировались эти курсы мэрией г. Тольятти [35].

Показательно стремление руководящих церковных деятелей даже во внешних атрибутах копировать поведение властной элиты города. Об этом свидетельствует, в частности, письмо благочинного Ставропольского округа протоиерея Николая Манихина в мэрию Тольятти с просьбой установить на свой автомобиль «проблесковые маячки-мигалки» [19]. В тот период времени (2000 г.) такую привилегию в Тольятти имели только начальник ГАИ УВД г. Тольятти Александр Шелудяков и президент – генеральный директор ОАО «АвтоВАЗ» Алексей Николаев.

Начиная с 2000 г. с приходом нового политического руководства в России положение религиозных организаций начинает меняться, причем без изменений и поправок в сам закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Так, в июле 2000 г. Министерство образования РФ направило в регионы письмо с требованием воспрепятствовать проникнове-

нию «нетрадиционных религиозных объединений в образовательные учреждения РФ» [23; 24]. В этом письме использовались такие наименования религиозных организаций, как «нетрадиционные, деструктивные религиозные объединения и организации», «секты», «сектантские общины».

Ссылаясь на это письмо, архиепископ Самарский и Сызранский Сергей обратился в августе 2000 г. к только что избранному мэру Тольятти Н.Д. Уткину с письмом, в котором заявил, что «нормальное существование традиционной для России Православной Церкви в действительности нарушается ничем неограниченной деятельностью религиозных сект. В настоящее время на территории г. Тольятти действует более 30 религиозных организаций, из них несколько откровенно тоталитарного характера, известные своим разрушающим влиянием на психику... Эти организации активно внедряются в образовательную систему, арендуют дворцы культуры и стадионы г. Тольятти для проведения своих мероприятий...» [30].

До 2002 г. власти г. Тольятти и правоохранительные органы наблюдали за происходящим в религиозной сфере, вмешиваясь, если только действия религиозной организации грозили нарушением общественной безопасности и порядка. Представители силовых структур направляли инкогнито наблюдателей на собрания последователей новых религиозных организаций, но практики запрета или воспрепятствования их деятельности со стороны органов власти не было. Попыткой решить эту проблему явилось создание в начале 1999 г. Совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при администрации Самарской области, состоящего из 7 специалистов-религиоведов, правоведов и государственных служащих [31]. Но он имел исключительно совещательные функции, собирался редко и нерегулярно, поэтому никак повлиять на ситуацию не мог.

В конце ноября 2002 г. в Тольятти состоялся круглый стол «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере борьбы с экстремизмом». Его ведущим был министр РФ по делам национальностей В. Зорин. Он подчеркнул, что обсудить именно эту тему в Тольятти предложил лично прези-

дент РФ В.В. Путин, так как государственная политика в духовной сфере нуждается в изменениях [1]. В Тольятти такие изменения произошли уже в том же году, когда мэрия отказала местной организации «Свидетели Иеговы» в выделении земельного участка под строительство «зала царств». Об этом архиепископ Самарский и Сызранский Сергей просил мэра г. Тольятти Н.Д. Уткина практически сразу же после его избрания в августе 2000 г., указывая на то обстоятельство, что «зарубежные центры поддержали и уже согласились оплатить этот проект» [30]. В том же 2002 г. общественная организация «Дианетика», под эгидой которой действовала без регистрации религиозная организация саентологов, была ликвидирована по решению центрального районного суда Тольятти [1].

11 апреля 2003 г. в Тольятти прошел круглый стол «Взаимодействие органов власти и религиозных организаций в достижении общественного согласия и сохранении национальных и духовных традиций», в котором приняли участие представители власти, традиционных религиозных конфессий, правоохранительных структур, общественных организаций. Ведущим круглого стола был начальник отдела по религиозным вопросам и культурным правам аппарата уполномоченного по правам человека РФ М.И. Одинцов. Участники круглого стола выразили мнение о необходимости усиления роли влияния государства на ситуацию, связанную с деятельностью религиозных организаций на территории РФ [12].

Преамбула закона «О свободе совести и религиозных объединениях», признающая особую роль православия в истории России, стала основанием для подписания соглашений о сотрудничестве органов власти со структурами Русской православной церкви как в центре, так и на местах. Подобные соглашения подписывались и с исламскими религиозными организациями.

В 2001 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между мэрией Тольятти и Ставропольским благочинием Самарской епархии [47], в 2002 г. соглашение о взаимодействии было подписано между мэрией Тольятти, региональным духовным управлением мусульман Самарской области и религиозной организацией «Соборная мечеть» [1].

Значение заключенных соглашений было в том, что формализовывались отношения властей Тольятти с традиционными религиозными организациями. Так, в соглашении между мэрией Тольятти и Ставропольским благочинием предусматривалось лоббирование не только церковных интересов (содействие со стороны мэрии в подготовке и переподготовке педагогических кадров через двухлетние катехизаторские курсы при православной классической гимназии, поддержка кафедры православной педагогики, поддержка православных периодических изданий и др.), но и содействие развитию народных традиций, патриотического воспитания, этнокультурного развития [32].

В 2003 г. был создан консультационный общественный Совет по взаимодействию органов власти и религиозных организаций при Управлении по общественным, межрегиональным связям и информационно-аналитической работе мэрии г. Тольятти. То, что такой совет был создан при управлении мэрии, а не при самой мэрии, изначально снижало его значимость. В 2003–2004 гг. было проведено всего несколько заседаний этого совета, с 2005 г. заседания не проводились. В совет вошли 9 человек, из них 2 священнослужителя РПЦ, имам, 2 представителя мэрии, 3 представителя от вузов города и главный врач психоневрологического диспансера [28]. Как и общественные советы при большинстве муниципальных образований, созданные ради видимости вовлечения общественности в принятие решений, этот совет каких-то значимых решений для города не принял и не мог принять, поэтому его создание было в то время скорее данью моде, чем насущной необходимостью власти делегировать кому бы то ни было хотя бы часть своих полномочий.

Результаты. Появление новых религиозных организаций как в России в целом, так и в Тольятти в частности вызывало недовольство со стороны православного и мусульманского духовенства и верующих. Православные и мусульманские служители культа и общественность по этому поводу выступали в прессе, обращались в органы власти различного уровня, предлагали создать религиозный совет для урегулирования спорных вопросов и назначить ответственного за развитие рели-

гиозной ситуации в городе чиновника, разбирающегося в проблеме [8; 40]. Представители традиционных для России конфессий видели необходимость регулирования религиозной сферы государством (в том числе и в виде определенных ограничений для новых религиозных организаций, что было отражено в ст. 9 нового закона). В Тольятти, как и в России в целом, в этом отношении взгляды православного и мусульманского духовенств совпали. Православные лидеры религиозных организаций Тольятти были не готовы к полной самостоятельности в решении даже таких внутриконфессиональных вопросов, как финансирование строительства культовых зданий.

Перед православным духовенством в Тольятти, как и во всей России, встал в те годы вопрос об усилении внебогослужебной деятельности церкви. Руководство церкви и сама жизнь требовала от них «пойти в народ»: открывать воскресные школы, детские кружки, организовывать благотворительные столовые для нищавшего населения, помогать нуждающимся, больным людям. И то и другое одновременно силами одного человека, настоятеля прихода, не всегда получалось: надо было ездить по спонсорам, изыскивать средства на строительство или реконструкцию храма, решать организационные вопросы по отводу земли, подключения к коммуникациям. В этом случае внебогослужебная деятельность могла стать формальной (для отписки вышестоящему начальству) не из-за нежелания, а просто из-за отсутствия времени ее проводить. И все же, несмотря на трудности, она проводилась настоятелями и священниками многих тольяттинских приходов.

В 1997–2003 гг. продолжалось строительство православных храмов, развитие учебных заведений с православным уклоном, издание религиозной периодики. Были открыты монастырь, благотворительные фонды, попечительства и братства.

Вместе с тем в выделении денежных средств из бюджета на храмы не было открытости, обсуждения ни в церковной среде, ни в обществе. Приходы, которые и без того имели хорошие доходы, получали дотации [37], а строящимся приходам денег не хватало, их настоятели вынуждены были ходить по предприя-

ям и организациям и просить финансовую помощь, вместо того чтобы развивать внебогослужебную деятельность. В тольяттинской прессе появились публикации, авторы которых задавались резонным вопросом: почему в финансировании из бюджета делается предпочтение православным храмам, ведь в Тольятти живут представители разных вероисповеданий и все они платят налоги? И если бы мэрия направляла те же деньги на финансирование социальных статей бюджета (пенсии, субсидии, помощь инвалидам и сиротам), то она совершила бы не менее богоугодное дело [2].

Православные лидеры религиозных организаций Тольятти были не готовы к полному устранению государства от участия в религиозных вопросах: и в силу исторической традиции, и в условиях сложившейся ситуации проникновения в город новых религиозных организаций, в которых видели угрозу своей монополии в духовной сфере. Православное духовенство надеялось упорядочить с помощью власти проблему функционирования на территории Тольятти, которую оно считало своей канонической территорией, иных религиозных организаций, в том числе и новых для города. Местные чиновники и бизнесмены также старались использовать авторитет православной церкви для своих политических амбиций, если не напрямую, то опосредованно, через получение в торжественной обстановке наград и дальнейшего освещение награждения в прессе.

В целом необходимо признать, что духовный и личный авторитет руководителей тех или иных религиозных организаций помогал решать организационные вопросы, привлекал таких же энтузиастов и подвижников своего дела.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ 20 апреля 2017 г. решением Верховного суда Российской Федерации деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных отделений признана экстремистской и запрещена на территории России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитическая справка по ситуации в религиозных организациях Тольятти за 2003 г. Подго-

товлен сотрудником мэрии Тольятти Кутыревой Н.П. // Архив В.Н. Якунина.

2. Батулова, С. Благотворительность за чужой счет? / С. Батулова // Тольяттинское обозрение. – 2000. – 29 марта. – С. 4.

3. Воронцова, Е. Я рождаюсь на земле снова и снова / Е. Воронцова // Площадь свободы. – 2000. – 19 янв. – С. 3.

4. Громыко, В. Ум есть пространство. В Тольятти открыт филиал буддийского центра Карма-Кагью / В. Громыко // Площадь свободы. – 1992. – 1 июля. – С. 2.

5. Гуенко, Л. Новая церковь с приветом из Цюриха / Л. Гуенко // Презент. – 1998. – 2 марта. – С. 1–2.

6. Гуревич, С. У каждого своя формула счастья / С. Гуревич // Площадь свободы. – 1998. – 16 окт. – С. 3.

7. Ельникова, Е. Мормоны: Бархатный захват / Е. Ельникова // Политический ринг. – 1999. – 9 дек. – С. 4.

8. Караулов, В., священник. Секты наступают / В. Караулов // Любимый город. – 1996. – № 2. – С. 3.

9. Костин, В. Какую же «посевную» проводят у нас кришнаиты? / В. Костин // Тольятти сегодня. – 1995. – 29 марта. – С. 3.

10. Лысякова, С. Шатер чудес в стране дураков / С. Лысякова // Площадь свободы. – 2000. – 27 июля. – С. 4.

11. Манихин, Н. Кому Церковь не мать, тому Бог не отец / Н. Манихин // Площадь свободы. – 2000. – 11 авг. – С. 4.

12. Мощенко, М. Секты в законе. Пока / М. Мощенко // Миллион. Вечерняя газета. – 2003. – Апр. (№ 7 (66)). – С. 3.

13. Мощенко, М. Сети веры / М. Мощенко // Миллион плюс. – 2000. – Авг. (№ 80 (210)). – С. 3.

14. Отчет архиепископа Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 1998 г. // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 1–25.

15. Отчет архиепископа Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 1999 г. // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 1–30.

16. Отчет архиепископа Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2001 г. // Текущий архив Самарского епархиального управления. – Л. 1–35.

17. Панорама Тольятти. – 2003. – 17 янв. – С. 1.

18. Перовская, С. Пятидесятники «обживают» Центральный район / С. Перовская // Площадь свободы. – 2000. – 23 авг. – С. 4.

19. Письмо благочинного Ставропольского округа протоиерея Николая Манихина в мэрию

Тольятти заместителю мэра г. Тольятти С.А. Капорцеву от 16.03.2000 г. // Архив В.Н. Якунина.

20. Письмо благочинного Ставропольского округа Самарской епархии протоиерея Николая Манихина мэру г. Тольятти С.Ф. Жилкину от 14.05.1998 г. // Архив В.Н. Якунина.

21. Письмо благочинного Ставропольского округа Самарской епархии протоиерея Николая Манихина председателю Тольяттинской городской Думы Дроботову А.Н. № 38 от 26.02.1998 // Архив В.Н. Якунина.

22. Письмо директора департамента финансов мэрии г. Тольятти В.В. Кушнарева начальнику управления по организационным вопросам мэрии Тольятти Е.Ю. Обориной № 895 от 01.10.2001 г. // Архив В.Н. Якунина.

23. Письмо заместителя и. о. начальника главного управления образования администрации Самарской области В.А. Прудниковой № 1818 от 21.08.2000 г. // Архив В.Н. Якунина.

24. Письмо заместителя министра образования РФ Е.Е. Чепурных № 549/28-16 от 06.07.2000 г. с приложением на 4 с. «Информация о деятельности на территории России представителей нетрадиционных религиозных объединений» // Архив В.Н. Якунина.

25. Площадь свободы. – 1997. – 25 янв. – С. 1.

26. Площадь свободы. – 1999. – 26 янв. – С. 1.

27. Повестка дня встречи 22 марта 2020 г. архиепископа Самарского и Сызранского Сергия с руководством г. Тольятти, ОАО «АВТОВАЗ», предпринимателями и промышленниками Тольятти, настоятелями тольяттинских приходов // Архив В.Н. Якунина.

28. Положение о консультационном общественном совете по взаимодействию органов власти и религиозных организаций при управлении по общественным, межрегиональным связям и информационно-аналитической работе мэрии г. Тольятти. Предложения участников совета. Повестка заседания совета от 10.06.2004 г. // Архив В.Н. Якунина.

29. Постановление мэра г. Тольятти. 07.08.1998 // Архив В.Н. Якунина.

30. Проект письма Архиепископа Самарского и Сызранского Сергия мэру Тольятти Н.Д. Уткину // Архив В.Н. Якунина.

31. Проект постановления об организации Совета по проведению государственной религиозно-экспертной при администрации Самарской области // Архив В.Н. Якунина.

32. Проект соглашения о сотрудничестве между мэрией Тольятти и Ставропольским благочинием Самарской епархии // Архив В.Н. Якунина.

33. Протокол № 4 собрания Ставропольского благочиния от 16 декабря 1999 г. // Архив В.Н. Якунина.

34. Протокол встречи в мэрии Тольятти от 16.09.1999 г. // Архив В.Н. Якунина.

35. Протокол совещания рабочей группы по программе подготовки к 2000-летию Христианства // Архив В.Н. Якунина.

36. Протокол заседания Совета Благочиния Ставропольского округа от 25.02.1998 // Архив В.Н. Якунина.

37. Распоряжение мэра г. Тольятти № 274-1/р от 05.07.2001 // Муниципальное казенное учреждение «Тольяттинский архив». – Ф. Р-410. – Оп. 2. – Д. 546. – Л. 42–43.

38. Распоряжение мэра г. Тольятти № 324-1/р от 01.08.2001 // Муниципальное казенное учреждение «Тольяттинский архив». – Ф. Р-410. – Оп. 2. – Д. 546. – Л. 157.

39. Религиозные объединения граждан, зарегистрированные в Самарском областном отделе юстиции // Архив В.Н. Якунина.

40. Религиозный совет городу необходим. Беседа с имамом-мухтасибом Анасом Галиахметовичем Галиаскаровым // Тольятти сегодня. – 1997. – 5 апр. – С. 3.

41. Решение ТГД № 738 от 16.02.2000 г. о мероприятиях, посвященных празднованию 2000-летия со дня Рождества Христова, и Приложение № 1 к нему // Архив В.Н. Якунина.

42. Русов, С. Скандал вокруг строительства мечети / С. Русов // Площадь свободы. – 1997. – 15 окт. – С. 3.

43. Сафонова, Е. Дом Иеговы на стадионе «Торпедо» / Е. Сафонова // Площадь свободы. – 1997. – 9 авг. – С. 2.

44. Скоренева, Е. Моего мужа увела секта / Е. Скоренева // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 26 июля. – С. 3.

45. Тарасова, О. Опасно, когда человек становится фанатиком / О. Тарасова // Площадь свободы. – 2001. – 14 июля. – С. 2.

46. Тольяттинское обозрение. – 2002. – 15 февр. – С. 1.

47. Церковный вестник Ставропольского благочиния. – 2001. – Окт. (№ 10 (34)). – С. 1–2.

48. Чирков, М. С. Русская церковь в борьбе за сохранение православного наследия (середина 1960-х – начало 1980-х гг.) / М. С. Чирков // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2017. – С. 111–116.

49. Чирков, М. С. Традиционное православие в российском обществе начала XXI века / М. С. Чирков // Традиционные общества: неизвестное прошлое : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск : Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2020. – С. 288–295.

50. Шмыгов, А. Плечом к плечу / А. Шмыгов // Презент. – 1996. – 29 нояб. – С. 2.

51. Шмыгов, А. Противостояние. Что не поделили мусульманские лидеры / А. Шмыгов // Презент центр. – 1998. – 4 дек. – С. 3.

52. Эпов, Н. Беседа с иеговистской / Н. Эпов // Площадь свободы. – 1991. – 26 нояб. – С. 3.

53. Якунин, В. Н. История православного церковного храмостроительства в Тольятти в 1985–2000 гг. / В. Н. Якунин // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 2 (16). – С. 21–26.

54. Якунин, В. Н. История православного церковного храмостроительства в Тольятти в 2000–2019 гг. / В. Н. Якунин // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 3 (17). – С. 20–28.

55. Якунин, В. Н. Православная история Ставрополя-Тольятти: источники и литература / В. Н. Якунин // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 4 (18). – С. 41–45.

REFERENCES

1. Analiticheskaya spravka po situatsii v religioznykh organizatsiyakh Tol'yatti za 2003 g. Podgotovlen sotrudnikom merii Tol'yatti Kutyreyov N. P. [Analytical Report on the Situation in Religious Organizations of Tolyatti for 2003. Prepared by N.P. Kutyreva, Employee of the Tolyatti City Hall]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

2. Batulova S. Blagotvoritel'nost' za chuzhoy schet? [Charity at Someone's Expense?]. *Tol'yattinskoe obozrenie*, 2000, March 29, p. 4.

3. Voroncova E. Ya rozhdayus' na zemle snova i snova [I Am Born on the Earth Again and Again]. *Ploshchad'svobody*, 2000, January 19, p. 3.

4. Gromyko V. Um est' prostranstvo. V Tol'yatti otkryt filial buddijskogo centra Karma-Kag'yu [Mind is Space. A Branch of the Karma Kagyu Buddhist Center Opened in Tolyatti]. *Ploshchad'svobody*, 1992, July 1, p. 2.

5. Guenko L. Novaya cerkov' s privetom iz Cyuriha [New Church with Greetings from Zurich]. *Prezent*, 1998, March 2, pp. 1-2.

6. Gurevich S. U kazhdogo svoya formula schast'ya [Everyone Has Their Own Formula for Happiness]. *Ploshchad'svobody*, 1998, October 16, p. 3.

7. El'nikova E. Mormony: Barhatnyj zahvat [Mormons: Velvet Grip]. *Politicheskij ring*, 1999, December 9, p. 4.

8. Karaulov V., priest. Sekty nastupayut [Sects are Coming]. *Lyubimyj gorod*, 1996, no. 2, p. 3.

9. Kostin V. Kakuyu zhe «posevnyu» provodyat u nas krishnaity? [What Kind of "Sowing" is Carried Out by the Krishnaites Here?]. *Tol'yatti segodnya*, 1995, March 29, p. 3.

10. Lysyakova S. Shatyor chudes v strane durakov [Tent of Wonders in the Land of Fools]. *Ploshchad'svobody*, 2000, July 27, p. 4.

11. Manihin N. Komu Cerkov' ne mat', tomu Bog ne otec [To Whom the Church is not the Mother, God is not the Father Either]. *Ploshchad'svobody*, 2000, August 11, p. 4.

12. Moshchenko M. Sekty v zakone. Poka [Sects in the Law. Yet]. *Million. Vechernyaya gazeta*, 2003, April (no. 7 (66)), p. 3.

13. Moshchenko M. Seti very [Nets of Faith]. *Million plyus*, 2000, August (no. 80 (210)), p. 3.

14. Otchet arkhiepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya v Moskovskuyu Patriarkhiyu za 1998 g. [Report of Archbishop Sergius of Samara and Syzran to the Moscow Patriarchate for 1998]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhial'nogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], pp. 1-25.

15. Otchet arkhiepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya v Moskovskuyu Patriarkhiyu za 1999 g. [Report of Archbishop Sergius of Samara and Syzran to the Moscow Patriarchate for 1999]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhial'nogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], pp. 1-30.

16. Otchet arkhiepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya v Moskovskuyu Patriarkhiyu za 2001 g. [Report of Archbishop Sergius of Samara and Syzran to the Moscow Patriarchate for 2001]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhial'nogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], pp. 1-35.

17. *Panorama Tol'yatti*, 2003, January 17, p. 1.

18. Perovskaya S. Pyatidesyatniki «obzhivayut» Central'nyj rajon [Pentecostals "Settle Down" in the Central District]. *Ploshchad'svobody*, 2000, August 23, p. 4.

19. Pis'mo blagochinnogo Stavropol'skogo okruga protoiereya Nikolaya Manihina v meriyu Tol'yatti zamestitelyu mera g. Tol'yatti S. A. Kaporcevu ot 16.03.2000 g. [Letter from Archpriest Nikolai Manikhin, Rural Dean of the Stavropol District, to S.A. Kaportsev, Tolyatti City Hall Deputy Mayor of March 16, 2000]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

20. Pis'mo blagochinnogo Stavropol'skogo okruga Samarskoy eparkhii protoiereya Nikolaya Manikhina meru g. Tol'yatti S.F. Zhilkinu ot 14.05.1998 g. [Letter from Archpriest Nikolai Manikhin, Rural Dean of the Stavropol District of the Samara Diocese, to S.F. Zhilkin, Tolyatti City Hall Deputy Mayor of May 14, 1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

21. Pis'mo blagochinnogo Stavropol'skogo okruga Samarskoj eparkhii protoiereya Nikolaya Manihina predsdatelyu Tol'yattinskoj gorodskoj Dumy Drobotovu A.N. № 38 ot 26.02.1998 [Letter from Archpriest Nikolai Manikhin, Rural Dean of the Stavropol District of the Samara Diocese, to

A.N. Drobotov, Chairman of the Tolyatti State Duma, No. 38 of February 26, 1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

22. Pis'mo direktora departamenta finansov merii g. Tol'yatti V.V. Kushnareva nachal'niku upravleniya po organizatsionnym voprosam merii Tol'yatti E.Yu. Oborinoy № 895 ot 01.10.2001 g. [Letter from V.V. Kushnarev, Director of Finance Department of the Tolyatti City Hall to E.Yu. Oborina, Head of Organizational Affairs Department of the Tolyatti City Hall No. 895 of October 1, 2001]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

23. Pis'mo zamestitelya i. o. nachal'nika glavnogo upravleniya obrazovaniya administratsii Samarskoj oblasti V.A. Prudnikovoy № 1818 ot 21.08.2000 g. [Letter from V.A. Prudnikova, Deputy Head of the Main Education Department of Samara Region Administration No. 1818 of August 21, 2000]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

24. Pis'mo zamestitelya ministra obrazovaniya RF E.E. Chepurnykh № 549/28-16 ot 06.07.2000 g. s prilozheniem na 4 s. «Informatsiya o deyatelnosti na territorii Rossii predstavitelej netraditsionnykh religioznykh obyedinenij» [Letter from E.E. Chepurnykh, Deputy Minister of Education of the Russian Federation No. 549/28-16 of July 6, 2000 with a Four-Page Appendix "Information on the Activities of Representatives of Non-Traditional Religious Associations in Russia"]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

25. *Ploshchad'svobody*, 1997, January 25, p. 1.

26. *Ploshchad'svobody*, 1999, January 26, p. 1.

27. Povestka dnya vstrechi 22 marta 2000 g. arhiyepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya s rukovodstvom g. Tol'yatti, OAO «AVTOVAZ», predprinimatel'yami i promyshlennikami Tol'yatti, nastoyatelyami tol'yattinskiykh prihodov [Agenda of the Meeting on March 22, 2000 of Archbishop Sergius of Samara and Syzran with the Leadership of Tolyatti, OAO "AVTOVAZ", Entrepreneurs and Industrialists of Tolyatti, Rectors of Tolyatti Parishes]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

28. Polozheniye o konsul'tativnom obshchestvennom sovete po vzaimodeystviyu organov vlasti i religioznykh organizatsiy pri upravlenii po obshchestvennym, mezhhregional'nym svyaziyam i informatsionno-analiticheskoy rabote merii g. Tol'yatti. Predlozheniya uchastnikov soveta. Povestka zasedaniya soveta ot 10.06.2004 g. [Regulations on the Advisory Public Council for Cooperation Between Authorities and Religious Organizations in the Management of Public, Interregional Relations and Information and Analytical Work of Tolyatti City Hall; Suggestions of Council Members; Agenda of the Council Meeting of June 10, 2004]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

29. Postanovlenie mera g. Tol'yatti. 07.08.1998 [Resolution of the Mayor of Tolyatti. August 7, 1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

30. Proyekt pis'ma Arhiyepiskopa Samarskogo i Syzranskogo Sergiya meru Tol'yatti N.D. Utkinu [Draft Letter of Archbishop Sergius of Samara and Syzran to Tolyatti Mayor N.D. Utkin]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

31. Proyekt postanovleniya ob organizatsii Soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri administratsii Samarskoj oblasti [Draft Resolution on Organization of the Council for Conducting State Religious Expert Examination Under the Administration of Samara Oblast]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

32. Proyekt soglasheniya o sotrudnichestve mezhdru meriyey Tol'yattii i Stavropol'skim blagochiniem Samarskoj yeparkhii [Draft Agreement on Cooperation Between Tolyatti City Hall and the Stavropol Deanery of the Samara Diocese]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

33. Protokol № 4 sobraniya Stavropol'skogo blagochiniya ot 16 dekabrya 1999 g. [Protocol No. 4 of the Stavropol Deanery Meeting of December 16, 1999]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

34. Protokol vstrechi v merii Tol'yatti ot 16.09.1999 g. [Protocol of the Meeting in Tolyatti City Hall of September 16, 1999]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

35. Protokol soveshchaniya rabochey gruppy po programme podgotovki k 2000-letiyu Khristianstva [Protocol of the Working Group Meeting on the Preparation Program for the 2000th Anniversary of Christianity]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

36. Protokol zasedaniya Soveta Blagochiniya Stavropol'skogo okruga ot 25.02.1998 [Protocol of the Stavropol District Deanery Council Meeting of February 25, 1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

37. Rasporyazhenie mera g. Tol'yatti № 274-1/r ot 05.07.2001 [Order of the Mayor of Tolyatti No. 274-1/r of July 5, 2001]. *Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie «Tol'yattinskiy arkhiv»* [Municipal Public Institution "Tolyatti Archive"], f. R-410, op. 2, d. 546, l. 42-43.

38. Rasporyazhenie mera g. Tol'yatti № 324-1/r ot 01.08.2001 [Order of the Mayor of Tolyatti No. 324-1/r of August 1, 2001]. *Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie «Tol'yattinskiy arkhiv»* [Municipal Public Institution "Tolyatti Archive"], f. R-410, op. 2, d. 546, l. 157.

39. Religioznye ob'edineniya grazhdan, zaregistrirovannye v Samarskom oblastnom otdel'noy yustitsii [Religious Associations of Citizens Registered in the Samara Regional Department of Justice]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

40. Religioznyj sovet gorodu neobhodim. Beseda s imamom-muhtasibom Anasom Gali Ahmetovichem Galiaskarovym [The City Needs Religious Council. Conversation with Imam-Muhtasib Anas Gali Ahmetovich Galiaskarov]. *Tol'yatti segodnya*, 1997, April 5, p. 3.

41. Reshenie TGD № 738 ot 16.02.2000 g. o meropriyatiyakh, posvyashchennykh prazdnovaniyu 2000-letiya so dnya Rozhdeniya Khristova i Prilozheniye № 1 k nemu [Decision of TGD No. 738 of February 16, 2000 on Events Dedicated to the Celebration of the 2000th Anniversary of the Nativity of Christ and Appendix No. 1 Attached Thereto]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

42. Rusov S. Skandal vokrug stroitel'stva mecheti [Scandal Around the Construction of a Mosque]. *Ploshchad'svobody*, 1997, October 15, p. 3.

43. Safonova E. Dom Iegovy na stadione «Torpedo» [Jehovah's House at the Torpedo Stadium]. *Ploshchad'svobody*, 1997, August 9, p. 2.

44. Skoreneva E. Moego muzha uvela sekta [A Sect Took My Husband Away]. *Tol'yattinskoe obozrenie*, 1999, July 26, p. 3.

45. Tarasova O. Opasno, kogda chelovek stanovitsya fanatikom [It is Dangerous When a Person Becomes a Fanatic]. *Ploshchad'svobody*, 2001, July 14, p. 2.

46. *Tol'yattinskoe obozrenie*, 2002, February 15, p. 1.

47. *Cerkovnyj vestnik Stavropol'skogo blagochiniya*, 2001, October (no. 10 (34)), pp. 1-2.

48. Chirkov M.S. Russkaya tserkov' v bor'be za sokhraneniye pravoslavnogo naslediya (seredina 1960-kh – nachalo 1980-kh gg.) [The Russian Church in the Struggle for the Preservation of the Orthodox Heritage (Mid-1960s – Early 1980s)]. *Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyy aspekt: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf.* [National

Cultural Heritage of Russia: Regional Aspect. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2017, pp. 111-116.

49. Chirkov M.S. Traditsionnoye pravoslaviye v rossiyskom obshchestve nachala XXI veka [Traditional Orthodoxy in Russian Society at the Beginning of the 21st Century]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Traditional Societies: An Unknown Past. Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, 2020, pp. 288-295.

50. Shmygov A. Plechom k plechu [Shoulder to Shoulder]. *Prezent*, 1996, November 29, p. 2.

51. Shmygov A. Protivostoyanie. Chto ne podelili musul'manskie lidery [Confrontation. What Did Muslim Leaders Fail to Share]. *Prezent centr*, 1998, December 4, p. 3.

52. Epov N. Beseda s iegovistskoj [Conversation with Jehovah's Witness]. *Ploshchad'svobody*, 1991, November 26, p. 3.

53. Yakunin V.N. Istoriya pravoslavnogo cerkovnogo xramostroitel'stva v Tol'yatti v 1985–2000 gg. [The History of Orthodox Church Building in Tolyatti in 1985–2000]. *Povolzhskij vestnik nauki* [Volga Bulletin of Science], 2020, no. 2 (16), pp. 21-26.

54. Yakunin V.N. Istoriya pravoslavnogo cerkovnogo xramostroitel'stva v Tol'yatti v 2000–2019 gg. [The History of Orthodox Church Building in Tolyatti in 2000–2019]. *Povolzhskij vestnik nauki* [Volga Bulletin of Science], 2020, no. 3 (17), pp. 20-28.

55. Yakunin V.N. Pravoslavnaya istoriya Stavropolya-Tol'yatti: istochniki i literatura [Orthodox History of Stavropol-Tolyatti: Sources and Literature]. *Povolzhskij vestnik nauki* [Volga Bulletin of Science], 2020, no. 4 (18), pp. 41-45.

Information About the Author

Vadim N. Yakunin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Theology, Philosophy and History, Volga State Orthodox Institute, Yubileynaya St, 4a, 445024 Tolyatti, Russian Federation, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

Информация об авторе

Вадим Николаевич Якунин, доктор исторических наук, профессор кафедры теологии, философии и истории, Поволжский православный институт им. Святителя Алексия, митрополита Московского, ул. Юбилейная, 4а, 445024 г. Тольятти, Российская Федерация, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

РУСЬ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СССР В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

UDC 94(47).04
LBC 63.3(2)43

Submitted: 23.06.2020
Accepted: 01.10.2020

PATRONAGE AND CLIENTELE IN THE MUSCOVITE STATE IN THE 16th AND 17th CENTURIES: HISTORIOGRAPHY AND THE KEY ISSUES

Mikhail M. Krom

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper deals with the phenomenon of patron-client relations in sixteenth- and seventeenth-century Russia, which until recently has been almost completely neglected by the scholars. Relying on recent publications and his own findings, the author addresses the key issues of the topic including the origins of this phenomenon in Russia, the typology of patron-client relations and their specifics in Muscovy. **Methods and materials.** The paper combines a survey of the current historiography with examination of selected primary sources (mainly private letters from archival collections) and forays into the theory of patron-client relations elaborated by social scientists. Comparing the Muscovite patronage system to its counterparts in other European countries enables some hypotheses about the peculiarities of patron-client relations in pre-Petrine Russia. **Analysis.** Addressing the problem of the origins of the Russian patronage the author traces the evolution of social relations and the appearance of the specific language of patronage which leads him to a conclusion that the phenomenon in question might have emerged by the end of the 16th century. Proceeding then to the typology of patron-client relations, the author assumes that, although only aristocratic patronage has been thoroughly studied so far, similar phenomena can be detected in other milieus as well, including the Church, where nepotism and corporate clientelism flourished. Finally, the author isolates some specific features of the Muscovite patronage, especially its depoliticized and decentralized character, as contrasted to the analogous phenomena in Poland-Lithuania, England, and France. **Results.** Summing up the present-day knowledge of the Muscovite patronage, the author highlights it as a typically early modern phenomenon that evolved within the official state institutions and functioned as an addendum to them.

Key words: Patronage, Clientelism, Muscovite State, early modern Europe, historical comparison.

Citation. Krom M.M. Patronage and Clientele in the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries: Historiography and the Key Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародные отнoшения* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 66-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)43

Дата поступления статьи: 23.06.2020
Дата принятия статьи: 01.10.2020

ПАТРОНАТ И КЛИЕНТЕЛА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII вв.: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Михаил Маркович Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются ключевые проблемы патрон-клиентских отношений в допетровской Руси, которые до недавнего времени не становились предметом изучения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Опираясь на недавние публикации по этой теме и собственные исследования, автор суммирует всё, что на данный момент известно о феномене патроната в России XVI–XVII вв., и намечает пути его дальнейшего изучения. *Методы и материалы.* Критический обзор имеющейся научной литературы сочетается в статье с анализом важных источников (главным образом частных писем из архивных собраний) по обсуждаемой теме. Теоретическую базу работы составляют труды «пионеров» изучения данной междисциплинарной темы в социальных науках (К. Ланде, Ш.Н. Эйзенштадта и др.), а применение сравнительно-исторического метода позволяет лучше понять специфику патроната в Московской Руси. *Анализ.* Отталкиваясь от новейших исследований, посвященных патрон-клиентским отношениям в конце XVII в. и в годы царствования Михаила Федоровича, автор ставит вопрос об истоках этой системы и приходит к выводу о ее складывании к концу XVI века. Переходя далее к анализу разновидностей патрон-клиентских отношений в Московской Руси, автор констатирует, что их истинный масштаб остается неясным. Хотя на данный момент относительно изученным можно считать только патронат в придворной среде, это явление, несомненно, существовало и в церковной среде, где обнаруживаются такие его виды, как nepотизм и корпоративный клиентелизм. В заключительной части статьи ставится вопрос о специфике московского патроната. Сопоставляя его с аналогичными явлениями в других странах, автор приходит к выводу о том, что патрон-клиентские отношения в России XVI–XVII вв. были деполитизированы и децентрализованы. *Результаты.* Один из основных выводов статьи состоит в том, что патронат в Московской Руси, при всей своей специфике, представлял собой типичный феномен раннего Нового времени, возникший внутри официальных структур формирующегося современного государства и функционировавший как дополнение к ним.

Ключевые слова: патронат, клиентелизм, Московское государство, Европа раннего Нового времени, историческое сравнение.

Цитирование. Кром М. М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 66–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

Введение. Институт неформального покровительства, именуемый в социальных науках патронатом или клиентелизмом, – явление, обнаруживаемое повсеместно в самые разные эпохи, от древности до наших дней. Это явление оказалось на переднем крае исследований антропологов, социологов и политологов в 60–70-е гг. XX в., когда стали выходить труды Дж. Скотта, К. Ланде, Р. Лемаршана и других выдающихся ученых, заложивших основы современных представлений о патронате и клиентеле (см. обзор и удачную подборку ключевых статей в русском переводе: [14]).

Историки открыли для себя эту тему несколько позднее, но уже в 1980-х гг. увидели свет такие работы, как книга Ш. Кеттеринга о клиентелизме во Франции времен Людовика XIV [28], сейчас считающаяся классикой жанра; статьи Л.Л. Пек о патронате в Англии при первых Стюартах [15], В. Тыгельского – о магнатской клиентеле в Речи Посполитой конца XVI – XVII в. [20] и др.

Что касается патроната в российской истории, то до второй половины 1990-х гг. оте-

чественные ученые не занимались подобной проблематикой, и все, что было написано на эту тему начиная с 1970-х гг., принадлежало перу зарубежных русистов: Д. Рансела [35], Д. Орловски [34] и др. При этом внимание исследователей было сосредоточено на двух эпохах – Российской империи XVIII–XIX вв. и советском периоде. Однако истоки изучаемого явления оставались невыясненными, поскольку патронат в допетровской Руси до недавнего времени не становился предметом специального исследования.

Более того, по утверждению одного из пионеров изучения патрон-клиентских связей в России, Дэвида Рансела, «характер и стиль» этих отношений становятся видимы только в XVIII столетии, а до того «историки могут наблюдать фундаментальные узы семьи и родства, но не более гибкие связи патрона и клиента», и причиной тому – нехватка источников [35, S. 211]. Сходное мнение высказал и другой американский историк – Роберт Крамми: в исследовании, посвященном боярству XVII в., он заявил, ссылаясь на недостаток свидетельств современников, что реконструк-

ция системы патроната в России невозможна в принципе [25, р. 10, 103]. Как будет показано ниже, подобный пессимизм не оправдан: дело не в недостатке источников, а в отсутствии до недавнего времени специальных исследований, посвященных патрон-клиентским связям в Московском государстве допетровского времени.

После выхода книги М.Н. Афанасьева «Клиентелизм и российская государственность» [1] эта тематика вошла наконец в круг интересов отечественных историков и обществоведов. К настоящему времени опубликованы уже несколько монографий и ряд статей о патронате в России XVIII–XIX вв. [7; 9; 10; 26]. Продолжаются и исследования советского клиентелизма (см., например, специальный номер американского журнала «Критика», посвященный этой теме: [27]). На этом фоне наименее изученной по-прежнему выглядит ранняя история российского патроната: публикации, посвященные патрон-клиентским связям в Московской Руси, все еще немногочисленны, а те из них, что вышли в российских научных изданиях, можно пересчитать по пальцам одной руки [11, с. 465–470; 12; 18; 19, с. 100–108].

В предлагаемой статье предпринята попытка в какой-то мере восполнить указанный пробел. На основе имеющихся публикаций и собственных исследований я постараюсь обобщить то, что нам сегодня известно о патронате в Московском государстве XVI–XVII вв., а также намечу ряд дискуссионных и нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения.

Методы и материалы. В этой статье традиционные приемы историографического анализа сочетаются с проблематикой патрон-клиентских отношений – междисциплинарного направления исследований, где пересекаются интересы истории, антропологии, социологии и политологии. Сравнительно-исторический метод позволяет поместить изучаемый феномен социальной жизни Московии XVI–XVII вв. в более широкий европейский контекст и помогает лучше понять специфику русского клиентелизма того времени. А наработки социологов, антропологов и политологов в изучении патрон-клиентских отношений дают возможность существенно углубить понимание анали-

зируемого явления и сформулировать адекватные исследовательские вопросы.

В качестве основного вида источников в статье использована частная переписка XVI–XVII вв., в том числе – из архивных собраний Санкт-Петербурга.

Анализ. Как уже было сказано выше, клиентелизм является совершенно новой темой в изучении допетровской Руси, и формирование этого поля исследований происходит на наших глазах.

В качестве отправной точки предлагаемого историографического обзора уместно избрать «круглый стол» о патронате и клиентеле в России, состоявшийся в 2003 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В нем приняли участие специалисты по разным периодам отечественной истории, от XVI до начала XX века. Публикация материалов этой дискуссии [13], как уже отмечено в литературе [9, с. 92], дала толчок исследованиям патрон-клиентских отношений в России, включая и этап их зарождения в допетровской Руси.

Один из участников упомянутого «круглого стола», П.В. Седов, опубликовал в 2006 г. небольшую статью о боярских «хлебожцах» и свойственниках [18]; он также включил этот материал в качестве отдельного параграфа в свою монографию о царском дворе конца XVII в. [19, с. 100–108].

Показательно, что статья П.В. Седова, – по существу, первая работа, специально посвященная патрон-клиентским отношениям в допетровской Руси, – начинается с обсуждения слов, которыми в изучаемую эпоху называли клиентов: «вскормленник», «хлебожец», «держальник». Все три слова подчеркивали материальную зависимость бедного дворянина от могущественного покровителя, в доме которого он, бывало, жил, за столом которого кормился; но слово «вскормленник», как отмечает Седов, имело и символическое значение: в обращении к патрону оно было знаком уважения и элементом просьбы о заступничестве [18, с. 134].

Такое внимание к языку патроната вполне оправданно, поскольку нигде, за исключением Древнего Рима, покровители и их подопечные не обозначались четкими правовыми терминами (типа «патрон» и «клиент»). В ходу

были разнообразные эвфемизмы: например, в Европе раннего Нового времени патроны часто называли своих клиентов «друзьями» (*amici*) [28, p. 14–15; 33, s. 18–19, 32–34]. Такое словоупотребление вполне интернационально: московские аристократы в конце XVII в. тоже называли своих клиентов «приятелями» и «старыми знакомцами» [30, S. 326]. Поэтому знание языка патроната, наряду со знанием контекста, – это ключ к обнаружению интересующего нас явления, которое не любит огласки и охотно прибегает к мимикрии.

В статье П.В. Седова затронут еще один важный аспект обсуждаемой темы – обмен услугами между патронами и их клиентами. Ученый полагает, что клиенты выполняли различные поручения своего покровителя и, составляя боярскую свиту, поддерживали его престиж и достоинство. В свою очередь, бояре способствовали успеху своих подопечных на царской службе: в статье приведен целый ряд примеров пожалования боярских «хлебожцев» и «держальников» в московские придворные чины в 1670-е годы [18, с. 135–142].

Понятно, однако, что описанная П.В. Седовым практика сложилась гораздо раньше: в недавно вышедшей статье А.П. Павлова о патрон-клиентских отношениях в годы царствования Михаила Федоровича и в его книге о думных и придворных чинах того же периода упомянуто немало случаев покровительства бедным дворянам со стороны столичной знати [12, с. 85–89; 11, с. 465–468]. Известно, что многие беспоместные жильцы (низший чин Государева двора) получали кров и пищу в домах своих благодетелей, которые, кроме того, снаряжали их на службу. Своей блестящей карьерой при дворе Д.И. и И.Д. Милославские и Б. М. Хитрово – если ограничиться самыми яркими примерами – были обязаны протекции благоволивших им «сильных людей».

Заслуживает также внимания наблюдение А.П. Павлова об устойчивости и наследственности патрон-клиентских отношений: узы покровительства связывали между собой целые семьи и передавались из поколения в поколение. Эти отношения в первой половине XVII в., по мнению исследователя, «были весьма распространенным явлением» [12, с. 91].

Таким образом, при первых Романовых система патроната предстает перед нами уже в сложившемся виде. Но в какой эпохе в таком случае нужно искать ее истоки?

Судя по имеющимся отрывочным данным, в 80-е гг. XVI в. интересующее нас явление уже существовало и, что важно, описывалось теми же словами, что и в XVII веке.

Еще в 1993 г. Б.Н. Флоря опубликовал два письма русских дипломатов, дворянина Елизара Ржевского и дьяка Захария Свизева, обнаруженные им в Главном архиве древних актов в Варшаве. Письма эти были посланы в апреле 1587 г. в Москву из Литвы, где посланники находились тогда с миссией по вопросу об избрании на престол Речи Посполитой царя Федора Ивановича. Их донесения были перехвачены на литовской границе, скопированы, и эти копии сохранились в архиве Радзивиллов.

Адресованная думному дьяку А.Я. Щелкалову грамотка Захария Свизева начинается фразой, характерной для писем клиентов своим патронам: «Государю Ондрею Яковлевичу вскормленник твой челом бьет» [21, с. 163]. В том же легко узнаваемом стиле выдержано и письмо московского дворянина Елизара Ржевского боярину Б.Ф. Годунову: «Государу моему, Борису Федоровичу, вскормленник твой, Елка Ржевски, чолом бьет. Прошу, государ, у Бога милости, чтобы мне очи твои, государа своего, видети в радость» [21, с. 163]. В конце донесения, после деловой части, сделана приписка: «А покажи, государ, милость, Борис Федорович: давно ты пожаловать приказал племеннику моему, который у мене живет, у Ржевским в поместной изби отделать, покажи поместишко дать» [21, с. 164].

Таким образом, оба дипломата оказались клиентами и, надо полагать, доверенными лицами могущественных сановников – думного дьяка А.Я. Щелкалова и конюшего боярина Б.Ф. Годунова. Грамотки недвусмысленно свидетельствуют о том, что и практика, и риторика патрон-клиентских отношений были хорошо известны при дворе царя Федора Ивановича (1584–1598).

Самое раннее упоминание подобного рода отношений встретилось мне в послании новгородского архиепископа Феодосия бояри-

ну В.Г. Морозову, датируемом примерно концом 1542 г. (в одном из сохранившихся списков адресат именуется Василием Григорьевичем, но из контекста ясно, о каком боярине с таким именем и отчеством идет речь). Отвечая, очевидно, на просьбу своего корреспондента, архиепископ сообщил: «Да писал еси, господине, к нам о своем священнике о Григорьи, чтоб нам его устроити в соборе у Святых Софии неизреченной премудрости Божии, и ныне, господине, в Софейском соборе места порожджего нет. А как, оже даст Бог, место церковное будет, и яз, господине, твоего для слова его в Софейском соборе однолично устрою». Но, обещая оказать боярину эту услугу, Феодосий, в свою очередь, рассчитывал на помощь В.Г. Морозова в важном для себя деле – получении государевой грамоты по делу о церковной дани с холмогорских попов (очевидно, не желавших ее платить новгородскому владыке) [22, л. 131].

Следует ли, однако, объяснять отсутствие более ранних свидетельств такого рода просто дефицитом источников, или редкость упоминаний о патронате и клиентеле в XVI в., – особенно бросающаяся в глаза на фоне богатства подобных материалов в XVII в., – отражает редкость самого явления на начальном этапе его существования? Хотя, разумеется, находки ранее неизвестных свидетельств возможны и очень желательны, я все же склоняюсь ко второму объяснению.

Необходимо учесть, что институт патроната и клиентелы, каким мы его знаем в XVII–XVIII вв., сложился в условиях, когда царская, то есть государственная, служба играла центральную, системообразующую роль в жизни дворянского сословия. Но ведь так было не всегда. Мне уже приходилось писать о том, что в первой половине XVI в. великокняжеская служба была, возможно, самым престижным, но отнюдь не единственным вариантом карьеры сына боярского. Продолжали существовать уделы, в том числе – Дмитровский (до декабря 1533 г.) и Старицкий (до 1569, с перерывом в 1537–1541 гг.). Не только члены правящей династии, но и князья рангом пониже продолжали чувствовать себя «государями» в своих владениях: они держали собственные дворы и командовали отря-

дами вассалов, служивших им «по крепостям» (то есть в статусе холопов) или на положении вольных слуг (подробнее см.: [8, с. 425–426, 429; 29, р. 310–314]).

Наглядное представление о соотношении царской службы и службы иным лицам (которую можно условно назвать «частной») в середине XVI в. дает Дозорная книга Тверского уезда, которую издавший ее заново А.В. Антонов датировал 1551–1554 гг. [6]. Этот источник интересен тем, что содержит сведения о том, кому служили перечисленные там помещики и вотчинники. По моим подсчетам, из 1 173 упомянутых в книге землевладельцев лишь 489, то есть меньше половины, служили царю, а 168 – другим господам, в том числе – тверскому епископу, князьям Микулинским и т. д. Еще 220 чел. заявили, что никому не служат [8, с. 427].

К концу XVI в. от подобной «вольницы» не осталось и следа. Отныне ратная служба прочно ассоциировалась с царским войском; и отпрыск знатного княжеского рода, и мелкопоместный помещик – оба были обязаны явиться в полк, только один – в качестве воеводы, а другой – в качестве рядового воина. И вот *внутри* этой официальной структуры, заданной обязательной царской службой, стали складываться неформальные отношения покровительства. Такова вообще природа патрон-клиентских связей, которые, как в свое время отметил политолог Карл Ланде, играют роль дополнения или «надстройки» по отношению к официальным структурам [32, р. XVII–XVIII].

Датирующим признаком служит и лексика патрон-клиентских отношений: судя по процитированным выше письмам Е. Ржевского и З. Свиязева, к 1580-м гг. она уже вполне сложилась. Дипломатам, очевидно, не было нужды самим изобретать цветистые риторические формулы: к их услугам были писемовники – образцы писем к лицам разного статуса (князю, вельможе, иноку и т. д.). Традиция составления таких формулярных сборников восходит к XV в.; известно несколько их редакций и множество списков (см. подробнее: [5]).

Небольшой писемовник, сохранившийся в рукописи Российской национальной библиотеки (РНБ, СПб ДА, № 430), хронологически

очень близок к письмам Е. Ржевского и З. Свизева: А.С. Демин датирует его временем «не ранее 1570 г.» [5, с. 94]. Этот письмовник примечателен тем, что в нем содержится образец нового жанра письма, который не встречался мне в более ранних сборниках подобного рода. Уже по первым строкам можно догадаться, что речь идет о послании человека своему покровителю: «Государю, имярек, вскормленник твой, имярек, челом бьет. Дай Бог ты, государь мой, здоров был на многие лета; слыша, государь, твое здоровье, сердечно радуюся...» и т. д. [16, л. 36 об.]. Появление в письмовнике конца XVI в. слова «вскормленник», как и самого образца почтительного самоуничижительного послания клиента своему благодетелю, свидетельствует об общественной потребности в такого рода риторике.

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно высказать предположение о том, что складывание патрон-клиентских отношений в России началось в XVI в., причем решающая фаза этого процесса пришлась на последнюю треть указанного столетия.

Распространенность и многообразие патрон-клиентских отношений в XVII в., когда они вступили в период расцвета, побуждает историков их как-то классифицировать. Обычно в основу типологии кладутся мотивы покровительства, которое знатный и влиятельный человек оказывал бедному дворянину. Так, П.В. Седов, выступая на упомянутом выше круглом столе по проблемам патроната и клиентов в российской истории, выделил три типа покровительства: на основе родства, соседства и духовного родства (крестные отцы и дети, завещатели и их душеприказчики) [13, с. 264–265]. А.П. Павлов в недавно опубликованной статье так же различает факторы родства и земельных (соседских) связей между патронами и клиентами, добавляя к этим двум типам покровительства еще один, обусловленный совместной службой [12, с. 90].

На мой взгляд, предложенные типологии адекватно описывают различные ситуации и контексты, в которых возникали патрон-клиентские отношения. Но все они относятся к мирянам, а точнее – к разным стратам служилого сословия. Между тем клиентелизм существовал и в церковной среде, и этот тип патроната остается наименее изученным.

Дошедшие до нас комплексы архивных документов XVII в. проливают свет на патрон-клиентские отношения внутри церковных стен. К числу таких комплексов относится архив Вологодского архиерейского дома. В петербургской части этого архива мое внимание привлекли грамоты архиепископа Гавриила, занимавшего Вологодскую кафедру с 1684 по 1707 год. В одной из них, адресованной митрополиту суздальскому и юрьевскому Иллариону и датированной 30 ноября 1686 г., Гавриил просил за близких ему людей – своего родственника Ивана Кичигина, суздальского сына боярского, и некоего Осипа Дудина: «Вознадеяся на милость благоутробия твоего, прошу твоего архиерейства: пожалуй, государь, буди милостив к Ивану Кичигину, к Осипу Дудину, а мы на твою святительскую премногую милость надежны» [2, л. 4].

Другая грамота, адресованная думному дьяку Посольского приказа Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, написана в феврале 1687 года. На этот раз Гавриил просил за своего зятя, стольника Дмитрия Иванова сына Неелова, поехавшего на царскую службу. Дошедший до нас черновик послания содержит многочисленные зачеркивания и исправления: очевидно, владыка тщательно подбирал слова, чтобы его просьба прозвучала как можно убедительнее. Вот один из вариантов: «Пожалуй ради нашего прошения, о каких он, Дмитрий, нуждицах своих будет тебе о заступлении бити челом, сотвори, благодетель мой, милость: буди к нему, Дмитрею, милостив и всякое вспоможение ему чини. А мы, смиреннии, за заочную твою милость долженствуем Бога молить. А аще благоволит Господь Бог нам смиренным видети очи твои, тогда тебе, государю, будем бити челом» [3].

И по стилю, и по содержанию эти грамоты очень напоминают просьбы о покровительстве, которые десятками получали князь В.В. Голицын и другие влиятельные бояре (о просьбах, адресованных В.В. Голицыну, см.: [18, с. 136–142]). С давних времен – вспомним процитированную выше грамоту новгородского архиепископа Феодосия боярину В.Г. Морозову (ок. 1542 г.) – церковные иерархи поддерживали неформальные контакты со столичной верхушкой, и это позволяло им по-

кровительство родне и добиваться нужных для себя решений.

Отношения особого рода связывали монастыри с их вкладчиками. Начиная с XVI в. есть немало примеров покровительства влиятельных царедворцев почитаемым ими обителям. Так, казначей И.И. Третьяков, принадлежавший к роду Ховриных-Головиных, являвшихся вкладчиками Симонова монастыря, возможно, содействовал получению этой обителью четырех великокняжеских жалованных грамот. Он же выступил в 1543 г. судьей в земельном споре между Симоновым и Николаевским Угрешским монастырями и предсказуемо вынес решение в пользу первого из них (подробнее см.: [31, S. 135]).

То, что применительно к XVI в. можно только предполагать, в XVII в. выступает со всей очевидностью. Так, Т.В. Сазонова связывает получение в 1650-х гг. Кирилло-Новозерским монастырем царских жалованных грамот и, соответственно, рост монастырских доходов с покровительством со стороны боярина Б.И. Морозова, который был вкладчиком этой обители [17, с. 188]. П.В. Седов привел ряд примеров покровительства влиятельных вкладчиков «своим» монастырям: князей Прозоровских – Тихвинскому Успенскому, князя И.Б. Репнина и С.И. Заборовского – Пафнутьево-Боровскому, а князя И.И. Дашкова – Тихвинскому Введенскому [19, с. 94–96, 306, 418–419].

В ранее опубликованной статье я высказал предположение о том, что покровительство монастырям со стороны их вкладчиков вполне можно рассматривать как разновидность патрон-клиентских отношений [31, S. 136–137, 142]. Подобная трактовка может вызвать сомнения и возражения, поскольку она противоречит привычным представлениям о патронате и клиентеле: кого в таком случае следует считать клиентом? Настоятеля монастыря? Или всю монастырскую братию? Да и вкладчиков-покровителей у обители могло быть несколько. Не пропадет ли здесь столь важный для изучаемого явления эмоционально-личный характер отношений между патроном и клиентом? Однако при более детальном анализе выясняется, что отношения вкладчиков и покровительствуемого ими монастыря вполне соот-

ветствуют базовым признакам патроната (перечень этих признаков см. в классической статье Ш. Эйзенштадта и Л. Ронигера: [23, с. 376–377]).

Прежде всего отношения вкладчиков и опекаемой ими обители, несомненно, носили с обеих сторон добровольный и долгосрочный характер, поддерживались длительное время, порой – на протяжении нескольких поколений, когда члены одной семьи делали вклады в монастырь и там же находили последний приют. Налицо и такой важный, с точки зрения теоретиков клиентелизма, признак, как обмен ресурсами и услугами: высокие покровители не только поддерживали «свои» монастыри щедрыми пожертвованиями, но и защищали их интересы в московских приказах, а монастырские власти, в свою очередь, вносили имена вкладчиков и их родителей в синодики, посылали наиболее влиятельным из них гостинцы (например, – рыбу) и т. д. При этом, разумеется, символический обмен включал в себя не только материальные блага, но и блага духовные.

Обращения монастырских старцев к московским покровителям выдержаны в стиле, характерном для писем клиентов своим патронам. Вот, например, грамота архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы «с братией» боярину князю И.А. Воротынскому (год в тексте не указан, и грамота датируется по времени пребывания Ионы во главе монастыря 1654–1671 гг.). Начав с «челобитья» «государю боярину князю Ивану Алексеичу», старцы после нескольких этикетных фраз переходят к изложению своей просьбы: «...милости, государь, просим, князь Иван Алексеич: о чем придет к твоей милости слушка наш стряпчей Марчко, пожалуй, государь, для дома чудотворцева призри своим милосердием, а мы должны Бога молить о твоём многолетнем здравии соборне и келейне» [4].

Будучи разновидностью патрон-клиентских отношений, патронат над монастырем имел свою специфику. Во-первых, в отличие от отношений в миру, здесь речь не шла об услугах лично игумену или архимандриту: в переписке постоянно подчеркивалось, что все благодеяния совершаются ради небесных покровителей (в случае Спасо-Прилуцкого монастыря – чудотворцев Дмитрия и Игна-

тия), монахи же служили лишь посредниками. А если учесть, что боярин или иной думный человек, хлопоча о царской жалованной грамоте для «своей» обители, также оказывал ей посреднические услуги, то получается, что «брокерство» существовало с обеих сторон. Так патронат земной и небесный соединялись в монастырской повседневности.

Во-вторых, прошения, вроде процитированной мною грамоты Ионы, носили коллективный характер: архимандрит или игумен, обращаясь к столичному покровителю, выступал от имени своей церковной корпорации, и именно ее интересы брался защищать боярин или дьяк, бывший вкладчиком этого монастыря. Поэтому такого рода отношения вполне могут быть определены термином «корпоративный клиентелизм», различные формы которого описаны исследователями традиционных обществ (подробнее см.: [32, р. XXX–XXXII]).

Впрочем, в церковной среде, как явствует из проанализированных выше писем вологодского архиепископа Гавриила, существовал и банальный nepотизм – покровительство родственникам и свойственникам.

Таким образом, патронат допетровского времени очень многолик, и пока преждевременно говорить о том, что нам известны все его формы и разновидности. Более того, истинный масштаб интересующего нас явления остается неясным: историки судят о степени распространения патрон-клиентских отношений «на глазок», отталкиваясь от изученных ими «кейсов» и проанализированных источников. Между тем исследование этой темы идет крайне неравномерно: больше всего известно о патронате внутри придворной аристократии; изучение клиентелизма в церковной среде только начинается, а вопрос о существовании патрон-клиентских отношений в других социальных стратах (например, в купеческой среде) еще даже не был поставлен.

При таком состоянии исследовательского поля неудивительно, что многие аспекты обсуждаемой темы не получили пока убедительной трактовки. В частности, не вполне ясны мотивы, побуждавшие придворную аристократию тратить немалые средства на содержание «хлебожцев» и «держальников». Выгоды последних как раз понятны, но вели-

ка ли польза, которую они приносили своим благодетелям?

Принято считать, что боярские «держальники» служили своим господам «на посылах», исполняли различные их поручения [18, с. 134; 12, с. 85–86]. Возникает, однако, вопрос: почему теперь бедным дворянам поручали то, с чем раньше (вплоть до XVI в.) успешно справлялись тиуны-холопы, включая управление господской вотчиной и даже представление отсутствующего господина в суде?

П.В. Седов указывает также на соображения престижа: «держальники» из числа дворян сопровождали хозяина в дороге, «придавая достоинство его выезду», и служили в его доме в качестве дворецкого, казначея, конюшего и т. д. Тем самым боярин, по мнению ученого, утверждал свой высокий статус – подобно польскому пану, набравшему свиту из безземельной шляхты [18, с. 134–135].

Звучит вполне убедительно, включая параллель между боярином и польским паном. Но хотелось бы видеть больше конкретных примеров, реальных жизненных эпизодов. Приходится признать, что о княжеско-боярских дворах XVI–XVII вв. мы знаем пока гораздо меньше, чем о замках польских магнатов того же времени.

Наконец, А.П. Павлов полагает, что зная с помощью системы покровительства укрепляла свое влияние в дворянской среде, что, в свою очередь, стало одним из важных факторов упрочения ее положения «как высшего правящего слоя в государстве» [12, с. 85, 91]. На мой взгляд, однако, этот вывод носит несколько умозрительный характер. Можно ли рассматривать русскую аристократию XVII в. как монолитную группу, сознательно манипулировавшую рядовым дворянством в своих политических интересах? Или ее, несомненно, возросшее влияние следует считать ненамеренным совокупным эффектом действия множества различных факторов?

Пытаясь оценить в целом значение и возможные последствия системы патрон-клиентских связей в допетровской Руси, мы неизбежно ступаем на неизведанную почву. И здесь нам не обойтись без параллелей с другими странами, в которых этот социальный институт давно и плодотворно изучается историками.

Ранее я уже писал о том, что в целом ряде аспектов патронат и клиентела в Московской Руси XVI–XVII вв. обнаруживают несомненное сходство с подобными явлениями в европейских странах того же времени. Как и повсюду, нашим главным и незаменимым источником служит частная переписка: ведь зачастую только там можно найти подробности неформальных контактов, требовавших тишины и полного доверия. Универсален и легко узнаваем язык патроната, с характерными для него эвфемизмами (например, словами «друг», «приятель» в отношении клиентов), самоуничижением и заверениями патрона в абсолютной преданности [30, S. 324–326].

По этим и другим базовым признакам (прежде всего – месту в структуре общества) русский патронат XVI–XVII вв. может быть охарактеризован как типичный феномен раннего Нового времени, сформировавшийся *внутри* официальных государственных структур и функционировавший параллельно с ними.

Но, наряду с общими чертами, патронат в каждой стране имел свою специфику. По мнению А.П. Павлова, особенностью Московского государства было то, что неформальные связи между патронами и их клиентами существовали «в условиях самодержавно-служилого строя, обязательной службы членов служилого сообщества государю». Поэтому, считает ученый, «патронатно-клиентельные отношения не приобрели в Московской Руси столь явственного, открытого характера, как, например, в соседней Речи Посполитой» [12, с. 84].

С последним утверждением мне трудно согласиться. Повсюду в Европе раннего Нового времени – и Московское государство не является здесь исключением – патрон-клиентские отношения были хорошо известным, хотя обычно не афишируемым и уж во всяком случае не регулируемым законами явлением. Степень открытости обсуждаемого явления в той или иной стране трудно оценить, но сам факт общеупотребительности таких слов, как «держальник», «хлебожеец», «вскормленник» и т. д., в России XVII в. говорит о том, что тайной эти отношения точно не являлись.

На мой взгляд, главное различие между системами патроната в Речи Посполитой и России XVI–XVII вв. лежит совсем в другой

плоскости. Польские и литовские магнаты использовали свою клиентелу из числа шляхты для принятия нужных решений и избрания подходящих кандидатов на провинциальных сеймиках. Некоторые сеймики в первой половине XVII в. из-за доминирования там «партии» Радзивиллов получили выразительное название «радзивилловских» [24, s. 194–204].

Ничего подобного не было в Московской Руси. Нет данных о каких-либо попытках знать использовать свое влияние в дворянской среде для достижения политических целей: например, для избрания боярских «держальников» на земский собор. В отличие от Речи Посполитой, где существовала сфера публичной политики, московская политика была гораздо более закрытой. Соответственно, иными были и цели использования клиентелы.

В заключение отмечу еще одну особенность московского патроната, которая также, по-видимому, была связана с политическим строем. Дело в том, что в странах Западной Европы монархи (например, английские) играли активную роль в системе патроната; историки говорят поэтому о феномене королевского патронажа [15]. Но инициатива царских пожалований, как явствует из исследований П.В. Седова и А.П. Павлова, как правило, исходила от его придворных; какую-то самостоятельную линию «царского патронажа» проследить не удается.

Кроме того, существует пример Франции XVII в., где, как показала Ш. Кеттеринг, королевские министры успешно использовали свою клиентелу на юге страны, в Лангедоке, для проведения политики централизации [28]. Но нам ничего не известно об использовании патрон-клиентских связей правительством первых Романовых для укрепления единства огромной страны.

Таким образом, система московского патроната, похоже, имела диффузную структуру: единого направляющего центра в ней не было.

Результаты. Один из основных выводов этой статьи состоит в том, что патрон-клиентские отношения в Московском государстве представляли собой типичный феномен раннего Нового времени, включавший в себя как ряд общих черт, характерных для всей Европы, так и местную специфику.

Есть основания полагать, что в России эта система сложилась к концу XVI века.

При нынешнем уровне наших знаний трудно представить себе истинный масштаб обсуждаемого явления. На данный момент лучше изучены патрон-клиентские связи в среде придворной аристократии, но, несомненно, эти отношения проникли и в церковную среду, где удалось обнаружить nepотизм и корпоративный клиентелизм.

Особенности московского патроната выясняются на фоне аналогичных социальных институтов в других странах Европы. В отличие от магнатов Речи Посполитой, бояре не использовали свою клиентелу в дворянской среде для лоббирования собственных интересов в публичной политике (за почти полным отсутствием таковой), а царь и его правительство, в отличие от монархов Англии и Франции, не прибегали к механизму патрон-клиентских связей как инструменту управления страной. В итоге можно высказать предположение о том, что система московского патроната была деполитизирована и децентрализована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 320 с.
2. Грамота архиепископа вологодского Гавриила митрополиту суздальскому и юрьевскому Иллариону с просьбой об оказании покровительства Ивану Кичигину и Осипу Дудину. 30 ноября 1686 г. (черновик) // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИИ СПбИИ РАН). – Кол. 117. – Оп. 1. – Д. 1709. – 5 л.
3. Грамота архиепископа вологодского Гавриила [думному дьяку] Емельяну Игнатьевичу [Украинцеву] с просьбой об оказании покровительства его свойственнику – стольнику Дмитрию Иванову сыну Неелова. 27 февраля 1687 г. (черновик) // НИИ СПбИИ РАН. – Кол. 117. – Оп. 1. – Д. 1753. – 1 л.
4. Грамота архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы боярину князю Ивану Алексеевичу [Воротынскому]. 1654–1671 гг. // НИИ СПбИИ РАН. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 670. – 1 л.
5. Демин, А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. / А. С. Демин // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. – Т. 20. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 90–99.
6. Дозорная книга 1551–1554 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2005. – С. 144–310.
7. Копелев, Д. Н. На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX века / Д. Н. Копелев. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – 338 с.
8. Кром, М. М. Частная служба в России XVI века / М. М. Кром // Русское средневековье: сб. ст. в честь проф. Юрия Георгиевича Алексева. – М.: Древлехранилище, 2012. – С. 422–432.
9. Лавринович, М. Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. / М. Б. Лавринович // Российская история. – 2016. – № 3. – С. 91–110.
10. Леонов, М. М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. / М. М. Леонов. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2009. – 388 с.
11. Павлов, А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. / А. П. Павлов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – Т. 1. – 784 с.
12. Павлов, А. П. Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича / А. П. Павлов // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 4. – С. 84–98.
13. Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история: сб. науч. работ. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге: Алетея, 2004. – С. 255–287.
14. Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. – М.: Полит. энцикл., 2016. – 415 с.
15. Пек, Л. Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии / Л. Л. Пек // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. – М.: Полит. энцикл., 2016. – С. 149–184.
16. Письмовник конца XVI века // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Ф. 537. – Оп. 1 (Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. – № 430. – Л. 35 об.–50).
17. Сазонова, Т. В. Кирилло-Новозерский монастырь: опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. / Т. В. Сазонова. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 416 с.

18. Седов, П. В. Боярские «хлебояжцы» и свойственники / П. В. Седов // *Времена и судьбы* : сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – СПб. : Европейский Дом, 2006. – С. 133–142.

19. Седов, П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.

20. Тыгельский, В. Фракция, которая не могла проиграть / В. Тыгельский // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности* : хрестоматия. – М. : Полит. энцикл., 2016. – С. 116–148.

21. Флоря, Б. Н. Частные письма русских дипломатов XVI века / Б. Н. Флоря // *Исторический архив*. – 1993. – № 3. – С. 162–164.

22. *Формулярник новгородского архиепископа Феодосия* // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Ф. 550 (Основное собрание рукописных книг). – Q. XVII. 50. – 377 л.

23. Эйзенштадт, Ш. Н. Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена / Ш. Н. Эйзенштадт, Л. Ронигер // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности* : хрестоматия. – М. : Полит. энцикл., 2016. – С. 366–413.

24. Augustyniak U. W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła / Urszula Augustyniak. – Warszawa : Semper, 2004. – 398 s.

25. Crummey, R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689 / R. O. Crummey. – Princeton ; N. J. : Princeton University Press, 1983. – XVI, 315 p.

26. Fediukin, I. For Love and Fatherland: Political Clientage and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry / I. Fediukin, E. A. Zitser // *Cahiers du monde russe*. – 2011. – Vol. 52/1. – P. 5–44.

27. From the Editors. Late Soviet Politics as Patron-Client Relations // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2013. – Vol. 14, № 2. – P. 237–242.

28. Kettering, S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France / S. Kettering. – N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1986. – X, 332 p.

29. Krom, M. Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia / M. Krom // *Russian History*. – 2008. – Vol. 35, № 3–4. – P. 309–320.

30. Krom, M. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext / M. Krom // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2009. – Bd. 57. – H. 3. – S. 321–345.

31. Krom, M. Die Kirche und der Klientelismus in der Moskauer Rus' des 16. und 17. Jahrhunderts / M. Krom // *Religionsgeschichtliche Studien zum östlichen Europa: Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag*. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2017. – S. 133–143.

32. Landé, C. H. Introduction: The Dyadic Basis of Clientelism / C. H. Landé // *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism* / ed. by S. W. Schmidt [et al.]. – Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press, 1977. – P. XIII–XXXVII.

33. Maćzak, A. Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart / A. Maćzak. – Osnabrück : Fibre Verlag, 2005. – 485 s.

34. Orlovsky, D. T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective / D. T. Orlovsky // *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia* / ed. by T. H. Rigby and Bohdan Harasymiv. – L. : George Allen & Unwin, 1983. – P. 174–199.

35. Ransel, D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia / D. Ransel // *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit* / Hg. A. Maćzak. – München : R. Oldenbourg Verlag, 1988. – S. 211–231.

REFERENCES

1. Afanasyev M.N. *Klijentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: issledovaniye kliyentarnykh otnosheniy, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiyskoy gosudarstvennosti, ikh vliyaniya na politicheskiye instituty i deyatelnost vlastvuyushchikh grupp v sovremennoy Rossii* [Clientelism and Russian Statehood: A Study of Client Relations, Their Role in the Evolution and Decline of Past Forms of Russian Statehood, Their Impact on Political Institutions and the Activities of Ruling Groups in Modern Russia]. 2nd ed. Moscow, Moskovskii obschestvennyi nauchnyi fond, 2000. 320 p.

2. Gramota arkhiepiskopa vologodskogo Gavriila mitropolitu suzdalskomu i yuryevskomu Illarionu s prosboy ob okazanii pokrovitelstva Ivanu Kichiginu i Osipu Dudinu. 30 noyabrya 1686 g. (chernovik) [A Letter of Gavriil, Archbishop of Vologda, to Illarion, Metropolitan of Vladimir and Yuryev with a Request for Protection of Ivan Kichigin and Osip Dudin. November 30, 1686 (Draft)]. *Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [The Scientific and Historical Archive of Saint Petersburg Institute of History (NIA SPbII RAN)], col. 117, op. 1, d. 1709. 51.

3. Gramota arkhiepiskopa vologodskogo Gavriila [dumnomu diaku] Emelianu Ignatyevichu [Ukraintsevu] s prosboy ob okazanii pokrovitelstva ego svoystvenniku – stolniku Dmitriyu Ivanovu synu Neyelova. 27 fevralya 1687 g. (chernovik) [A Letter of Gavriil, Archbishop of Vologda, to the Duma Dyak Emelyan Ignatyevich Ukraintsev with a Request for the Protection of His Relative Stolnik Dmitry Ivanov, the Son of Neelov. February 27, 1687 (Draft)]. *NIA SPbII RAN* [The Scientific and Historical Archive of

Saint Petersburg Institute of History], col. 117, op. 1, d. 1753. 11.

4. Gramota arkhimandrita Spaso-Prilutskogo monastyrya Iony boyarinu knyazyu Ivanu Alekseevuchu [Vorotynskomu]. 1654–1671 gg. [A Letter of Iona, Archimandrite of Spaso-Prilutskii Monastery, to the Boyar and Prince Ivan Alekseevich Vorotynskii. 1654–1671]. *NIA SPbII RAN* [The Scientific and Historical Archive of Saint Petersburg Institute of History], f. 271, op. 1, d. 670. 11.

5. Demin A.S. Voprosy izucheniya russkikh pis'movnikov XV–XVII vv. [Aspects of the Russian Letter-Writing Manuals Study, 15th–17th Centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR* [Proceedings of the Division of the Old Russian Literature, Institute of the Russian Literature, The Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, vol. 20, pp. 90–99.

6. Dozornaya kniga 1551–1554 gg. [The Survey (Cadastral) Book of 1551–1554]. Antonov A.V., ed. *Pistsovyie materialy Tverskogo uyezda XVI veka* [The 16th Century Cadastral Documents of the Tver' Uyezd]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2005, pp. 144–310.

7. Kopelev D.N. *Na sluzhbe Imperii: nemtsy i Rossiiskii flot v pervoi polovine XIX veka* [In the Service of the Empire: The Germans and the Russian Fleet in the First Half of the 19th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 338 p.

8. Krom M.M. Chastnaya sluzhba v Rossii XVI veka [Private Service in the Sixteenth-Century Russia]. *Russkoe srednevekovye: sb. st. v chest' prof. Yuriya Georgievicha Alekseeva* [The Russian Middle Ages. Collection of Articles in Honor of Professor Yurii Georgievich Alekseev]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2012, pp. 422–432.

9. Lavrinovich M.B. Kak possorilis' Nikolai Petrovich s Alekseem Fedorovichem: patron-klientskiye otnosheniya v russkom obshchestve rubezha XVIII–XIX vv. [How Nikolai Petrovich and Aleksei Fedorovich Had Quarreled: Patron-Client Relations in the Russian Society at the Turn of the 18th and 19th Centuries]. *Rossiiskaya istoriya*, 2016, no. 3, pp. 91–110.

10. Leonov M.M. *Salon V.P. Meshcherskogo: patronat i posrednichestvo v Rossii rubezha XIX–XX vv.* [V.P. Meshcherskii's Salon: Patronage and Mediation in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Samara, Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2009. 388 p.

11. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie: v 2 t.* [The Duma and Chamber Servitors of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographic Study. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018, vol. 1. 784 p.

12. Pavlov A.P. Patronatno-klientel'nye otnosheniya pri moskovskom dvore v gody tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Patron-Client Relations at the Muscovite Court Under the Reign of Mikhail Fedorovich]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2019, no. 4, pp. 84–98.

13. Patronat i klientela v istorii Rossii (materialy «kruglogo stola») [Patronage and Clientele in Russia's History (Proceedings of the Round Table)]. *Novaya politicheskaya istoriya: sb. nauch. rabot* [The New Political History. Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Aletheia Publ., 2004, pp. 255–287.

14. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 415 p.

15. Peck L.L. «Dlya korolya ne proyavlyat' shchedrost' bylo by oshibkoi»: vzglyad na patronazh pri dvore pervykh Stuartov v Anglii [“For a King Not to be Bountiful Were a Fault”: Perspectives on Court Patronage in Early Stuart England]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 149–184.

16. Pis'movnik kontsa XVI veka [A Late Sixteenth-Century Letter Writing Manual]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Otdel rukopisei* [The Russian National Library. The Manuscript Division], f. 537, op. 1 (Collection of the Saint Petersburg Theological Academy), no. 430, l. 35ob.–50.

17. Sazonova T.V. *Kirillo-Novoezerskii monastyr': opyt izucheniya malykh i srednikh monastyrei Rossii XVI–XVII vv.* [Cyril-Novoezerskii Monastery: An Essay in Exploration of Russia's Small and Middle-Range Monasteries, the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Saint Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2011. 416 p.

18. Sedov P.V. Boyarskie «khleboyazhtsy» i svoistvenniki [The Boyars' “Khleboyazhtsy” and Relatives]. *Vremena i sud'by: sb. st. v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyakha* [Times and Destinies. Collection of Articles in Honor of 75th Anniversary of Viktor Moiseevich Paneyakh]. Saint Petersburg, Evropeyskii Dom Publ., 2006, pp. 133–142.

19. Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [The Decline of the Muscovite Tsardom: The Royal Court at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 604 p.

20. Tygielsi V. Fraktsiya, kotoraya ne mogla proigrat' [The Faction Which Could Not Lose]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i*

sovremennosti: khrestomatiya [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 116-148.

21. Floria B.N. Pis'ma russkikh diplomatov XVI veka [The Letters of the 16th Century Russian Diplomats]. *Istoricheskii arkhiv*, 1993, no. 3, pp. 162-164.

22. Formularnik novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya [Formulaic Collection of Letters Written by Archbishop Feodosii of Novgorod]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Otdel rukopisei* [The Russian National Library. The Manuscript Division], f. 550 (The Main Collection of Manuscript Books), q. XVII. 50. 377 l.

23. Eisenstadt Sh.N., Roniger L. Patron-klientskiye otnosheniya kak model' strukturirovaniya sotsialnogo obmena [Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 366-413.

24. Augustyniak U. *W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła*. Warszawa, Semper, 2004. 398 s.

25. Crummey R.O. *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton (New Jersey), Princeton University Press, 1983. XVI, 315 p.

26. Fediukin I., Zitser E.A. For Love and Fatherland: Political Clientage and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry. *Cahiers du monde russe*, 2011, vol. 52/1, pp. 5-44.

27. From the Editors. Late Soviet Politics as Patron-Client Relations. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 237-242.

28. Kettering S. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1986. X, 332 p.

29. Krom M. Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia. *Russian History*, 2008, vol. 35, no. 3-4, pp. 309-320.

30. Krom M. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2009, Bd. 57, H. 3, S. 321-345.

31. Krom M. Die Kirche und der Klientelismus in der Moskauer Rus' des 16. und 17. Jahrhunderts. *Religionsgeschichtliche Studien zum östlichen Europa: Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2017, S. 133-143.

32. Landé C.H., Schmidt S.W. et al., eds. Introduction: The Dyadic Basis of Clientelism. *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1977, pp. XIII–XXXVII.

33. Maćzak A. *Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart*. Osnabrück, Fibre Verlag, 2005. 485 S.

34. Orlovsky D.T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective. Rigby T.H., Harasymiv B., eds. *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia*. London, George Allen & Unwin, 1983, pp. 174-199.

35. Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia. Maćzak A., ed. *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit*. München, R. Oldenbourg Verlag, 1988. S. 211-231.

Information About the Author

Mikhail M. Krom, Doctor of Sciences (History), Professor of Comparative Studies in History, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, krom@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1703-5475>

Информация об авторе

Михаил Маркович Кром, доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, krom@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1703-5475>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.7>

UDC 94(47).05(093)“1707–1709”

LBC 63.3(2)511-4

Submitted: 05.05.2020

Accepted: 11.06.2020

THE NEW DOCUMENT ABOUT THE BULAVIN UPRISING (1708)¹

Pyotr A. Avakov

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* A new source on the history of the Bulavin Uprising of 1707–1709 is published: a report of the Azov Governor I.A. Tolstoy to the Ambassadorial Chancery of December 8, 1708, which is stored in the Russian State Archive of Ancient Acts. It was sent in response to a request for an order about the Gulyashiy Chelovek (Freeman Wanderer) Grigory Zaitsev, nicknamed Banshick (Bath Attendant), accused of aiding Kondraty Bulavin. *Analysis.* Despite the brevity of the presentation, the document is very informative. It contains information about the events that took place in Cherkassk and Azov in June 1708. New details are reported about the organization of the rebel-led campaign against Azov, about Ataman K.A. Bulavin's hopes for support from the Azov residents and soldiers, about the conspiracy against him in Cherkassk, etc. No less important is the data on how the preliminary investigation of state crimes (participation in a rebellion) was conducted at the Ambassadorial Chancery in the second half of 1708. On the example of the G.K. Zaitsev's case we see that the investigation, which started because of a denunciation, was carried out in accordance with the norms of procedural law adopted at that time and was accompanied by the collection of evidence. At the same time, the paper is a source of biographical information about the person under investigation, who unwittingly became an agent of the Cherkassk's conspirators and an informant of the Azov governor. *Methods.* The publication is prepared in accordance with the applicable rules of archaeography. *Results.* The published document allows us to verify some other sources introduced into scientific circulation earlier, and extends the knowledge available in science about the culmination of the Bulavin Uprising.

Key words: Bulavin Uprising, Don Cossacks, Azov, popular movements, investigative legal proceedings, clerical sources.

Citation. Avakov P.A. The New Document About the Bulavin Uprising (1708). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 79-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.7>

УДК 94(47).05(093)“1707–1709”

ББК 63.3(2)511-4

Дата поступления статьи: 05.05.2020

Дата принятия статьи: 11.06.2020

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О БУЛАВИНСКОМ ВОССТАНИИ (1708 г.)¹

Петр Ашотович Аваков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Публикуется новый источник по истории Булавинского восстания 1707–1709 гг.: отписка азовского губернатора И.А. Толстого в Посольский приказ от 8 декабря 1708 г., хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов. Она была отправлена в ответ на запрос приказа о гулящем человеке Григории Зайцеве по прозвищу Банщик, обвиненном в пособничестве Кондратию Булавину. Несмотря на лаконичность изложения, документ весьма информативен. Он содержит сведения о событиях, происходивших в Черкасске и в Азове в июне 1708 года. Сообщаются новые подробности об организации повстанцами похода к Азову, о надежде атамана К.А. Булавина на поддержку азовских жителей и солдат, о заговоре против него в Черкасске, и т. д. Не менее важны данные о том, как в Посольском приказе во второй половине 1708 г. велось предварительное следствие по делам о государственных преступлениях (участие в бунте). На примере дела Г.К. Зайцева мы видим, что начатый по извету розыск производился в соответствии с принятыми в то

время нормами процессуального права и сопровождался сбором доказательств. Одновременно отписка является источником биографических данных о подследственном, невольно ставшим агентом черкасских заговорщиков и осведомителем азовского губернатора. Публикация подготовлена в соответствии с действующими правилами археографии. Публикуемый документ позволяет верифицировать некоторые другие источники, введенные в научный оборот ранее, и расширяет имеющиеся в науке знания о кульминационном этапе Булавинского восстания.

Ключевые слова: Булавинское восстание, донское казачество, Азов, народные движения, розыскное судопроизводство, делопроизводственные источники.

Цитирование. Аваков П. А. Новый документ о Булавинском восстании (1708 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 79–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.7>

Введение. В конце 1950-х гг. у советских историков были все основания утверждать, что поднятое К.А. Булавиным восстание является «наименее изученным звеном в цепи крестьянских войн XVII–XVIII столетий» – даже в условиях, когда «Октябрьская революция открыла широкие возможности для изучения истории народных масс и народных волнений» [8, с. 152; цит.: 12, с. 119. Ср.: 22, с. 23]. Между тем введенный к тому времени в научный оборот документальный материал вполне благоприятствовал успешной разработке этой проблемы. По меткому замечанию Е.П. Подъяпольской, в сборнике 1935 г. [6] «было опубликовано неизмеримо больше документов из истории Булавинского восстания, чем за предшествовавшие два с четвертью века» [12, с. 119]. Разумеется, издание включало в себя далеко не все доступные исследователям архивные материалы по истории восстания, публикация которых была продолжена в последующие годы В.И. Лебедевым, Е.П. Подъяпольской и некоторыми другими авторами, в том числе в рамках продолжающегося издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» [11–14; 17–21].

Перелом в историографической ситуации наступил после выхода в свет монографии самой Е.П. Подъяпольской [20]. Книга имела положительный резонанс и словно послужила толчком для дальнейшего исследования темы. Тем не менее некоторые вопросы и противоречия, возникшие в процессе изучения советскими историками Булавинского восстания, остаются нерешенными до сих пор. Появление многих из них было обусловлено марксистской методологией, господствовавшей в советской исторической науке: порожденный формационно-классовой теорией концепт крес-

тьянских войн стал своеобразным прокрустовым ложем для этого специфического антиправительственного движения [10, с. 27–28]. К таковым спорным моментам в первую очередь относятся взаимосвязанные проблемы определения хронологических рамок восстания и его характера.

Если поначалу историки датировали движение К.А. Булавина 1707–1708 гг., то Е.П. Подъяпольская в качестве верхней даты указала 1709 г., а А.П. Пронштейн и Н.А. Мининков и вовсе отодвинули ее к 1710 г. [22, с. 119–198; 24, с. 203–288]. По этому поводу В.И. Буганов и А.П. Новосельцев не без резона возразили, что «называть восстание, в которое в 1709–1710 гг. включились огромные массы крестьян южнорусских уездов, Булавинским, вряд ли верно», особенно учитывая факт гибели самого атамана в июле 1708 г. [5, с. 125]. Произошедшую в советской историографии 50–70-х гг. XX в. эволюцию характеристики движения К.А. Булавина можно проследить по работам Е.П. Подъяпольской. Если в 1962 г. она еще характеризовала его как «крестьянско-казацкое восстание», то в 1979 г. уже безоговорочно квалифицировала как крестьянскую войну [22, с. 197; 23]. Следуя историографическому тренду, исследовательница в каком-то смысле пошла на поводу у его приверженцев, рецензировавших ее монографию – В.И. Буганова и В.И. Лебедева. Последние раскритиковали определение, которое она дала движению, и предложили именовать его «крестьянской войной начала XVIII в.», не фокусируя внимание на личности К.А. Булавина, поскольку восстание «довольно долго продолжалось и после его гибели», когда «выделились другие его руководители» [4, с. 125–126]. И хотя после выхода в 1986 г. ревизионистской статьи Н.И. Павлен-

ко с характером и главной движущей силой восстания многое проявилось – ученый обоснованно считал его «казачьим по преимуществу» [16, с. 68–74], ряд вопросов все еще требуют уточнения.

После освобождения отечественной науки от идеологического диктата «марксизма-ленинизма» на исходе XX в. интерес историков к массовым народным движениям в России («эпохи феодализма») заметно снизился, следствием чего стало резкое сокращение исследований по этой проблематике, особенно монографических. Давно и в немалом количестве опубликованные источники о Булавинском восстании все еще ждут нового теоретического осмысления вне марксистской парадигмы. О массовом же введении в научный оборот новых архивных материалов по его истории говорить пока не приходится. Количество документов об этом народном движении, опубликованных в последние два десятилетия, измеряется буквально единицами, причем некоторые из них либо уже были известны историкам, либо публиковались ранее [2; 9].

Публикуемая ниже отписка азовского губернатора, стольника Ивана Андреевича Толстого в Посольский приказ от 8 декабря 1708 г., отложившаяся в фонде «Приказные дела новой разборки» (№ 159) Российского государственного архива древних актов, еще не была введена в научный оборот [15, л. 1–2 об.]. Для изучения истории Булавинского восстания она представляет немалый интерес по целому ряду оснований.

Анализ. Прежде всего, отписка сообщает дополнительные подробности о событиях, происходивших в Черкасске и Азове в июне 1708 г., накануне неудачного похода булавинцев к Азову. Это сведения об организации похода (численность участников которого определяется в 4 000 человек, что совпадает со свидетельством донского казака Евсевия Мельникова [1, с. 188]), о надежде К.А. Булавина на поддержку со стороны азовской «черни» и гарнизонных солдат, о заговоре против него, о сотрудничестве заговорщиков с азовским губернатором, о верификации им получаемых из Черкаска агентурных данных, и т. д. Не менее важна содержащаяся в документе информация другого уровня – о том,

как в Посольском приказе во второй половине 1708 г. велось предварительное следствие над теми, кто подозревался в пособничестве К.А. Булавину. На примере дела гулящего человека Григория Кирилловича Зайцева (Банщика) мы видим, что начатый по извету розыск производился в соответствии с принятыми в то время нормами процессуального права и в том числе сопровождался сбором доказательств [3, с. 112, 113]. Ответом на запрос приказа и стала публикуемая отписка, составленная на основе документов текущего архива азовской приказной палаты и подтверждающая показания Г.К. Зайцева. Исход следствия, продолжившегося уже в Преображенском приказе, нам неизвестен, но полученные от И.А. Толстого сведения позволяют предположить, что обвиняемый был оправдан. Таким образом, отписка одновременно является источником биографических данных о подследственном, невольном ставшим агентом черкасских заговорщиков и осведомителем азовской администрации.

Для внесения ясности в предысторию появления публикуемого документа перескажем суть упомянутого розыскного дела по его черновику, составленному в Посольском приказе в сентябре 1708 года.

8 сентября 1708 г. находившийся в Москве казак «легкой» донской станицы Василий Болдырь, случайно встретив в месте розничной продажи алкогольных напитков незнакомца, узнал в нем ранее виденного им сообщника К.А. Булавина. Вернее, он подозревал его в причастности к восстанию из-за шапки, которую тот носил в Черкасске – ранее она якобы принадлежала бывшему войсковому есаулу Кирею Семенову, «которого воры Булавин с товарищи в воду посадили» (то есть казнили утоплением). В. Болдырь сообщил об этом возглавлявшему станицу атаману Василию Лаврентьевичу Большому Позднееву, по приказу которого незнакомец был незамедлительно арестован станичным есаулом Иваном Селивановым с казаками и приведен к ним на двор. Атаман опознал его как «гулящего человека, родом черкашенина» (то есть украинца) Григория по прозвищу Банник, или Банщик², проживавшего на Дону во время Азовских походов 1695–1696 гг. и затем работавшего банщиком в торговых банях в Троицком

на Таган-роге. Карьера банщика не задалась: «зворовав», он якобы продал те бани без ведома их хозяев и сбежал с деньгами, после чего служил солдатом в Санкт-Петербурге, а во время Булавинского восстания опять появился на Дону, и даже дважды приходил к В.Л. Позднееву (и другим знатным старшинам) на двор, но тот «ево к себе не пускал и в слова с ним ни в какие не вступал, опасая себя», поскольку считал, что он подослан К.А. Булавиным «выведывать намерения их». Однако во время допроса станичным атаманом Григорий отвел все выдвинутые против него обвинения. Он заявил, что «...от салдатской службы отставлен, и сшел в Троецкое, и был на взморье в рыбных ловцах, а потом в Черкасской пришел... по отпуску из Азова воеводы Степана Киреева для присматривания всяких поведений, которые происходили от бунтовщиков Булавина с товарищи, и про тое де ево из Азова присылку ведает донской казак Василий Фролов». В Москву же бывший банщик, а ныне рыболлов приехал с шестью «рыбными промышленниками, рускими людьми». На вопрос о том, где он взял свою шапку, Григорий трижды ответил по-разному: сначала, «что тое шапку взял он на Дону в Черкасском на кабаке на бочке, а вдрогоредь сказал, что купил, а в третие сказал, что на кругу взял по приказу казаков». После дознания казаки доставили подозреваемого в Посольский приказ «для подлинного о нем розыску» [7, л. 1–2].

На следующий день, 9 сентября, Григорий был допрошен в Ближней канцелярии «государевыми боярами» – членами правительственной комиссии, осуществлявшей текущее руководство страной в отсутствие царя, находившегося в действующей армии. На этот раз подследственный рассказал о себе больше и объяснил противоречия в своих прежних показаниях. Зовут его Григорий Кириллов сын Банщик, родился он в Киеве, куда в прошлом был переведен из Касимова его отец – служилый человек «русской породы», зачисленный в стрелецкий полк киевского гарнизона. С местом рождения связано второе прозвище Григория – Киевенец (то есть киевлянин). Оставшись после смерти отца в «малых летех» круглым сиротой, он жил у «купецких людей», а с наступлением 17-летнего возраста женился на вдове грека Михаила в доме мещанина

Мартына Сыча. Два года спустя, около 1692 г., когда в Киев на богомолье приехал донской войсковой атаман Фрол Минаев, Григорий с женой переехал жить в Черкасск. Поселившись у атамана, он шесть лет «торговал от него медом вареным», а после взятия российскими войсками Азова в 1696 г. перебрался туда. В Азове он держал «торговые бани» – одну «государеву» на откупе, а вторую свою, на паях с донским казаком Петром Греком (более известным как Петр Емельянович Рамазан). Кроме того, около года он владел еще одной баней в Троицком совместно с Яном Греком (азовским полковником Венедиктом Семеновичем Яном), которому затем продал свою «половину» за 60 рублей. Уступив долю азовской бани своему партнеру П.Е. Рамазану в качестве уплаты долга, Григорий уехал «для торгового промысла» в Новгород с приезжими купцами из Белёва, которые продавали в Азове мед и продукты питания. Поторговав в Новгороде около четырех месяцев, компаньоны отправились для этого же в Санкт-Петербург, откуда через полгода разъехались по домам: белёвцы – в Белёв, а Григорий – в Черкасск, где его ждала жена, вернувшаяся туда на жительство из Азова. Исходя из того, что с тех пор «минуло лет с пять», купцы торговали в Петербурге в 1703 г. – в первый год существования будущей российской столицы. Причем находясь там, Григорий в солдатах «не бывал» и нигде не служил. Пожив недолго в Черкасске, он переселился в Павловский шанец у устья р. Миус, где около пяти лет занимался рыболовным промыслом, работая на посадского человека Терентия Бурлака. Наконец, спустя четыре недели после казни булавинцами прежнего войскового атамана Лукьяна Максимова и близких к нему старшин, «как те бунты утишились» (то есть в начале июня 1708 г.), Григорий вместе с казаком Павловской станицы Черкаска Власом Ивановым приехал в войсковую столицу для продажи морской рыбы. Побыв в Черкасске две недели, он сбежал на лодке в Азов, когда К.А. Булавин начал сбор казаков для нападения на этот город (согласно публикуемому документу, это произошло 18 июня). Перед бегством он получил от старшин Ильи Григорьева (Зернщикова) и Федора Соколовского поручение предупредить воеводу Сте-

пана Васильевича Киреева (заместителя находившегося в Троицком губернатора) о подготовке булавинцами похода на Азов. Говоря о И.Г. Зернщикове и Ф. Соколовском, Григорий пояснил, что «ныне» они войсковой атаман и войсковой дьяк – это отражало ситуацию на Дону во время его отъезда в Москву после гибели К.А. Булавина и разгрома его сторонников в Черкасске. Прибыв в Азов, Григорий сообщил обо всем стольнику С.В. Кирееву. Воевода ему не поверил и посадил его под арест, но через четыре дня, после поражения булавинцев под Азовом 6 июля, освободил, пообещав за оказанную услугу «великого государя милость». Из Азова Григорий добрался морем на бударе до Таганрога, а оттуда – домой в Павловский шанец. Примерно шесть недель назад, то есть в конце июля, он решил присоединиться к троицким посадским людям Андрею и Максиму Яковлевым, отправлявшимся в Москву торговать рыбой, и «поехал с ними в работниках из найму». На этот счет у его нанимателей имелось прямое доказательство – выданная в Троицком подорожная «об отпуске их и о пропуске по дороге». По прибытии в столицу они остановились на постоялом дворе в Верхних Садовниках, близ каменного моста (Всехсвятского, соединявшего Замоскворечье с Белым городом), где Григория и задержали донские казаки [7, л. 2–4].

По поводу своей шапки, которая служила главным аргументом для его обвинения в причастности к Булавинскому восстанию, Григорий пояснил, что купил ее «в кругу у казака Василия», когда «ездил с Таган-рогу в Черкасской с продажною рыбою». Тогда же из-за той шапки незнакомый казак, одетый в покрытую зеленым киндяком шубу, схватил его и обвинил в воровстве. Это послужило основанием для разбирательства в Войсковом круге, в результате чего Григорий был оправдан, а обвинителю «в той шапке отказано». Подследственный подчеркнул, что своего недоброжелателя знает только в лицо, «а как зовут и чей прозваньем – не знает», «но чаёт, что он ныне в приезде в Москве, потому что в такой же шубе видел казака», который сказал ему: «ты де вор, много де от тебя мы потерпели» (возможно, речь идет о В. Болдыре, узнавшем его на постоялом дворе в Верхних

Садовниках). Во время же допроса В.Л. Позднеевым Григорий говорил ему о другой своей шапке, а не о купленной, «потому что он пил в кабаке, и тое свою шапку забыл, а на другой день с кабака с бочки взял». По поводу обвинения в причастности к восстанию допрашиваемый заявил, что с булавинцами «в воровствах их и согласии» он не был, при утоплении есаула К. Семенова не присутствовал, «и той шапки, про которую казаки говорят, не имовал». То, «что он человек доброй, а не вор», могут подтвердить представители войсковых властей – И.Г. Зернщиков и Ф. Соколовский, и троицкие посадские люди. Что касается его слов об отставке с солдатской службы в Петербурге, сказанных днем ранее Л.В. Позднееву, – он «того не упомнит, потому что был пьян» [7, л. 2 об., 4–4 об.]. В данной ситуации эта традиционная отговорка всех находящихся в тисках правосудия лиц звучала вполне правдоподобно, учитывая, что Григорий был задержан казаками после распития алкогольных напитков.

Нельзя не обратить внимания на то, что в материалах розыскного дела и публикуемом документе имеются некоторые расхождения. Прежде всего, это касается двойного социального статуса фигуранта. Согласно показаниям Г.К. Зайцева в Посольском приказе, он принадлежал к категории гулящих людей, о чем ясно свидетельствует его образ жизни и род деятельности. Тем не менее И.А. Толстой назвал Григория донским казаком Павловской станицы Черкаска – вероятно, исходя из его предыдущего места пребывания [15, л. 1 об.]. С другой стороны, проживание подследственного в Черкасске до 1695 г. (рубежная дата для социальной сегрегации пришлого и старожилото населения донских городков с точки зрения закона) давало и юридические основания считать его казаком. Правда, судя по роду деятельности последнего на Дону и его свободе передвижения, он не нес казачьей службы и, следовательно, казаком не являлся.

В отписке И.А. Толстого, передающей слова Г.К. Зайцева, среди пославших его в Азов членов антибулавинского заговора фигурирует В.Л. Большой Позднеев [15, л. 1 об.], однако материалы дела недвусмысленно свидетельствуют, что они не были знакомы –

иначе бы старшина узнал своего агента (в том, что отправившуюся в августе 1708 г. из Черкаска в Москву «легкую» станицу возглавлял именно Василий Позднеев-старший, а не его родной младший брат-тезка, сомневаться не приходится [19, с. 468, 588–590]). Вместе с тем большого противоречия в этом нет. То, что на допросе в Азове в июне 1708 г. Григорий назвал трех черкасских заговорщиков, от имени которых он передал С.В. Кирееву сведения о планах К.А. Булавина, вовсе не означает, что все они лично уполномочили его на это. Иными словами, В.Л. Позднеев мог не присутствовать при инструктировании двумя своими сообщниками Г.К. Зайцева, и поэтому не узнал его в Москве почти три месяца спустя.

Методы. Документ публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Его орфографические и стилистические особенности сохранены, вышедшие из употребления буквы русского языка заменены на созвучные им современные буквы, а кириллическая цифирь – на арабские цифры. Выносные буквы внесены в строку, сокращения слов раскрыты, твердый знак в конце слов не воспроизводится. Мягкий знак и знаки препинания расставлены в соответствии с действующими правилами орфографии и пунктуации. Границы листов документа обозначены двумя вертикальными линиями: ||.

*Отписка губернатора Азова стольника
И.А. Толстого в Посольский приказ*

8 декабря 1708 г.

(Л. 1 об.) Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу⁽¹⁾, всеа Великия, и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои, Иван Толстой⁽²⁾ с товарищи, челом бьют.

В нынешнем 708-м году октября в 30 день в твоих, великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя и Белья Росии самодержца, дву грамотах из государственного Посольского приказу в Азов, к нам, холопом твоим, за приписью секретора Петра Курбатова⁽³⁾ писано, велено против роспросных речей Григорья Банщикова, которой ис Троицкого⁽⁴⁾ приехал к Москве с торговыми людьми с Андреем Аверинным, да с Максимом Поповым в работниках, а во время бунту вора Булавина⁽⁵⁾ был он на Дону, освидетельствовав, к тебе, великому государю, писать

через почту наскоро: в бунту вора Булавина он, Григорей Банщиков, з Дону ис Черкаскаго⁽⁶⁾ от старшин Ильи Григорьева⁽⁷⁾ с товарищи с ведомостию о зборе и о приходе под Азов⁽⁸⁾ булавиных присылан ли, и что он о том в Азове объявил, и в Троицком на Таган-рогу, и в Павловском⁽⁹⁾ у кого он жил, и не было ль за ним какова воровства.

И по тем де твоим, великого государя, грамотам, по справке в азовской приказной полате в нынешнем 1708-м году июня в 27 день явился в Азове Черкаскаго городка Павловской станицы⁽¹⁰⁾ казак Григорей Кирилов сын Зайцов, и в приказной полате перед нами, холопи твоим, сказал: июня де в 18-м числе донские казаки есаул Тимофей Соколов⁽¹¹⁾ да Илья Григорьев, Василей Большой Позднеев⁽¹²⁾, Михайла Сулин⁽¹³⁾, Иван Юдушкин⁽¹⁴⁾, послали ево, Григорья, ис Черкаскаго в Азов с письмом, в котором было написано про воровство вора Булавина, что он в Черкасском. || *(Л. 2)* И как де он, Григорей, ис Черкаскаго в Азов с тем поехал рекою Доном в лотке, и в урочище де против Лычанского острова⁽¹⁵⁾, и с того острова осмотра ево, лютинские казаки⁽¹⁶⁾, окликав, взяли для отвозу в Черкаскакой. А как ево брали, и в то время посланное с ним, Григорьем, письмо, кинул он в реку Дон, чтоб то письмо у него не вынели. И привезли де ево в Черкаскакой, и вор де Булавин в кругу ево роспрашивал. И он де, Григорей, про ту посылку ему, вору, не сказал, а сказал, что ехал на рыбную ловлю. И после де роспросу он, вор, посадил ево на цепь, и на цепи де сидел он неделю, и с той де цепи по упрощению есоулов Тимофея Соколова и Степана Ананьина⁽¹⁷⁾ он, вор, ево, Григорья, с цепи свободил. И июня ж де в 26 день вышеписанные есоул Тимофей Соколов да есаул же Степан Ананьин, Василей Большой Позднеев, призвав ево, Григорья, и велел ему итить тайным обычаем в Азов, и явитца в Азове нам, холопом твоим. А при отпуске де ево ис Черкаскаго вышеписанные есаул Тимофей Соколов с товарищи приказывали с ним, Григорьем, нам, холопом твоим, сказать, чтоб в Азове и в Троицком имели опосение для того, что де вор Булавин имеет свое воровское намерение итить войною под Азов, и казаки де все верстались в десятки. А по смете де казаков и бурлаков и бокчевников⁽¹⁸⁾ с четьрять тысячи человек. А к Азову де он, вор, пойдет судовою сам, а конницею по Крымской стороне⁽¹⁹⁾ пойдут воры Беспалой⁽²⁰⁾ да Лунька Хохлач⁽²¹⁾ с товарищи. И для того де он, вор, Беспалаго ожидает к себе вскоре. Да он же, Григорей, втайне сказал: вор де Булавин в кругу и везде говорит, чтоб итить под Азов войною. А как де он под Азов придет, и салдаты де и чернь вся нигде с ним битца не будут, и в том де || *(Л. 2 об.)* он на них, салдат и чернь, крепко надеетца, развя де с ним будут битца начальныи люди да дворяня, да иноземцы, да по-

садские люди. И Тимофей де Соколов с товарищи приказывал с ним, Григорьем, чтоб салдат и иных чинов черных людей не роздрожать, а обещал бы им великого государя милость и жалованья, и во всем бы их, салдат, и иных чинов людей, уверил подлинно – для того, что де он, вор, хочет чернь всю прельщать. И для подлинного о вышеписанном уверения отдан был за кораул. А как воры булавицы под Азов приходили, и по окончании оног воровства июля в 9 день он, Григорей, из-за короулу свободен, и из Азова съехал в Троицкой.

А наперед сего он, Григорей, в Азове и в Троицком живал и торговые бани, взяв, на откуп держал, а какова он состояния и шатость какая за ним была ль – того в Азове и в Троицком неведомо. А в приводех ни в каких в приказные полаты не бывал.

А сию отписку к тебе, великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия, и Малыя и Белья России самодержцу, послали мы, холопи твои, чрез почту декабря в 8 день, и велели подать в твоём государственном Посольском приказе постельничему и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину⁽²²⁾ да тайному секретарю Петру Павловичу Шафирову⁽²³⁾ с товарищи.

*РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 5041. Л. 1–2 об.
Подлинник*

Под текстом отписки помета другим почерком (л. 2. об.):

1709-го генваря в 4 день. Послать с сей отписки для ведома в Преображенской приказ память для того, что тот донской казак, о котором в сей отписке писано, отослан из Посольского прика[за] в тот приказ.

Письмо было сложено конвертом, на его внешней стороне фрагмент круглой сургучной печати и надпись (л. 1):

В Посольской приказ.

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия, и Малыя и Белья России самодержцу.

Ниже отметка тем же почерком, что и помета на отписке:

1709-го генваря в 4 день прислана в Розряд чрез почту.

КОММЕНТАРИИ

1. Петр I Алексеевич (1672–1725), русский царь с 1682 года.

2. Иван Андреевич Толстой (1642–1713), стольник с 1677 г., губернатор Азова с 1703 г. и Азовской губернии в 1709–1713 годах.

3. Курбатов Петр Васильевич (1672–1747), секретарь Посольского приказа с 1708 года.

4. Город-крепость Троицкий на Таган-роге (мысе Таган), более известный в историографии как Таганрог. Основан в 1699 г., разрушен по условиям Прутского мирного договора 1711 года. Ныне на его месте находится г. Таганрог Ростовской области.

5. Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1667–1708), повстанческий атаман и лидер казачьего восстания 1707–1708 гг., войсковой атаман Войска Донского в 1708 году.

6. Черкасский городок (Черкасск), военно-административный центр Войска Донского в 1644–1805 годах. Ныне – станция Старочеркасская в Аксайском районе Ростовской области.

7. Зер(н)щиков Илья Григорьевич (ум. 1708), старшина Войска Донского, войсковой атаман в 1708 году.

8. Город Азов, административный центр Северо-Восточного Приазовья, бывшая османская крепость Азак. Завоеван и включен в состав России в 1696 г., возвращен Османской империи по условиям Прутского мирного договора 1711 года. Ныне – г. Азов в Азовском районе Ростовской области.

9. Павловский шанец – земляное укрепление в устье р. Миус, на западном фланге оборонительной Троицкой линии. Построен в 1702 г., оставлен в 1711 году.

10. Павловская – одна из одиннадцати станиц в составе г. Черкаска.

11. Соколов Тимофей (Гаврилович?), донской казак Средней станицы г. Черкаска, войсковой есаул в 1708 году.

12. Позд(н)еев Василий Большой (то есть старший) Лаврентьевич, старшина Войска Донского.

13. Сулин Михаил Филиппович, донской казак г. Черкаска, войсковой толмач в 1708 году.

14. Юдин (Юдушкин, Юдак) Иван Андреевич, донской казак г. Черкаска.

15. Лычанский остров – речной русловой остров, находившийся выше стрелки р. Дон и его протока Мертвый Донец, в черте нынешнего г. Ростова-на-Дону. В наши дни затоплен.

16. Донские казаки, поселенные в 1696 г. в бывшей османской крепости Лютин (Сед-Ислам) после ее капитуляции. Крепость располагалась в дельте р. Дон, на левом берегу р. Мертвый Донец.

17. Ананьин Степан, донской казак Верхней Рыковской станицы г. Черкаска, войсковой есаул в 1708 году. Один из убийц К.А. Булавина.

18. Бурлаки и бахчевники, здесь – пришлые жители донских станиц, не имевшие статуса казака наемные работники.

19. Крымская сторона, здесь – правый берег р. Дон.

20. Беспалый Сергей (Федорович?), донской казак, повстанческий атаман, сподвижник К.А. Булавина.

21. Хохлач Лукьян Михайлович (ум. 1708), повстанческий атаман, сподвижник К.А. Булавина.

22. Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) – постельничий и верховный комнатный с 1689 г., судья Мастерской палаты в 1689–1712 годах. С 1706 г. глава Посольской канцелярии, с 1708 г. – Посольского и подчиненных ему приказов. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного с 1703 г., граф Священной Римской империи германской нации с 1707 года. Троюродный дядя царя Петра I (по материнской линии).

23. Шафиров Петр Павлович (1669–1739), тайный секретарь Посольского приказа с 1703 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2021 г. по теме «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011190182-8).

The article was prepared as part of state assignments for 2021 entrusted to the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the RAS on the topic “History and Culture of the Peoples of the South of Russia: Between Tradition and Modernization” (state registration number: АААА-А19-119011190182-8).

² Его не следует путать с казаком Ново-Айдарского городка Григорием Банниковым – одним из первых сподвижников К.А. Булавина, его соучастником в убийстве князя Ю.В. Долгорукова и повстанческим полковником. Этот «бунтовщик заводчик» был пойман войсковыми властями в декабре 1707 г., вместе с тремя другими колодниками в январе 1708 г. доставлен в Посольский приказ «легкой» станицей атамана Увара Иванова и затем передан в Преображенский приказ для следственных действий [6, с. 131, 138, 139, 142, 151, 157].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков, П. А. Азовский поход булавиновцев 1708 г. / П. А. Аваков // Меншиковские чтения – 2015 : науч. альманах. – СПб. : XVIII век, 2015. – Вып. 6. – С. 184–194. – (Б-ка Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

2. Аваков, П. А. Письмо К.А. Булавина ачувскому мухафызу Хасану-паше (1708 г.) / П. А. Аваков,

Д. В. Сень // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 62–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.5>.

3. Батиев, Л. В. Возбуждение процесса и доказывание в российском розыском судопроизводстве второй половины XVII – начала XVIII в. / Л. В. Батиев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 3. – С. 110–120.

4. Буганов, В. И. Новое исследование о Булавинском восстании / В. И. Буганов, В. И. Лебедев // Вопросы истории. – 1963. – № 12. – С. 124–127.

5. Буганов, В. И. [Рец. на:] А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 420 с. / В. И. Буганов, А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1984. – № 12. – С. 124–127.

6. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 528 с. – (Тр. Историко-археологического ин-та АН СССР ; т. 12).

7. Дело по доносу станичного атамана В.Л. Позднеева-старшего на гулящего человека Г.К. Банщика. Сентябрь 1708 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – 1708 г. – Ф. 111. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1–12 об.

8. Зимин, А. А. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века) / А. А. Зимин, А. А. Преображенский // Вопросы истории. – 1957. – № 12. – С. 135–160.

9. Мининков, Н. А. Первое упоминание о Кондратии Булавине / Н. А. Мининков // Новый часовой: русский военно-исторический журнал. – 2002. – № 13–14. – С. 225–230.

10. Мининков, Н. А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков / Н. А. Мининков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 26–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>.

11. Недосекин, В. И. Новые данные о Булавинском восстании / В. И. Недосекин // Советские архивы. – 1967. – № 3. – С. 107–110.

12. Новое о восстании К. Булавина / публ. Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. – 1960. – № 6. – С. 119–142.

13. Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707–1709 гг. / публ. Е. П. Подъяпольской // Материалы по истории СССР. – М., 1957. – Вып. 5. – С. 503–564.

14. О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. / публ. В.И. Лебедева // Исторический архив. – 1955. – № 4. – С. 179–195.

15. Отписка азовского губернатора И.А. Толстого в Посольский приказ. 8 декабря 1708 г. // РГАДА. – Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 5041. – Л. 1–2 об.

16. Павленко, Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах / Н. И. Павленко // Социально-экономическое развитие России : сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. – М. : Наука, 1986. – С. 62–75.

17. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. А. И. Андреева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 7. – Вып. 2. – VI, [639]–936 с.

18. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. А. И. Андреева. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 8. – Вып. 1. – 408 с.

19. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. 2. – 409–1180 с.

20. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 9. – Вып. 1. – 528 с.

21. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. Б. Б. Кафенгауза. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 9. – Вып. 2. – 529–1622 с.

22. Подъяпольская, Е. П. Восстание Булавина, 1707–1709 / Е. П. Подъяпольская. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 215 с.

23. Подъяпольская, Е. П. Крестьянская война 1707–1709 гг. / Е. П. Подъяпольская // Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М. ; Л. : Наука, 1966. – С. 176–203.

24. Пронштейн, А. П. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество / А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 420 с.

vol. 23, no. 2, pp. 62-70. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.5>.

3. Batiev L.V. Vozbuzhdeniye protsessa i dokazyvaniye v rossiyskom rozysknom sudoproizvodstve vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII v. [The Initiation of the Process and the Proof in the Russian Investigative Proceedings in the Second Half of 17th – Beginning of 18th Centuries]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Studies], 2019, no. 3, pp. 110-120.

4. Buganov V.I., Lebedev V.I. Novoe issledovanie o Bulavinskom vosstanii [New Study on the Bulavin Uprising]. *Voprosy istorii*, 1963, no. 12, pp. 124-127.

5. Buganov V.I., Novosel'cev A.P. (Rets. na:) A.P. Pronshitejn, N.A. Mininkov. Krest' yanskije vojny v Rossii XVII–XVIII vekov i donscoe kazachestvo. Rostov n/D, Izd-vo Rost. un-ta, 1983. 420 s. [Review: A.P. Pronstein, N.A. Mininkov. Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries and the Don Cossacks. Rostov-on-Don, 1983. 420 p.]. *Voprosy istorii*, 1984, no. 12, pp. 124-127.

6. *Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.)* [The Bulavin Uprising (1707–1708)]. Moscow, Izd-vo Obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssyl' nopoulosentsev, 1935. 528 p. (Tr. Istoriko-arkheograficheskogo in-ta AN SSSR; t. 12 [Proceedings of the Historical and Archaeographic Institute of the Academy of Sciences of the USSR, vol. 12]).

7. Delo po donosu stanichnogo atamana V.L. Pozdneeva-starshego na gulyashchego cheloveka G.K. Banshchika. Sentyabr 1708 g. [The Case on Denunciation of the Village Ataman V.L. Pozdneev Senior on the Man from the Street G.K. Banshchik]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)], 1708 g., f. 111, op. 1, d. 9, l. 1–12 ob.

8. Zimin A.A., Preobrazhenskij A.A. Izuchenie v sovetskoj istoricheskoy nauke klassovoj bor'by perioda feodalizma v Rossii (do nachala XIX veka) [The Study of the Class Struggle During Feudalism in Russia (Until the Beginning of the 19th Century) in Soviet Historical Science]. *Voprosy istorii*, 1957, no. 12, pp. 135-160.

9. Mininkov N.A. Pervoe upominanie o Kondratii Bulavine [The First Mention of Kondraty Bulavin]. *Novyj chasovoj: russkij voenno-istoricheskij zhurnal*, 2002, no. 13-14, pp. 225-230.

10. Mininkov N.A. Tradicii i perspektivy izucheniya massovyh narodnyh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vekov [Traditions and Prospects of Studying Mass Public Movements in the Russia of the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 26-35. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>.

REFERENCES

1. Avakov P.A. Azovskij pohod bulavincev 1708 g. [The Azov Campaign of the Bulavin's Supporters of 1708]. *Menshikovskie chteniya – 2015: nauch. al'manah* [Menshikov Memorial Readings, 2015. The Scientific Almanac]. Saint Petersburg, XVIII vek Publ., 2015, iss. 6, pp. 184-194. (B-ka Fonda pamyati svetleyshego knyazya A.D. Menshikova [Library of the Fund for the Memory of His Serene Highness Prince A.D. Menshikov]).

2. Avakov P.A., Sen D.V. Pismo K.A. Bulavina achuyevskomu mukhafyzu Khasanu-pashe (1708 g.) [K. Bulavin's Letter to Achuev's Muhafiz Hassan Pasha (1708)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018,

11. Nedosekin V.I. Novye dannye o Bulavinskom vosstanii [New Data About the Bulavin Uprising]. *Sovetskie arhivy* [Soviet Archives], 1967, no. 3, pp. 107-110.
12. Podjapolskaya E.P., ed. Novoe o vosstanii K. Bulavina [New About the K. Bulavin's Uprising]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 1960, no. 6, pp. 119-142.
13. Podjapolskaya E.P., ed. Novye materialy o vosstanii na Donu i v Central'noj Rossii v 1707–1709 gg. [New Materials on the Uprising on the Don and in Central Russia in 1707–1709]. *Materialy po istorii SSSR* [Materials on the History of the USSR]. Moscow, 1957, iss. 5, pp. 503-564.
14. Lebedev V.I., ed. O podavlenii narodnogo vosstaniya 1707–1708 gg. [On the Suppression of the Popular Uprising of 1707–1708]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 1955, no. 4, pp. 179-195.
15. Otpiska azovskogo gubernatora I.A. Tolstogo v Posol'skij prikaz. 8 dekabrya 1708 g. [The Report of the Azov Governor I.A. Tolstoy to the Ambassadorial Chancery. December 8, 1708]. *RGADA*, f. 159, op. 2, d. 5041, l. 1-2ob.
16. Pavlenko N.I. K voprosu o roli donskogo kazachestva v krest'yanskikh voynah [On the Role of the Don Cossacks in Peasant Wars]. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Druzhinina* [Socio-Economic Development of Russia. Collection of Articles Dedicated to the 100th Anniversary of N.M. Druzhinin]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 62-75.
17. Andreev A.I., ed. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1946, vol. 7, iss. 2, VI, [639]-936 p.
18. Andreev A.I., ed. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1948, vol. 8, iss. 1. 408 p.
19. Kafengauz B.B., ed. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 8, iss. 2. 409-1180 p.
20. Kafengauz B.B., ed. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, vol. 9, iss. 1. 528 p.
21. Kafengauz B.B., ed. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1952, vol. 9, iss. 2. 529-1622 p.
22. Podjapol'skaja E.P. *Vosstanie Bulavina, 1707–1709* [The Bulavin Uprising 1707–1709]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 215 p.
23. Podjapol'skaja E.P. Krest'yanskaya vojna 1707–1709 gg. [Peasant War of the 1707–1709]. Smirnov I.I., Man'kov A.G., Podyapol'skaya E.P., Mavrodin V.V. *Krest'yanskije vojny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 176-203.
24. Pronshtejn A.P., Mininkov N.A. *Krest'yanskije vojny v Rossii XVII–XVIII vekov i donskoe kazachestvo* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries and the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1983. 420 p.

Information About the Author

Pyotr A. Avakov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chehov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, pavakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-5611>

Информация об авторе

Петр Ашотович Аваков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, pavakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-5611>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.8>

UDC 94(476):[33:323.31:272]“189/190”
ЛБС 63.3(4Бел)6-28

Submitted: 01.02.2021
Accepted: 22.03.2021

DISCRIMINATIVE ECONOMIC POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT TOWARDS THE CATHOLIC NOBILITY OF BELARUS (SECOND HALF OF THE 19th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

Anatolij P. Zhitko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *Introduction.* The upper class of Belarus within the Russian Empire attracted the attention of researchers. However, the restrictive economic policy of the Russian government towards the nobility of the Roman Catholic faith has not been the subject of special study. The aim of the article is to identify the main aspects of the discriminative policy of the autocracy against the Catholic nobility of Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Methodology.* The study is based on the fundamental principles of historical knowledge – historicism, objectivity, value-based approach, and traditional general scientific and concrete historical methods were used to implement the research tasks. *Results.* In 1858 in the Belarusian provinces the hereditary nobility made up one third of the upper class of the European part of Russia. The implementation of the “parsing the shliahta” policy led to a sharp reduction in the Catholic nobility by 1865. The government sought to economically undermine the economic activities of the Catholic nobility and equalize Russian and Catholic land ownership in the Belarusian region. This was reflected in the preferential sale of sequestered and confiscated estates, the prohibition of land purchases by Catholics, all kinds of fines and especially through contribution fee and a tax to support the Orthodox clergy. *Conclusion.* The government’s discriminative policy towards Catholic nobility was aimed at curbing the economic activity of “the Poles” in Belarus. The main elements of its implementation were the sequestration and confiscation of the estates of Catholics who directly or indirectly participated in the uprising of 1863–1864, various fines, the prohibition of the purchase of land holdings, contribution fee, taxes on maintaining the Orthodox Church, etc. At the same time, this policy did not lead to the expected results. At the beginning of the 20th century the Catholic nobility outnumbered the Russian nobility in land ownership.

Key words: Belarus, government policy, catholic nobility, sequestration, confiscation, land ownership, contribution fee, taxes.

Citation. Zhitko A.P. Discriminative Economic Policy of the Russian Government Towards the Catholic Nobility of Belarus (Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 89-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.8>

УДК 94(476):[33:323.31:272]“189/190”
ББК 63.3(4Бел)6-28

Дата поступления статьи: 01.02.2021
Дата принятия статьи: 22.03.2021

ДИСКРИМИНАЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ДВОРЯН-КАТОЛИКОВ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Анатолий Павлович Житко

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Высшее сословие Беларуси в составе Российской империи привлекало внимание исследователей. Однако ограничительная экономическая политика российского правительства в отношении

дворян римско-католического вероисповедания не являлась предметом специального изучения. Цель статьи – выявить основные аспекты дискриминационной политики самодержавия в отношении дворян-католиков Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. *Методология.* Исследование базируется на основополагающих принципах исторического познания – историзма, объективности и ценностного подхода, а для реализации исследовательских задач использовались традиционные общенаучные и конкретно-исторические методы. *Результаты.* В 1858 г. в белорусских губерниях потомственное дворянство составляло третью часть от высшего сословия европейской части России. Реализация политики «разбора шляхты» привела к резкому сокращению численности католического дворянства к 1865 году. Правительство стремилось экономически подорвать хозяйственную деятельность дворян-католиков и уровнять русское и католическое землевладение в белорусском крае. Это выразилось в льготной распродаже секвестрированных и конфискованных имений, запрещении покупки земель католикам, всевозможных штрафных санкциях и особенно посредством контрибуционного сбора и налога на поддержание православного духовенства. *Заключение.* Дискриминационная политика правительства в отношении дворян-католиков была направлена на сдерживание экономической активности «поляков» в Беларуси. Основными элементами ее реализации были секвестр и конфискации имений католиков, напрямую или опосредованно участвовавших в восстании 1863–1864 гг., различные штрафы, запрещение покупки земельных владений, контрибуционный сбор, налоги на поддержание православной церкви и др. Вместе с тем эта политика не привела к ожидаемым результатам. И в начале XX в. дворянское католическое землевладение превосходило русское.

Ключевые слова: Беларусь, правительственная политика, дворяне-католики, секвестр, конфискация, землевладение, контрибуционный сбор, налоги.

Цитирование. Житко А. П. Дискриминационная экономическая политика российского правительства в отношении дворян-католиков Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 89–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.8>

Введение. История дворянства Беларуси к началу 90-х гг. XX в. не являлась предметом специального изучения в белорусской историографии. В социально-классовой структуре общества исследованию подвергались рабочий класс и крестьянство, а также помещики в связи с аграрной проблематикой. Такой подход был обусловлен марксистско-ленинской методологией, в основе которой лежал классовый подход в историческом познании. Поэтому вне поля зрения оставалось «реакционное», «консервативное» дворянское сословие как опора самодержавия. Разумеется, чтобы опровергнуть такой однолинейный подход по отношению к нобилитету белорусского общества в период модернизации социально-экономических отношений, складывания белорусской нации, необходимо рассмотреть всю палитру, характеризующую высшее сословие. Однако ограниченность статьи не дает возможности осуществить этот план. Поэтому мы остановимся только на отдельных аспектах дискриминационной экономической политики самодержавия в отношении дворян-католиков, которая тесно связана и с другими проблемами.

В Беларуси высшее сословие было многонациональным и неоднородным по конфессиональной принадлежности. Вопрос о вероисповедании и национальности дворянства белорусского края не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Он несет на себе не только и не столько религиозный, сколько политический и культурно-национальный оттенок. Высшее сословие было расколотым на две основные части – православную и католическую, что не способствовало его консолидации. Этот раскол обуславливал, как правило, и политическую ориентацию дворянства края: католики – на запад, к католической Польше, а православные – на восток, к России. С другой стороны, разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи привели к религиозному и политическому ущемлению белорусской шляхты. Борьба Польши в конце XIX – начале XX в. за национальное освобождение, а вместе с ней и населения территорий, входивших в состав бывшей Речи Посполитой (в том числе и белорусов), явилась одной из политических предпосылок формирования национального самосознания белорусского нобилитета ка-

толического, за очень редким исключением православного, вероисповедания.

Дворянство Беларуси, как и католическое духовенство, было самой образованной частью белорусского общества [8, с. 64]. Поэтому и не случайно, что именно оно рекрутировало из своей среды национальную интеллигенцию, которая, как доказывает исторический опыт, в отличие от других социальных групп, может подняться выше своих классовых интересов. Именно в ее среде вызрела идея борьбы за культурно-национальное возрождение.

На современном этапе в белорусской исторической науке высшее сословие исследуется на разных исторических этапах, а также по основным направлениям его жизнедеятельности. Что касается второй половины XIX – начала XX в., то из обширной научной литературы следует выделить монографии А.Г. Кохановского [11], А.Ф. Смоленчука [26], С.А. Толмачевой [29]. В российской историографии накоплен богатый опыт изучения дворянского сословия как по империи в целом, так и отдельным регионам. Касательно изучения высшего сословия белорусского края необходимо отметить исследования Л.Е. Горизонтова [4] и А.А. Комзоловой [12]. Среди многочисленных публикаций польских историков данная проблема более полно рассматривается в работах В. Родкевича [31] и Д. Файнгауза [30]. Национальный состав дворянства в белорусских губерниях в англоязычной историографии попытался определить С. Беккер [2]. Вместе с тем по этому показателю он не развел потомственных и личных дворян по отдельным группам, что несколько исказило национальный образ представителей этого сословия.

Следует отметить, что в указанных публикациях высшее сословие Беларуси рассматривается в целом или же в связи с кадровой политикой самодержавия в западных губерниях. Однако ограничительная экономическая политика российского правительства в отношении дворян римско-католического вероисповедания не являлась предметом специального изучения.

Методы и материалы. Исследование базируется на основополагающих принципах исторического познания – историзма, объек-

тивности и ценностного подхода, а для реализации исследовательских задач использовались традиционные общенаучные и конкретно-исторические методы.

В качестве информационной базы исследования в статье использованы архивные и опубликованные документальные материалы. Для выявления сущности и особенностей правительственной политики в 9 западных губерниях анализу подверглись архивные источники центральных органов власти из фондов Российского государственного исторического архива – Министерства внутренних дел (фонды 1282, 1283, 1284), Совета министров (ф. 1276), Западного комитета, действовавшего в 1861–1868 гг. (ф. 1267), а также личный архив П.А. Валуева (ф. 908). В последнем отложились письма Виленского генерал-губернатора П.П. Альбединского министру государственных имуществ П.А. Валуеву о снижении 10 %-го сбора с помещиков римско-католического вероисповедания за 1878–1879 годы.

К опубликованным официальным документальным источникам относятся нормативно-правовые акты, отложившиеся в «*Полном собрании законов Российской империи*», «*Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902): в 5 т.*», «*Доклад Высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России*» (1872 г.), «*Памятная книжка Виленской губернии*», «*Памятная книжка Витебской губернии*», «*Памятная книжка Гродненской губернии*», «*Памятная книжка Минской губернии*», «*Памятная книжка Могилевской губернии*» за 1861–1913 гг. и др.

Анализ. Беларусь отличало от других регионов Российской империи наличие значительного количества потомственного дворянства. В 1858 г. в пяти белорусских губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) проживало 200 626 потомственных дворян, или 4,5 % от всего населения. В то же время в 50 губерниях Европейской России их численность составляла 611 973 чел. (1,0 % в составе всех сословных групп). Таким образом, на территории белорусского края было сосредоточено 32,8 % всех

потомственных дворян Европейской России [8, с. 43]. Абсолютное большинство его составляли представители римско-католического вероисповедания, желавшие восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года. Поэтому правительство стремилось сократить численность потомственного дворянства в крае. Это проявилось в реализации политики «разбора шляхты», начало которой положило восстание 1830–1831 годов.

Основной движущей силой восстания 1863–1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве являлась мелкоземельная шляхта (высшее сословие в бывшей Речи Посполитой) римско-католического вероисповедания. Часть восставших погибла в боях, была казнена, отправлена в Сибирь или арестантские роты, часть эмигрировала. По нашим подсчетам, Беларусь потеряла приблизительно 20 тыс. шляхтичей [8, с. 43–44]. Однако основные потери явились следствием указа от 23 сентября 1864 г., по которому шляхта, документально не подтвердившая свою принадлежность к высшему сословию Речи Посполитой, с 1 января 1865 г. переводилась в податные сословные группы крестьян или же мещан. Указанные причины привели к резкому сокращению потомственного дворянства Беларуси. Так, если в 1863 г. число потомственных дворян в белорусских губерниях составляло 229 495 чел., то в 1867 г. – только 121 708 чел., или 53,0 % от 1863 г. [8, с. 42].

Следует отметить, что в XIX в. среди официальных лиц существовала путаница по вопросу, кого же относить к «русским дворянам», «лицам русского происхождения», «непольского» и «лицам польского происхождения». На практике белорусов-католиков причисляли к полякам, а православных – к русским.

Впервые юридический термин «лицо польского происхождения» зафиксирован в законе от 10 декабря 1865 г., по которому им было запрещено приобретать земли в 9 западных губерниях любым иным способом, кроме как по наследству [19]. Буквальный смысл этого термина означал принадлежность к польской национальности. Однако насчет того, кто в Западном крае является поляком – или только поляк, выходец из Царства Польского, или это и местные дворяне католического ве-

роисповедания, причислявшие или не причислявшие себя к соответствующей коренной национальности, – об этом в законе ничего не говорилось.

С течением времени в административной практике наблюдалось отождествление понятий «польское происхождение» и «римско-католическое вероисповедание». По сути, всех белорусских дворян-католиков подводили под термин «лицо польского происхождения». Только в конце 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский, назначенный министром внутренних дел (до этого являлся Виленским генерал-губернатором), предпринял попытку обособить местных дворян-католиков 9 западных губерний от поляков. В записке, подготовленной его ведомством, говорилось: «В то время, как задача правительства по отношению к западному краю должна была бы иметь целью разъединение понятий, или более правильно, явлений католицизма и полонизма, иными словами, развитие в сознании местного населения мысли, что оно хотя и католическое, но не польское, наши законы стремятся убедить непольские народности в том, что раз они католики, то значит и поляки» [13, л. 51а]. Хотя МВД и предложил уравнивать в правах всех дворян-католиков Западного края с русским высшим сословием, однако Кабинет министров, разработавший законопроект по этому вопросу, ввел определенные ограничения. Так, по закону от 1 мая 1905 г. процедура выявления национальности дворян-католиков была сложной. Например, чтобы купить землю, католик должен был обратиться с письменной просьбой к губернатору. Тот поручал земскому начальнику по месту жительства дворянина составить анкету, включавшую следующие пункты: 1) народность просителя по его происхождению; 2) разговорный язык семьи просителя; 3) заявление просителя о том, к какой народности он сам себя причисляет; 4) заключение лица, собиравшего сведения, о народности просителя по всей совокупности полученных данных; 5) вероисповедание просителя [14, л. 53, 57].

Понятно, что такой порядок выявления национальности был сложным и приводил к злоупотреблениям со стороны местной администрации. Однако это был шаг вперед по сравнению с предшествующей практикой, ког-

да национальность дворянина определялась только по вероисповеданию. Вместе с тем в толковании Сената от 21 июня 1910 г. отмечалось, что в законе от 1 мая 1905 г. «нет четких признаков понятия “лицо польского происхождения”». Поэтому только представители местной высшей администрации в лице генерал-губернатора или губернатора в состоянии решить подобные дела, тем более, что они носят не юридический, а политический характер. Понятие “лицо польского происхождения” необходимо понимать не в смысле этнографическом, а культурно-политическом. С этой точки зрения местные уроженцы литовцы, жмудины, белорусы и т. д. могут являться лицами польского происхождения, если они усвоили польскую национальность» [8, с. 78].

Таким образом, в течение рассматриваемого периода царским правительством не были выработаны однозначные критерии, на основании которых определялась бы национальность дворян-католиков. В связи с этим и политика царизма в отношении дворян-католиков была неоднозначной и противоречивой. По нашим подсчетам, в конце XIX в. на современной территории Беларуси проживало 149 188 потомственных дворян. Среди них – 77 364 (51,8 %) белорусов, 17 168 (11,5 %) русских и 49 042 (32,9 %) поляков. В сельской же местности белорусы составляли 60,3, поляки – 32,1, а русские – 4,8 % [8, с. 88].

Абсолютное большинство дворян католического вероисповедания (а по национальности белорусов и поляков) проживало в уездах и занималось сельскохозяйственным производством. В связи с этим ограничительная политика царизма в основном касалась этой категории высшего сословия. Так, в 1862 г. в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях проживало 9 929 помещиков (без членов семьи), владевших населенными землями. 9 261 чел. (93,3 %) являлись дворянами-католиками [8, с. 80]. Их активное участие в восстании 1863–1864 гг. на долгие годы предопределило политику самодержавия к этой части высшего сословия в Западном крае.

Как известно, в результате проведения аграрной реформы 1861 г. помещики Российской империи потеряли часть своих земель, труд крепостных, а выкупная операция лишь

частично компенсировала издержки помещного дворянства. В отличие от великорусских губерний, временнообязанное состояние крестьян в белорусских губерниях было окончательно ликвидировано с 1 января 1864 г., что отрицательно сказалось на состоянии помещного хозяйства.

На основании закона от 10 декабря 1865 г. владельцы секвестрированных имений, как и все лица, высланные из края за участие в восстании, должны были продать их в течение двух лет лицам русского происхождения православного или протестантского вероисповедания. Они могли и обменять их на имения, находившиеся на территории великорусских губерний [19, с. 326]. Секвестрированные имения, которые не были проданы по добровольному соглашению, продавались властями с публичных торгов. В случае если торги не состоялись, то имения переходили в казну с выплатой владельцу 5 % ренты [20, с. 328]. Для русских покупателей секвестрированных имений представлялись значительные льготы. Так, если такое имение было заложено в кредитных учреждениях либо на нем лежали казенные долги, то покупателю представлялось право взять на себя тот или иной долг в размере, не превышающем оценочную стоимость поместья. При этом он обязан был выплачивать первый по правилам, существовавшим для кредитных учреждений, а долги – в течение 37 лет, внося 6 % ежегодно [20, с. 328].

За участие в восстании в пяти белорусских уездах Витебской губернии было конфисковано 17 имений (15 746 дес. земли) и столько же секвестрировано (31 136 дес. земли) [15, с. 206–212]. В шести уездах Гродненской губернии секвестру подлежали 58 поместий с общей площадью земли в 84 999 дес. [28, с. 6–9]. Всего в 5 белорусских губерниях к казне отошло 256 конфискованных имений. Из них образовывались земельные участки в 50–1 000 дес. земли для продажи их лицам русского происхождения, а также участки в 20–50 дес. для раздачи русским учителям и сельским писарям [9, с. 212].

Для организации покупки имений в 1866 г. было основано Общество покупателей имений в западных губерниях с уставным капиталом 5 млн рублей. Перед обществом была поставлена задача уравнивать в Западном крае

русское землевладение с католическим. Но дело практически не двигалось, так как среди русских почти не находилось желающих покупать землю с публичных торгов. Поэтому секвестрированные имения были переданы под юрисдикцию Министерства государственных имуществ, которое начало продавать их на более льготных условиях без торгов. Таким образом министерство смогло продать 1 092 лицам имения площадью 516 200 десятин [8, с. 105].

В дальнейшем политика царизма по отношению к дворянам-католикам ужесточалась, а русским покупателям представлялись новые льготы. Дело в том, что планы по насаждению русского землевладения срывались. Комитет министров, проанализировав это положение, пришел к выводу, что одной из причин такого явления были определенные ограничения: запрет сдавать купленные имения в аренду евреям и католикам, и вместе с этим иметь их в качестве управляющих. С 1867 г. в имениях евреи не могли быть винокурами, арендаторами карчмы, а также управляющими мельниц и заводов [9, с. 212–213]. Для дворян-католиков же появились новые ограничения в землевладении. 14 апреля 1866 г. циркуляром генерал-губернатора Северо-Западного края запрещалось приобретать недвижимость в городах католикам, в которых имения были секвестрированы. Даже дворянам-католикам, перешедшим в православие, с 1868 г. не разрешалось покупать земли. С 17 октября 1869 г. такой запрет касался и лиц протестанского вероисповедания, женатых на католичках, дети которых были римско-католического вероисповедания. Например, в 1870 г. на основании этого законоположения Виленским генерал-губернатором было отклонено ходатайство на покупку земли крупному помещику Минского уезда, владельцу имения Станьково, дворянину-протестанту К. Гартингу [14, л. 54].

В 1875 г. Комитет министров проанализировал опыт деятельности по внедрению русского землевладения и пришел к неутешительным результатам. Он вынужден был констатировать, что «имения, приобретенные русскими, пришли к упадку, потому что владельцы их часто менялись, вести хозяйство самостоятельно не желали» [9, с. 213]. Как только

источники льготной распродажи земель были исчерпаны (конфискованные, секвестрированные, казенные), Министерство госимуществ с 1887 г. перестало выдавать свидетельства на право получения льгот и займов при покупке земли в Западном крае. Одновременно было упразднено и Общество покупателей поместий. По закону от 1 ноября 1886 г. право выдачи удостоверений было передано генерал-губернаторам и губернаторам. Эта мера привела к неограниченному произволу со стороны губернаторов. Они действовали по своему усмотрению, и их решения не подлежали обжалованию [14, л. 54]. Дворяне-католики стремились обойти ограничительные законы. Нередко они приобретали земли на имя акционерных обществ либо подставных лиц. Иной раз они давали займы русским землевладельцам под залог поместий и по сути становились их собственниками. Чтобы перекрыть и эти каналы, по новым правилам от 27 декабря 1884 г. запрещалось делать залоговые (под залог имущества брать деньги у частного лица) на имя лиц польского происхождения. Закладные, сделанные до появления новых правил, имели силу до истечения срока, а бессрочные – в течение 10 лет. Для акционерных компаний и обществ право приобретения земельной собственности в Западном крае ограничивалось размером не свыше 200 десятин. Еще раз подчеркивалось, что сдача имений в аренду католикам запрещается. Хотя было и одно исключение. Так, в случае, если арендатор-католик обещал в течение первых 12 лет построить фабрику или завод в арендуемом имении, то арендный контракт мог заключаться на срок до 30 лет [22, с. 602–604].

В связи с тем, что действия властей по насаждению русского землевладения в крае не привели к положительным результатам, Комитет министров в 1891 г. решил ужесточить правила 1884 года. Отныне для католиков-дворян запрещалась передача имений в пожизненное владение супругам, когда имелись дети или иные наследники. Это дополнение и правила 1884 г. получили силу закона 7 февраля 1891 г. [10, с. 216].

Постепенно ослабевала вера властей в возможность увеличения русского землевладения в западных губерниях только лишь с

помощью предоставления всевозможных льгот русским покупателям. Так, на отчете Витебского губернатора за 1891 г., предложившего выдавать ссуды русским покупателям в размере 3/5 стоимости приторгованной земли и выплаты уменьшенных процентов, Александр III написал: «Можно представить мнения, но я сомневаюсь, что это принесет пользу» [10, с. 219]. Результатом всех этих ограничений явился полный запрет приобретения земли лицами католического вероисповедания, за исключением крестьян. За последние 30 лет после принятия закона от 10 декабря 1865 г. лишь несколько ходатайств дворян-католиков были удовлетворены с личного разрешения монарха. Абсолютное большинство таких дворян вели крестьянский образ жизни и лично занимались хозяйством. Часть дворян-католиков получила разрешение на приобретение земли за активное участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [13, л. 44–45]. До конца XIX в. в канцелярии императора накопилось значительное количество ходатайств католиков на право покупки земли. Поэтому с 4 марта 1899 г. министру внутренних дел было поручено рассматривать лично эти дела и давать разрешение на приобретение земли местным уроженцам католического вероисповедания, которые вели крестьянский образ жизни и сами хозяйничали. Но количество земли, находившейся в собственности просителя, вместе с купленной, не должно было бы превышать 60 дес. на семью [13, л. 45]. Казалось бы, новые правила стали некоторой льготой по сравнению с законом от 10 декабря 1865 года. Однако на самом деле получилось обратное, потому что по упомянутому закону запрещалось приобретать земли лицам польского происхождения, то есть ранее в некоторых случаях под этот ограничительный закон не попадали белорусские дворяне-католики, которые могли покупать любые размеры земли. По новым же правилам всем католикам, включая белорусов, запрещалось приобретать свыше 60 десятин.

Позже при министре внутренних дел В.К. Плеве область применения закона от 4 марта 1899 г. стала еще больше ограниченной. В.К. Плеве решил, что новый закон несет опасность русскому землевладению в крае. Он увидел процесс рождения нового

класса мелких дворян-католиков, враждебно настроенных против царских властей. По инициативе В.К. Плеве, с февраля 1903 г. была временно приостановлена выдача этой категории дворян удостоверений на покупку земли, за крайне редким исключением. Так, когда с 1865 по 1876 г. право на приобретение земли получили 25 дворян-католиков Минской губернии на общую площадь 105 435 дес., то за 5 месяцев 1904 г. – 6 дворян на 58 дес. земли [3, л. 1; 27, с. 1–185].

21 июля 1904 г. Николай II утвердил основные положения доклада В.К. Плеве о порядке приобретения земли католиками в Западном крае. Эти положения еще больше ограничивали закон от 4 марта 1899 года. Так, теперь земельная собственность могла покупаться католиками только если: 1) приобретаемая земля была определенное время в фактическом владении покупателя и то при условии, что она была облагорожена; 2) супруга и дети придерживались православной веры; 3) земля приобреталась в составе общества. При этом остальные члены общества уже получили удостоверения на право покупки земли от местных властей [13, л. 45–46]. Таким образом, новый закон практически запретил приобретение земли в крае всеми католиками, за исключением крестьян.

Ограничительная политика к дворянам-католикам при приобретении земли привела к сокращению земельной собственности в их руках. С 1862 по 1904 г. численность православных потомственных дворян-землевладельцев в 5 белорусских губерниях значительно увеличилась. По их количеству в 1904 г. губернии распределились следующим образом: Минская – 1 760 чел., Могилевская – 1 551, Виленская – 648, Витебская – 591 и Гродненская – 342 человек. Католиков больше всего было в Виленской (4 071 чел.) и Минской (3 013 чел.) губерниях. Несмотря на это, и в начале XX в. католическое землевладение превосходило православное. Наибольшим количеством земли владели дворяне-католики Минской губернии – 1 621 337 дес. и Виленской губернии – 1 050 011 десятин. Наименьшим было землевладение дворян этой группы в Гродненской губернии – 513 338 дес. [14, л. 65]. Но, несмотря на принимаемые правительством меры по насаждению русского землевладения в крае, и

в 1904 г. количество дворян-землевладельцев католического вероисповедания во всех губерниях оставалось доминирующим. Так, в Виленской губернии они составляли 86,3, Гродненской – 80,3, Витебской – 67,0, Минской – 63,1 и Могилевской – 53,2 % [14, л. 66].

Политические события Первой российской революции, стремление правительства ограничить сепаратизм поляков, а также оторвать от них значительную часть белорусских дворян-католиков привели к принятию нового закона от 1 мая 1905 года. По этому закону лица польского происхождения могли арендовать земли в крае на тех же основаниях, что и русские, без ограничения срока. Они получили право покупать земли в пожизненное владение, но только у поляков, как и брать их в залог. Лица, считавшиеся поляками, с разрешения местных высших властей могли покупать земли не только у поляков, но и представителей других национальностей в случаях необходимости упразднения чересполосицы либо хозяйственного округления границ владения. Им разрешалось также приобретать землю для промышленных целей, но не свыше 60 дес. земли. При этом положения закона от 1 ноября 1886 г. о выдаче удостоверений отменялись [24, с. 285].

Однако после Первой революции, когда угроза существованию империи отпала, царские власти начали ограничивать основные положения закона от 1 мая 1905 года. Так, 4 ноября 1909 г. последовали разъяснения МВД губернаторам о порядке применения статьи 3 указанного закона, по которому полякам разрешалось покупать до 60 дес. земли в крае для строительства фабрик. В этих объяснениях, в частности, отмечалось, что закон от 1 мая 1905 г. был направлен на удовлетворение нужд только местной промышленности. Это не означало давать право каждому пожелавшему поляку покупать земли с промышленной целью. Оплетение Западного края сетью «польских» торгово-промышленных предприятий противоречило политике правительства. Поэтому премьер-министр П.А. Столыпин отмечал, что подобные ходатайства о покупке земли необходимо удовлетворять «не в интересах просителя, а местных торгово-промышленных нужд. При отсутствии же у губернского начальства полной убежденности в

том, что земля приобретается именно для промышленных целей, и что эксплуатируемый промысел отвечает местным нуждам, я считаю более осторожным – возбужденные ходатайства отклонять. Общее направление моей мысли сводится к следующему – применение статьи три должно быть не правилом, а исключением» [8, с. 109].

В связи с тем, что в законе от 1 мая 1905 г. не конкретизировалось, кого же понимать под термином «лицо польского происхождения», Сенат 21 июня 1910 г. пояснил, что «под выражением “лицо польского происхождения” необходимо понимать не вообще католиков, а только поляков и тех западных уроженцев, которые усвоили польскую национальность» [8, с. 109]. Таким образом, закон от 1 мая 1905 г. значительно урезался. Эти объяснения по существу возвращали российское законодательство к печально известному закону от 10 декабря 1865 года.

На развитии сельскохозяйственного и торгово-промышленного предпринимательства негативно сказались всевозможные ограничения на передвижение представителей римско-католического вероисповедания (за исключением крестьян), а также различные штрафы и поборы, введенные царскими властями во время восстания 1863–1864 гг. и после него. Законы военного положения имели отношение в первую очередь к дворянству с целью удержать его от участия в восстании и оказании помощи повстанцам. В частности, мужчины не имели права отдаляться от своего места жительства более 30 верст без разрешения начальства, как и собираться группами [18, с. 380]. Этот запрет действовал и после подавления восстания. Так, в 1867–1868 гг. в Гродненской губернии был начат ряд административных дел за участие помещиков в «нелегальных съездах». Например, 1 января 1867 г. в имении Куплин дворянина Корсака Пружанского уезда собрались 11 помещиков. Майор корпуса жандармов расценил это как нелегальное собрание. Все участники были оштрафованы на сумму от 20 до 150 рублей. Один из них, ввиду отсутствия денег, вынужден был трое суток отсидеть в тюрьме. 2 февраля 1868 г. жандармское управление этого же уезда донесло, что у помещика Тромбицкого собрались три дворянина. Как позже

выяснилось, они съехались для игры в карты. Такая забава стоила им предупреждения губернатора [8, с. 110].

В начале штрафы ничем не регламентировались. В результате местная администрация всех уровней превратила их в источник своих дополнительных доходов. Вымогательства, видимо, приобрели всеобщий характер, что вынудило Виленского генерал-губернатора К.П. Кауфмана упорядочить систему штрафов. Распоряжением от 4 февраля 1866 г. уездные власти могли подвергать штрафам лиц только с разрешения губернаторов. Были очерчены и проступки, за которые местные жители могли быть наказаны. Это – употребление польского языка в общественных местах и официальной переписке, ношение траурной одежды, а также различных польских значков, оскорбление православной церкви и духовенства, негативные отзывы на действия правительства и т. д. Штрафы за эти провинности касались всех лиц римско-католического вероисповедания. Губернаторам предоставлялось право налагать штрафы в размере от 1 до 100 руб., а свыше этого – только с разрешения генерал-губернатора [8, с. 111].

Одним из инструментов экономического давления на поместное дворянство католического вероисповедания стал введенный в 1863 г. контрибуционный сбор. Дворяне, владевшие недвижимым имуществом в городах, выплачивали сумму в 1 % от его стоимости. Сбор с имений помещиков составлял 10 % от их доходов [1, с. 296]. Изначально сбор вводился для всех местных помещиков, независимо от их вероисповедания. Русские землевладельцы выразили недовольство такой политикой. На что М.Н. Муравьев ответил, что эта мера – не тип наказания, а одна из форм содействия правительству, которое вынуждено тратить огромные средства на защиту сторонников России от мятежников [1, с. 299–300]. Но уже через несколько месяцев царские власти заметили враждебные отношения русских помещиков к национально-освободительному движению в крае. В связи с такой позицией Западный комитет в июле 1863 г. снизил до 2,5 % контрибуционный сбор с имений русских помещиков, а весной 1864 г. полностью освободил их от этой повинности [7, л. 217–221].

Чтобы представить, в каком сложном положении оказались дворяне-католики после введения контрибуционного сбора, обратимся к результатам, представленным специальной комиссией по исследованию сельского хозяйства в России. Так, комиссия отметила, что в Речицком уезде Минской губернии у одного крупного землевладельца ранее содержалось 20 тыс. тонкорунных овец. До 1869 г. все они были дешево проданы на мясо, чтобы выплатить размер первой контрибуции [6, с. 128]. Вообще же в 1869 г. десятипроцентный сбор с поместий помещиков в Виленской губернии составлял 255 430, Витебской – 143 600 – Гродненской – 307 460, Минской – 281 380 и Могилевской – 129 800 рублей. Таким образом, помещики-католики пяти белорусских губерний заплатили 1 118 тыс. руб. серебром [8, с. 112]. Кроме этого, они платили и обычные налоги, как и русские дворяне: губернский земский, государственный поземельный, частный дворянский. Сумма их рассчитывалась с площади удобной земли и леса. Размеры этих налогов постоянно увеличивались. Когда в 1866–1869 гг. землевладельцы Чаусского и Горицкого уездов Могилевской губернии платили по 4,18 коп. с десятины земли, то в 1869 г. – 7,0 коп., а в 1871 г. – 9,24 коп. В 1872 г. все частные землевладельцы Витебской губернии платили налоги по 16 коп. с дес. земли, а дворяне-католики, с учетом 10 % сбора, – 35,7 коп. с десятины земли и 9,0 коп. с десятины леса [6, с. 162].

По распоряжению Виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова дворяне римско-католического вероисповедания с 1868 г. должны были отбывать и натуральные повинности, как и крестьяне. С 1842 г. на них была возложена обязанность ремонтировать и строить православные храмы. Дворяне-католики должны были уплачивать налог и на содержание православного духовенства. Так, помещики Минской губернии в 1869 г. на эти цели уплатили налог в размере 1,25 коп. с десятины земли [6, с. 157]. Со временем выплаты постепенно увеличивались. Например, в 1872–1883 гг. дворяне Витебской губернии платили уже 2,3 коп. с десятины удобной земли и 0,6 коп. с десятины леса [16, с. 289].

В скором времени оказалось, что такая дискриминационная политика к дворянам За-

падного края не принесла дивидендов царизму. Обострялся сепаратизм дворян-католиков. В конце 60-х гг. XIX в. при Министерстве финансов была создана специальная комиссия для пересмотра контрибуционных сборов. Она исходила из желания правительства экономически подчинить католиков и в то же время не уменьшить доходы казначейства. Дело в том, что из контрибуционных сумм в крае выдавались 50 % надбавки к жалованью русским чиновникам, содержались жандармские части. Упразднение процентных сборов означало сокращение денежных поступлений в казну. Поэтому министерство решило постепенно освобождать от сбора тех помещиков, которые демонстрировали свою политическую благонадежность [5, л. 93; 21, с. 187]. Это решение было использовано в пропагандистских целях и первоначально касалось малочисленных групп: психически больных помещиков, малолетних сирот, офицеров-пенсионеров по ранению, а также раненых во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [13, л. 13; 17, л. 34].

Контрибуционный сбор был окончательно упразднен только в 1897 г., а налог на поддержку православного духовенства так и остался [23, с. 143]. При раскладке сборов на 1911–1913 гг. дворяне-католики Виленской и Гродненской губерний на поддержку православного духовенства должны были внести соответственно 54 460 и 49 160 рублей. В то же время сословные взносы дворян всех конфессий на содержание канцелярий предводителей дворянства, депутатских собраний, дворянских опеки и т. д. составили 38 834 руб. для Виленской и 41 354 руб. для Гродненской губерний [25, с. 516–519]. Такая политика не могла не вызвать неудовольствия высшего сословия римско-католического вероисповедания края.

Результаты. Итогами политики русского правительства по отношению к помещику дворянству католического вероисповедания стали сдерживание свободной мобилизации земельной собственности, рыночного перераспределения земли. Это не могло не сказаться на земельных мобилизационных процессах, переходе от сословного к всеобщему землевладению. Главная задача правительства – уравнивать православное и като-

лическое землевладение в крае – не была решена в полной мере. Секвестр, конфискации имений, всевозможные штрафные санкции, контрибуционный сбор, дополнительные налоги, ограничения территориальной мобильности экономически подрывали хозяйственную деятельность католического дворянства. В конечном итоге такой подход объективно способствовал углублению оппозиционности к самодержавию как дворян-поляков, так и дворян-белорусов католического вероисповедания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1 / сост. А. И. Миловидов // Виленский временник. – Вильна : Губерн. тип., 1913. – LXVI, 464 с.
2. Беккер, С. Миф о русском дворянстве : Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / С. Беккер. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 346 с.
3. Ведомость о выданных свидетельствах на право приобретения земельной собственности в Минской губернии. Ч. 1 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. – Оп. 190. – Д. 52а. – 164 л.
4. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. – М. : Индрик, 1999. – 272 с.
5. Дело по докладу министра внутренних дел Александру II о поездке в разные губернии. Записки губернатора о политическом состоянии Витебской губернии // РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 3. – Д. 173. – 121 л.
6. Доклад Высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. – СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1873. – [14], 282, [2], 167 с.
7. Журналы Комитета и приложения к ним за 1864 г. Заседания от 3, 10, 17, 24, 31 марта и 7 апреля // РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 26. – 238 л.
8. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму : манаграфія / А. П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
9. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902) : [в 5 т.]. Т. 3 : Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1), ч. 1 / сост. С. М. Середонин. – СПб. : Издание Канцелярии Комитета министров, 1903. – [4], VIII, 358 с.

10. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902): [в 5 т.]. Т. 4: Комитет министров в царствование императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта – 1894 г. 20 октября) / сост. И. И. Тхоржевский; под гл. ред. статс-секретаря Куломзина. – СПб.: Изд. Канцелярии Комитета министров, 1903. – [4], V, IV, 472 с.

11. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 333 с.

12. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 384 с.

13. О назначении на должности уездных предводителей дворянства в западных губерниях лиц, принадлежащих к местному дворянству // РГИА. – Ф. 1283. – Оп. 1, 1904 г. – Д. 41. – 443 л.

14. Об отмене некоторых ограничений в правах польского населения Западных губерний // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1, 1905 г. – Д. 106. – 452 л.

15. Памятная книжка Витебской губернии на 1866 г. – Витебск: Тип. К. Вульфа, 1866. – VIII, 218, 144 с.

16. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 г. – Витебск: Тип. губернского правления, 1885. – II, 375, 124, XX с.

17. Письма П. П. Альбединского П. А. Валуеву... // РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 476. – 34 л.

18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 37. – Отд. 1. – № 39540. – С. 380.

19. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 40. – Отд. 2. – № 42759. – С. 326–327.

20. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 40. – Отд. 2. – № 42760. – С. 327–328.

21. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 44. – Отд. 1. – № 46807. – С. 186–189.

22. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 4. – Отд. 1. – № 2633. – С. 602–604.

23. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 17. – Отд. 1. – № 13899. – С. 143–144.

24. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26162. – С. 285.

25. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 31. – Отд. 2. – № 35441. – С. 516–519.

26. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

27. Список землевладельцев Минской губернии за 1876 год. – Минск: Издание губернского статистического комитета, 1877. – [2], XXIII, 185, [2] с.

28. Список имениям Северо-Западного края, подлежащим обязательной продаже в 2-годовой срок, на основании высочайшего повеления 10-го де-

кабря 1865 года. [Вып.] 1: По Гродненской губернии. – Вильна: Тип. губернского правления, 1866. – 19 с.

29. Талмачова, С. А. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання па рэалізацыі аграрнай палітыкі самадзяржаўя на тэрыторыі Беларусі (1861–1914 гг.): манаграфія / С. А. Талмачова. – Мінск: БДПУ, 2019. – 344 с.

30. Fajnhauz, D. 1863: Litwa i Białoruś / D. Fajnhauz. – Warszawa: Neriton, 1999. – 357, [9] s.

31. Rodkiewicz, W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905) / W. Rodkiewicz. – Lublin: Scientific society of Lublin, 1998. – 295 p.

REFERENCES

1. Milovidov A.I., ed. Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeja, odnosjashhiesja k pol'skomu vosstaniju 1863–1864 gg. v predelakh Svero-Zapadnogo kraja. Ch. 1 [Archival Materials of the Muravyov Museum Relating to the Polish Uprising of 1863–1864 Within the Northwest Territory. Part 1]. *Vilenskiy vremennik*. Vil'na, Gubernskaja tip., 1913, LXVI. 464 p.

2. Becker S. *Mif o russkom dvorjanstve: Dvorjanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoj Rossii* [Nobility and Privilege in Late Imperial Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 346 p.

3. Vedomost' o vydannyh svidetel'stvah na pravo priobretenija zemel'noj sobstvennosti v Minskoj gubernii. Ch. 1 [List of Issued Certificates for the Right to Acquire Land Property in the Minsk Governorate. Part 1]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)], f. 1284, op. 190, d. 52a. 164 l.

4. Gorizontov L.E. *Paradoksy imperskoj politiki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Policy in Russia and the Russians in Poland (19th – Early 20th Century)]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 272 p.

5. *Delo po dokladu ministra vnutrennih del Aleksandru II o poezdke v raznye gubernii. Zapiski gubernatora o političeskom sostojanii Vitebskoj gubernii* [The Case is Based on the Report of the Minister of Internal Affairs to Alexander II on the Trip to Different Provinces. Notes of the Governor About the Political Situation in the Vitebsk Governorate]. *RGIA*, f. 1282, op. 3, d. 173. 121 l.

6. *Doklad Vysochajshe uchrezhdennoj Komissii dlja issledovanija nyneshnego položenija sel'skogo hozjajstva i sel'skoj proizvoditel'nosti v Rossii* [Report of the Imperially Established Commission to Investigate the Current Situation of Agriculture and Rural Productivity in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Obshestvennaja pol'za», 1873. [14], 282, [2]. 167 p.

7. Zhurnaly Komiteta i prilozhenija k nim za 1864 g. Zasedanija ot 3, 10, 17, 24, 31 marta i 7 aprelja [Journals of the Committee and Their Appendixes of 1864. Meetings of March 3, 10, 17, 24, 31 and April 7]. *RGIA*, f. 1267, op. 1, d. 26. 238 l.

8. Zhytko A.P. *Dvaranstva Belarusi peryjadu kapitalizmu: managrafija* [The Nobility of Belarus During the Period of Capitalism. Monograph]. Minsk, BDPU, 2003. 233 p.

9. Seredonin S.M., ed. *Istoricheskij obzor dejatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiju Komiteta ministrov (1802–1902): [v 5 t.]. T. 3: Komitet ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra Vtorogo (1855 g. fevralja 19–1881 g. marta 1), ch. 1* [Historical Overview of the Activities of the Committee of Ministers: To the 100th Anniversary of the Committee of Ministers (1802–1902). In 5 Vols. Vol. 3. Committee of Ministers During the Reign of Emperor Alexander II (February 19, 1855 – March 1, 1881)]. Saint Petersburg, Izdanie Kanceljarii Komiteta ministrov, 1903. [4], VIII. 358 p.

10. Thorzhevski I.I., Kulomzin, eds. *Istoricheskij obzor dejatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiju Komiteta ministrov (1802–1902): [v 5 t.]. T. 4: Komitet ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra Tret'ego (1881 g. 2 marta – 1894 g. 20 oktjabrja)* [Historical Overview of the Activities of the Committee of Ministers: To the 100th Anniversary of the Committee of Ministers (1802–1902). In 5 Vols. Vol. 4. Committee of Ministers During the Reign of Emperor Alexander III (March 2, 1881 – October 20, 1894)]. Saint Petersburg, Izdanie Kanceljarii Komiteta ministrov, 1903. [4], V, IV. 472 p.

11. Kahanowski A.G. *Sacyjal'naja transfarmacyja belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social Transformation of the Belarusian Society (1861–1914)]. Minsk, BDU, 2013. 333 p.

12. Komzolova A.A. *Politika samodержavija v Severo-Zapadnom krae v jepohu Velikih reform* [The Policy of Autocracy in the North-Western Region in the Era of Great Reforms]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 384 p.

13. O naznachenii na dolzhnosti uezdnyh predvoditelej dvorjanstva v zapadnyh gubernijah lic, prinadlezhashchih k mestnomu dvorjanstvu [On the Appointment of Persons Belonging to the Local Nobility to the Positions of County Leaders of the Nobility in the Western Provinces]. *RGIA*, f. 1283, op. 1, 1904, d. 41. 443 l.

14. Ob otmene nekotoryh ogranichenij v pravah pol'skogo naselenija Zapadnyh gubernij [On the Abolition of Certain Restrictions in the Rights of the Polish Population of the Western Provinces]. *RGIA*, f. 1276, op. 1, d. 106. 452 l.

15. *Pamjatnaja knizhka Vitebskoj gubernii na 1866 g.* [Commemorative Book of the Vitebsk

Governorate for 1866]. Vitebsk, Tipografiya K. Vul'fa, 1866, VIII, 218. 144 p.

16. *Pamjatnaja knizhka Vitebskoj gubernii na 1885 g.* [Commemorative Book of the Vitebsk Governorate for 1885]. Vitebsk, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1885. II, 375, 124. XX p.

17. Pis'ma P.P. Al'bedinskogo P.A. Valuevu... [P.P. Lebedinski's Letters to P.A. Valuev...]. *RGIA*, f. 908, op. 1, d. 476. 34 l.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRE)], coll. 2, vol. 37, part 1, no. 39540, p. 380.

19. *CCLRE*, coll. 2, vol. 40, part 2, no. 42759, pp. 326–327.

20. *CCLRE*, coll. 2, vol. 40, part 2, no. 42760, pp. 327–328.

21. *CCLRE*, coll. 2, vol. 44, part 1, no. 46807, pp. 186–189.

22. *CCLRE*, coll. 3, vol. 4, part 1, no. 2633, pp. 602–604.

23. *CCLRE*, coll. 3, vol. 17, part 1, no. 13899, pp. 143–144.

24. *CCLRE*, coll. 3, vol. 25, part 1, no. 26162, p. 285.

25. *CCLRE*, coll. 3, vol. 31, part 2, no. 35441, pp. 516–519.

26. Smaljanchuk A.F. *Pamizh krajovascju i nacyjanal'naj idzejaj: pol'ski ruh na belaruskich i litovskich zemljah. 1864–1917 gg.* [Between Local and National Idea: The Polish Movement in the Belarusian and Lithuanian Lands. 1864–1917]. Saint Petersburg, Newski prascjag, 2004. 406 p.

27. *Spisok zemlevladel'cev Minskoj gubernii za 1876 god* [List of Landowners in the Minsk Governorate for 1876]. Minsk, Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1877. [2], XXIII, 185, [2] p.

28. *Spisok imenijam Severo-Zapadnogo kraja, podlezhashhim objazatel'noj prodazhe v 2-godichnyj srok, na osnovanii vysochajshego poveljenja 10-go dekabrja 1865 goda. [Vyp.] 1: Po Grodnenskoj gubernii* [List of the North-Western Region, Subject to Mandatory Sale Within 2 years, on the Basis of the Highest Order of December 10, 1865. Issue 1. Around Grodno Governorate]. Vil'na, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1866. 19 p.

29. Talmachova S.A. *Mjascovyja organy dzjarzhavnaga kiravannja pa rjealizacyi agrarnaj palityki samadzjarzhavja na tjerytoryi Belarusi (1861–1914 gg.): managrafija* [Local Government Bodies for the Implementation of the Agrarian Policy of the Autocracy on the Territory of Belarus (1861–1914). Monograph]. Minsk, BDPU, 2019. 344 p.

30. Fajnhauz D. *1863: Litwa i Bialorus'*. Warszawa, Neriton, 1999. 357, 9 s.

31. Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin, Scientific society of Lublin, 1998. 295 p.

Information About the Author

Anatolij P. Zhitko, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of the History of Belarus and Slavic Peoples, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Sovetskaya St, 18, 220030 Minsk, Republic of Belarus, istbel@bspu.by, <https://orcid.org/0000-0002-4750-1772>

Информация об авторе

Анатолий Павлович Житко, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, istbel@bspu.by, <https://orcid.org/0000-0002-4750-1772>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.9>

UDC 94(470+571)-057.66“19”

LBC 63.3(2)531-9

Submitted: 06.11.2020

Accepted: 27.02.2021

CRAFTS BY NOMADS OF THE URAL AND TURGAI REGIONS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Marat M. Kappasov

Bogdanovskaya General Secondary School, Bogdanovka, Terekty District, West Kazakhstan Region, Kazakhstan

Abstract. Introduction. The article, based on the “Materials on the Kyrgyz (Kazakh) Land Use Collected and Developed by the Statistical Parties of the Turgai-Ural Resettlement Region”, examines the crafts of the nomads of the Lbishchensky, Uralsky, Turgai, Irgiz, Temir uyezds in the early 20th century. Temir, Lbishchensky and Uralsky uyezds belonged to the Ural region, Turgai and Irgiz uyezds to the Turgai region. *Methods and materials.* Using the mathematical method, the method of comparative analysis and content analysis, the author shows how much income per person came from crafts in the studied uyezds and proves that crafts were only additional industries and could not compete with nomadic cattle breeding. The article examines the crafts that brought the greatest income. Farmhands, transportation, groundhog hunting, fishing, etc., were well-known crafts; the Muslim spiritual cult and its servants was an unusual craft. *Analysis.* Our article shows that the studied uyezds had their own craft specializations. For example, a significant number of nomads in Lbishchensky uyezd were engaged in transportation, in Turgai uyezd in hunting groundhogs, in Irgiz uyezd in hunting and fishing. *Results.* At the end of the article, the author concludes that the majority of nomads were primarily engaged in crafts as farmhands due to their poverty.

Key words: crafts, nomads, farmhands, transportation, clergy, hunting, fishing.

Citation. Kappasov M.M. Crafts by Nomads of the Ural and Turgai Regions at the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 102-116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.9>

УДК 94(470+571)-057.66“19”
ББК 63.3(2)531-9

Дата поступления статьи: 06.11.2020
Дата принятия статьи: 27.02.2021

ПРОМЫСЛЫ У КОЧЕВНИКОВ НАЧАЛА XX в.: НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ И ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Марат Максutowич Каппасов

Богдановская основная средняя школа, пос. Богдановка, Теректинский район,
Западно-Казахстанская область, Казахстан

Аннотация. В статье на основе «Материалов по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранных и разработанных статистическими партиями Тургайско-Уральского переселенческого района» исследуются промыслы у кочевников Лбищенского, Уральского, Тургайского, Иргизского, Темирского уездов начала XX века. Темирский, Лбищенский и Уральский уезды относились к Уральской области, Тургайский и Иргизский уезды – к Тургайской области. Используя математический метод, метод сравнительного анализа и контент-анализа, автор показывает, сколько приходилось на человека дохода от промыслов в исследуемых уездах, и доказывает, что промыслы были лишь дополнительными отраслями и не могли составить конкуренцию кочевому скотоводству. В статье рассматриваются промыслы, которые приносили большую часть дохода. Распространены были такие промыслы, как батрачество, чернорабочие, извоз, охота, в том числе на сурков, рыболовство и т. д. Особенностью степи можно назвать доход от исполнения мусульманских духовных ритуалов. В нашей статье показано, что исследуемые уезды имели свои промысловые специализации. В конце статьи автор делает выводы, что большинство кочевников занималось промыслами, в первую очередь батрачеством, из-за того, что были бедными.

Ключевые слова: промыслы, кочевники, батрачество, извоз, священнослужители, охота, рыбалка.

Цитирование. Каппасов М. М. Промыслы у кочевников начала XX в.: на примере Уральской и Тургайской областей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 102–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.9>

Введение. В конце XIX – начале XX в. на территории современного Казахстана проживали преимущественно казахи. Почти все из них вели кочевой образ жизни и занимались кочевым скотоводством, то есть большую часть доходов кочевники получали от продаж и обмена скота. Кроме скотоводства, определенная часть кочевников-казахов занималась дополнительными работами, такими как промыслы и земледелие. Конечно же, все варьировалось конкретно по уездам. У части кочевников доход от скотоводства не покрывал всех расходов, и они вынуждены были заниматься промыслами и земледелием. В частности, о кочевом скотоводстве и земледелии у кочевников Лбищенского уезда можно прочитать у М.М. Каппасова [6, с. 83–96; 7, с. 100–120; 8, с. 162–168]. Промыслы рассматриваемых уездов отдельно практически не изучались. Однако в источниках и исследованиях они рассматривались вместе с кочевым скотоводством и земледелием. Л. Мейер в своей книге «Материалы для географии и статистики России...» посвятил промыслам несколько глав. Конечно, надо упомянуть А. Левшина и его трехтомник о казахах. Э.С. Вульфсон тоже выделил в своей книге место для промыслов. Из иностранных исследователей стоит упомянуть немецких авторов О. Финша и А. Брэма. Среди исследователей, писавших о промыслах с середины XX – начала XXI в., можно выделить, в частности, С.Е. Толыбекова, который в своей книге «Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века...» упоминает об охоте, наемных пастухах и т. д. С. Зиманов в своей книге «Общественный строй казахов...» промыслам выделяет целую главу. Н.Э. Масанов в своей книге «Кочевая цивилизация казахов...» уделил внимание промыслам, сделав упор на наемных рабочих. Также заслуживают упоминания Ю.Н. Каняшина, Д.Д. Бажирова.

Все перечисленные авторы изучали промыслы кочевников, но почти всегда они рассматривались в контексте со скотоводством и земледелием.

Географическим объектом нашего изучения является Западный Казахстан и частично Центральный Казахстан или Уральский, Лбищенский и Темирский уезды, входившие в начале XX в. в состав Уральской области, а также Иргизский и Тургайский уезды, входившие в состав Тургайской области, то есть они или граничили друг с другом, или находились на небольшом расстоянии друг от друга. Лбищенский и Уральский уезды состояли из 15 и 8 волостей соответственно. Темирский состоял из 16 волостей. Иргизский и Тургайский уезды состояли из 14 и 12 волостей.

Методы. Цель нашей статьи показать на основе кадастрового источника начала XX в. «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные статистическими партиями...» по Лбищенскому, Темирскому, Уральскому, Тургайскому и Иргизскому уездам, какими промыслами занимались кочевники и какие доходы приносили промыслы.

«Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» (далее – МКЗ), собранные и опубликованные в конце XIX – XX в., содержат информацию о численности населения, о количестве мужчин, женщин, детей, людей старшего возраста, о количестве грамотных; приводятся данные о числе хозяйств и наличии скота в них, о видах и площадях посевов, о сенокосных угодьях и пашнях, о местах зимовок и летовок, о промыслах, о батрачестве, о покупке и продаже скота и продуктов первой необходимости и т. д. [7, с. 100].

Работая с огромным массивом материала в виде таблиц, мы применили метод контент-анализа. Используя математический метод подсчета, мы определили доходы¹ от основных промыслов и доход от них на каждого члена семьи у кочевников изучаемых уездов. С помощью метода сравнительного анализа мы выделили общие и отличительные черты основных видов промыслов по уездам.

Обсуждение. По роду занятий промыслы делились на сельскохозяйственные, лес-

ные, горные, ремесленные и кустарные, торговые занятия, свободные профессии, разные и женские [9, с. 402–425; 19, с. 76–79], по месту занятия промыслы делились на местные и отхожие [14, с. 62]. Теперь разберем, какие промыслы входили в вышеперечисленные группы: к сельскохозяйственным относились – пастухи, погонщики, табунщики, батраки, чернорабочие, поденщики, косари, жнецы, пахари, караульщики и т. д.; к ремесленным и кустарным – кузнецы, слесари, сапожники, шорники, портные, каменщики, кирпичники, тележники, колесники, делающие юрты и т. д.; к торговым промыслам относились – торговля хлебом, мануфактурными и разными товарами, сеном, солью, топливом и углем и т. д.; к свободным промыслам относились – духовные профессии, учащиеся, лекари, знахари, певцы, музыканты, переводчики, нищие и т. д.; к разным промыслам относились – рыболовство, извоз, водовозы, охота, добывание солончатого корня, охота на сурков и т. д.; к женским промыслам относили как чисто женские промыслы – например, прачки, так и общие по классификации – батрачки, чернорабочие, страдные работницы, жницы, портнихи и т. д. [9, с. 406; 10, с. 42; 11, с. 117–118, 130; 12, с. 142–144; 13, с. 278–293; 14, с. 59–75; 18, с. 66; 19, с. 78]. Этот раздел требует некоторого объяснения. Здесь пастухов, погонщиков, табунщиков надо относить к промыслам, а не скотоводству, так как они являются наемными работниками, не владельцами скота. Например, в МКЗ пишут: «Пастухи с Казалинского уезда большей частью нанимаются к богатым соплеменникам с Иргизского уезда» [14, с. 62, 71]. На уборку и перевозку хлеба кочевники нанимались как в свои уезды, так и соседние. В МКЗ пишут: «Лица, занимающиеся сельскохозяйственными работами, нанимаются, главным образом, в пределах своего уезда. Небольшая же часть сельскохозяйственных рабочих уходит на заработки и в другие уезды – Иргизский, Кустанайский и Перовский» [14, с. 73]. Однако большинство кочевников использовали промыслы только как дополнительные источники дохода; главным занятием было скотоводство. Например, С. Зиманов пишет: «Кузнецы, мастера ювелирного дела, портные, сапожники, шорники и другие, выезжая на опреде-

ленный срок на заработки в другие аулы, по возвращению большую часть года занимались своим скотоводческим хозяйством» [4, с. 54].

У женщин главными промыслами были жнитво и батрачество, они же работали прачками и портнихами [12, с. 144; 13, с. 281, 285, 289, 293; 14, с. 63], в некоторых уездах были зарегистрированы случаи участия женщин в извозе, углежжении и рыболовстве [14, с. 63]. В силу особого семейного уклада у кочевников деятельность женщин ограничивалась пределами своего хозяйства [14, с. 63]. В кочевой среде вся нагрузка по домашней работе ложилась именно на женщин. Но были исключения, в Карасуйской волости Лбищенского уезда 15 % женщин занимались промыслами, в то время как в среднем по уезду доля занятых женщин составляла 1,8 % [5, с. 481–483]. Это можно объяснить наличием большого количества бедных семей, где женщины вынуждены были участвовать в экономической деятельности. Конечно, столь значительное количество женщин, занимающихся промыслами, в Карасуйской волости было скорее исключением.

Подростки из бедных семей также занимались промыслами. К примеру, в Казалинском уезде из 100 % занятых в промыслах 5,9 % были подростками [14, с. 63].

После того как мы выяснили, какими промыслами занимались кочевники, в частности мужчины, женщины и подростки, перейдем к вопросу, какое количество хозяйств у кочевников занималось промыслами и какой они приносили доход. В МКЗ по Актюбинскому и Кустанайскому уездам указано: «в Актюбинском уезде 66,6 % профессий относятся к сельскохозяйственным» [10, с. 42], практически сопоставимые данные в Кустанайском уезде, где 61,4 % людей занимались сельскохозяйственными промыслами [12, с. 142]. В Лбищенском уезде из 17 939 присутствующих хозяйств промыслами занимались 11 064 хозяйств, или 61,67 %. В Уральском уезде в пяти исследуемых волостях из 8 610 промыслами занимались 4 135 хозяйств, или 48 %. В Темирском уезде из 16 616 промыслами занимались 6 511 хозяйств, или 39,18 %. В Иргизском уезде из 17 328 промыслами занимались 6 274 хозяйств, или 36,2 %. В Тургайском уезде из 15 344 промыслами занимались 6 070 хозяйств,

или 39,55 %. В среднем получается, что из 100 % хозяйств 45 занимались промыслами.

В Лбищенском уезде 11 064 хозяйств зарабатывали за год в общем 931 405 рублей.

Сельскохозяйственные промыслы² приносили 538 056 руб. дохода в год, или около 58 % и стояли на первом месте. На втором месте стояли разные промыслы³, приносящие 141 085 руб., или чуть более 15 %. Третье и четвертое места делили свободные профессии⁴ и торговля⁵, с небольшим перевесом в пользу свободных профессий. Каждая давала чуть более 10 % дохода в год в уезде. Пятым стояли ремесленные и кустарные промыслы и замыкали промысловые группы женские профессии (см. табл. 1).

Теперь разберем промыслы по группам. Как мы уже писали, сельскохозяйственные промыслы приносили 538 056 руб. дохода в год. Самый большой доход в данной группе приносило батрачество – 319 068 руб., или 59,3 %. Главным промыслом в группе «разные промыслы» был извоз, приносивший 105 719 из 141 085 руб., или 74,93 %. На третьем месте стояли «духовные профессии», приносившие 62 271 руб., или почти 61 % от дохода в группе «свободные профессии» [9, с. 420–424].

В начале XX в. около 90 % кочевого населения в Казахстане было бедным, и порой единственным выходом прокормиться у них было идти в батраки. Перевозки товаров и материала кочевниками в середине XIX в. были значительными (об извозном промысле подробнее чуть ниже).

В Темирском уезде «сельскохозяйственные промыслы» находились на первом месте, но в отличие от Лбищенского уезда, на втором месте стояли группа «торговые промыслы» (см. табл. 2). По видам промыслов в Темирском уезде на первом месте стояли чернорабочие и поденщики, приносившие доход в размере 88 193 руб., или 46 % в группе «сельскохозяйственные промыслы», а на втором месте все в той же группе стояли батраки, приносившие доход в размере 73 127 руб., или 38,15 %. И на третьем месте стояли священнослужители, получавшие доход в размере 31 379 руб., или почти 72 % от дохода в группе «свободные профессии» [15, с. 280–285].

В Уральском уезде ситуация выглядела немного по-другому (см. табл. 3). На первом

месте по группам стояли так же «сельскохозяйственные промыслы», на втором – «разные промыслы», на третьем – «торговые». Если дифференцировать промыслы внутри группы, то первое место занимали чернорабочие, зарабатывавшие 129 766 руб., или 76,5 % всех заработков в «сельскохозяйственной» группе. На втором месте торговля продукцией скотоводства, приносившая 44 442 руб., или 91 % всех заработков в группе «торговля». На третьем месте стоял извоз, приносивший 18 991 руб., или 33,17 % всех заработков в группе «разные промыслы» [17, с. 413–431].

Мы рассмотрели уезды, непосредственно граничившие с Лбищенским уездом и входившие вместе с ней в одну область. Далее рассмотрим уезды, входящие в состав Тургайской области.

В Тургайском уезде «сельскохозяйственная» группа стояла на первом месте, на втором месте группа «разные промыслы», на третьем месте группа «свободные профессии» (см. табл. 4). Как и в Уральском уезде, больше всех зарабатывали чернорабочие с поденщиками, приносившие 180 142 руб., или 81 % от всего дохода в «сельскохозяйственной» группе промыслов. На втором месте стояла охота на сурков, приносившая 61 802 руб. дохода, или 55,15 % от всего дохода в группе «разные промыслы». На третьем месте стояла охота и рыболовство, приносившая 33 784 руб., или 30,15 % от всего дохода в той же группе промыслов [16, с. 280–283].

В Иргизском уезде «сельскохозяйственная» группа занимала первое место, второе – группа «разные профессии», и третье – группа «свободные профессии» (см. табл. 5). Первое место занимало батрачество, приносившее 150 627 руб., или 56,25 % от всего дохода по группе «сельскохозяйственные промыслы». На втором месте стояли чернорабочие и поденщики, зарабатывавшие 53 690 руб., или 20 % от всего дохода в группе «сельскохозяйственные промыслы». И на третьем месте по размеру заработка стояли охотники и рыболовы, зарабатывавшие 35 934 руб., или 55,2 % от всего дохода в группе «разные промыслы» [13, с. 278–293].

Анализ. Сравнивая пять уездов, можно заметить, что в трех из пяти уездов чернорабочие занимали первое место. И еще в од-

ном уезде чернорабочие стояли на втором месте. Батрачество на первом месте стояло в двух уездах, еще в одном уезде батрачество стояло на втором месте. Это говорит о том, что значительное количество кочевников вынуждено было наниматься к богатым соплеменникам или же уезжать за пределы своего аула и уезда для того, чтобы выжить в условиях кочевой среды. Извоз давал значительный доход в Лбищенском и Уральском уездах, занимая второе и третье места соответственно. В это время кочевники активно участвовали в торгово-экономической деятельности. Извоз присутствовал и в других уездах, но не входил в тройку по доходам, кроме двух вышеперечисленных. Почему именно в двух вышеперечисленных уездах извоз приносил большой заработок? Мы думаем, что наличие крупных торговых городов на границе со степью стимулировало развитие данного промысла. В середине XIX в. объемы перевозок на гужевом транспорте были значительны. Л. Мейер пишет: «В 1855 г. киргизы взяли с доставить из Троицка в Оренбург хлеба на 2 900 подводах» [20, с. 225–226]. Б.З. Отарбаева сообщает: «В конце XIX в. по-прежнему перевозка грузов на обширных степных пространствах Казахстана производилась при помощи караванов, состоящих из вьючных верблюдов и лошадей. Гужевой транспорт обеспечивал подвоз к станциям железных дорог, речным пристаням, центрам промышленной обработки» [22, с. 22]. В МКЗ мы находим такие данные: «кочевники перевозили товары с Кустаная в Челябинск, из Орска в Казалинск, Орска в Троицк. Перевозили соль, хлеб, рыбу...» [12, с. 143–144]. П.А. Хворостанский пишет: «В Оренбурге с 1909 по 1915 г. 85 % хлебного груза было привезено гужевым транспортом» [24, с. 2]. Перевозки в некоторых случаях продолжались круглогодично. В частности, А.И. Добросмыслов отмечает: «Частенько извоз, в особенности на верблюдах, продолжался и зимой» [3, с. 260]. В Иргизском уезде в 1907 г. извоз приносил 55 000 рублей [1].

В Иргизском и Тургайском уездах охота и рыбалка занимала по доходам третье место. Э.С. Вульфсон пишет: «Так, например, зауральский киргиз охотится на медведя, кабана, тигра, барса, оленя, кулана (дикая лошадь), горного барана и многих других зверей, так

что за Уралом охота составляет для киргиза кроме удовольствия еще и выгодный промысел» [2, с. 19]. О рыболовстве Л. Мейер пишет: «Река Тургай известна обилием рыбы. Она, равно как озера в районе ее (Ак-сакалтауп), доставляет киргизам огромное количество мелкой рыбы» [20, с. 156–157].

Продажа продукции скотоводства стояла на втором месте, и только в одном уезде. Хотя и присутствовала в других уездах, но не приносила столь весомый доход.

Охота на сурков приносила значительный доход и стояла на втором месте в Тургайском уезде. Л. Мейер пишет: «К числу промыслов можно отнести ловлю сайгаков, сурков, лисиц, корсаков и хорьков...» [20, с. 152]. Так, например, в середине XIX в. население только в Баян-Аульском окружном приказе добывало 800 штук сурков [4, с. 57]. Охота на сурка была специализацией кочевников Тургайского уезда. Судя по МКЗ пяти исследуемых уездов, нигде больше охота на сурка не давала такой доход.

Наконец, раздел «мусульманское духовенство»⁶, который на первый взгляд никак не может быть включен в список промыслов и тем более приносить значительные выгоды. В Лбищенском и Уральском уездах по доходам этот промысел стоял на третьем месте.

А.И. Добросмыслов пишет: «Киргизский мулла разъезжает по аулам для совершения религиозных обрядов, стараясь при этом извлечь из невежественного населения как можно больше выгод для себя» [3, с. 329]. У Л. Мейера мы находим такую информацию: «большинство мусульманских священнослужителей не имело религиозного образования, и часто проводили религиозные действия по своему разумению» [20, с. 229]. Зачастую из-за отсутствия официального мульты его функции исполнял неофициально простой человек. Отличался он лишь тем, что читал Коран и совершал пятикратную молитву и вел праведный образ жизни. Мусульманские священнослужители в степи в исследуемый период получали доход, который был больше разовым, а не постоянным. Например, священнослужителей звали на похороны, свадьбы, мероприятия на сороковой день рождения ребенка, когда ребенку официально давали имя, когда проводили коллективную молитву на кладбищах и т. д.

Подводя итог нашего исследования, мы можем сказать, что наличие большого количества батраков и чернорабочих говорит о том, что кочевники были в значительной мере бедными и вынуждены были наниматься на любую работу, большей частью требующую физической силы. Причина поиска дополнительных источников заработка заключалась в отсутствии скота или сокращении его количества, что приводило к неспособности выжить в условиях кочевой среды. Нехватка скота или его отсутствие, по нашему мнению, объясняется нехваткой земли для его выпаса. Охота и рыбалка требовали определенных навыков и инструментов, а именно охотничьи и рыболовные снасти и принадлежности, с помощью которых кочевники могли ими заниматься. Извоз также требовал определенных навыков, так как перевозку зачастую приходилось делать на сотни и сотни километров с большим количеством груза. Наличие в разделе «промыслы» мусульманского духовенства говорит о том, что кочевники в изучаемый период активно исполняли мусульманские обряды и обычаи, а официальных священнослужителей не хватало. Как видно из нашего исследования, все пять уездов имели свои промысловые специализации. Однако это не говорит о том, что другие промыслы в этих уездах не развивались.

Промыслы приносили в пяти уездах от 317 000 до 931 000 руб. в каждом. В МКЗ отмечено, что часто кочевники часть оплаты за промыслы получали товаром или продуктами [19, с. 77–79]. В особенности это относится к отхожим промыслам. Конечно же, все варьировалось по конкретным уездам и волостям. Если разделить заработанные деньги за год на каждое хозяйство, занимающееся промыслами в конкретном уезде, то мы получим следующую картину: в Лбищенском уезде одно хозяйство получало от промыслов 84 руб. 18 коп., Уральском уезде – 76 руб. 82 коп., Темирском уезде – 57 руб. 70 коп., Тургайском уезде – 78 руб. 90 коп., Иргизском уезде – 70 руб. 84 коп.

Теперь рассмотрим, много ли это или мало. В степи была развита меновая торговля, хотя существовали товарно-денежные отношения. Эквивалентом денег выступала взрослая овца. Стоимость овцы равнялась 5–

6 руб., и если разделить доход от промыслов в каждом хозяйстве на стоимость овец, то мы получим в Лбищенском уезде 14 овец на хозяйство. В Уральском уезде – 12,66 овец, в Темирском уезде – 9,6 овцы, Тургайском уезде – 13,15 овец и Иргизском уезде – 11,66 овцы. Средняя семья у кочевников в Лбищенском уезде состояла из 6 человек. Возьмем эту цифру за основу и применим ее к остальным уездам. Возьмем количество овец, переведенных с годового заработка от промыслов, разделим на количество человек в семье. В Лбищенском уезде придется 2,33 овцы на человека в год, в Уральском уезде – 2,11, в Темирском уезде – 1,6, в Тургайском уезде – 2,2, в Иргизском уезде – 1,94. Теперь попробуем разобраться, много это или мало в условиях кочевой среды. Первым делом обратимся к исследованиям по хозяйственной части кочевников, в первую очередь к труду Н.Э. Масанова «Кочевая цивилизация казахов», где он пишет: «Для того чтобы жить впроголодь в условиях кочевой среды на каждого человека требовалось в год 30 овец» [21, с. 202–205]. В год семье из 5–6 человек требовалось только на мясо минимум 25 голов овец. Для молока держали 65 голов дойных овец. Еще 15–17 голов овец меняли на муку [21, с. 202–205]. Минимум в кочевой среде расходовались и использовались 105–110 овец, не считая маточного поголовья и овец, которых продавали или обменивали на продукты или материалы. Как мы видим, цифры от промыслов не сопоставимы с этими цифрами.

В конце XIX – XX в., судя по МКЗ, кочевники вынуждены были активно заниматься промыслами, участвовать в торгово-экономической деятельности, приспосабливаться к новым реалиям и как всегда просто выживать.

Результаты. Как показала наша статья, промыслы в начале XX в. играли значительную роль в жизни кочевников.

Когда мы пишем о промыслах конца XIX – XX в., мы не должны забывать об условиях работы того времени, об отсутствии прав работников, о том, что вознаграждение за труд было далеко не справедливым. С.Е. Толыбеков пишет: «Заработная плата пастухов и других наемных работников в кочевом ауле опре-

делялась, как правило, не деньгами, а натурой...» [23, с 582]. Очень часто наемные работники попадали в кабалу к баям. Это объясняется тем, что бай давал дополнительные средства существования натурой для содержания семьи пастуха. В итоге к моменту окончательного расчета выяснялось, что наемный работник не только ничего не получил, но еще и остался должен [23, с 584].

Заработок от промыслов не шел ни в какое сравнение с доходами от продукции скотоводства. Не надо забывать, что большую часть

своего времени кочевники тратили в первую очередь на скотоводство, а оставшееся время – на земледелие и промыслы. Однако без промыслов жить в степи было бы тяжело. Например, юрты, конское снаряжение, часто одежду и т. д. делали сами кочевники. Как показано выше, заниматься только лишь одним промыслом также было не выгодно, и часто отдельные члены хозяйств выполняли разные виды работ на стороне. Кочевники занимались различными видами промыслов в первую очередь для того, чтобы просто выжить в степи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Данные (в рублях) по промысловым группам в Лбищенском уезде (в разрезе волостей)

Table 1. Data (in rubles) on craft groups in Lbyshchensky uyezd (by parish)

№ п/п	Название волостей	Название промыслов по группам						Итого
		Сельскохозяйственные	Ремесленные и кустарные	Торговые	Свободные профессии	Разные	Женские	
1	Джуванышкульская ⁸	71 253 (48,878)	3 972 (2,725)	17 794 (12,2)	12 290 (8,43)	40 305 (27,65)	160 (0,109)	145 774 ⁹ (100±0,008)
2	Уйректикульская	65 926 (53,42)	4 040 (3,27)	5 733 (4,64)	6 508 (5,27)	40 512 (32,83)	685 (0,55)	123 404 (100±0,02)
3	Чалкарская	36 061 (64,5)	3 697 (6,6)	5 095 (9,11)	3 330 (5,96)	7 139 (12,77)	581 (1,03)	55 903 (100±0,03)
4	Кураильская	31 996 (69,97)	2 985 (6,53)	2 875 (6,29)	5 870 (12,84)	1 625 (3,553)	380 (0,083)	45 731 (100±0,7)
5	Карасуйская	33 850 (74,97)	2 540 (5,625)	2 927 (6,483)	2 170 (4,806)	3 065 (6,788)	600 (1,329)	45 152 (100±0,001)
6	Матешская	37 981 (59,252)	4 170 (6,505)	7 430 (11,591)	11 800 (18,408)	2 010 (3,136)	710 (1,108)	64 101 (100)
7	Улентинская	23 475 (29,589)	4 185 (5,275)	12 005 (15,131)	17 970 (22,65)	21 433 (27,015)	270 (0,34)	79 338 (100)
8	Булдуртинская	39 340 (65,065)	2 410 (3,986)	5 650 (9,345)	7 980 (13,198)	4 885 (8,079)	198 (0,327)	60 463 (100)
9	Калдыгайтинская	31 326 (69,488)	2 658 (5,896)	3 447 (7,646)	6 405 (14,208)	1 055 (2,34)	190 (0,421)	45 081 (100±0,001)
10	Сабынкульская	15 857 (52,276)	1 876 (6,185)	6 620 (21,824)	2 845 (9,379)	3 005 (9,907)	130 (0,429)	30 333 (100)
11	Суналинская	13 621 (67,942)	703 (3,507)	1 685 (8,405)	3 939 (19,648)	100 (0,499)	–	20 048 ¹⁰ (100±0,001)
12	Жаксыбаевская	33 545 (66,118)	1 626 (3,205)	8 369 (16,496)	5 570 (10,979)	1 505 (2,966)	120 (0,237)	50 735 (100±0,001)
13	Каракульская	37 143 (62,704)	2 543 (4,293)	9 304 (15,707)	7 245 (12,231)	2 940 (4,963)	60 (0,101)	59 235 ¹¹ (100±0,001)
14	Кызылжарская	42 631 (64,734)	4 668 (7,088)	10 334 (15,692)	5 535 (8,405)	2 503 (3,801)	185 (0,281)	65 856 (100±0,001)
15	Индерская	24 051 (59,753)	3 022 (7,508)	1 340 (3,329)	2 810 (6,981)	9 003 (22,367)	25 (0,062)	40 251 (100)
	<i>Итого</i>	538 056 (57,768)	45 095 (4,779)	100 608 (10,801)	102 267 (10,979)	141 085 (15,148)	4 294 (0,461)	931 405 ¹²

Примечание. Источник: МКЗ по Лбищенскому уезду (с. 402–425). Проценты по группам промыслов и итоговые проценты подсчитаны нами.

Таблица 2. Данные (в рублях) по промысловым группам в Темирском уезде (в разрезе волостей)

Table 2. Data (in rubles) on craft groups in Temir uyezd (by parish)

№ п/п	Название волостей	Название промыслов по группам						
		Сельскохозяйственные	Ремесленные и кустарные	Торговые	Свободные профессии	Разные	Женские	Итого
1	Темир-Уркачская	5 436 (39,39)	802 (5,812)	2 785 (20,181)	2 795 (20,254)	1 962 (14,217)	20 (0,015)	13 800 (100±0,2)
2	Эмбо-Темирская	9 900 (53,5)	1 123 (6,069)	1 617 (8,739)	1 418 (7,664)	4 445 (24,023)	–	18 503 (100±0,005)
3	Карагандинская	17 772 (59,01)	1 343 (4,46)	3 989 (13,24)	3 623 (12,032)	3 258 (10,82)	127 (0,42)	30 112 (100±0,02)
4	Киило-Уйлская	11 158 (42,58)	1 333 (5,087)	6 340 (24,19)	1 415 (5,4)	5 908 (22,546)	50 (0,19)	26 204 (100±0,007)
5	Калмак-Кырганская	10 766 (41,59)	2 818 (10,886)	2 923 (11,292)	4 458 (17,222)	4 921 (19,01)	–	25 886 (100)
6	Каиндинская	17 333 (49,33)	3 530 (10,047)	3 990 (11,356)	3 670 (10,445)	6 508 (18,52)	105 (0,299)	35 136 (100±0,003)
7	Джитикульская	17 141 (56,016)	3 020 (9,869)	3 515 (11,487)	4 265 (13,938)	2 530 (8,268)	129 (0,422)	30 600 (100)
8	Казбецкая	21 159 (61,541)	1 965 (5,715)	5 140 (14,95)	2 922 (8,499)	3 151 (9,165)	45 (0,013)	34 382 (100±0,2)
9	Уйльская	22 202 (46,798)	3 935 (8,294)	5 960 (12,563)	3 035 (6,397)	12 215 (25,747)	95 (0,2)	47 442 (100±0,001)
10	Кумды-Уйльская	13 264 (52,11)	2 745 (10,784)	3 100 (12,179)	3 851 (15,129)	2 424 (9,523)	70 (0,275)	25 454 (100)
11	Эмбенская	15 353 (50,737)	3 957 (13,077)	5 151 (17,022)	3 433 (11,345)	2 366 (7,819)	–	30 260 (100)
12	Джиделе-Сагизская	12 599 (59,793)	2 272 (10,783)	1 105 (5,244)	4 800 (22,78)	295 (1,4)	–	21 071 (100)
13	Уймагут-Джилтавская	9 399 (60,428)	2 010 (12,922)	2 655 (17,07)	1 310 (8,42)	180 (1,15)	–	15 554 (100±0,01)
14	Улу-Самская	1 333 (27,24)	805 (16,45)	2 050 (41,89)	400 (8,175)	305 (6,23)	–	4 893 (100±0,015)
15	Самматаевская	2 839 (38,267)	800 (10,783)	1 425 (19,207)	1 400 (18,87)	955 (12,872)	–	7 419 (100±0,001)
16	Донгыстау-Акколская	4 006 (44,526)	965 (10,726)	2 301 (25,575)	905 (10,059)	820 (9,114)	–	8 997 (100)
	<i>Итого</i>	191 660 (51,01)	33 423 (8,896)	54 046 (14,385)	43 700 (11,631)	52 243 (13,905)	641 (0,171)	375 713 (100±0,002)

Примечание. Источник: МКЗ по Темирскому уезду (с. 250–285). Проценты по группам промыслов и итоговые проценты подсчитаны нами.

Таблица 3. Данные (в рублях) по промысловым группам в Уральском уезде¹³ (в разрезе волостей)

Table 3. Data (in rubles) on craft groups in Ural uyezd (by parish)

№ п/п	Название волостей	Название промыслов по группам						
		Сельскохозяйственные	Ремесленные и кустарные	Торговые	Свободные профессии	Разные	Женские	Итого
1	Чиликская	30 968 (53,05)	5 610 ¹⁴ (9,61)	10 951 (18,76)	4 420 (7,57)	6 427 (11,01)	–	58 376 (100)
2	Чингирлауская	15 108 (53,9)	3 357 (11,98)	5 682 (20,275)	2 100 (7,49)	1 760 (6,28)	18 (0,064)	28 025 (100±0,011)
3	Бурлинская	32 104 (77,03)	1 801 (4,32)	3 228 (7,74)	3 950 (9,48)	570 (1,37)	27 ¹⁵ (0,05)	41 680 (100±0,01)
4	Караобинская	40 534 (64,81)	1 497 (2,39)	13 669 (21,85)	4 055 ¹⁶ (6,48)	2 741 (4,38)	46 (0,07)	62 542 (100±0,02)
5	Джамбейтинская	50 955 (40,11)	6 796 (5,35)	15 286 (12,033)	8 255 (6,5)	45 746 (36)	–	127 038 (100±0,07)
<i>Итого</i>		169 669 (53,41)	19 061 (6)	48 816 (15,36)	22 780 (7,17)	57 244 (18,02)	91 (0,03)	317 661 (100±0,01)

Примечание. Источник: МКЗ по Уральскому уезду (с. 413–431). Проценты по группам промыслов и итоговые проценты подсчитаны нами.

Таблица 4. Данные (в рублях) по промысловым группам в Тургайском уезде (в разрезе волостей)

Table 4. Data (in rubles) on craft groups in Turgai uyezd (by parish)

№ п/п	Название волостей	Название промыслов по группам						
		Сельскохозяйственные	Ремесленные и кустарные	Торговые	Свободные профессии	Разные	Женские	Итого
1	2-я Наурзумская	14 761 (35,956)	2 908 (7,08)	2 650 (6,455)	2 870 (6,99)	17 834 (43,44)	30 (0,073)	41 053 (100±0,006)
2	1-я Наурзумская	14 919 (23,4)	3 345 (5,25)	5 300 (8,3)	2 055 (3,3)	38 022 (59,7)	15 (0,023)	63 656 (100±0,03)
3	Майкаринская	29 148 (62,55)	3 221 (6,91)	3 120 (6,69)	4 490 (9,63)	6 619 (14,2)	–	46 598 (100±0,02)
4	Тосунская	42 067 (48,53)	6 561 (7,569)	12 675 (14,62)	12 577 (14,51)	12 795 (14,76)	–	86 675 (100±0,011)
5	Сары-Капинская	10 562 (33,54)	1 385 (4,4)	4 107 (13,044)	1 770 (5,62)	13 660 (43,38)	–	31 484 (100±0,02)
6	Чубаланская	29 739 (49,42)	5 704 (9,47)	5 944 (9,87)	13 378 (22,23)	5 406 (8,98)	–	60 171 (100±0,03)
7	Каракугинская	19 203 (61,7)	3 205 (10,23)	2 515 (8,08)	3 300 (10,6)	2 856 (9,18)	40 (0,13)	31 119 (100±0,08)
8	Каратургайская	13 064 (33,27)	6 050 (15,4)	5 768 (14,67)	3 202 (8,15)	11 184 (28,48)	–	39 268 (100±0,03)
9	Сарытургайская	10 676 (67,46)	2 510 (15,86)	710 (4,48)	1 405 (8,88)	515 (3,25)	10 (0,07)	15 826 (100)
10	Кайдаульская	14 512 (66,76)	2 825 (13)	1 610 (7,4)	2 023 (9,3)	765 (3,5)	–	21 735 (100±0,04)
11	Аккумуляная	15 049 (60,66)	2 320 (9,35)	2 765 (11,14)	3 112 (12,54)	1 535 (6,19)	25 (0,1)	24 806 (100±0,1)
12	Кызыл-Джингильская	8 555 (51,52)	1 220 (7,34)	4 094 (24,66)	1 795 (10,81)	859 (5,17)	80 (0,5)	16 603 (100)
<i>Итого</i>		222 255 (46,4)	41 254 (8,61)	51 258 (10,7)	51 977 (10,85)	112 050 (23,39)	200 (0,04)	478 994 (100±0,1)

Примечание. Источник: МКЗ по Тургайскому уезду (с. 272–283). Проценты по группам промыслов и итоговые проценты подсчитаны нами.

Таблица 5. Данные (в рублях) по промысловым группам в Иргизском уезде (в разрезе волостей)

Table 5. Data (in rubles) on craft groups in Irgiz uyezd (by parish)

№ п/п	Название волостей	Название промыслов по группам						
		Сельскохозяйственные	Ремесленные и кустарные	Торговые	Свободные профессии	Разные	Женские	Итого
1	Талдыкская	23 193 (68,39)	2 003 (5,9)	2 293 (6,76)	4 148 (12,23)	2 255 (6,65)	20 (0,059)	33 912 (100±0,011)
2	Байсакская	22 561 (57,4)	3 275 (8,33)	4 756 (12,1)	6 636 (16,88)	1 958 (4,98)	120 (0,3)	39 306 (100±0,01)
3	Аманкульская	16 035 (39,76)	3 782 (9,38)	6 630 (16,44)	5 351 (13,27)	8 227 (20,4)	303 (0,75)	40 328 (100)
4	Кызылжарская	22 119 (56,52)	1 979 (5,05)	2 370 (6,05)	6 571 (16,79)	5 908 (15,09)	190 (0,48)	39 137 (100±0,02)
5	Кенжегаринская	25 586 (64,98)	3 457 (8,78)	1 921 (4,88)	3 030 (7,67)	5 140 (13,055)	238 (0,6)	39 372 (100±0,035)
6	Таупская	31 508 (56,5)	2 053 (3,68)	3 022 (5,42)	4 443 (7,97)	14 000 (25,1)	737 ¹⁷ (1,32)	55 763 (100±0,01)
7	Тереклинская	10 307 (47,67)	2 360 (10,92)	2 966 (13,72)	2 000 (9,25)	3 957 (18,3)	30 (0,014)	21 620 (100±0,126)
8	Тулагайская	11 033 (76,64)	568 (3,9)	760 (5,28)	1 070 (7,43)	965 (6,7)	–	14 396 (100±0,05)
9	Темир-Аставская	10 130 (59,42)	2 109 (12,37)	710 (4,16)	1 570 (9,2)	2 530 (14,84)	–	17 049 (100±0,01)
10	Карасайская	8 297 ¹⁸ (76,7)	780 (7,2)	410 (3,8)	1 140 (10,54)	130 (1,2)	60 (0,55)	10 817 (100±0,01)
11	Чингильская	31 048 (77,55)	1 815 (4,53)	4 136 (10,33)	2 452 (6,12)	586 (1,46)	–	40 037 (100±0,01)
12	Кабыргинская	8 343 (33,87)	1 041 (4,22)	1 300 (5,28)	1 768 (7,18)	12 180 (49,45)	–	24 632 (100)
13	Урдакунганская	24 014 (69,52)	1 747 (5,05)	2 580 (7,47)	3 385 (9,8)	2 815 (8,15)	–	34 541 (100±0,01)
14	Куландинская	23 602 (70,3)	875 (2,6)	2 520 (7,5)	2 135 (6,36)	4 436 (13,215)	–	33 568 (100±0,025)
<i>Итого</i>		267 776 (60,245)	27 844 (6,26)	36 374 (8,18)	45 699 (10,28)	65 087 (14,64)	1 698 (0,37)	444 478 (100±0,025)

Примечание. Источник: МКЗ по Иргизскому уезду (с. 278–293). Проценты по группам промыслов и итоговые проценты подсчитаны нами.

Таблица 6. Промыслы, приносящие основной доход в разрезе уездов

Table 6. The crafts that brought in the main income by parish

№ п/п	Название уездов	Батрачество	Извоз	Священнослужители	Чернорабочие	Охотники и рыбаки	Охотники на сурков	Продажа продукции скотоводства	Сколько в %, приносили главные промыслы от всех промыслов по уездам
1	Лбищенский	319 068	105 719	62 271					52,3
2	Темирский	73 127		31 379	88 193				51,3
3	Уральский		18 991		129 766			44 442	60,82
4	Тургайский				180 142 ¹⁹	33 784	61 802		57,5
5	Иргизский	150 627			53 690	35 934			54

Примечание. Источник: МКЗ по пяти уездам (подсчеты наши).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В начале просчитаем доход в рублях. Далее переведем рубли в количество овец. У кочевников Казахстана в XIX – начале XX в. основным мериллом при обмене были овцы.

² К ним относились: чернорабочие, косари, жнецы, пахари, погонщики, караульщики и т. д.

³ К ним относились: извозчики, рыболовы, водовозы, собиратели солодкового корня, ямщики и т. д.

⁴ К ним относились: муллы, учителя, почтари, сторожа, переводчики, певцы, музыканты, лекари, знахари и т. д.

⁵ К ним относились: ростовщики, торговцы кизяком и белой глиной, торговля мелким товаром, продажа скота и скотоводческой продукции.

⁶ Хазреты, муллы и муэдзины.

⁷ Мясо, молоко, сено, различные корма и т. д.

⁸ Здесь и далее названия волостей даны так, как написано в источнике.

⁹ В МКЗ по Лбищенскому уезду на с. 407 в Джуванышкульской волости в секторе «итоги» указана сумма 145 775 рублей. Когда мы подсчитали итог, то у нас вышло 145 774 рубля. Разница между нашими подсчетами и подсчетами в источнике составила 1 рубль. Ошибка или опечатка в источнике. Здесь мы указали сумму, которая вышла при нашем подсчете.

¹⁰ В МКЗ по Лбищенскому уезду на с. 419 в Суналинской волости в секторе «итоги» указана сумма 20 168 рублей. Когда мы подсчитали итог, то у нас вышло 20 048 рублей. Разница между нашими подсчетами и подсчетами в источнике равна 120 рублям. Ошибка или опечатка в источнике. Здесь мы указали сумму, которая вышла при нашем подсчете.

¹¹ В МКЗ по Лбищенскому уезду на с. 425 в Каракульской волости в секторе «итоги» указана сумма 69 235 рублей. Когда мы подсчитали итог, то у нас вышло 59 235 рублей. Разница между нашими подсчетами и подсчетами в источнике равна 10 000 рублей. Ошибка или опечатка в источнике. Здесь мы указали сумму, которая вышла при нашем подсчете.

¹² В МКЗ по Лбищенскому уезду итоговая сумма заработка по уезду равна 931 406 руб., у нас вышла сумма 931 405 рублей. Ошибка или опечатка в источнике.

¹³ В МКЗ есть данные только по пяти из восьми волостям. Отсутствуют данные по трем волостям.

¹⁴ В МКЗ ремесленные и кустарные промыслы даны раздельно. Здесь мы их объединили.

¹⁵ В МКЗ по ошибке указана сумма 21 руб., после детального подсчета сумма исправлена на 27 рублей. Итог по группе промыслов и итога под-

считали с учетом исправления. Ошибка или опечатка в источнике.

¹⁶ В МКЗ написана сумма 4 056 руб., после того как мы детально подсчитали, сумма уменьшилась на 1 рубль. Ошибка или опечатка в источнике. Итог по группе промыслов подсчитали с учетом исправления.

¹⁷ В группе «женские промыслы» по ошибке не были учтены батрачки. И вместо 737 руб. указана сумма 231 рубль. Ошибка или опечатка в источнике. Итог по уезду подсчитан с учетом исправления.

¹⁸ В источнике опечатка или ошибка. Вместо 8 297 руб. написано 8 257 рублей. Итог по уезду подсчитан с учетом исправления.

¹⁹ В Тургайском и Иргизском уездах в таблицах МКЗ чернорабочие учитываются с поденщиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абилов, К. Ж. К вопросу о предпринимательском характере извозного промысла в Казахстане во второй половине XIX – начале XX века / К. Ж. Абилов // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. – 2005. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/4622> (дата обращения: 11.11.2020). – Загл. с экрана.

2. Вульфсон, Э. С. Киргизы / Э. С. Вульфсон. – М.: Изд-во торгового дома С. Курнин и К^о, 1901. – 86 с.

3. Добросмыслов, А. И. Скотоводство в Тургайской степи / А. И. Добросмыслов. – Оренбург: Тип. И. Н. Жаринова, 1893. – 203 с.

4. Зиманов, С. Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство / С. Зиманов. – Алматы: Арыс, 2009. – 400 с.

5. Каппасов, М. М. Методика изучения источника «Материалы по киргизскому землепользованию» на примере батрачества и промыслов Лбищенского уезда в начале XX века / М. М. Каппасов // Материалы IV форума гуманитарных наук «Великая Степь». – Нур-Султан: Ғылым, 2019. – Т. I. – С. 479–488.

6. Каппасов, М. М. Султанские хозяйства в Лбищенском уезде Уральской области в начале XX века / М. М. Каппасов // Вестник антропологии. – 2018. – № 1. – С. 83–96.

7. Каппасов, М. М. Социально-экономическое положение кочевого населения Лбищенского уезда Уральской области начала XX века / М. М. Каппасов // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 100–120.

8. Каппасов, М. М. Земледелие у кочевников Лбищенского уезда в начале XX века / М. М. Кап-

пасов // Вестник антропологии. – 2019. – № 4. – С. 162–168.

9. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд. – Оренбург : Тип. Я. Яковлева, 1914. – 429 с.

10. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Актюбинский уезд. – Воронеж : Типолитография В. И. Исаева, 1903. – Т. VII. – 573 с.

11. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. – Воронеж : Типолитография В. И. Исаева, 1903. – Т. IV. – 305 с.

12. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Кустанайский уезд. – Воронеж : Типолитография В. И. Исаева, 1903. – Т. V. – 786 с.

13. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Иргизский уезд. – Оренбург : Тип. Я. Яковлева, 1913. – 494 с.

14. Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область. Казалинский уезд. – Ташкент : Типолитография В. М. Ильина, 1913. – 386 с.

15. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. – Оренбург : Тип. Я. Яковлева, 1910. – 668 с.

16. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. – Оренбург : Тип. Я. Яковлева, 1911. – 294 с.

17. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд. – Оренбург : Типолитография Дворжеи, 1909. – 646 с.

18. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. – Семипалатинск : Типография Штаба Сиб. воен. округа, 1902. – Т. XI. – 359 с.

19. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатин-

ская область. Устькаменогорский уезд. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1905. – Т. IX. – 236 с.

20. Мейер, Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Л. Мейер. – СПб. : Тип. Э. Веймера и Ф. Персона, 1865. – 414 с.

21. Масанов, Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadного общества / Н. Э. Масанов. – Изд. 2-е, доп. / сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. – Алматы : Print-S, 2011. – 740 с.

22. Отарбаева, Б. З. Хлебная торговля в Казахстане в системе хозяйственных взаимоотношений с Россией (конец XIX – начало XX в. на материалах северного и северо-восточного Казахстана) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Отарбаева Бахыгнур Зейнуллаевна. – Алма-Ата, 1990. – 25 с.

23. Толыбеков, С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ / С. Е. Толыбеков. – Алма-Ата : Наука, 1971. – 633 с.

24. Хворостанский, П. А. Оренбургский хлебный рынок / П. А. Хворостанский. – Оренбург : Изд. Переселенческой организации Тургайско-Уральского р-на, 1916. – 42 с.

REFERENCES

1. Abilov K.Zh. K voprosu o predprinimatel'skom karaktere izvoznogo promysla v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [On the Question of the Entrepreneurial Nature of Transportation Among Nomads in Kazakhstan in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2005. URL: <https://articlekz.com/article/4622> (accessed 11 November 2020).

2. Vul'fson E.S. *Kirgizy* [Kyrgyz]. Moscow, Izd-vo trgovogo doma S. Kurmin i K°, 1901. 86 p.

3. Dobrosmyslov A.I. *Skotovodstvo v Turgaiskoi stepi* [Cattle Breeding in the Turgai Steppe]. Orenburg, Tipografiya I.N. Zharinova, 1893. 203 p.

4. Zimanov S. *Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka i Bukeyevskoe Khanstvo* [The Social System of the Kazakhs in the First Half of the 19th Century and the Bukey Khanate]. Almaty, Arys Publ., 2009. 400 p.

5. Kappasov M.M. Metodika izucheniya istochnika «Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu» na primere batrachestva i promyslov Lbishchenskogo uezda v nachale XX veka [Methodology for Studying the “Materials on the Kyrgyz Land Use” on the Example of Farm Laborers and Crafts of Lbishchensky Uyezd in the Beginning of the 20th Century]. *Materialy IV foruma gumanitarnykh nauk «Velikaia Step'»* [Materials of the 4th Forum of

the Humanities “Great Steppe”]. Nur-Sultan, Gylym Publ., 2019, vol. 1, pp. 479-488.

6. Kappasov M.M. Sultanskii khoziaistva v Lbishchenskom ueзде Ural'skoi oblasti v nachale XX veka [Sultan Farms in Lbishchensky Uyezd of the Ural Region in Early 20th Century]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2018, no. 1, pp. 83-96.

7. Kappasov M.M. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie kochevogo naseleniya Lbishchenskogo ueзда Ural'skoi oblasti nachala XX veka [The Socio-Economic Situation of the Nomadic Population in Lbishchensky Uyezd of the Ural region at the Beginning of the 20th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 100-120.

8. Kappasov M.M. Zemledelie u kochevnikov Lbishchenskogo ueзда v nachale XX veka [Agriculture of the Lbishchensky Uyezd Nomads in the Early 20th Century]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2019, no. 4, pp. 162-168.

9. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Lbishchensky uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by Statistical Parties of the Turgai-Ural Resettlement Region. Lbishchensky Uyezd]. Orenburg, Tipografiya Ya. Yakovleva, 1914. 429 p.

10. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniuu stepnykh oblastei. Turgaiskaia oblast'. Aktiubinskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Expedition to Study the Steppe Regions. The Turgai Region. Aktyubinsky Uyezd]. Voronezh, Tipolitografiya V.I. Isaeva, 1903b. vol. 7. 573 p.

11. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei po issledovaniuu stepnykh oblastei. Semipalatinskaia oblast'. Pavlodarskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Statistical Party to Study the Steppe Regions. Semipalatinsk Region. Pavlodarsky Uyezd]. Voronezh, Tipolitografiya V.I. Isaeva, 1903, vol. 4. 305 p.

12. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniuu stepnykh oblastei. Turgaiskaia oblast'. Kustanaiskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Expedition to Study the Steppe Regions. Turgai Region. Kustanaysky Uyezd]. Voronezh, Tipolitografiya V.I. Isaeva, 1903, vol. 5. 786 p.

13. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Irgizskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Statistical Party of

the Turgai-Ural Resettlement Region. Irgiz Uyezd]. Orenburg, Tipografiya Ya. Yakovleva, 1913. 494 p.

14. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, Syrdar'inskaia oblast'. Kazalinskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use. Syrdarya Region. Kazalinsky Uyezd]. Tashkent, Tipolitografiya V.M. Il'ina, 1913. 386 p.

15. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Temirskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Statistical Party of the Turgai-Ural Resettlement Region. Temirsky Uyezd]. Orenburg, Tipografiya Ya. Yakovleva, 1910. 668 p.

16. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Turgaiskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Statistical Party of the Turgai-Ural Resettlement Region. Turgai Uyezd]. Orenburg, Tipografiya Ya. Yakovleva, 1911. 294 p.

17. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Ural'skii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Statistical Party of the Turgai-Ural Resettlement Region. Uralsky Uyezd]. Orenburg, Tipolitografiya Dvorzhei, 1909. 646 p.

18. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniuu stepnykh oblastei. Akmolinskaia oblast'. Omskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Expedition to Study the Steppe Regions. Akmolinsk Region. Omsky Uyezd]. Semipalatinsk, Tipografiya Shtaba Sibirskogo voennogo okruga, 1902, vol. 11. 359 p.

19. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniuu stepnykh oblastei. Semipalatinskaia oblast'. Ust'kamenogorskii uyezd* [Materials on the Kyrgyz Land Use Collected and Developed by the Expedition to Study the Steppe Regions. Semipalatinsk Region. Ustkamenogorsky Uyezd]. Sankt Peterburg, Tipografiya Obshchestvennaya pol'za, 1905, vol. 9. 236 p.

20. Meier L. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva* [Materials for the Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff. Kyrgyz Steppe, Orenburg Department]. Sankt Peterburg, Tipografiya E. Veymera i F. Persona, 1865. 414 p.

21. Masanov N.E. *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo*

obshchestva. Izd. 2-e, dop. [Nomadic Civilization of the Kazakhs: The Basics of Nomadic Society. 2nd Edition]. Almaty, Print-S Publ., 2011. 740 p.

22. Otarbaeva B.Z. *Khlebnaia torgovlia v Kazakhstane v sisteme khoziaistvennykh vzaimootnoshenii s Rossiei (konets XIX – nachalo XX vv. na materialakh severnogo i severovostochnogo Kazakhstana). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Bread Trade in Kazakhstan in the System of Economic Relations with Russia (Late 19th – Early 20th Centuries. On the Materials of the Northern and

Northeastern Kazakhstan). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Alma-Ata, 1990. 25 p.

23. Tolybekov S.E. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskii analiz* [The Nomadic Kazakh Society in the 17th and Early 20th Centuries. Political and Economic Analysis]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1971. 633 p.

24. Khvorostanskii P.A. *Orenburgskii khlebnyi rynek* [Orenburg Bread Market]. Orenburg, Izdanie pereselencheskoy organizatsii Turgaysko-Ural'skogo rayona, 1916. 42 p.

Information About the Author

Marat M. Kappasov, Teacher of History, Bogdanovskaya General Secondary School, Zhenis St, 63/1, 091107 Bogdanovka, Terekty District, West Kazakhstan Region, Kazakhstan, kap_marat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-6222>

Информация об авторе

Марат Максutowич Каппасов, учитель истории, Богдановская основная средняя школа, ул. Женис, 63/1, 091107 пос. Богдановка, Теректинский район, Западно-Казахстанская область, Казахстан, kap_marat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-6222>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.10>

UDC 94(470.45)“1920/1930”:331.556.4
LBC 63.3(2P-4Bor)614-75

Submitted: 28.02.2021
Accepted: 29.03.2021

SOCIOCULTURAL PERCEPTION AND LIVING CONDITIONS OF FOREIGN CITIZENS IN STALINGRAD IN THE 1920s – 1930s¹

Taisiya V. Yudina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the late 1920s Stalingrad was undergoing major industrial construction and reconstruction. Due to the shortage of local labor resources, foreign labor resources were required. The study highlights the nationality and number of the labor force, arrival dates and participation in the city's public life. *Methods and materials.* The study used sources from the State Archive of Volgograd Oblast. The Research is based on comparative-historical and descriptive-historical methods. *Analysis.* Housing was the main issue in Stalingrad. Foreign specialists (Americans, Germans, Austrians, Czechs, Swedes) and their families were provided with housing, but living conditions were harsh. Moreover, despite the fact that salary of foreign labors was higher than salary of locals, foreign specialists still considered it insufficient. Providing foreign specialists with better living conditions, special product delivery and essential goods irritated the locals, whose standard of living was low. *Results.* Construction of buildings for foreign specialists began in the late 1920s. For local workers of such plants as the Stalingradskiy traktorny zavod (Stalingrad Tractor Plant), the Barrikady (Titan-Barrikady) and the Krasny Oktyabr construction began in 1933. This helped to improve the city's housing situation and increase the standard of living and the number of citizens. In 1933 Stalingrad became a major industrial center; by the end of the 1930s, it had become a city with a large population, including foreigners who stayed in Stalingrad, provided training for local specialists, adapted to an unfamiliar social life, and mastered the Russian language.

Key words: population, USSR, Stalingrad, foreign specialists, living conditions, social difficulties.

Citation. Yudina T.V. Sociocultural Perception and Living Conditions of Foreign Citizens in Stalingrad in the 1920s – 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 117-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.10>

УДК 94(470.45)“1920/1930”:331.556.4
ББК 63.3(2P-4Bor)614-75

Дата поступления статьи: 28.02.2021
Дата принятия статьи: 29.03.2021

ИНОСТРАНЦЫ В СТАЛИНГРАДЕ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ, ВОСПРИЯТИЕ НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ¹

Тaisia Васильевна Юдина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. С конца 1920-х гг. в Сталинграде развернулось масштабное промышленное строительство и реконструкция. Трудовых ресурсов оказалось недостаточно для создания индустриальной базы в городе. Необходимость привлечения иностранных специалистов для становления советской промышленности была очевидной. В статье освещаются сроки прибытия иностранцев в Сталинград, их национальность, численность, участие в общественной жизни города. Самой острой проблемой для сталинградского населения являлась жилищная. Вновь прибывающим иностранным специалистам и их семьям (американцам, немцам, австрийцам, чехам, шведам) жилье предоставлялось, но с первых дней приезда они оказались в чрезвычайно сложных бытовых условиях. Бытовые трудности иностранных работников дополнялись их недовольством размером заработной платы. Уровень зарплаты иностранцев на промышленных предприятиях Сталинграда был выше, чем отечественных специалистов и рабочих, но приглашенные специалисты из-за рубежа считали его недостаточным. Предоставление иностранным специалистам лучших бытовых условий, спецснабжения

продуктами и товарами первой необходимости вызывало раздражение у сталинградцев, уровень жизни которых был невысок. С конца 1920-х гг. в Сталинграде приступили к строительству домов для иностранцев, с 1933 г. развернулось активное жилищное строительство для рабочих крупных предприятий Сталинградского тракторного завода, «Баррикад», «Красного Октября» и др., позволившее ослабить остроту жилищной проблемы городского населения. Продолжавшееся строительство жилья способствовало улучшению жизни горожан, их количественному росту. К 1933 г. Сталинград стал крупнейшим индустриальным центром Поволжья, к концу 1930-х гг. – городом с увеличивающимся населением, часть которого составили иностранцы, не уехавшие на родину, передававшие свои знания и опыт на производстве, адаптировавшиеся к непривычной общественной жизни, изучившие русский язык.

Ключевые слова: население, СССР, Сталинград, иностранные специалисты, жилищные условия, социально-бытовые трудности.

Цитирование. Юдина Т. В. Иностранцы в Сталинграде в конце 1920-х – 1930-е гг.: условия жизни, восприятие новой социокультурной среды // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.10>

Введение. Процесс индустриализации, начавшийся в СССР в конце 1920-х, стал осуществляться при активном применении западных технологий и привлечении трудовых ресурсов [4]. Одним из основных городов сосредоточения иностранных специалистов в Советском Союзе был Сталинград. Прибывающие иностранцы трудоустраивались на промышленные объекты города, расселялись со своими семьями в дома, специально построенные для них.

В работе Н.А. Насоновой рассматриваются вопросы участия иностранных специалистов в индустриализации региона, передачи их производственного опыта сталинградским рабочим [7]. Проблемы социальной, культурной, бытовой адаптации иностранцев, условия их жизни освещаются в исследовании О.О. Резаненко [15]. Несмотря на проявленный интерес Н.А. Насоновой и О.О. Резаненко к теме, работа по комплексному и детальному изучению условий труда и проживания иностранных специалистов и их семей в Сталинграде, их взаимоотношений со сталинградцами требует дальнейшего исследования. Благодаря вновь выявленным архивным документам автор настоящего труда более подробно рассматривает социально-бытовые трудности, с которыми столкнулись иностранные специалисты и их семьи, приехавшие в Сталинград, взаимоотношения с административно-техническим персоналом заводов. Цель статьи – выяснить условия жизни иностранцев в Сталинграде, проследить их взаимоотношения в трудовых коллективах промышленных предприятий. Это позволит лучше разоб-

раться в том, как иностранцы восприняли советскую действительность, какие усилия предпринимали местные органы власти по созданию комфортных условий труда и быта для них и отечественных работников, развитию Сталинграда с увеличивающимся населением в 1930-е годы.

Методы и материалы. В работе анализируются посвященные указанной теме неопубликованные источники, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области в фондах Сталинградского окружного отдела труда Нижне-Волжского края (Ф. Р-315), отдела труда Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-509). В сведениях, протоколах, резолюциях, актах содержатся статистические материалы по численности иностранных специалистов, их условиям проживания, оплате труда и т. п. Докладные записки ОГПУ в окружной отдел труда заслуживают особого внимания. В источниках представлена информация об острых проблемах сталинградцев в вопросах условий и оплаты труда, жилищных условий. В данной работе при изучении источников применялись историко-сравнительный, историко-описательный методы.

Анализ. Значительные изменения в социально-экономической жизни города Сталинграда стали наблюдаться в связи с осуществлением в СССР процесса индустриализации с середины 1920-х годов.

К концу 1920-х гг. начавшиеся в Сталинграде крупномасштабные промышленные реконструкция и строительство обусловили приток рабочей силы из других регионов страны и из-за рубежа, что привело в 1930-е гг. к рос-

ту численности городского населения. Численность рабочих, соответственно населению Сталинграда, пополнялась сельскими жителями из Сталинградской и близлежащих губерний. За 1926/27 г. в Сталинград прибыло 6 000 деревенских жителей [6, с. 9]. В последующие годы большую работу по привлечению рабочей силы из близлежащих к Сталинграду волостей (Черного Яра, Каменного Яра, Капустина Яра, Владимирской и Астраханской губерний) на промышленные предприятия города проводили сотрудники Сталинградского окружного отдела труда [9].

Население Сталинграда было представлено коренным городским составом, сельскими жителями, прибывавшими из разных регионов страны на стройки и реконструкцию промышленных предприятий, а также иностранными специалистами со своими семьями, приехавшими в СССР в годы мирового экономического кризиса и участвовавшими в становлении советской промышленности на сталинградских предприятиях.

Иностранные специалисты – американцы, немцы, австрийцы, чехи, шведы – стали прибывать в Сталинград в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Преобладающими среди них являлись американцы, трудившиеся на Сталинградском тракторном заводе, строительство которого осуществлялось по американским проекту и технологиям.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Сталинград стал одним из крупнейших центров концентрации иностранных специалистов в Советском Союзе. В этом регионе развернулось масштабное промышленное строительство и реконструкция. Новая отрасль – тракторная (Сталинградский тракторный завод) создавалась на основе западных технологий и с широким использованием иностранного опыта. Для реконструкции заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» (базисных предприятий тракторного завода) из Европы и США поступало современное промышленное оборудование – станочное, металлургическое, электротехническое, а также прибывали квалифицированные кадры для наладки технологического процесса.

Строительство Сталинградского тракторного завода (СТЗ) было крупнейшим промышленным проектом первой пятилетки. Зак-

ладка СТЗ состоялась 12 июля 1926 г. по проекту специалистов Гипромеза без привлечения иностранцев. Однако в 1928 г. группа советских инженеров была командирована в США для изучения организации тракторостроения с целью проектирования завода на основе использования новейших технических достижений [15, с. 64].

По проекту компании Альберта Кана завод был изготовлен в США, затем демонтирован, под контролем американских специалистов – перевезен и собран в Советском Союзе, Сталинграде. В его монтаже участвовали около 80 машиностроительных компаний из США и несколько фирм из Германии. В начале июля 1929 г. на Тракторострой прибыла первая группа инженеров фирмы А. Кана, весной 1930 г. – группы иностранцев, заключивших индивидуальные контракты [15, с. 66–67].

Точную динамику количества иностранных специалистов, прибывших на промышленные предприятия Сталинграда, установить сложно. В 1931 г. на предприятиях Сталинграда общее количество иностранных работников составляло более 300 человек. В январе 1932 г. картина численности работавших иностранцев на трех крупнейших предприятиях Сталинграда была следующей: на «Баррикадах» – 188 человек, «Красном Октябре» – 30 и СТЗ – 300 человек [5, л. 1], то есть более 500 человек.

С первых дней своего нахождения в городе иностранные специалисты оказались в новой социокультурной среде, в чрезвычайно сложных для них условиях. Так, прибывшим в декабре 1931 г. на завод «Баррикады» иностранцам предоставили квартиры, не соответствующие элементарным требованиям жилья: «в доме иностранцев на Волге страшнейший холод, отсутствие дров в силу не подвозки их» коммунальным отделом; 20 иностранцев расселили в квартиры без света, столов, стульев, вешалок и ключей от комнат. Не хватало кроватей, одеял (2 одеяла на 3 человека). Семьи иностранцев вынуждены были выселяться из таких квартир и переселяться к другим, имевшим элементарные удобства. Например, к трем неженатым мужчинам в 15-метровую комнату переселились муж с женой [11, л. 10].

Коммунальный отдел, занимавшийся вопросами снабжения необходимым инвента-

рем квартир, и администрация завода «Баррикады» не предпринимали должных усилий по разрешению критической ситуации. Дом, построенный Баррикадстроем для иностранцев в октябре 1931 г., не был сдан из-за неработавших водопровода и канализации, но с начала ноября его стали заселять. Уже в феврале 1932 г. на «Баррикадах» насчитывалось 138 иностранных рабочих и служащих и 300 человек – членов их семей [8, л. 26].

Глубокое удивление иностранцев, членов их семей и возмущение представителей власти вызывали халатность и небрежное отношение к работе заводских сотрудников. Постоянные обращения иностранных граждан, например механика 4-го цеха завода «Баррикады» Гобнера к заведующему коммунальным отделом Линькову и его заместителю Потапенко с просьбой о подвозке ему дров и угля (8 раз (!) обращался), не выполнялись [11, л. 10], не обеспечивались топливом и другие жильцы дома для иностранцев. В заселенных квартирах иностранцев необходимая уборка производилась нерегулярно, комнаты холостяков не убирались уборщицами по два дня [11, л. 11].

Показательные в этом отношении выводы были сделаны представителями ВКП(б) и бригады Сталинградской городской рабоче-крестьянской инспекции. По результатам обследований условий труда и быта иностранных специалистов на промышленных предприятиях Сталинграда и конкретным внесенным предложениям решением президиума Сталинградской городской расценочно-конфликтной комиссии был снят с работы с привлечением к уголовной ответственности заведующий коммунальным отделом завода «Баррикады» Линьков, а его заместителю Потапенко объявлен выговор, объявлен выговор и уволена с работы комендант общежития Юркина. Особым решением предлагалось обратиться в прокуратуру и привлечь к уголовной ответственности заведующего водопроводным цехом «Баррикады» за недопустимую оттяжку пуска водопровода по неуважительным причинам и виновных по строительству канализации и ее неисправности [5, л. 1–2].

Не хватало жилья вновь прибывающим отечественным специалистам и рабочим. Одни расселялись в не приспособленные для

жилья помещения – сараи, подвалы, другие – строили без разрешения дома вдоль берега реки Волги. К пополнению городского сталинградского населения так называемыми принудчиками, необходимой отечественной рабочей силой на промышленных предприятиях, краевые и городские власти в полном объеме готовы не были. Неудовлетворительное выполнение программ по жилищному строительству для советских граждан, прибывавших на Сталинградский тракторный завод, отмечалось на закрытом заседании строительной комиссии в июне 1933 года. Из 16,5 млн руб., выделенных на жилищное строительство центром в 1933 г., за 1-е полугодие было освоено только 3 млн рублей. Ранее, в 1932 г., на строительство жилья было направлено 27,9 млн руб., и в этом же году началось строительство 14 домов для работников СТЗ и их семей, стали увеличиваться жилищные фонды других крупных предприятий Сталинграда.

В 1933 г. для выполнения намеченных планов по развитию СТЗ – крупнейшего промышленного проекта региона – предполагалось использовать незаселенные барачные постройки на других соседних стройках, приступить к строительству новых 20 домов и обсудить с краевым советом профсоюзов вопрос об удлинении рабочего дня до 10 (!) часов [13, л. 53]. Не только предложение об увеличении продолжительности рабочего дня (разрешение на работы в размере двух дополнительных часов в сутки было предоставлено) свидетельствовало об ухудшении условий труда работников Тракторостроя, но и состояние производственных помещений. Заводская электромастерская не отапливалась, отсутствовали стекла на окнах и столы для приема пищи (электрики обедали на полу и верстаках), не было горячей воды. Сталинградцы проявляли недовольство и настаивали на соблюдении требований по вопросам охраны труда [10], предоставления жилья. В начале 1930-х гг. необеспеченность рабочих жилплощадью отмечалась на всех предприятиях города. К концу 1939 г. в связи с значительным увеличением общего жилого фонда Сталинграда жилищные условия горожан улучшились.

Обратимся вновь к иностранным гражданам: к бытовой неустроенности добавлялось

их недовольство оплатой труда. Иностранцы специалисты, передавая свой производственный опыт и знания, стремились своевременно и качественно выполнить работу, но у них создавалось мнение, что их обманывают, «хотят изжить», например удерживали 76 руб. за перевозку семьи с холостяков. Или иностранный специалист 6-го разряда выполнял работу по 7-му разряду, а ему дополнительные выплаты не осуществляли. На сдельных работах в инструментальном цеху «Баррикад» при выполнении одних и тех же норм и заданий (обработки деталей) русский рабочий (по 8-му разряду) получал 47 руб., иностранный – 31 руб. 92 коп. (по 7-му разряду) и 22 руб. 80 коп. (по 6-му разряду). Несмотря на разные способы обработки деталей, квалификацию советских и иностранных рабочих, у последних такая оплата труда вызывала «неудовлетворительную реакцию». Иностранцы полагали, что такое отношение означает «протекцию русским» и требовали направления этого дела в прокуратуру [8, л. 27]. В то же время члены комиссии, проводившие обследование условий труда и быта рабочих на «Красном Октябре», утверждали, что иностранцы получают на 100 рублей больше, чем отечественные специалисты той же квалификации. Сталинградцы «частично, скрыто от иностранцев, проявляли обиду на неадекватную оплату», доказывая, что некоторые советские работники более опытные, чем западные инженеры [1, л. 46].

Снижение реальных заработков иностранных специалистов стало наблюдаться с 1 апреля 1932 г., когда им прекратили оплачивать 25-процентную надбавку к окладу за отсутствие знаний по русскому языку. Проверяющими комиссиями отмечались случаи неоплаты сверхурочных иностранным специалистам, недостаточное внимание к их многочисленным рационализаторским предложениям, направленным на стимулирование советского производства. Из 48 рационализаторских предложений на заводе «Красный Октябрь», поступивших от иностранцев (38 немцев, чехов и словаков трудилось на указанном заводе в январе 1932 г.), только половина – 24 – были реализованы, и экономия составила 182 тыс. рублей. Остальные предложения рассмотрены не были [8, л. 28].

С огромным энтузиазмом иностранные специалисты принимали участие не только в рационализации производства, но и в общественной жизни. 22 иностранца (по нашим подсчетам), работавшие на заводе «Баррикады» в начале 1932 г., были избраны: в Сталинградский городской совет – 1 чел., районный совет – 1 чел., заводской комитет – 1 чел., заводское бюро инженерно-технической службы – 1 чел., бюро рабочего изобретательства – 1 чел. и т. д. [8, л. 28].

Работая, участвуя в общественной жизни трудового коллектива, сталинградских органов власти, иностранцы знакомились с иными представлениями о трудовой этике, производственной культуре, непривычной общественной жизни, открывали новый мир для себя. Западным рабочим с левыми взглядами рассказывали о Конституции СССР, предлагали вступать и принимали в ряды коммунистической партии. Несмотря на социально-бытовые трудности, способствовавшие отъезду иностранцев на родину, часть пополняла городское население и оставалась в СССР, Сталинграде. Среди них – те, кто подвергался ограничениям и ущемлениям на Западе, хотел получить в Советском Союзе образование, недоступное в родной стране [15, с. 135]. Они изучали русский язык, передавали свои знания и опыт на производстве, ближе знакомились с горожанами, получали советское гражданство.

На отдельных предприятиях, например на заводе «Сельмаш» (Саратов), где предоставлялись комфортные условия быта и труда иностранным специалистам, прибывшим по приглашению, и не тратилось много времени на обустройство, перенятие их производственного опыта и знаний советскими коллегами происходило значительно быстрее. Все специалисты (86 чел.) «Сельмаша» были обеспечены жильем в новом доме – доме иностранцев с 87 комнатами со всеми необходимыми инвентарем и коммунальными услугами [2, л. 40]. Иностранцам предоставлялась бесплатная медицинская помощь, было организовано снабжение продуктами и товарами из центрального магазина Саратова по нормам Народного комиссариата снабжения. На заводе работали столовая и буфет. На другом саратовском заводе имени Шеболдаева ино-

странные специалисты оказались в сложных условиях, похожих на условия в Сталинграде [3, л. 42].

Несмотря на трудности, с которыми столкнулись иностранцы в России, современный исследователь О.О. Резаненко отмечает их привилегированное положение в социально-бытовых вопросах, оплате труда по отношению к советским работникам [15, с. 109], что создавало нездоровую обстановку в трудовых коллективах. На заводе «Баррикады» отмечались случаи недружелюбного, грубого и «несерьезного» отношения советских работников расчетного отдела, бухгалтерии, административно-технического персонала механического и инструментального цехов к иностранным специалистам [14, л. 6]. Это приводило к невыполнению производственных заданий, планов, в целом – к сложным взаимоотношениям между иностранцами и сталинградцами.

Принципы западной производственной культуры, которые пытались внедрять иностранные специалисты на промышленных предприятиях Сталинграда, не соблюдались в должной мере административно-техническим персоналом заводов. На «Баррикадах», где без спецодежды работать было невозможно, как иностранным специалистам, так и сталинградским рабочим она выдавалась несвоевременно и некачественной (детских размеров, из очень грубого материала). Не всех работников обеспечивали необходимой питьевой водой со льдом, а там, где она предоставлялась, отсутствовали кружки, крышки для баков; санитарное состояние цехов проверяющими Сталинградского губернского отдела труда было признано «безобразным» [12]. Многочисленные комиссии, работавшие на предприятиях Сталинграда, требовали немедленного устранения недостатков, выполнения обоснованных претензий иностранных специалистов и производственных планов, улучшения условий труда работников.

Крупное промышленное строительство и реконструкция с участием иностранных трудовых ресурсов, постоянный контроль и координация деятельности местных органов власти способствовали превращению Сталинграда в один из мощных индустриальных районов страны с увеличивающимся городским населением. В 1931 г. число жителей Сталин-

града составляло около 300 000 человек. В 1939 г., по данным Всесоюзной переписи, в городе проживало 445 500 человек. Численность горожан за десятилетие увеличилась почти в 1,5 раза. В 1939 г. более 60 % жилой площади для сталинградцев составляли каменные многоэтажные дома с коммунальными и бытовыми удобствами. Продолжалось строительство новых зданий. Успешно, начиная с 1933 г. была решена проблема развития рабочих поселков СТЗ, «Баррикад», «Красного Октября». Созидательную работу сталинградцев, их жизнь в начале 1940-х гг. нарушила Великая Отечественная война.

Результаты. Иностранным специалистам, прибывавшим в Сталинград для строительства и реконструкции промышленных предприятий, предоставлялось жилье в специально выстроенных для них домах, создавались определенные жилищно-бытовые условия в квартирах (тепло, электрическое освещение, необходимая мебель, уборка квартир и др.). Однако на тех предприятиях, например на заводе «Баррикады», где не предоставлялись жизненно важные условия для иностранцев, наблюдались их обоснованные претензии и недовольства. Бытовая неустроенность иностранных специалистов влияла на их производственную деятельность, отношения. Иностранцы жаловались на недостаточные оплаты труда и внимание к их рационализаторским предложениям, несоблюдение производственной культуры, грубое отношение управленческого и технического персонала. Несмотря на бытовые и производственные трудности, иностранные специалисты, открывая новый мир для себя, передавали свой опыт и знания, активно участвовали в практике рационализации, общественной жизни предприятий, города, превращении Сталинграда в крупный индустриальный центр.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-340003 р_а «Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project №19-49-340003 p_a “Stalingraders at the turning point of the era (mid-1920s - end of the 1930s): socio-economic situation and cultural life”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт от 3 мая 1931 г. по заводу «Красный Октябрь» // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 3. – 3 л.
2. Выводы обследования о состоянии условий труда иностранных специалистов и рабочих на заводе Комбайнов // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 10. – 2 л.
3. Выводы по обследованию иностранных рабочих при заводе имени Шеболдаева // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 10. – 2 л.
4. Гордин, А. А. Формирование представлений советских рабочих 30-х годов о общественно-политической жизни в странах Запада (на материалах Горьковского автомобильного завода) : автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02) / Гордин Алексей Александрович. – Н. Новгород, 2004. – 27 с.
5. Доклад представителя ВКП (б) и бригады Сталинградской городской рабоче-крестьянской инспекции по итогам обследования использования иностранных специалистов по Сталинградской группе заводов // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 10. – 3 л.
6. Луночкин, А. В. Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство / А. В. Луночкин, Е. Л. Фурман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1>
7. Насонова, Н. А. Иностранные специалисты на предприятиях Сталинграда в 1930-е годы / Н. А. Насонова // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 206–211.
8. Письмо в спецуправление НКТ СССР и РСФСР от Нижне-Волжского крайтруда от 28.01.1932 г. // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 10. – 4 л.
9. Письмо заведующего окружным отделом труда в окружной комитет ВКП(б) от 29.01.1929 г. // ГАВО. – Ф. Р-315. – Оп. 2. – Д. 10. – 1 л.
10. Письмо начальника окружного отдела ОГПУ в окружной отдел труда от 18.01.1929 г. // ГАВО. – Ф. Р-315. – Оп. 2. – Д. 10. – 1 л.
11. Проект постановления выездного объединенного заседания президиума городской контрольной комиссии и коллегии городской рабоче-

крестьянской инспекции // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 10. – 2 л.

12. Проект резолюции «О состоянии охраны труда и техники безопасности на заводе «Баррикады» // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 15. – 1 л.

13. Протокол № 4а закрытого заседания строительной комиссии при президиуме Нижне-Волжского крайисполкома от 21.06.1933 г. // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 14. – 2 л.

14. Протокол заседания комиссии по обследованию условий труда иностранных рабочих на заводе «Баррикады», произведенным с 13 по 15 февраля 1932 г. // ГАВО. – Ф. Р-509. – Оп. 1. – Д. 13. – 2 л.

15. Резаненко, О. О. Иностранные специалисты на промышленных предприятиях Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук (07.00.02) / Резаненко Ольга Олеговна. – Волгоград, 2018. – 215 с.

REFERENCES

1. Akt ot 3 maia 1931 g. po zavodu «Krasnyi Oktiabr» [Act of May 3, 1931 on the Krasny Oktyabr Plant]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region (GAVO)], f. R-509, op. 1, d. 3. 3 l.
2. Vyvody obsledovaniia o sostoianii uslovii truda inostrannykh spetsialistov i rabochikh na zavode Kombainov [Inspection Conclusion of Working Conditions of Foreign Specialists and Workers at the Combine Factory]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 10. 2 l.
3. Vyvody po obsledovaniiu inostrannykh rabochikh pri zavode imeni Sheboldaeva [Inspection Conclusion of Foreign Workers at the Sheboldaev's Plant]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 10. 2 l.
4. Gordin A.A. *Formirovanie predstavlenii sovetskikh rabochikh 30-kh godov o obshchestvenno-politicheskoi zhizni v stranakh Zapada (na materialakh Gorkovskogo avtomobilnogo zavoda): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (07.00.02)* [The Formation of Soviet Workers' Perceptions of Social and Political Life in the West in the 30s (On the Materials of the Gorkovsky Avtomobilny Zavod). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Nizhnii Novgorod, 2004. 27 p.
5. Doklad predstavitelia VKP(b) i brigady Stalingradskoi gorodskoi raboche-krestianskoi inspektsii po itogam obsledovaniia ispolzovaniia inostrannykh spetsialistov po Stalingradskoi gruppe zavodov [Report of the Representative of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Stalingrad Workers' and Peasants' Inspectorate on the Results of the Survey of the Employment of Foreign Specialists in the Stalingrad Plant Group]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 10. 3 l.

6. Lunochkin A.V., Furman E.L. Stalingrad nakanune industrializatsii: sotsial'no-kul'turnoe razvitie i blagoustroystvo [Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1>.

7. Nasonova N.A. Inostrannye spetsialisty na predpriatiiakh Stalingrada v 1930-e gody [Foreign Specialists at Stalingrad Enterprises in the 1930s]. *Modernizatsiia i traditsii – Nizhnee Povolzhe kak perekrestok kultur: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia akademika D.S. Likhacheva* [Modernization and Traditions – The Lower Volga Region as a Crossroads of Cultures: Materials of the International Scientific and Practice Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Academician D.S. Likhachev]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006, pp. 206-211.

8. Pismo v spetsupravlenie NKT SSSR i RSFSR ot Nizhne-Volzhskogo kraitruda ot 28.01.1932 g. [A Letter to the NKT USSR and RSFSR Special Management from the Lower Volga Region Kraitrud of January 28, 1932]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 10. 41.

9. Pismo zaveduiushchego okruzhnym otdelom truda v okruzhnoi komitet VKP(b) ot 29.01.1929 g. [A Letter from the District Labor Department Supervisor to the District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of January 29, 1929]. *GAVO*, f. R-315, op. 2, d. 10. 11.

10. Pismo nachalnika okruzhnogo otdela OGPU v okruzhnoi otdel truda ot 18.01.1929 g. [A Letter from the

OGPU District Department Head to the District Labor Department of January 18, 1929]. *GAVO*, f. R-315, op. 2, d. 10. 11.

11. Proekt postanovleniia vyezdnogo obiedinennogo zasedaniia prezidiuma gorodskoi kontrolnoi komissii i kollegii gorodskoi rabochekrestianskoi inspektsii [Draft Resolution of the Field Joint Meeting of the City Control Commission Presidium and the Board of the City Workers' and Peasants' Inspectorate]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 10. 21.

12. Proekt rezoliutsii «O sostoianii okhrany truda i tekhniki bezopasnosti na zavode «Barrikady» [Draft Resolution “On Protection of Labour Conditions at the Barrikady Plant”]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 15. 11.

13. Protokol № 4a zakrytogo zasedaniia stroitelnoi komissii pri prezidume Nizhne-Volzhskogo kraispolkoma ot 21.06.1933 g. [Report No. 4a of the Closed Meeting of the Construction Committee at the Presidium of the Nizhne-Volzhsky Kraispolkom of June 21, 1933]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 14. 21.

14. Protokol zasedaniia komissii po obsledovaniiu uslovii truda inostrannykh rabochikh na zavode «Barrikady», proizvedennym s 13 po 15 fevralia 1932 g. [Report of the Committee Meeting for Inspecting the Working Conditions of Foreign Workers at the Barrikady Plant During February 13–15, 1932]. *GAVO*, f. R-509, op. 1, d. 13. 21.

15. Rezanenko O.O. *Inostrannye spetsialisty na promyshlennykh predpriatiiakh Stalingrada v kontse 1920-kh – 1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign Specialists at Manufacturing Corporations in the Late 1920s – 1930s. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2018. 215 p.

Information About the Author

Taisiya V. Yudina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, taisia.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

Информация об авторе

Тайсия Васильевна Юдина, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, taisia.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.11>

UDC 94(47+57)“1941”:355.422
LBC 63.3(2)622-9

Submitted: 01.02.2021
Accepted: 19.02.2021

**DESERT ZONE:
HISTORY OF WARFARE AND CRIMES COMMITTED
BY THE NAZIS IN 1941
ON THE TERRITORY OF THE PRESENT-DAY LIPETSK OBLAST**

Nina E. Vashkau

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Andrei A. Lakiziuk

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This research focuses on the previously unexplored Nazi crimes on the territory of the modern Lipetsk Oblast in the fall and winter of 1941. It is conducted as part of the nationwide project “Bez sroka давности” (No statute of limitation). Newly declassified information from the archives as well as historical evidence from both sides of the conflict allowed us to present a detailed description of those events. *Methods and Materials.* We used the principles of historicism and objectivity in order to explain the concept of Hitler’s Blitzkrieg against the USSR. We also employed the quantitative method to analyze the structure and equipment of German troops, their readiness for the upcoming battle. *Analysis.* The leadership of Nazi Germany initially considered the territory of the Soviet Union as their future possessions. Based on this, a policy of treatment of the local population and state property was built, which fits the definition of genocide. The Plans and legal basis for future crimes were developed prior to the outbreak of hostilities. Army corps 45, 134, 95, 262 and 293 Wehrmacht Infantry Divisions, which fought against the 34th and 35th army corps (Red Army), committed various atrocities against the civilian population, as evidenced in detail by archival materials and interrogations of German prisoners of war. *Results.* The system of the occupation regime was planned in such a way that it was possible to squeeze the maximum out of the occupied lands in favor of Nazi Germany. The behavior of the Wehrmacht soldiers in the occupied territory was destructive in relation to the Soviet population, cultural values and the economy. Technically and morally, the German troops were unable to recover from the defeat received in November-December 1941, while the Red Army was building up its forces and gaining the necessary experience in the fight against the enemy.

Key words: Great Patriotic War, “Bez sroka давности”, Wehrmacht, occupation, Lipetsk oblast.

Citation. Vashkau N.E., Lakiziuk A.A. Desert Zone: History of Warfare and Crimes Committed by the Nazis in 1941 on the Territory of the Present-Day Lipetsk Oblast. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 125-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.11>

**«ЗОНА ПУСТЫНИ»: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПЕХОТНЫХ ДИВИЗИЙ ВЕРМАХТА
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 ГОДУ**

Нина Эмильевна Вашкау

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Российская Федерация

Андрей Александрович Лакизюк

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Работа посвящена неисследованным аспектам военных преступлений солдат вермахта на оккупированной территории современной Липецкой области осенью – зимой 1941 г. в русле общероссийского проекта «Без срока давности». Новые материалы из архивов, воспоминания, привлеченные с двух сторон, позволяют осветить эту проблему на локальном уровне. *Методы и материалы.* Принципы историзма и объективности позволили выявить развитие концепции молниеносной войны против СССР. Количественные методы, примененные к характеристике частей вермахта, их качественному и количественному составу, позволили сделать выводы о готовности войск к реалиям военных действий. *Результат.* Поведение солдат вермахта на оккупированной территории имело разрушительный характер по отношению к советскому населению, культурным ценностям и экономике. Технически и морально вермахт был неспособен оправиться после поражения, полученного в ноябре – декабре 1941 года. В то время как советские войска наращивали силы и приобретали необходимый опыт в борьбе с противником. *Вклад авторов:* А.А. Лакизюк рассмотрел операции и путь дивизий вермахта, их дислокацию, биографии командующих немецкими частями и соединениями и дал оценку состоянию материального снабжения. Н.Э. Вашкау проанализировала акты ущерба имуществу населения, доказала прямое участие немецких войск в грабежах и расстрелах мирных жителей оккупированных районов, что опровергает легенду о «чистом» вермахте, бытовавшую в послевоенной зарубежной историографии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «без срока давности», вермахт, оккупация, Липецкая область.

Цитирование. Вашкау Н. Э., Лакизюк А. А. «Зона пустыни»: боевые действия и преступления пехотных дивизий вермахта на территории современной Липецкой области в 1941 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 125–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.11>

Введение. Российское историческое общество в 2020 г. инициировало проект «Без срока давности», посвященный теме военных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории СССР. Боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны разворачивались в западных и центральных регионах Советского Союза, в том числе и на территории нынешней Липецкой области. Сюда захватчики вступали дважды: в ходе осенне-зимних боев за Москву в 1941 г. и летом 1942 г. во время проведения операции «Влау». Окончательное освобождение частями Красной ар-

мии наступило в конце января 1943 г., после завершения Воронежско-Касторненской наступательной операции.

Среди публикаций по истории Великой Отечественной войны, освещавших события на правом фланге Юго-Западного фронта в ноябре – декабре 1941 г. в рамках сражения за Москву, выделим «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» 1964 г. [17]. В книге «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии» [6] описаны действия армии на территории нашей области. Непосредственно битве под Москвой посвящена книга Клауса Рейнгардта [18].

Цель статьи – охарактеризовать сведения о действиях пехотных частей вермахта, которые участвовали в боях ноября – декабря 1941 г. на территории области, проследить судьбу подразделений и командиров, установить причастность руководимых ими частей и соединений к военным преступлениям, совершенным в нашем регионе.

Методы и материалы. В послевоенные годы был издан ряд сборников документов, в которых наглядно демонстрировались преступные замыслы нацистского руководства в отношении СССР [20]. Документы третьего тома «Истории Германии» дополняют информацию о преступных замыслах нацистских руководителей. Сборник «Сожженные деревни России, 1941–1944» содержит протоколы допросов, в том числе и бывших военнослужащих 95-й и 45-й пехотных дивизий (далее – пд) вермахта. Именно этим дивизиям противостояли советские войска в 1941–1942 гг. на рассматриваемом направлении.

С ростом внимания к проблеме человека на войне, к повседневной стороне жизни неослабевающий интерес вызывают мемуары советских и немецких генералов и офицеров. Маршал И.Х. Баграмян написал воспоминания о событиях тех лет, основываясь на личном опыте командования частями РККА [4]. Большой интерес вызвала публикация в 1951 г. книги бывшего генерала пехоты вермахта Курта фон Типпельскирха [22]. Ее дополняют воспоминания командующего 2-й танковой армией Гейнца Гудериана [8] и командиров отдельных немецких частей – Г. Хейнрици [10].

В настоящее время материалы следственных дел Чрезвычайной государственной комиссии СССР из центральных и региональных архивов активно вводятся в научный оборот и раскрывают страшную «повседневность» войны.

Анализ. Нацистскими лидерами территория СССР рассматривалась как источник ресурсов, необходимых для полноценной жизнедеятельности Германии. Придя к власти, нацисты взялись за возрождение вооруженных сил страны. В 1935 г. был сформирован вермахт и восстановлена всеобщая воинская повинность. Гитлер заявил, что правительством будут предприняты меры, позволяющие отсе-

ять из числа военнообязанных лиц тех, кто придерживается марксистского, большевистского или пацифистского воззрений, а также бороться с таковыми, если они будут проникать в войска [13, с. 370–371].

Основной концепцией ведения боевых действий на Востоке стало использование стратегии «молниеносного удара», с целью быстрого сокрушения сил противника в короткие сроки, чтобы не допустить ситуации втягивания Германии в войну на два фронта [20, с. 128–130]. Окончательный план был готов 21 декабря 1940 г. и получил название «Барбаросса». Однако в оценке потенциала соперника аналитические службы вермахта допустили ряд серьезных небрежностей. Такой самокритичный вывод был сделан генералом К. Типпельскирхом после войны.

20 июня 1941 г. А. Розенберг выступил с заявлением, в котором говорилось, что Советский Союз с этого момента рассматривается нацистским руководством как один из объектов немецкой политики, а не как субъект международных отношений. 17 июля 1941 г. было создано так называемое «восточное министерство», которое должно было осуществлять управление оккупированными землями. Практически в каждом населенном пункте, после его захвата, немцы создавали местные органы власти, которые формировались из оккупационных сил и представителей местного населения. Одновременно происходила оценка экономического и людского потенциала занимаемой местности, какие потребности немецкой армии и тыла она могла удовлетворить [20, с. 99].

Деятельность по организации режима курировалась также главным управлением имперской безопасности и верховным командованием вермахта. В документах подведомственного Г. Герингу учреждения «Экономический штаб Ост» подчеркивалось, что главной задачей оккупационной политики является изъятие всех продовольственных ресурсов с целью обеспечения достойного уровня жизни немцев и представителей европейских государств, поддерживающих политику Гитлера [20, с. 100]. Штаб разработал план, известный как «Зеленая папка», который предусматривал организованный грабеж захваченных территорий [15, с. 250–253]. Об этом на Нюр-

нбергском процессе заявил помощник Главного обвинителя от СССР Л.Р. Шейнин 20 февраля 1946 года.

Отметим также акты, которые регулировали обращение с местным населением и военнопленными. Ряд тезисов к Директиве № 21 от 19 мая 1941 г. разъяснял характер ведения войны для немецкого народа как борьбу с большевистской угрозой. Требовалось жестокое подавление любых форм сопротивления, бдительность в отношении военнослужащих РККА, захваченных в плен, выявление командиров, комиссаров и евреев, учет настроений местного населения в отношении немецкой администрации. Рекомендовалось следить и отмечать любые антисоветские настроения [13, с. 405].

Таким образом, можно утверждать, что политика нацистского руководства в отношении захваченных территорий и проживающего на ней населения была последовательно организована и структурирована, планы по ее реализации появились еще до начала боевых действий и корректировались по ходу военной кампании на Востоке.

Бои на территории современной Липецкой области начались с оккупации 23 ноября 1941 г. Становлянского района. Частям вермахта была поставлена задача прикрывать правый фланг и тыл 2-й танковой армии Гудериана, которая должна была овладеть г. Тула [8, с. 280–289]. Состав этих подразделений постоянно менялся, корпуса и дивизии переподчинялись крупным формированиям в зависимости от обстановки. 2-я полевая армия Вейхса должна была взять под контроль железнодорожный узел г. Елец, сеть шоссежных дорог и переправы через р. Дон.

Немецким войскам противостояла 13-я армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора А.М. Городнянского, которая сумела выйти из окружения под городом Брянском. В задачу армии входило оборонять Елецко-Ливенское направление [6, с. 42–45].

В журналах боевых действий войск Юго-Западного фронта и 13-й армии отмечалось, что наступлению на данном участке противник придавал большое значение и сосредоточил два армейских корпуса, в составе которых насчитывалось до 6 пд – 45, 95, 134, 262, 293 и 54. О том, что в районе Ельца

противник развернул такое количество войск, советскому командованию стало известно 7 декабря 1941 г. [9, л. 17]. До этого момента номера некоторых частей противника были известны руководству 13-й армии, однако точное количество войск на передовой определялось примерно – до батальона или полка.

Кратко охарактеризуем каждое из подразделений, противостоявших советским войскам в боях на липецкой земле.

XXXV армейским корпусом (далее – АК) командовал генерал артиллерии Рудольф Кемпфе, участник Первой мировой войны, Польской и Французской кампаний. Имел правительственные награды. До 1942 г. оставался в должности командира корпуса, но осенью того же года был отправлен в резерв. Подозревался в организации покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г., был арестован гестапо, где содержался до капитуляции Германии. После войны находился в плену в СССР. Освобожден в 1949 г. [25].

XXXIV АК командовал генерал пехоты Герман Мец. Участник Первой мировой войны, преподавал военную историю в военной академии в Берлине. Вместе со своим корпусом попал в окружение в декабре 1941 года. Оставил войска и улетел из «кольца» на присланном за ним самолете. Этот факт был зафиксирован штабом группы генерала К.С. Москаленко, которая преследовала отступающего к г. Ливны противника [7, л. 116]. После поражения корпус генерала Меца был расформирован, а сам командующий пробыл в вермахте до начала 1943 г. [27].

45 пд вермахта участвовала в овладении Брестской крепостью, прошла в направлении Барановичи – Пинск – Гомель [5, с. 42]. Дивизия имела колоссальный опыт ведения боевых действий. После боев за г. Елец она попала в окружение и была практически полностью уничтожена. После декабрьских боев на липецкой земле в составе 45 пд осталось всего 800 человек. Начальник Генерального штаба Ф. Гальдер признал соединение небоеспособным и снял с фронта, однако дивизия была доукомплектована и возвращена в строй [26, р. 83]. Командовал дивизией в этот период генерал-лейтенант Фриц Шлипер. После боевых действий и окружения, в феврале 1942 г. оставил командование и был откоман-

дирован в Словакию. В мае 1945 г. был взят в плен союзниками и освобожден в 1947 году. Умер в 1977 г. [28].

134 пд вермахта была сформирована осенью 1940 года. В боевых действиях на Восточном фронте участвовала в составе группы армии «Центр» на направлении Белосток – Бобруйск. Затем сражалась под Киевом и Брянском. Подразделением с мая 1940 г. командовал генерал-лейтенант Конрад фон Кохенгаузен [26, р. 155–157]. 13 декабря 1941 г., отказавшись покинуть войска на присланном за ним самолете, командующий дивизией погиб при невыясненных обстоятельствах [4, с. 282]. Дивизия находилась на Орловском направлении до 1943 года.

95 пд вермахта участвовала во Французской кампании лета 1940 года. На Восточном фронте действовала в составе группы армий «Юг». Во время ноябрьского наступления должна была наносить удар по станции Касторное, а затем обеспечить прорыв войск 45 и 134 пд из окружения, но ввиду плохо организованной разведки вышла под наступающие части группы генерала Ф.Я. Костенко и была практически полностью уничтожена. В окружение не попала благодаря изменению направления удара оперативной группы генерала Костенко [9, л. 21, 23]. В дальнейшем дивизия воевала на Волге и под Ржевом. Окончательно разгромлена под Кёнигсбергом [26, р. 133]. Командовал подразделением Ганс-Генрих Зикт фон Арним. Попал в плен в ходе Сталинградской битвы.

262 пд вермахта была сформирована в 1939 г. в Австрии. Начала путь на Саарском фронте. На Восточном фронте участвовала в боях под Бродами, Житомиром, Киевом и Брянском [26, р. 246–247]. В рассматриваемый период располагалась на северном участке, на стыке 13-й и 3-й армий. Во время отступления сумела избежать окружения [5, с. 43]. Оставалась на Орловском направлении, участвовала в сражении на Курской дуге. Командовал соединением генерал-лейтенант Эдгар Тайсен. Пленен американскими союзниками, в 1947 г. освобожден. После убийства его семьей бывшими русскими оstarбайтерами стал пастером католической церкви. Умер в 1968 г. [29].

293 пд вермахта была сформирована весной 1940 г. и участвовала в боях во Фран-

ции. Летом 1941 г. в составе группы армий «Центр» подразделение прошло на направлении Гомель – Чернигов – Киев – Орел. Находилась на стыке советских 3-й и 13-й армий. Основной задачей подразделения было захватить и удерживать железнодорожный узел в г. Ефремов Тульской области. После начала контрнаступления советских войск дивизия с большими потерями покинула занимаемые рубежи [5, с. 43–44]. Командующий – генерал-лейтенант Юстин фон Оберниц после поражения под Москвой и по состоянию здоровья оставил пост. Уволен в запас в 1943 году. Умер в 1955 г. [30].

О действиях 54 пд в нашем регионе информации найти не удалось.

Наступательные темпы немецкой армии были уже несопоставимы с летом 1941 года. За две недели, начиная с 20 ноября (захват г. Ливны) по 6 декабря (позиции под г. Елец), гитлеровцы вклинились на 70 км вглубь советских позиций и растянулись по фронту на 130 км. Для удержания фронта было необходимо своевременно подтягивать резервы, обеспечивать бесперебойную работу тыловых служб, а с этим вермахт испытывал серьезные трудности.

Рассмотрим, в каком положении оказались солдаты вермахта, сражавшиеся на территории рассматриваемых районов. В начале наступления войск на Москву обнаружилась проблема обеспечения горюче-смазочными материалами танковых частей. Гудериан, наступавший в начале октября на Орловском направлении, писал позднее, что поставку горючего в войска осуществляли, порой, при помощи авиации. Часто колонны бензовозов штурмовала советская авиация [8, с. 268]. Раскисшие грунтовые дороги стали непроходимыми не только для автомашин, но и для танков. Моторесурс двигателей быстро изнашивался, тягачам и вездеходам приходилось тянуть грузы сверх положенного объема. Поломка и отказ транспортных средств серьезным образом сказывались на доставке в войска самого необходимого – боеприпасов, вооружения, обмундирования, пищи и писем из дома. Особенно страдали солдаты вермахта от нехватки зимней одежды и плохого питания. Командующий XXXXIII АК Г. Хейнрици отмечал, что из-за отсутствия зимнего обмун-

дирования его подчиненные чаще выбывают с передовой по причине обморожений и сопутствующих болезней, чем от результатов боевых действий [10, с. 22, 150]. Части 293 пд потеряли до 30 % личного состава таким образом [24].

Возникли перебои с поставками продовольствия. Часто бойцы вермахта не имели возможности приготовить горячую пищу. Когда позволяли условия, в частях организовывали самостоятельные производства – пекли хлеб, доили коров и т. д. С самолетов периодически сбрасывали продукты, но они могли оказаться совсем не теми, на которые рассчитывали. Так, генерал Хейнрици упоминает об эпизоде, когда в контейнерах доставили мармелад вместо тушенки и жира [10, с. 127, 135].

Руководство полагало, что части, воюющие на Восточном фронте, будут самостоятельно решать задачи по обеспечению себя продовольствием. Сельское хозяйство Германии было не способно на постоянной основе кормить свою огромную армию, куда, к тому же, шел отток рабочих рук из деревень. Для решения проблемы предполагались изъятие продовольствия и ресурсов с оккупированных территорий и интенсивное использование труда военнопленных. Однако расчеты немецкого руководства провалились. Летний урожай, который оккупанты планировали собрать, достался далеко не в полном объеме. Во многом это был результат работы местных жителей и партизанских соединений. Иногда и сами грабители вынуждены были уничтожить часть захваченной продукции, поскольку были не в состоянии воспользоваться ею или переправить в тыл. При этом командование вермахта не считалось с интересами местного населения [18, с. 190–193].

Вторая проблема – это психологическое состояние войск. Кратко характеризуя части, воевавшие на липецкой земле, мы видим, что подразделения победным маршем проходили через Беларусь и Украину, окружали советские части под Киевом и Брянском в страшных «котлах». Воодушевление от стремительных побед, уверенность в скором завершении операции демонстрируют письма и фотографии солдат и офицеров с фронта домой [23, с. 80]. Однако с наступлением серьезных трудностей в войсках вермахта происходят

резкие психологические изменения. В мемуарах отмечается падение боевого духа, потеря смысла этой войны многими бойцами. От развала подразделения сдерживали только ветераны, закаленные в боях, и общая дисциплинированность. Генерал Типпельскирх отмечал, что вермахт вообще был не готов ни материально, ни морально наступать зимой 1941 г. [22, с. 354–356]. И.Х. Баграмян, служивший зимой 1941 г. в штабе Юго-Западного фронта, вспоминал, в каком виде он застал пленных немецких солдат, захваченных в ходе Елецко-Ливенской операции: «Первым был капитан – квартирьер 95 пд, закутанный в пуховый платок с чехлами из овчины на сапогах. А солдаты были испуганными, уставшими, с большим количеством вшей. У одного из них из-под каски в качестве подшлемника видны были женские рейтузы» [4, с. 271, 278].

Непогода, плохое снабжение, тяжелые фронтовые будни, безусловно, сказывались на настроении немцев. Война изначально начала складываться не так успешно, как планировалось, и причиной тому было отчаянное сопротивление советских солдат, даже в условиях окружения. К. Типпельскирх отмечал, что русские, нанося удары на, казалось бы, безнадежных с военной точки зрения участках фронта, медленно, но верно сдерживали наступательные порывы вермахта. Генерал Г. Хейнрици поражался тому, с каким упорством русские части бьются в окружении. Еще больше его впечатлили партизаны, особенно подростки, которые без страха сражались с врагом и были готовы отдать свои жизни ради защиты Родины [10, с. 117–121]. Сказывалось и возросшее умение советских солдат сражаться со слаженной немецкой армией. Командиры научились гасить высокий темп наступления противника за счет создания глубокоэшелонированных линий обороны, эффективной и продуманной системы противотанковой и противовоздушной защиты, а также применения тактики постоянных контрударов и контратак. Все это не позволяло противнику поддерживать прежние темпы наступления и закрепляться на занятых позициях [17, с. 148–150].

Бойцы РККА сражались в равных условиях с солдатами вермахта. Точно также испытывали и голод, и нужду. Все те же проблемы по части снабжения. К тому же, они в

основном отступали весь 1941 г. с большими потерями. Отмечался недостаток боеприпасов и тяжелого вооружения, нехватка транспортных средств. Успех зимнего контрнаступления советских войск под Москвой кроется в грамотной оценке оперативной обстановки, сложившейся на фронте, а также в высокой моральной устойчивости наших бойцов, которые сражались за свою землю, против иноземного захватчика [17, с. 150–154].

В местах постоя гитлеровцы постоянно оставляли следы своих преступлений. В разгар войны 2 ноября 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. До учреждения данного органа сбором информации занимались представители местной власти.

Архивные документы областей и республик СССР, находившихся под оккупацией, сохранили доказательства грабительской политики вермахта. Они полностью опровергают оценки его как «чистого» вермахта.

Так, Измалковскому району Липецкой области был нанесен ущерб на сумму 39 599 350 руб., Воловскому – на 594 млн руб., Долгоруковскому – 59 726 140 руб., г. Елец – 116 093 000 руб., Становлянскому – более 500 млн [11], Тербунскому – более 10 млн руб. [14, с. 109–116]. Сотни людей погибли во время боевых действий, от показательных казней мирных жителей. В ходе работы с актами установлено, что большинство карательных акций было направлено против мужского населения и военнопленных РККА, которых подозревали в участии в партизанском движении. Повсеместно были зарегистрированы факты уничтожения женщин, детей и стариков. За время оккупации в Измалковском районе было убито 43 человека (из них 2 ребенка и 3 женщины), в Елецком – 46 человек [16], в Становлянском – 68 человек (из них 5 детей) [12], в Долгоруковском – 70 человек [1].

Местное население и военнопленных угоняли на принудительные работы в Германию. Из Становлянского района было угнано 122 человека [11], еще около 500 (военноплен-

ных) удалось освободить наступающим частям Красной армии во время боев за село Россошное 11 декабря 1941 г. [9, л. 31], из Воловского и Елецкого районов было угнано свыше 600 человек [14, с. 106–107, 113–115]. Полной информацией по оставшимся районам мы на сегодняшний день не располагаем.

Грабеж населения происходил на протяжении всего времени нахождения в населенных пунктах войск вермахта. Солдаты забирали практически все вещи, которые могли найти. В качестве примера приведем перечень изъятого имущества у жителя с. Гермушино Измалковского района Шеховцова Пармена Артемовича: 4 пуда мяса, 3 пуда овса, 5 пудов гороха, 3 полотенца, 2 пары мужских тапок, 1 кальсоны, 2 курей, 3 женских рубахи, 42 кг хлеба, 3 копны сена и т. д. [2].

Эти деяния носили грабительский и разрушительный характер, в делах встречаются факты, указывающие на сознательную порчу имущества. При подсчете общих убытков, причиненных оккупантами Измалковскому району, только зерна было сожжено на сумму более 3,5 млн рублей [19]. Огромное количество разрушенного и сожженного имущества – домов, конюшен, складов и т. д. Часть имущества и припасов, которыми по какой-либо причине немецкие солдаты не смогли воспользоваться или вывезти, попросту уничтожалась на месте. Таким образом, местное население сознательно обрекалось на голод и лишалось крова в зимний период.

Германское командование не препятствовало стихийному грабежу, если это не ставило под угрозу военные задачи. Поощрение личной материальной заинтересованности в войне не раз становилось мотивом преступлений против мирного населения [15, с. 257].

Некоторые фронтовые генералы и офицеры вермахта понимали, что удержать захваченные позиции и наступать дальше не получится, войска выдохлись и нуждались в отдыхе и пополнении. На участке фронта 2-й полевой армии разрабатывался план организации оборонительного рубежа и отвода сил за него. Предполагалось отойти из района Ельца на запад примерно на 20 км и обустроить позиции. Отвод войск должен был сопровождаться созданием так называемой «зоны пустыни» – всю местность от г. Елец (его планиро-

валось полностью уничтожить) до укрепленного района необходимо было полностью выжечь [18, с. 213–214]. В Долгоруковском районе был сожжен и уничтожен 461 колхозный дом, в Становлянском – более 3 000 домов, в отдельных колхозах и деревнях более 90 % построек [14, с. 93–95], в Измалковском районе местные жители свидетельствовали о массовых поджогах населенных пунктов и гибели людей (был заживо сожжен в своем доме житель с. Круглое И.В. Золотов) [3].

Приказы по созданию такой зоны действительно были. Так, генерал Ганс Зикет фон Арним издавал распоряжения подобного рода, которые неукоснительно выполнялись. Командующий свою вину в преступлениях против мирных граждан в ходе допроса признавать отказался [21, с. 439–441].

Солдаты лично принимали участие в сожжении ряда деревень, изъятии имущества и депортации населения на работу в Германию. Из протокола допроса солдата Карла Рутцендорфера: «...Приказы о создании зоны пустыни на пути своего отступления всеми подразделениями нашей дивизии выполнялись безоговорочно. Так, по пути отступления из г. Елец по направлению Змиевки в декабре 1941 года я видел, как все населенные пункты на расстоянии 50–60 км горели...». В таком же ключе свидетельствовал о своих преступных деяниях бывший военнослужащий 95 пд Отто Освальд [21, с. 424–426, 438–439].

Планам удержания захваченных территорий не суждено было сбыться. Начавшееся наступление 13-й армии А.М. Городнянского и оперативной группы генерала Ф.Я. Костенко позволило практически полностью разгромить силы XXXIV и XXXV АК вермахта. В ходе Елецко-Ливенской наступательной операции противник лишился большого количества военного имущества, было уничтожено порядка 12 тыс. солдат и офицеров, 300 взято в плен [9, л. 34]. Это было самым крупным поражением вермахта с начала битвы за Москву. До этого момента немецкие части в основном сами организовывали и ликвидировали так называемые «котлы». Теперь деморализованный противник испытал все трудности окружения. В ходе освобождения населенных пунктов солдаты Красной армии становились первыми свидетелями преступлений, учинен-

ных оккупантами. В журнале боевых действий 13-й армии от 9 декабря содержится сообщение о том, что противник сжигает населенные пункты [7, л. 103].

Результаты. В процессе подготовки к ведению войны против СССР германское командование предусматривало жесткую структуру функционирования, обращения и распределения экономического потенциала противника. Система оккупационного режима была спланирована таким образом, чтобы можно было выжать максимум из захваченных земель в пользу нацистской Германии. Поведение солдат вермахта на оккупированной территории регламентировалось предвоенными инструкциями и имело разрушительный характер по отношению к советскому населению, культурным ценностям и экономике.

Территория области находилась в зоне активных боевых действий и оккупации порядка трех недель. Однако за это время противник причинил весьма ощутимый ущерб. Работы по его подсчету начались практически сразу после освобождения, неоднократно обновлялись и дополнялись. Несмотря на бытующее мнение о «чистом вермахте» десятилетия после войны в германском обществе, невозможно игнорировать факт участия в расправах солдат вермахта. Это сломанные жизни и судьбы не только погибших, но и их семей и родственников. Читая архивные документы, восстанавливая цепь событий, мы понимаем, какой порядок готовили будущие хозяева на советской земле и характер борьбы, которую вел советский народ в этой войне.

Подразделения вермахта, бывшие в ноябре – декабре 1941 г. в боях на липецкой земле, так и не смогли окончательно оправиться после поражения, полученного в ходе попытки организовать удар на Москву с Юго-Западного направления. До конца войны части 2-й полевой армии были либо расформированы, либо влились в состав других соединений. Германские солдаты и офицеры, которые продолжали вести эту войну, все больше в ней разочаровывались.

Ни один из генералов вермахта, воевавших на липецкой земле в 1941 г., не сумел продвигаться по карьерной лестнице наверх. Поражение на данном участке фронта оказалось принять очень тяжело. Практически никто из

них не получил какого-либо серьезного наказания за свои преступления. Оказавшись в зоне оккупации союзников, они отбыли, по сути, формальные сроки тюремного заключения и смогли вернуться к обычной жизни. За убийство одного человека современное уголовное право предусматривает более суровое наказание, нежели то, которое понесли генералы и солдаты вермахта, виновные в сознательном геноциде народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт Долгоруковской районной комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими войсками в период оккупации района // Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 70.
2. Акт от 11 февраля 1942 г. об изъятии личного имущества у Шеховцова П.А. немецкими захватчиками // ГАЛО. – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 9.
3. Акт от 13 ноября 1944 г. о сожжении в собственном доме гражданина Золотова И. В. немецко-фашистскими войсками // ГАЛО. – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 65.
4. Баграмян, И. Х. Так шли мы к победе / И. Х. Баграмян. – М. : Воениздат, 1988. – 638 с.
5. Баранов, В. Дивизии вермахта на Восточном фронте. ГРУ Красной армии: гриф секретности снят / В. Баранов. – Екатеринбург : Издательские решения, 2017. – 66 с.
6. В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии / М. А. Козлов. – М. : Воениздат, 1973. – 344 с.
7. Выписка из журнала боевых действий штаба 13 А за период с 21.08.41 по 02.10.41 г. // Центральный архив министерства обороны (далее – ЦАМО). – Ф. 361. – Оп. 0006079. – Д. 0026. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451006664&backurl=division%5C13%20A::begin_date%5C30.10.1941::end_date%5C06.12.1941::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=30.10.1941&date_to=06.12.1941 (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.
8. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – М. : Вече, 2012. – 560 с.
9. Журнал боевых действий войск фронта за декабрь 1941 г. // ЦАМО. – Ф. 229. – Оп. 161. – Д. 179. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114814083&backurl=division%5C150%20D1%82%D0%B1%D1%80::begin_date%5C06.12.1941::end_date%5C06.12.1941::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C3&date_from=06.12.1941&date_to=06.12.1941&division=150%20D1%82%D0%B1%D1%80 (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.
10. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Й. Хюртера ; пер. с нем., предисл. к рус. изд. О. И. Бэйды, И. Р. Петрова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. – 328 с.
11. Из доклада секретаря Становлянского райкома ВКП(б) В. Андреева на районном собрании партийного советского и комсомольского актива Становлянского района Орловской области // Государственный архив новейшей истории Липецкой области. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 58–59.
12. Из докладной записки, составленной Становлянской районной комиссией, по ущербу от злодеяний немецко-фашистских войск в период оккупации района // ГАЛО. – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12.
13. История Германии. В 3 т. Т. 3. Документы и материалы : учеб. пособие / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М. : Изд-во КДУ, 2008. – 592 с.
14. Липецкий край в годы Великой Отечественной войны / под общ. ред. А. Т. Березнева. – Липецк : Ориус, 2005. – 403 с.
15. Нюрнбергский процесс : сб. материалов в 8 т. / отв. ред. А. Я. Сухарев. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 4. – 672 с.
16. Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-фашистскими оккупантами по Елецкому и Измалковскому районам Орловской области // ГАЛО. – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 3 ; Д. 24. – Л. 2–3.
17. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой / под ред. Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. – М. : Воениздат, 1964. – 444 с.
18. Рейнгардт, К. Поворот под Москвой / К. Рейнгардт ; пер. с нем. Г. М. Иваницкого. – М. : Вече, 2010. – 410 с.
19. Сведения об убытках, причиненных немецко-фашистскими захватчиками Измалковскому району в 1944 г. // ГАЛО. – Ф. Р-2491. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 4.
20. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / сост. В. И. Дашичев. – М. : Наука, 1967. – 742 с.
21. Сожженные деревни России, 1941–1944 : документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменова. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 607 с.
22. Фон Типпельскирх, К. История Второй мировой войны. Блицкриг / К. фон Типпельскирх. – М. : Вече, 2016. – 464 с.

23. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / сост. Н. Э. Вашкау. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. – 135 с.

24. 293 Infanterie-division. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Gliederungen/Infanteriedivisionen/293ID.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

25. Kaempfe, Rudolf. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/K/KaempfeRudolf.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

26. Mitcham, S. W. German order of battle / S. W. Mitcham. – Mechanicsburg : Stackpole Books, 2007. – 293 p. – (Stackpole military history series).

27. Metz, Hermann. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/M/MetzHermann.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

28. Schlieper, Fritz Albert Otto. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/S/SchlieperFritz.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

29. Theißen, Edgar. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/T/TheissenEdgar.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

30. Von Obernitz, Justin. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/O/ObernitzJustinv.htm> (date of access: 01.09.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Akt Dolgorukovskoy rayonnoy komissii o zlodeyaniyakh, sovershennykh nemetsko-fashistskimi voyskami v period okkupatsii rayona [The Act of the Dolgorukovsky District Commission on Atrocities Committed by the German Fascist Troops During the Occupation of the Area]. *Gosudarstvennyy arkhiv Lipetskoy oblasti (GALO)* [State Archive of the Lipetsk Region (GALO)], f. R-2491, op. 1, d. 17, l. 70.

2. Akt ot 11 fevralya 1942 g. ob izyatii lichnogo imushchestva u Shekhovtsova P.A. nemetskimi zakhvatchikami [Act of February 11, 1942 on the Withdrawal of Personal Property from Shekhovtsov P.I. by the German Invaders]. *GALO*, f. R-2491, op. 1, d. 11, l. 9.

3. Akt ot 13 noyabrya 1944 g. o sozhzhenii v sobstvennom dome grazhdanina Zolotova I.V. nemetsko-fashistskimi voyskami [The Act of November 13, 1944 on the Burning of the Citizen Zolotov I.V. in His Own House by the German Fascist Troops]. *GALO*, f. R-2491, op. 1, d. 24, l. 65.

4. Bagramyan I.Kh. *Tak shli my k pobede* [So We Went to Victory]. Moscow, Voenizdat Publ., 1988. 638 p.

5. Baranov V. *Divizii vermakhta na Vostochnom fronte. GRU Krasnoy armii: Grif sekretnosti snyat* [Wehrmacht Divisions on the Eastern Front. GRU of the Red Army: The Secrecy Label is Removed]. Ekaterinburg, Izdatelskiye resheniya Publ., 2017. 66 p.

6. *V plameni srazheniy. Boyevoy put 13-y armii* [In the Flames of Battle. The Combat Path of 13th Army]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 344 p.

7. Vypiska iz zhurnala boyevykh deystviy shtaba 13 A za period s 21.08.41 po 02.10.41 g. [Extract from the Journal of Combat Operations of Headquarters 13 A for the Period from 21.08.41 to 02.10.41]. *Tsentrallyy arkhiv ministerstva oborony (TsAMO)* [Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO)], f. 361, op. 0006079, d. 0026, l. 146. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451006664&backurl=division%5C13%20A::begin_date%5C30.10.1941::end_date%5C06.12.1941::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=30.10.1941&date_to=06.12.1941 (accessed 10 August 2020).

8. Guderian G. *Vospominaniya soldata* [Memories of a Soldier]. Moscow, Veche Publ., 2012. 560 p.

9. Zhurnal boyevykh deystviy voysk fronta za dekabr 1941 g. [Journal of Combat Operations of the Front Troops for December 1941]. *TsAMO*, f. 229, op. 161, d. 179. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114814083&backurl=division%5C150%20%D1%82%D0%B1%D1%80::begin_date%5C06.12.1941::end_date%5C06.12.1941::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C3&date_from=06.12.1941&date_to=06.12.1941&division=150%20%D1%82%D0%B1%D1%80 (accessed 10 August 2020).

10. *Zametki o voyne na unichtozheniye. Vostochnyy front 1941–1942 gg. v zapisyakh generala Kheynritsi* [Notes on the War of Annihilation. The Eastern Front 1941–1942 in General Heinrici's Notes]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 328 p.

11. Iz doklada sekretarya Stanovlyanskogo raykoma VKP(b) V. Andreyeva na rayonnom sobranii partiynogo sovetского i komsomolskogo aktiva Stanovlyanskogo rayona Orlovskoy oblasti [From the Report of the Secretary of the Stanovlyansky District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) V. Andreev at the District Meeting of the Party Soviet and Komsomol Activists of the Stanovlyansky District of the Orel Region]. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Lipetskoy oblasti* [State Archive of Contemporary History of the Lipetsk Region], f. 55, op. 1, d. 66, l. 58–59.

12. Iz dokladnoy zapiski, sostavlennoy Stanovlyanskoy rayonnoy komissiyey, po ushcherbu ot zlodeyaniy nemetsko-fashistskikh voysk v period okkupatsii rayona [From the Memo Compiled by the Stanovlyansky District Commission on the Damage Caused by the Atrocities of the German Fascist Troops During the Occupation of the Area]. *GALO*, f. R-2491, op. 1, d. 8, l. 12.
13. Bonvech B., Galaktionov Yu.V., eds. *Istoriya Germanii. V 3 t. T. 3. Dokumenty i materialy: ucheb. posobiye* [German History. In 3 Vols. Vol. 3. Documents and Materials. Study Guide]. Moscow, KDU, 2008. 592 p.
14. Bereznev A.T., ed. *Lipetskiy kray v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Lipetsk Region During the Great Patriotic War]. Lipetsk, Orius Publ., 2005. 403 p.
15. Sukharev A.Ya., ed. *Nyurnbergskiy protsess: sb. materialov v 8 t. T. 4* [The Nuremberg Trials. Collection of Materials in 8 Vols. Vol. 4]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 672 p.
16. Obobshchennyye svedeniya ob ustanovlennykh zlodeyaniyakh, uchinennykh nad grazhdanami SSSR nemetsko-fashistskimi okkupantami po Eletskomu i Izmalkovskomu rayonam Orlovskoy oblasti [General Information About the Identified Atrocities Committed Against the Citizens of the USSR by the German Fascist Occupiers in the Yelets and Izmalkovsky Districts of the Orel Region]. *GALO*, f. R-2491, op. 1, d. 21, l. 3; d. 24, l. 2-3.
17. Sokolovskiy V.D., ed. *Razgrom nemetsko-fashistskikh voysk pod Moskvoy* [Defeat of the German Fascist Troops Near Moscow]. Moscow, Voenizdat Publ., 1964. 444 p.
18. Reyngardt K. *Povorot pod Moskvoy* [Turn Near Moscow]. Moscow, Veche Publ., 2010. 410 p.
19. Svedeniya ob ubytkakh, prichinennykh nemetsko-fashistskimi zakhvatchkami Izmalkovskomu rayonu v 1944 g. [Information About the Losses Caused by the German Fascist Invaders to the Izmalkovsky District in 1944]. *GALO*, f. R-2491, op. 1, d. 26, l. 4.
20. Dashichev V.I., ed. *«Sovershenno sekretno! Tolko dlya komandovaniya!»*. *Strategiya fashistskoy Germanii v voyne protiv SSSR: dokumenty i materialy* [“Top Secret! Only for the Command!” The Strategy of Fascist Germany in the War Against the USSR. Documents and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 742 p.
21. Kirillova N.V., Selemenova V.D., eds. *Sozhzhennyye derevni Rossii, 1941–1944: dokumenty i materialy* [Burned Villages of Russia, 1941–1944. Documents and Materials]. Moscow, Fond «Istoricheskaya pamyat», 2017. 607 p.
22. Kurt fon Tippelskirch. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny. Blitzkrieg* [History of the Second World War. Blitzkrieg]. Moscow, Veche Publ., 2016. 464 p.
23. Vashkau N.E., ed. *«...Khot raz napishu tebe pravdu»*. *Pisma soldat vermakhta iz stalingradskogo okruzeniya* [I’ll Write You the Truth for Once. Letters of Wehrmacht Soldiers from the Stalingrad Encirclement]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2013. 135 p.
24. *293 Infanterie-Division*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Gliederungen/Infanteriedivisionen/293ID.htm> (accessed 1 September 2020).
25. *Kaempfe, Rudolf*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/K/KaempfeRudolf.htm> (accessed 1 September 2020).
26. Mitcham Samuel W. *German Order of Battle*. Mechanicsburg, Stackpole Books, 2007. 293 p. (Stackpole Military History Series).
27. *Metz, Hermann*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/M/MetzHermann.htm> (accessed 1 September 2020).
28. *Schlieper, Fritz Albert Otto*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/S/SchlieperFritz.htm> (accessed 1 September 2020).
29. *Theißen, Edgar*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/T/TheissenEdgar.htm> (accessed 1 September 2020).
30. *Von Obernitz, Justin*. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/O/ObernitzJustinv.htm> (accessed 1 September 2020).

Information About the Authors

Nina E. Vashkau, Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University, Lenina St, 42, 398020 Lipetsk, Russian Federation, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Andrei A. Lakiziuk, Master Student, Lipetsk State Pedagogical University, Lenina St, 42, 398020 Lipetsk, Russian Federation, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>

Информация об авторах

Нина Эмильевна Вашкау, доктор исторических наук, профессор кафедры русской и всемирной истории, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Российская Федерация, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Андрей Александрович Лакизиук, магистрант, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Российская Федерация, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.12>

UDC 94(410)«1485/1603»
LBC 63.3(4)5

Submitted: 12.05.2021
Accepted: 17.06.2021

THE VISIT OF ENVOY OSIP NEPEYA TO ENGLAND (1556–1557): SUCCESS OR FAILURE OF RUSSIAN DIPLOMACY?

Aleksandr A. Kiselev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The visit of the Russian envoy Osip Nepeya to London in 1556–1557 is usually considered as the beginning of the official relations between Russia and England. In the light of modern views about the sixteenth-century diplomacy, this event requires a more thorough research. **Methods.** The Nepeya's trip was traditionally viewed as an insignificant episode in the context of general reviews of bilateral relations concentrated mainly on trade. The reasons and possibilities of the military and political rapprochement between England, Spain and Russia in the 1550s, which was the most likely goal of the Nepeya's journey to England, have never been investigated. Therefore, this article is based on an analysis of numerous multilingual sources. **Analysis.** The author clarifies the Nepeya's diplomatic rank and certain previously unknown details of the Muscovites' stay in London. He analyzes Nepeya's mission to England in the context of foreign affairs of Ivan IV, Mary Tudor and Philip II Habsburg. **Results.** It is concluded that the rulers of Spain and England could provide military support to Ivan IV, but they were not interested in military and political alliance with the Muscovy and the war against Turkey. However, establishing official equal relations between England and Russia at the highest level, as well as obtaining trade privileges for Russian merchants was the main result of Nepeya's trip. This allows us to conclude that the first Russian diplomatic mission in London was successful.

Key words: Osip Nepeya, England, Russia, Tudors, Ivan the Terrible, Muscovy company.

Citation. Kiselev A.A. The Visit of Envoy Osip Nepeya to England (1556–1557): Success or Failure of Russian Diplomacy? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 137-147. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.12>

УДК 94(410)«1485/1603»
ББК 63.3(4)5

Дата поступления статьи: 12.05.2021
Дата принятия статьи: 17.06.2021

ВИЗИТ ПОСЛАНИКА О.Г. НЕПЕИ В АНГЛИЮ (1556–1557 гг.): УСПЕХ ИЛИ ПРОВАЛ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ?

Александр Александрович Киселев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье, основанной на анализе широкого комплекса источников, выявлены причины и возможности военно-политического сближения Англии, Испании и Московской Руси в середине XVI в., что было наиболее вероятной целью путешествия первого русского посланника О.Г. Непеи в Англию

в 1556–1557 годах. Сделан вывод, что в этой сфере переговоры в Лондоне оказались успешными лишь отчасти, поскольку правители Испании и Англии могли оказать военную поддержку царю Ивану Грозному, но не были заинтересованы в военно-политическом союзе с Московским государством и военных действиях против Османской империи. В то же время главным результатом поездки О.Г. Непеи было установление официальных равноправных отношений между Англией и Россией на высшем уровне, а также получение торговых привилегий для русских купцов. Это позволяет считать первую русскую дипломатическую миссию в Лондоне успешной.

Ключевые слова: Осип Непея, Англия, Россия, Тюдоры, Иван Грозный, Московская компания.

Цитирование. Киселев А. А. Визит посланника О.Г. Непеи в Англию (1556–1557 гг.): успех или провал русской дипломатии? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 137–147. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.12>

Introduction. The origin of Anglo-Russian relations is traditionally dated to 1553, when the English ship “Edward Bonaventure” reached the banks of the Dvina. Its captain Richard Chancellor in February 1554 received an audience with Tsar Ivan IV, who allowed the inhabitants of England to trade in the Russian lands. However, the Chancellor’s “sea merchants” (“korabel’nie gosti” in Russian chronicles), according to the letter by King Edward VI Tudor, were not authorized to establish interstate relations, but only “to goe to Countreies to them heretofore unknowen, aswell to seeke such things as we lacke, as also to cary unto them from our regions, such things as they lacke” [39, p. 231]. Ivan IV hinted at this in his reply, asking to send “one of Your Majesty’s Council” to him [35]. But in 1555, only the merchants of the established Muscovy trading Company Richard Chancellor, George Killingworth and Richard Gray arrived from London again. Then in 1556, together with the Englishmen, the first Russian envoy Osip Grigorievich Nepeya was sent by the Tsar from Moscow to the Tudors. It was his visit to London, which ended with the obtention of trade privileges for Russian merchants, that can be considered the beginning of the official relations between Russia and England.

Unfortunately, except for a mention in the annals, the Russian materials of this trip have not been preserved. At the same time, the visit of the representative of the Muscovy state to London in 1556–1557 was described in English, French, Venetian, Dutch and Polish sources, so it is possible to clarify certain details of the Muscovites’ stay in the English capital, as well as to revise the generally accepted assessments of the mission of Osip Nepeya. In the light of modern views about the Tudor age, this event requires a more thorough research.

Methods. The trip of Osip Nepeya to England has repeatedly become the subject of study by historians. However, due to the lack of detailed information about it in the 16th century Russian sources, the travel of the first Muscovy envoy to England was traditionally viewed as an insignificant episode in the context of general reviews of bilateral relations, mainly concentrated on the trade [17, pp. 56-67; 40, pp. 9-11; 28, p. 67; 42, pp. 15-18; 3; 38, pp. 28-29; 24, pp. 23-24]. But even in this direction, none of the researchers was able to estimate the business results of the visit of the Russian delegation to London, since this requires an analysis of England’s policy to the Muscovy, Hanseatic and Italian merchants in the mid-1550s.

Based on numerous multilingual sources, historians Yakov Luriye, Hieronim Grala and James Evans drew attention to the military and political goals of the mission of Osip Nepeya [27, pp. 426-429; 16, pp. 256-264; 11, pp. 291-298]. However, they did not delve into the international situation of the mid-16th century, nor did they analyze the reasons and possibilities of the military and political rapprochement between England, Spain and Russia. So this case needs to be researched using systemic approach to the foreign affairs of Ivan IV, Mary Tudor and Philip II Habsburg.

The Russian sources about the travel of Osip Nepeya to England are extremely scarce and contain only brief mentions of this event in the annals [25, pp. 270, 285-286; 10, p. 150]. Much more detailed sources are the accounts of the Muscovy envoy’s visit to London, written by the protonotary (chief clerk) of the English royal court John Incent [19], and an anonymous Polish agent [16, pp. 264-266], as well as the diary of the

London clothier Henry Machyn [29]. The letters of the Venetian ambassador to England Michiel Surian [5, pp. 1005, 1022], the French diplomat François de Noailles [6, pp. 449-450] and the secretary of the Polish king Traianus Provano [36] are also important for this study.

Analysis. First of all, attention should be paid to the official status of the first representative of the Muscovy state in England. Due to the fact that in all non-Russian documents Osip Nepeya was denoted as “ambassador”, whereas in Russian sources – as “envoy” (*poslannik*), there is no consensus in historiography about his status. However, the difference between the diplomatic ranks of that time was clearly defined in the Muscovy of the 16th century. Moreover, depending on the nature of the mission, the Russian Tsar in foreign countries was represented not only by ambassadors (*posly*), but also by envoys (*poslanniki*), messengers (*gontzy*) and couriers (*poslantzy*) [31, p. 16]. Therefore, when Ivan the Terrible wrote to the English Queen about Nepeya as “our envoy” [34, p. 139], he meant the status of his representative.

Why did Ivan IV choose Osip Nepeya for the first diplomatic mission to England? Who was this person? Historian Stepan Veselovskiy restored his biography, having found out that since 1558 Nepeya had been a clerk (*d'yak*), whose powers included foreign policy [41, p. 135]. Probably, this appointment could be a reward for a successfully completed mission. But what was Nepeya doing in 1556 when he was sent to England? In the “Nikonovskaya letopis” chronicle he was mentioned only as “the envoy Nepeya from Vologda (*Vologzhanin*)” [25, p. 270], which gave rise to disagreements among historians. Thus, he was called “a Vologda nobleman” by Iosiph Hamel [17, p. 56], “the Vologda lieutenant” by Yuri Tolstoy [40, p. 9], “the Vologda governor” by James Evans [11, p. 282], and “a merchant” by Hieronim Grala and Samuel Baron [16, p. 257; 3, p. 45]. But Osip Nepeya could not be a merchant, because, as it will be shown later, he was heading to the royal court to discuss with the English monarchs not only commercial, but also military and political issues. A Soviet historian Yakov Luriye rightly noted that “Nepeya’s mission... was already definitely political in nature” [27, p. 427]. In addition, in the 16th century, merchants rarely met in person with the

sovereigns, since they were considered people of low origin (for example, Tsar Ivan IV called them “trading rubes” [40, p. 109]). Moreover, in “A Discourse of the Honourable receiving into England of the first Ambassador from the Emperor of Russia, in the yeere of Christ 1556”, written by the protonotary of the English royal court John Incent, the Tsarist envoy was called a “high officer in the towne and countrey of Vologda” [19, p. 285]. Obviously, Osip Nepeya was a nobleman, and most likely headed Vologda, where the local administration (*zemstvo*) operated at that time [43, p. 423].

Sixteen Russian merchants representing the Kholmogory region went to London with Nepeya. Of them, only Feofan Makarov and Mikhail Kositsyn were personified in the “Dvinskoy letopisetz” chronicle [10, p. 150]. The Makarovs and Kositsyns were among the largest salt and fish producers of Russian North in the middle of the 16th century. Moreover, Feofan Makarov served as the elected head of the Dvina land and the local judge [30, p. 258, 282; 15, p. 35]. It was he who first met “the English ships from the Ocean-Sea” in August 1553 [10, p. 150].

Osip Nepeya was instructed to deliver the Tsar’s gifts and a letter in which the proposals of the Russian sovereign were set out. The text of this letter, apparently, has not survived, since it has not been found so far. “Despite all the searches, I could not find this letter either in the original, or in a copy or in translation”, wrote the Russian historian Iosiph Hamel [17, p. 61]. It is only known from the “Nikonovskaya letopis” chronicle that Ivan IV “wrote to the King about love and correspondence” [25, p. 270]. Therefore, researchers can only speculate about the official and unofficial goals of the visit of the first Russian envoy to England.

The expedition of four ships set off from the mouth of the Dvina on August 2, 1556. Having rounded the Scandinavian Peninsula, the flotilla was divided by a violent storm in the North Sea. The ships “Bona Confidentia” and “Bona Esperanza”, which participated in the very first Chancellor’s voyage in 1553, crashed on stones and sank off the coast of Norway. On board the “Bona Esperanza” there were several Russian merchants, among whom were the aforementioned Feofan Makarov and Mikhail Kositsyn. None of them survived. The ship “Philip and Mary” took refuge

in the Norwegian city of Trondheim and was only able to return to London the following spring. And the “Edward Bonaventure” was carried by storm to the shores of East Scotland, where the ship also crashed near Pitsligo Castle. The famous captain Richard Chancellor was among the dead.

Osip Nepeya managed to survive the shipwreck by a lucky coincidence, as well as nine other Russian men, whose names were captured in his treatise by the protonotary John Incent. They were Isaak, Demetre (Dmitry. – *A. K.*), Gorbolones (Yermolay. – *A. K.*), Symonde (Simon. – *A. K.*), Yeroffia (Yerofey. – *A. K.*), Stephen, Lowca (Luca. – *A. K.*), Andria (Andrey. – *A. K.*) and Foma [19, p. 290].

A handful of surviving passengers of the “Edward Bonaventure” landed in East Scotland. A month later, a letter came to London stating that “not only the said ship was broken, but also the whole mass and body of the goods laden in her, was by the rude and ravenous people of the country (Aberdeenshire. – *A. K.*) thereunto adjoining, rifled, spoiled and carried away” [19, p. 286]. In addition to the property and cargo of the Muscovy Company, the Scots also stole precious gifts from Tsar Ivan IV, which Osip Nepeya was carrying to the King and Queen of England. According to the compiled inventory, beautiful skins and furs were lost, including “twenty entire sables exceeding beautiful with teeth, ears and claws” and skins so rich and rare that they were “worn only by the Emperor”. Other missing gifts included four live sables, each with its own collar and chain, and a hunting white gyrfalcon who was a rare and precious bird [19, p. 289].

The Russian envoy Osip Nepeya and his companions who survived the shipwreck reached Edinburgh, where they remained to await help from England. Meanwhile, the Muscovy Company, having received a letter from the English Queen Mary Tudor to the Scottish Regent Mary of Guise with a request for support, sent its lawyers from London to Edinburgh. They were Lawrence Hussey, the son of the Company’s governor, and George Gilpin, who would later become a famous diplomat of the Elizabethan age. For two months, English lawyers tried to get the lost goods back, but in vain, despite the active support of the Scottish Dowager Queen. In February 1557, the Russian delegation, accompanied by the Englishmen, left Edinburgh and headed south.

In two weeks, the travelers reached London. At the entrance to the city, the delegation was met by numerous merchants of the Muscovy Company (a historian Iosiph Hamel wrote about 140 people [17, p. 59]) and aldermen led by the royal favorite Anthony Browne, Viscount Montagu, and the Lord Mayor of London Thomas Offley. The solemn entry of this procession into the English capital was captured in the diary of the clothier Henry Machyn, who, due to his professional interest, paid much attention to describing the outfits. “The twenty-seventh day of February came toward London out of Scotland a Duke of Muscovy as ambassador, and divers of the merchants of England as well as of all nations”, wrote Machyn. “And so they met him beyond Shoreditch in coats of velvet and coats of fine cloth bordered with velvet and with fringe of silk and chains of gold. And after come my Lord Montague and divers lords and knights and gentlemen in gorgeous apparel. And after comes my lord mayor and the aldermen in scarlet and the ambassador, his garment of tissue embroidered with pearls and stones, and his men in coarse cloth of gold down to the calf of the leg (like gowns) and high coping capes. And so to Mr. Dymoke’s place in Fenchurch Street, the merchant, and his (Nepeya’s. – *A. K.*) cape and his nightcap set with pearls and stones” [29, f. 67r].

Among the eyewitnesses of the Russian envoy’s entry to London was an unknown Polish agent, who, after a while, sent to Krakow “A meaningful and short description of the splendor with which the Muscovite ambassador entered and was introduced to London, as well as what presents he was gifted and honored by the Queen herself and London merchants” [16]. This author paid special attention to the fact that those who met had to stay for more than two hours in the February frost, and among the participants in the ceremonial entry was the founder of the Muscovy Company Sebastian Cabot. It is interesting that, unlike the English merchant Henry Machyn, who saw the Russian people for the first time, the Polish informant knew about the peculiarities of the Muscovites’ clothes, indicating that they were dressed “according to Russian custom”: in long dresses, red boots and white caps [16, p. 261].

The magnificent welcome given to an envoy from a distant country misled many Londoners

about the persona of the Muscovite. So, Machyn called him “a Duke of Muscovy”, and the famous chronicler Raphael Holinshed believed that the ambassador “from the Emperor of Cathay, Muscovy and Russeland” came to England [18, p. 132]. Considering that almost all the belongings of the Muscovites were drowned in a shipwreck or stolen by the inhabitants of the Scottish coast of Pitsligo, Osip Nepeya arrived in London, one might say, empty-handed. However, the Englishmen, including Queen Mary Tudor, presented guests with various gifts such as horses, expensive fabrics and rich clothing [17, p. 59; 11, p. 292; 16, p. 260].

The Russian envoy, along with the delegation, was accommodated in the house of the clothier John Dymocke, located in the eastern part of the City of London. The building was conveniently located since the Muscovy Company, the representative offices of Italian firms, the old Leadenhall market were all located nearby. The Muscovites were provided with “two chambers richly hanged and decked, over and above the gallant furniture of the whole house, together with an ample and rich cupboard of plate of all sorts”, John Incent wrote in the report [19, p. 287]. “During which time (Nepeya’s stay in London. – *A. K.*) daily divers Aldermen and the gravest personages of the said (Muscovy. – *A. K.*) companie did visite him, providing all kind of victuals for his table and his servants, with al sorts of Officers to attend upon him in good sort and condition, as to such an ambassadour of honour doeth and ought to appertaine” [19, p. 287]. The directorate of the Muscovy Company drew the attention of their agents to the fact that “the like (hospitality. – *A. K.*) we thinke have not bene seene nor shewed here of a long time to any Ambassadour” [1, p. 297]. The Venetian ambassador Michiel Surian noted that “London merchants greatly favour the Muscovite, because they expect through his medium to enrich themselves, by commencing a trade in those parts, he having announced good intentions to them, and they do him so much honour, that greater could not be done to the greatest sovereign” [5, p. 1005].

Due to the absence of the Spanish husband of the English Queen, Osip Nepeya managed to get an audience with the monarchs only a month after arriving in London. On March 23, 1557, the King and Queen solemnly entered the English

capital, accompanied by the nobility, the Lord Mayor, and the heads of the guilds; on March 25 the Muscovy envoy was invited to the palace. It should be noted here that both monarchs at that moment were feeling unwell (Mary had a severe cold and toothache, and Philip II fell ill even before his arrival in England), which is why the Venetian ambassador Michiel Surian could not get to see them [5, p. 1005], however, they made an exception for the representative of the Muscovy state.

According to Henry Machyn, the Russian envoy, whose “garment was of cloth of tissue (“Turkish... long to the ground”, as described by an eyewitness from the Netherlands [7, p. 61]), and his hat and his nightcap was set with great pearls and rich stones as ever I saw”, went to the royal audience, accompanied by ten aldermen and numerous merchants of the Muscovy Company [29, f. 68v]. At the palace he was greeted by Lord Chancellor Nicholas Heath, Lord High Treasurer William Paulet, Lord Privy Seal William Paget, Lord Admiral William Howard, Bishop Thomas Thirlby and other members of the Privy Council. After communicating with them Osip Nepeya was invited to a personal meeting with the English monarchs.

From the available brief descriptions of this audience made by eyewitnesses, protonotary John Incent and Secretary of the State and Privy Council of the Netherlands Josse de Courtewille, it can be concluded that the meeting went in accordance with the traditional protocol practice. The Russian envoy Osip Nepeya presented the letter of Tsar Ivan IV “full of love and friendship” to King Philip II and Queen Mary, read out the text, previously translated into English and Spanish, and then presented eighty sable furs as a gift. Considering that Nepeya had previously been robbed in Scotland, most likely the gifts were provided from the stocks of the Muscovy Company. The meeting was held in a friendly atmosphere, since, as John Incent reported, the Muscovy envoy was “in most loving manner embraced” by the monarchs at the end of the audience [19, p. 287].

From the text of the reply letter of the monarchial couple to Tsar Ivan IV, it is known that his proposals were carefully considered: “We not only in our own presence listened to how he (Nepeya. – *A. K.*) detailed those subjects that,

according to the available instructions, he had to introduce to us and personally explain; but we also ordered that what he proposes on your behalf be extensively and diligently discussed by some of our Councillors, whom we instructed to negotiate with him" [33; 40, p. 15]. These people turned out to be the diplomat and bishop Thomas Thirlby and the Secretary of State Sir William Petre, who shaped the foreign policy of England. They conducted "secret" (as John Incent described) negotiations with Osip Nepeya, as a result of which they "willingly agreed to everything that related to your expectations and requests" [33; 40, p. 15].

According to the text of the letter of the monarchs Philip II and Mary, Russian merchants were given the opportunity to "freely come to our kingdom of England and conduct their affairs in all its parts... freely sell their goods brought from your countries and possessions", hence it was proposed to open trading houses throughout the country. Negotiants from Muscovy were exempted "from paying taxes and import duties on a par with the subjects of other Christian princes who trade within the above-mentioned kingdom", and the Anglo-Russian commerce itself was declared protected by local legislation and the Court of Chancery [33; 40, p. 16].

Such a favorable attitude of Philip II and Mary to Russia and its merchants could only be considered a symmetrical response to the privileges given by Ivan IV to English merchants (as the monarchs themselves wrote in a reply letter, "in gratitude for it, in order to show a sign of our will, we did this the same for your merchants and subjects" [33; 40, p. 16]). However, there were also pragmatic political intentions behind the declaration of "brotherly love and strong friendship".

The privileges of free trade given to the Muscovites were a challenge to the monopoly of the Hanseatic League. Earlier in 1553, in order to support the growing English trade, King Edward VI Tudor abolished the privileges of the Hanse. Mary Tudor, who became Queen a few months later, reintroduced them to strengthen relations with the Habsburgs, but faced strong opposition from the City of London. Even the marriage of Mary to Philip II did not change the relationship between England and the Hanse, because the spouses differed in their opinions on this issue: Philip II supported the German merchants, but Mary was

on the English traders' side [37, pp. 151-153]. Since 1555, the Hanseatic trade in England had been gradually imposed with duties and bans, which was finally enshrined in an act of parliament of 1558, that also caused damage to Italian merchants [26, pp. 292-301; 14, p. 39]. King Philip could not prevent it.

The Russian delegation arrived in London in the midst of the contradictions between the Hanse and England. The peculiarity of the situation was that in November 1556 the congress of the Hanseatic cities in Lubeck recognized direct Anglo-Russian trade as a threat to commerce in the North and Baltic Seas, and appealed for support to the rulers of Poland, Sweden and Prussia [22, S. 424; 9, S. 213-220]. The Polish and Swedish monarchs sent their envoys to London with an appeal to stop this trade [8, S. 360-361; 5, p. 141; 21]. Historian George Forsten was convinced that Anglo-Russian commerce was the main reason behind the Swedish-Russian war of 1555-1557, initiated by King Gustav I Vasa [13, pp. 17-18]. Therefore, the trade privileges granted to Muscovy merchants in England not only testified to the success of Osip Nepeya's diplomatic mission, but also underscored the pronounced course of the City of London towards independence from intermediaries in international trade.

Another result of the Russian delegation's journey was the royal permission "so that both our merchants and artisans, if any of them want, go to the cities and towns of your state" [33; 40, p. 17]. The recruitment of foreign specialists was one of the Muscovy state's foreign policy goals in the 16th century. Many masters from Italy and Germany are known to have worked in Russia at that time.

During the next two months, while the negotiations continued, the Muscovy envoy got acquainted with the life of the English capital. He was a guest of honor at dinners regularly given for him by the Lord Mayor of London, the aldermen and merchants of the Muscovy Company. On April 20, 1557, Nepeya visited the Benedictine monastery of Westminster Abbey restored by Queen Mary, where he attended a Mass, dined with the abbot and saw the tomb of King Edward the Confessor, and three days later he took part in religious celebrations on the occasion of St. George's Day [29, f. 70r-71r].

The envoy of the Russian Tsar and his companions could observe the peculiarities of the English Catholic queen's policy: from the mass celebration of Easter, in which some 20,000 people took part, to the execution of Protestants outside the city walls in Smithfield [29, f. 69r].

At the same time, the Muscovites witnessed a failed uprising. In late April 1557, an armed detachment formed by the exiled noble Thomas Stafford, supported by French ships, captured Scarborough Castle in Yorkshire, intending to revolt against the Queen. However, the rebels were arrested three days later and imprisoned in the Tower of London in early May [29, f. 71v]. This event caused public condemnation and became the reason for the soon outbreak of the Anglo-French war.

On April 29, the London merchants arranged a farewell dinner for Osip Nepeya. The event took place at the Draper's Hall, which previously belonged to the famous Chancellor Thomas Cromwell. The traders announced to the Russian envoy that the Muscovy Company would cover all the expenses he had incurred in Scotland and England, that, according to John Incent, was "a testimony and witness of their good hearts, zeal, and tenderness towards him and his country" [19, p. 288]. However, as is known from the letter of the Company's directorate to its agents, by this time Osip Nepeya had disappointed the Englishmen. "We do not find the ambassador now at the last so conformable to reason as we had thought we should. He is very mistrustful and thinks every man will beguile him", wrote Andrew Judd, George Barne and other leading merchants of the company. "For they (Muscovites. – *A. K.*) be subtill people, and do not always speak the truth, and think other men to be like themselves" [1, p. 301].

On the May 1 1557, Thomas Thirlby and William Petre visited Nepeya in order to present the Tsar's envoy the formal letters from the English monarchs and gifts for Ivan IV: "the alive male and female lions, and the King has sent his full armor, and fine pieces of cloth" [25, p. 286]. According to a more detailed report by an anonymous Polish informant, whose source "could have come directly from the English Royal Chancellery", the armor was an expensive Milanese brigandine commissioned by the former king Henry VIII (but not Philip II, as the Russian chronicler believed), and the lions were named

Edward and Elizabeth in honour of close relatives of the reigning queen [16, p. 264].

On May 3, 1557, a Russian delegation led by Osip Nepeya and accompanied by merchants of the Muscovy Company left London to embark on a squadron of 4 ships and leave England. The expedition was headed by a young but already experienced traveler Anthony Jenkinson. In the instructions to the skippers, the Company's directorate paid particular attention to the Danish port of Vardhus (or Wardhouse), where "treachery, invasion, or other peril of molestation" could have occurred "by any kings, princes, or companies, that do mislike this new found trade by seas to Russia, or would let & hinder the same... If the wind and weather will serve, it is thought good rather to go by the Wardhouse then to come in and (drop) anchor there" [20, p. 296]. After a two-month voyage, the ships reached Russia.

The "Nikonovskaya letopis'" chronicle briefly informs the reader about the results of the trip: "And King Philip and Queen Mary wrote with great love and honor... and they established free trade for the merchants of the Tsar and the Grand Duke, and gave them a court in their great city of Lun'sk (London. – *A. K.*) and allowed them to trade without any duties. And the King sent away with Nepeya many professionals: doctors, and gold and silver seekers, and artisans, and many other masters, and they came with Nepeya together" [25, p. 286]. The travel of the first Russian envoy to London is described as an unconditional success of the Tsarist diplomacy in trading relations with England.

However, the Muscovy chronicler did not know or deliberately kept silent about the fact that the mission of Osip Nepeya was also of a military and political nature, which is known from non-Russian sources.

The first clue can be found in the letter of the Venetian ambassador Michiel Surian dated April 3, 1557, where it was reported that "there is now here an ambassador from the Muscovites, who demands a loan of ammunition and artillery, his lord being at war, and subsequently another ambassador arrived from the King of Sweden, to prevent the grant of this demand, protesting that it would cause a rupture between his King and this Crown... but their Majesties (Philip II and Mary. – *A. K.*) here have not yet formed

any decision” [5, p. 1005]. From this important message it becomes clear that Osip Nepeya was sent to England not only for the sake of a trade agreement and a recruitment of civilian specialists.

Indeed, there was a war between Sweden and Russia in Finland and the Baltic (1554–1557), which ended in the complete victory of the Muscovy state. A peace treaty was concluded between the two states in March 1557, although nobody in London knew about it yet. England, like other European states, occupied a neutral position in relation to the Swedish-Russian war, but earlier in 1555, King Philip and Queen Mary promised the Polish ambassador “be forbidden under heavy penalties the exportation hence to those parts (Russia. – *A. K.*) of any sort of arms or military engine, in order that the Duke of Muscovy, who is always at war with his King (Sigismund II Augustus. – *A. K.*), may not be able to avail himself of such instruments against him, which would have been much to his detriment” [5, p. 141].

Nevertheless, in August 1557, the secretary of the Polish King Traianus Provano informed Duke Albrecht of Prussia that the Russian envoy had gone home from London not only with English artillery, but also together with the cannon specialists (“bombardarum magistris et pixidum”) [36, p. 106]. In April 1558, the English trade agent Thomas Alcock was arrested in Poland, where he was accused of having delivered to Russia (despite the promise made to the Polish King) “thousands of ordnance, as also of harnesses, swords, with other munitions of war, artificers, copper, with many other things” [2, p. 304]. Finally, in May of the same year the French diplomat Francois de Noailles remembered that “when I was ambassador to England, the ambassador of the King of the Muscovites arrived there... and King Philip... supplied him with all kinds of weapons... to defeat the country of the Sultan” [6, pp. 449-450]. So, according to several documents, Osip Nepeya asked the English monarchs Philip and Mary on behalf of Tsar Ivan IV for weapons and military specialists, received them (although this is not mentioned in the Russian chronicles), and these weapons were intended for the war with the Ottoman Empire. Why did Ivan the Terrible and Philip II need a war with the Sultan?

Although Muscovy state in the middle of the 16th century did not seek direct conflict with Turkey, relations between the two countries were rather tense. The conquest of the Kazan and Astrakhan khanates by Russia led the Tsar to believe that it was necessary to consolidate the achieved successes and resolve the issue of security of the southern borders (“the Crimean affair”). In 1555 Ivan IV ordered his diplomats to work out the plan of transferring the Crimean throne, where Khan Devlet Geray I sat, to the Astrakhan prince Yantemir, son of the vassal ruler of Astrakhan Dervish-Ali [23, pp. 197-198]. However, the Crimean Khanate was a vassal of the Ottoman Empire, and, therefore, the coup conceived by Ivan IV inevitably meant a military clash with Turkey.

For such a large-scale action, the Muscovy state needed allies in the international arena. At this time, the Tsar did not dare to make his own war with the Crimean Khanate, limiting himself only to raids on individual regions (*ulusy*) and the building of strongholds on the Don and on the Dnieper. In 1556–1559, Russian diplomats conducted long negotiations with the Polish King Sigismund II Augustus to “be united against Muslims” [32, p. 521]. It is possible that in London Osip Nepeya discussed the prospects of England, Spain, and the Holy Roman Empire joining the anti-Turkish coalition.

At that moment Philip II was already at war with the Sultan. In 1555–1556, Pope Paul IV formed an anti-Habsburg coalition to liberate Naples. The pontiff managed to ally with several Italian states, France and its ally the Ottoman Empire. In January 1557 French troops attacked the Netherlands and entered Italian territory, violating the treaty of Vaucelles. Philip II, who was the ruler of Spain, the Netherlands, Milan, Naples and Sicily, had to defend his possessions. Collecting troops throughout the Habsburg lands, he returned to England in March 1557, hoping to draw his wife’s kingdom into this international conflict.

In April 1557, news of the Turkish threat to the possessions and influence of Philip II in North Africa reached the English court. “The Turks in Barbary have taken several places and are marching towards Tunis, where they have a certain understanding, and think of occupying that kingdom, which here (in London. – *A. K.*) is

considered of importance, the King of Tunis being the vassal of the King of England”, reported the Venetian ambassador Michiel Surian. “So the loss of that province might easily cause all the Christian possessions in those parts to fall into the hands of the Turks, and consequently predominance in the Mediterranean” [5, p. 1022].

Obviously, the proposal for a war against Turkey, made – if it was made – by the Tsar of distant Muscovy, turned out to be very well-timed. Battles in the rear of the Ottoman Empire would have distracted the Sultan from confronting the Habsburgs, so Philip II, despite his earlier promises to the Polish King, willingly gave Osip Nepeya the necessary weapons and specialists, as reported by the French diplomat Francois de Noailles. In this context, the phrase “we refrain from writing you a more detailed letter and ask you to believe what that your envoy will say” from the letter of the English monarchs to Tsar Ivan IV does not seem strange [33; 40, p. 17]. Osip Nepeya had to give the most important information to the Russian Tsar verbally.

However, most likely, Ivan IV was denied a military alliance against Turkey. Many years later, the Russian Tsar would write to Queen Elizabeth I that “the Spanish king Philip and your sister Mary received our envoy with honor and let him return, but nothing about business was reported through him” [34, p. 139]. Despite the fact that the mission of Nepeya actually opened the way for Russian merchants to the English markets, Tsar Ivan IV did not consider this achievement to be a “business” and counted on a different result from the trip. Moreover, judging by the information of the English trade agent Thomas Alcock, who was arrested in Poland in 1558, the English weapons and supplies transferred to Nepeya could have turned out to be outdated junk from old warehouses. “We had brought thither (to Russia. – A. K.) about one hundred shirts of mail, such old things new scowred as no man in England would wear”, Alcock told the Poles [2, p. 304].

Philip II’s plans at that time did not include a full-scale war with the Ottoman Empire. Fortunately for him, “in the decisive year of the war, 1557, the Turks did not even arrange... a minor sabotage” [4, p. 60]. In August 1557, the French troops suffered a crushing defeat in the Battle of Saint-Quentin, and the war against the Habsburgs ended. Then, in the east of Europe in March 1559, the Polish King Sigismund II

Augustus rejected the proposals of Tsar Ivan IV for a joint struggle against Turkey and Crimea [12]. Muscovy’s foreign policy interests at that moment had already shifted to the Baltic. The project of the international anti-Turkish coalition had to be postponed for many years.

Results. Referring to sources in different languages sheds light on the military and political goals of Osip Nepeya’s trip to London, which he apparently achieved only partially. Unfortunately, the existing set of documents doesn’t provide a more accurate answer to this question. At the same time, the analysis of the international situation in Western and Eastern Europe in the middle of the 16th century leads to the conclusion that it was possible for the English monarchs to provide military support to Ivan IV, but both England and Spain lacked the interest in the military and political alliance and the full-scale war against the Ottoman Empire.

However, the main result of the Muscovy envoy’s visit to London in 1556–1557 was the establishment of official and, which was important in this age, equal relations between England and Russia at the highest level. English markets were opened as well as trade privileges were granted to Tsar’s merchants, while the leading European traders (Germans and Italians) were deprived of them in this country. The travel of Osip Nepeya to England undoubtedly became the success of the Russian diplomacy in the western direction in the middle of the 16th century.

REFERENCES

1. A Letter of the Company of the Marchants Adventurers to Russia unto George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane Their Agents There, to be Delivered in Colmogoro or Els Where: Sent in the John Evangelist. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation*. London, s. n., 1599, vol. 1, pp. 297-302.
2. Alcocke T. A Letter of Thomas Alcocke to the Worshipfull Richard Gray and Henrie Lane Agents in Moscovia from Tirwill in Polonia, Written in Tirwill the 26 of April 1558. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation*. London, s. n., 1599, vol. 1, pp. 303-305.
3. Baron S.H. Osip Nepeya and the Opening of English-Russian Commercial Relations. *Oxford Slavonic Papers*. New Series, 1978, vol. 11, pp. 42-63.
4. Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epohu Filipa II* [The

Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004, vol. 3. 640 p.

5. *Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555-1558.* London, Her Majesty's Stationery Office, 1877. 1844 p.

6. Charriere E. *Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France.* Paris, 1850, vol. 2. 872 p.

7. Courtwille J. Josse de Courtewille au president Viglius, Londres, 25 mars, 1557. *Relations Politiques des Pays-Bas et de L'Angleterre, sous le regne de Philippe II.* Bruxelles, 1882, vol. 1, pp. 60-62.

8. Dalin O von. *Geschichte des Reiches Schweden.* Bd. III, Rostock und Greifswald, 1763. 552 S.

9. *Danziger Inventar, 1531-1591.* Munchen, Leipzig, 1913. 1082 S.

10. Dvinskoy letopisetz [The Dvina Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 33. 250 p.

11. Evans J. *Merchant Adventurers: The Voyage of Discovery that Transformed Tudor England.* London, Weidenfeld & Nicolson, 2013. 400 p.

12. Florya B.N. Proekt antituretzkoj koalitzii serediny XVI veka [The Project of Anti-Turkish Coalition in the Middle of the 16th Century]. *Rossiya, Pol'sha i Prichernomorye v XV-XVIII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 71-86.

13. Forsten G.V. *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyah* [The Baltic Question During the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg, 1893, vol. 1. 717 p.

14. Fusaro M. *Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean. The Decline of Venice and the Rise of England, 1450-1700.* Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 433 p.

15. Golikova N.B. *Privilegirovannnye kupecheskie korporatzii Rossii XVI - pervoi chetverti XVIII v.* [The Privileged Merchant Corporations of Russia from the 16th to First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, vol. 1. 528 p.

16. Grala H. Rossiya – Angliya – Polsko-Litovskoye gosudarstvo: Posol'stvo Osipa Nepei v London i yagellonskaya diplomatiya [Russia – England – Polish-Lithuanian State: The Embassy of Osip Nepeya to London and Jagellonian Diplomacy (1557)]. *Rossiya – Velikobritaniya: piyat vekov kulturnykh svyazey.* Saint Petersburg, Evropeiskiy dom Publ., 2015, pp. 256-266.

17. Hamel I. Anglichane v Rossii v XVI i XVII stoletiyah. Statiya 1 [Englishmen in Russia During the 16th and 17th Centuries. Article 1]. *Prilozhenie k VIII-tomu tomu Zapisok Imperatorskoy Akademii nauk* [Appendix to Volume 8 of the Notes of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1856. 179 p.

18. Holinshed R. *Holinshed's Chronicles. England, Scotland and Ireland. In 6 Vols. Vol. 6.* New York, AMS Press, 1976. 461 p.

19. Incent J. A Discourse of the Honourable Receiving into England of the First Ambassador from the Emperor of Russia, in the Yeere of Christ 1556, and in the Third Yeere of the Raigne of Queene Marie, Serving for the Third Voyage to Moscovie. Registred by Master John Incent Protonotarie. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation.* London, 1599, vol. 1, pp. 285-290.

20. Instructions Given to the Masters and Mariners to be Observed in and About This Fleete, Passing This Yeere 1557 Toward the Bay of S. Nicholas in Russia, for this Present Race to be Made and Returne of the Same by Gods Grace to the Port of London, the Place of Their Right Discharge, as in the Articles Ensuing is Deduced. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation.* London, 1599, vol. 1, pp. 295-297.

21. Kiselev A.A. Zarozhdenie anglo-russkikh otnoshenii i diplomatiya Shvetszii v seredine XVI veka [The Emergence of Anglo-Russian Relations and Diplomacy of Sweden in the Middle of the 16th Century]. *Britanskie issledovaniya.* Moscow, Akvilon Publ., 2020, vol. 6, pp. 40-63.

22. Kölner Inventar. *Inventare Hansischer Archive des sechzehnten Jahrhunderts. Bd. I.* Leipzig, Duncker & Humblot, 1896. 657 S.

23. Kusheva E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The Peoples of the North Caucasus and Their Connections with Russia (Second Half of the 16th Century to the 30s of the 17th Century)]. Moscow, Akademiya nauk Publ., 1963. 372 p.

24. Labutina T.L. *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in Pre-Peter Russia]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 268 p.

25. Letopisnii sbornik, imenuemii Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Annals, Called Patriarch's or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochaischemu povelenyu arkheograficheskoyu komissieyu* [A Complete Collection of Russian Chronicles, Issued by the Highest Order of the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, Tipografija I.N. Skorohodova Publ., 1904, vol. 13, part 8. 302 p.

26. Lloyd T.H. *England and the German Hanse, 1157-1611. A Study of Their Trade and Commercial Diplomacy.* Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 412 p.

27. Luriye Ya.S. Russko-angliyskie svyazi i mezhdunarodnaya politika vtoroi poloviny XVI v. [Russian-English Contacts and International Policy of the Second Part of the 16th Century]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* [International Relations of

- Russia Before the 17th Century]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. 578 p.
28. Lyubimenko I.I. *Istoriya torgovyh snoshenii Rossii i Anglii. Vyp. 1. XVI vek* [History of Trading Relations of Russia and England. Iss. 1. 16th Century]. Yuriev, s. n., 1912. 192 p.
29. Machyn H. The Diary of Henry Machyn. *British Library*, MS Cotton Vitellius F.v. 162 p.
30. Nosov N.E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Foundation of Representative Institutions in Russia. Study of Regional Reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 602 p.
31. «Oko vsei velikoi Rossii». *Ob istorii russkoi diplomaticheskoi sluzhby XVI–XVII vekov* [“Eye of All Great Russia”. On the History of the Russian Diplomatic Service During the 16th and the 17th Centuries]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 240 p.
32. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Polsko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 2 (gody s 1533 po 1560) [Memorials of Diplomatic Relations of Muscovy State with Polish-Lithuanian State. Part 2 (1533–1560)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1887, vol. 59. 630 p.
33. “Philip and Mary, to Czar Wassilie in Favour of Mutual Commercial Intercourse”. *British Library*, Cotton MS Nero B VIII, f. 3.
34. *Poslaniya Ivana Groznogo* [The Letters of Ivan the Terrible]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1951. 715 p.
35. “Privileges Granted by Ivan Vassileviche, Emperor of All Russia, to the English Merchants”. *British Library*, Lansdowne MS 141/54, f. 342.
36. Provano T. Traianus Provano, secretarius regius, Alberto in Prussia duci. Vilnae, 22.VIII.1557. *Elementa ad Fontium Editiones*. Vol. L. Documenta ex Archivo Regimontano ad Poloniam spectanta. XX Pars. 1549–1568. Roma, Institutum Historicum Polonicum Romae, 1980, pp. 105-107.
37. Rider C.M. *Our City and Chamber of London: The Relationship Between the City of London and the Crown in the Reigns of Edward VI and Mary, 1547–1558. PhD Thesis*. Wales, University of Wales, 1992. 478 p.
38. Sokolov A.B. *Navstrechu drug drugu: Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv.* [Towards Each Other: Russia and England in the 16th – 18th Centuries]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatelstvo, 1992. 304 p.
39. The Copie of the Letters Missive, Which the Right Noble Prince Edward the Sixt Sent to the Kings, Princes, and Other Potentates, Inhabiting the Northeast Partes of the Worlde, Toward the Mighty Empire of Cathay, at Such Time as Sir Hugh Willoughby Knight, and Richard Chancelor, with Their Company, Attempted Their Voyage Thither in the Yeere of Christ 1553, and the Seventh and Last Yeere of his Raigne. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation*. London, 1599, vol. 1, pp. 231-232.
40. Tolstoy Yu.V. *Pervye sorok let snoshenii mezhdou Rossiey i Angliey, 1553–1593. Gramoty sobranniya, perepisanniya i izdanniya Yuriem Tolstym* [The First Forty Years of Intercourse Between Russia and England, 1553–1593. Documents Collected, Copied and Edited by Yury Tolstoy]. Saint Petersburg, 1875. 561 p.
41. Veselovskiy S.B. *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [The Clerks and Under-Clerks of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 608 p.
42. Willan T.S. *The Early History of Russia Company, 1553–1603*. Manchester, Manchester University Press, 1956. 295 p.
43. Zimin A.A. *Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI veka* [The Reforms of Ivan the Terrible. Essays on the Social, Economic and Political History of Russia in the Middle of the 16th Century]. Moscow, Socekgiz Publ., 1960. 511 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Kiselev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kiselev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-3305>

Информация об авторе

Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kiselev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-3305>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.13>

UDC 327(73)
LBC 66.4

Submitted: 24.02.2020
Accepted: 05.06.2020

EVOLUTION OF THE U.S. ASSISTANCE PROGRAM AND THE SOVIET “ECONOMIC OFFENSIVE” FACTOR (1950s)

Sergey Yu. Shenin

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article is devoted to studying the influence of the Soviet “economic offensive” factor in the 1950s on the formation of the New World Economic Order by the American by the American ruling elite in general and the use of such an important tool as foreign assistance in particular in the framework of this process. The reconstruction of this process makes it possible to clarify the specifics of the foreign policy decision-making mechanism in the United States, to identify the ideological approaches of main political interest groups to the goals and methods of building a new world order. *Methods and materials.* The study uses a group analysis approach as well as American executive and legislative documents, press material, speeches by key politicians, etc., to identify the reasons for the differences among representatives of the three leading interest groups in interpreting the nature of the Soviet “economic offensive” in the Third World countries. *Analysis.* These differences were primarily due to the possibility of using the factor of the Soviet “aggression” for conducting domestic propaganda campaigns as part of the interest groups struggle for control over the foreign assistance program. Thus, the representatives of the atlantists group claimed that the main threat from the Communist world remained in the military sphere; the globalist-oriented progressives insisted that the Soviet “economic offensive” was a critical danger to U.S. interests, while conservatives declared that the “myths” about the Soviet-communist threats to the United States in the Third World were invalid. *Results.* In the second half of the 1950s the group of progressives used the factor of the Soviet “economic offensive” more effectively in the framework of their campaigns (there were four of them), which allowed them to take control over the foreign assistance program and begin to reorient the American strategic course from the prevailing ideology of “mutual security” towards the global developmentalism.

Key words: economic assistance, mutual security, development assistance, globalization, Soviet “economic offensive”, Third World, atlantists, progressives, conservatives.

Citation. Shenin S.Yu. Evolution of the U.S. Assistance Program and the Soviet “Economic Offensive” Factor (1950s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 148-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.13>

УДК 327(73)
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 24.02.2020
Дата принятия статьи: 05.06.2020

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОГРАММЫ ПОМОЩИ И ФАКТОР СОВЕТСКОГО «ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ» (1950-е гг.)

Сергей Юрьевич Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена изучению влияния фактора советского «экономического наступления» в 1950-е гг. на процесс формирования американской правящей элитой нового мирового экономического порядка в целом и применения в рамках этого процесса такого важнейшего инструмента, как внешняя помощь, в частности. Реконструкция этого процесса дает возможность уточнить особенности работы механизма принятия внешнеполитических решений в США, выявить идеологические подходы отдельных политических групп интересов к целям и методам строительства нового миропорядка. На основе документов аме-

риканской исполнительной и законодательной властей, материалов прессы, выступлений ключевых политиков и т. д. в исследовании анализируются причины разногласий представителей трех ведущих групп интересов по вопросу характера «экономического наступления» СССР в странах третьего мира. В первую очередь эти разногласия были связаны с трактовкой фактора советской «агрессии» для проведения внутренних пропагандистских кампаний в рамках борьбы групп интересов за контроль над программой внешней помощи. Так, представители группировки «атлантистов» утверждали, что главная угроза со стороны коммунистического мира по-прежнему лежала в военной сфере, прогрессисты глобалистской ориентации настаивали на критической опасности советского «экономического наступления» для американских интересов, а консерваторы заявляли о несостоятельности «мифов» о советско-коммунистических угрозах для США в третьем мире. Прогрессистская группировка во второй половине 1950-х гг. использовала рассматриваемый фактор в рамках своих кампаний (их было четыре) более эффективно, что позволило ей взять программу помощи под свой контроль и начать поворот американского стратегического курса с господствовавшей идеологии «взаимной безопасности» в сторону глобального девелопментализма.

Ключевые слова: экономическая помощь, взаимная безопасность, помощь развитию, глобализация, советское «экономическое наступление», третий мир, атлантисты, прогрессисты, консерваторы.

Цитирование. Шенин С. Ю. Эволюция американской программы помощи и фактор советского «экономического наступления» (1950-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 148–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.13>

Введение. Как известно, сразу после окончания Второй мировой войны внутри правящей элиты США сложился консенсус по вопросу о том, что новый мировой экономический порядок (далее – НМЭП) должен базироваться на принципах «специализации, стандартизации и упрощения», лежащих в основе американской системы предпринимательства. Лидеры американского правящего класса были также едины в том, что послевоенный мир должен функционировать на основе принципов «открытых дверей», прозрачных границ и универсальных международных правил, то есть того, что потом составит смысл феномена глобализации.

Однако этот консенсус носил самый общий характер, в то время как по вопросу путей реализации этой стратегии, а также применяемых инструментов (торговой, кредитной и налоговой политики, субсидий, военной силы, дипломатии и т. д.) у различных групп интересов имелись серьезные расхождения. Особенно острая борьба развернулась за контроль над внешнеэкономической помощью. Критическая важность этого инструмента объяснялась тем, что практически все страны мира, пострадавшие в результате войны, остро нуждались в помощи извне и были готовы ее принять. Было очевидно, что те группировки, которые получат возможность использовать этот инструмент, смогут направить процесс строительства НМЭП в желаемое русло своих интересов.

Тем не менее на предыдущем этапе своей истории Соединенные Штаты этим инструментом не пользовались, поэтому опыта обращения с ним у них практически не было. Особенно остро эта проблема проявила себя в вопросе финансирования программ помощи, поскольку сама идея была (и, кстати, остается) весьма непопулярной у американского электората, которому трудно подняться до понимания важности использования больших денег в вопросах внешней политики.

Соответственно, первым послевоенным администрациям было исключительно сложно получить в конгрессе деньги на финансирование программ помощи, а деньги нужны были очень большие. Поэтому заинтересованным группировкам приходилось устраивать общенациональные агитационно-пропагандистские кампании, чтобы убедить общественное мнение и конгрессменов в важности финансирования данного направления. Для проведения таких кампаний группы использовали различные факторы, но самым эффективным среди них оказалось «экономическое наступление» СССР в зоне национально-освободительного движения. В данном контексте представляется важным проанализировать пути использования ведущими группировками этого фактора (в мировой историографии советское «экономическое наступление» достаточно хорошо изучено [12; 16; 26]), а также выяснить степень его влияния на эволюцию

политики внешней помощи США в рассматриваемый период.

Методы и материалы. Решение данной научной задачи требует в первую очередь использования исторического и системного методов. Это связано с тем, что формирование хронологической последовательности событий позволяет лучше понять закономерности эволюции стратегического курса США в 1950-е гг., а системный подход к оценке деятельности ведущих групп интересов дает более полное представление о трансформации инструмента помощи и его применении в контексте факторов «советских угроз» и «коммунистической экспансии» в странах третьего мира. В работе использовался круг источников, среди которых наиболее важными являются документы американской исполнительной и законодательной властей, материалы прессы, выступления ключевых политиков и т. д.

Анализ. В 1950-е гг. внутри американского истеблишмента существовали три основные группировки, которые имели свою стратегию построения НМЭП и рассматривали этот процесс через призму собственных экономических интересов, – военно-бюрократическая, прогрессистско-кейнсианская и консервативно-рыночная.

Так, военно-бюрократическая группировка сформировалась в период Второй мировой войны. Ее лидеры (Д. Ачесон, У. Клэйтон, А. Даллес и т. д.) базировали свою глобальную стратегию на представлении о том, что универсальный и многосторонний мировой порядок может быть построен первоначально только на части планеты, которая должна называться «свободный мир» и охватывать Северо-Атлантический регион (Северную Америку и Западную Европу). «Атлантисты» считали, что для такого строительства необходимо использовать конфликтные, хотя и «негорячие» методы, что и было реализовано в рамках феномена холодной войны. В этом контексте вся внешнеэкономическая помощь должна была направляться исключительно на цели и задачи военно-политического «сдерживания» СССР.

Группировка прогрессистов (идеология которых сильно отличалась от взглядов современной одноименной группы) в целом состо-

яла из крупных руководителей гражданского промышленного сектора. Стратегической целью лидеров этой группы (П. Хоффмана, Ф. Рида, Н. Рокфеллера и т. д.) было создание таких глобальных универсальных экономических и финансовых условий, в рамках которых можно было формировать новые рынки для сбыта продукции из США, а американские бизнесмены имели бы возможность работать по привычным и удобным для них правилам и нормам. Глобалисты полагали, что осуществлять данные реформы следует американскому правительству, а бизнес-сообщество должно иметь возможность направлять эту активность. Так называемая «помощь развитию» должна была стать основным инструментом указанных реформ.

Ядро консервативной группировки, возглавлявшейся Дж. Хэмфри, Г. Гувером-мл., Р. Хьюзом и т. д., в основном состояла из представителей обрабатывающих, энергетических и сырьевых отраслей. Консерваторы строили свою глобальную стратегию на традиционных методах чисто рыночной (без вмешательства правительства) экспансии американского капитала. В их схеме правительство США и его внешняя помощь должны были играть вспомогательную роль, обеспечивая корпорациям благоприятные политические и экономические условия в развитых и особенно слаборазвитых регионах мира [4, р. 20–32].

Как известно, во второй половине 1940-х гг. активное использование фактора «советской агрессии» позволило демократической администрации Г. Трумэна постепенно, шаг за шагом сформировать и включить в работу механизм внешнеэкономической помощи. При этом элитарные группировки в жесткой конкурентной борьбе по очереди перехватывали рычаги управления этим механизмом.

Так, в 1946 г. кампания в американской прессе против «агрессивных подрывных» действий Москвы в отношении таких суверенных стран, как Греция и Турция, позволила администрации активно продвигать «доктрину сдерживания» и убедить конгресс в необходимости предоставить первую масштабную помощь «жертвам» «советской экспансии» [1, р. 208–209].

В 1948 г. использование жупела распространения «коммунистической угрозы» на За-

падную Европу и «советизации» Москвой стран Центральной и Восточной Европы дало возможность уже группировке прогрессистов перехватить инициативу и получить у законодателей 17 млрд долл. на такой смелый шаг, как «план Маршалла». Главной идеей данной программы становилось инициирование процесса европейского экономического развития, который в перспективе подразумевал подключение к нему нейтральных и даже некоторых «советизированных» стран.

Правда, уже следующая программа помощи, «Пункт-4», провозглашенная Г. Трумэном в 1949 г. и нацеленная на поддержку слаборазвитых стран, не получила сочувствия и требуемых денег в конгрессе, поскольку прямой коммунистической угрозы для региона не наблюдалось, а «советская агрессия» в Европе была уже купирована «планом Маршалла». Тем не менее в этот период (1948–1950 гг.) прогрессисты уверенно контролировали все инструменты американской помощи, необходимые для формирования глобального рынка [2; 3].

Однако начало Корейской войны позволило сторонникам военной бюрократии перейти в контрнаступление. Эта война очень убедительно трактовалась «атлантистами» как переход лагеря коммунизма (СССР, КНР и КНДР) от «холодной» к «горячей» фазе глобального конфликта. Эти новые страхи дали возможность данной группе полностью взять под контроль все виды помощи, для чего конгрессом была принята Программа взаимной безопасности (Mutual Security Program – MSP), для реализации которой администрацией Трумэна было создано специализированное Агентство взаимной безопасности (Mutual Security Agency – MSA).

Идеология «взаимной безопасности» предполагала жесткий «черно-белый» подход к предоставлению помощи по формуле «или с нами, или против нас». Соответственно, помощь могли получить только те страны, которые открыто присоединились к лагерю «сдерживания», а нейтральные государства (большинство слаборазвитых стран относили себя именно к этой категории) претендовать на нее уже не могли [17].

В целом Корейская война стала очень мощным инструментом ослабления прогрес-

систского влияния на процесс формирования НМЭП и укрепления идеологии «атлантизма». Прогрессисты, утратив рычаги построения глобального миропорядка, включая помощь, находились в панике. Это заставило их приступить к поискам политического лидера, который мог бы выиграть выборы в 1952 г. и остановить этот губительный для них тренд.

Таким лидером стал генерал Д. Эйзенхауэр, являвшийся по своим взглядам противником холодной войны и сторонником глобализации. Соответственно, предполагалось, что он должен был закончить Корейскую войну и вражду с коммунистическим миром, создать условия для продвижения глобализационной модели НМЭП, для чего требовалось перехватить и перестроить главные внешнеполитические инструменты [15].

В первую очередь это касалось помощи, которую нужно было переориентировать с Западной Европы, ставшей уже к 1953 г. в результате действия «плана Маршалла» конкурентом для американского бизнеса, на интеграцию в НМЭП потенциальных и реальных партнеров как в освободившихся странах, так и в соцлагере. Правда, поскольку внешняя помощь оставалась очень непопулярной у электората, особенно после гигантских выплат по «плану Маршалла», Эйзенхауэр в рамках предвыборной кампании на волне обычного в таких случаях популизма даже обещал ее ликвидировать в случае прихода в Белый дом.

Став президентом, он последовательно приступил к решению своей главной задачи – постепенно переориентировать внешнеполитическую стратегию США с «атлантизма» на глобализм. При этом ему удалось быстро закончить Корейскую войну и начать процесс налаживания отношений с СССР, который результативался в «духе Женевы». Тем не менее Советский Союз и мировой коммунизм не перестали быть угрозой для западного мира, об этом в США невозможно было даже начинать разговор. Поэтому MSP и ее философию нельзя было отменить – можно было только аккуратно начать интегрировать в программу глобалистские идеи и инструменты, которые могли бы постепенно начать ее разъедать.

Главным таким инструментом считалась внешняя помощь. Эйзенхауэр сразу и без ко-

лебаний передал все рычаги управления ею группировке прогрессистов (получившим в администрации прозвище «младотурки»), которые предложили президенту жесткий план перестройки механизма помощи под новые цели. В результате вместо MSA была создана Администрация внешних операций (Foreign Operation Administration – FOA) во главе с политическим тяжеловесом и радикальным прогрессистом Г. Стассеном.

Новая структура представлялась более централизованной и координируемой, с ее помощью «младотурки» планировали начать стратегическое смещение целого ряда акцентов в рамках MSP – с краткосрочных задач безопасности на долгосрочные цели экономического развития, с военных программ на гражданские, с Европы на Азию, с грантов на кредиты, с точечных проектов технической помощи на масштабное экономическое планирование [11, p. 486].

Создав новый мощный механизм помощи, Г. Стассен планировал с начала 1954 г. приступить к реализации своих планов. Однако, совершенно предсказуемо, он наткнулся на нежелание американского общественного мнения и конгресса выделять деньги на новые планы, так как в условиях смягчения общего внешнеполитического курса уже нельзя было широко использовать фактор «советской агрессии», шантажировать общество внешними угрозами. Стратегия глобализации, снижения военно-политической напряженности, сближения с СССР (чего, собственно, хотели сами прогрессисты) входила в противоречие с необходимостью получить одобрение планов расширения помощи со стороны электората, ибо исчез «чрезвычайный контекст», внешние факторы, которые могли бы стимулировать избирателя поддержать новый курс.

Конечно, Стассен попытался обратиться к «советской угрозе». Однако, учитывая то, что говорить о «военной агрессии» было уже нежелательно (это противоречило стратегическому курсу президента), он стал утверждать, что новое руководство СССР выбрало путь «экономической агрессии», который включал в себя помощь Афганистану, кредиты Индии и т. д. Однако это был слабый аргумент – в такое наступление Москвы никто в США не верил. Оппоненты из консерватив-

ной группировки утверждали, что это миф, а если даже такие факты имели место, то русские занимаются лишь имитацией американской помощи, а значит, конкурировать с США не могут: у них для этого просто нет денег [3, с. 59–61].

В такой отчаянной ситуации на выручку «младотуркам» пришел Вьетминь, который одержал решающую победу над французами в мае 1954 года. Стассен немедленно попытался объяснить, что за поражением Франции во Вьетнаме также стояла подрывная активность Москвы. В прогрессистской прессе немедленно началась кампания, в которой победа вьетнамских коммунистов подавалась как составная часть глобального коммунистического наступления [21].

«Легкий испуг» публики дал президенту предлог официально поддержать усилия Стассена по созданию постоянного ядра «помощи развитию» внутри MSP. Хотя администрация официально не объясняла, как она собирается использовать фонды «помощи развитию» в Азии, пропрогрессистские СМИ (к которым можно отнести такие республиканские и демократические издания, как «The New York Times», «The Washington Post and Times Herald», «Chicago Daily News» и т. д.) немедленно начали еще одну пропагандистскую кампанию, призывая использовать методiku «плана Маршалла» для остановки «коммунистической агрессии» в Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА).

Основная идея «плана Маршалла для Азии» (далее – ПМА) заключалась в том, чтобы восстановить экономику региона с Японией в качестве «мотора» и использовать местные рынки и источники сырья для экономик стран Западной Европы. Несмотря на ожесточенное сопротивление оппозиции, ПМА был принят, однако деньги на него были выделены конгрессом очень небольшие – всего 200 млн долл.

Стассен был разочарован, но надеялся, что это только первый шаг и потом можно будет финансирование нарастить. Однако в конечном итоге он не получил ПМА даже в урезанном виде, поскольку в мае 1955 г. на конференции в Симле (Индия) азиатские страны – участницы отвергли многосторонний региональный принцип ради сохранения двухсторонней американской помощи [7].

На этой печальной ноте попытка переформатирования механизма помощи под глобалистские цели закончилась, прогрессисты потерпели поражение. Несмотря на симпатии к ним, Эйзенхауэр был вынужден признать это поражение, уволить Стассена, ликвидировать ФОА, а вместо последней в середине 1955 г. создать более скромную структуру – Администрацию международного сотрудничества (International Cooperation Administration – ICA) – и отдать ее под контроль прямых конкурентов – группировки консерваторов. Директором ICA был назначен ставленник корпораций, крупный бизнесмен и миллионер из Огайо Дж. Холистер.

Со стратегической точки зрения консерваторы были нацелены на борьбу с уже появляющимся дефицитом бюджета, выступали за повсеместную экономию, урезание госрасходов, что в первую очередь касалось внешней помощи. Последнюю необходимо было сокращать, но, одновременно, адаптировать под корпоративные интересы: она должна была помогать крупным компаниям выходить на рынки других стран и получать там хорошие заказы. Исходя из этой стратегии, Холистер радикально сократил сумму запроса к конгрессу на финансирование помощи (с 4 до 2,5 млрд долл.) и стал откровенно использовать ее для продвижения интересов крупных корпораций [29, р. 3].

Прогрессисты были обескуражены и попытались осенью 1955 г. охарактеризовать такую политику как «преступную» перед лицом советского «экономического наступления». Однако консерваторы смело заявили, что «экономическое наступление» Москвы – это блеф, при этом избиратели и конгресс в целом их поддержали [4, р. 108]. Таким образом, тренд на полное сворачивание инструмента помощи был обозначен. Эйзенхауэр, как хорошо известно, всегда вставал на сторону большинства, и в данном вопросе он был готов уступить: в конце концов, в 1952 г., будучи кандидатом в президенты, генерал обещал ликвидировать помощь, и теперь, перед выборами 1956 г., он мог отчитаться за свое обещание, если вдруг консерваторы доведут дело до конца.

Однако, к счастью для «младотурок»-глобалистов, во второй половине ноября два

советских лидера, Н. Хрущев и Н. Булганин, начали свое месячное турне по странам Южной Азии – Афганистану, Индии и Бирме. В ходе этой поездки они щедро предлагали техническую помощь и займы на развитие, открыто призывая США конкурировать с СССР именно в этой сфере [28].

Это был момент уникальной возможности для «младотурок» в администрации начать фронтальную контратаку против консерваторов. Прогрессисты немедленно инициировали кампанию в прессе, которая была нацелена на то, чтобы представить ситуацию в Южной Азии как «более чем опасную», «почти как кризисную» [9]. Утверждалось, что «Советский Союз привнес нечто новое в отношения Запада и Востока, а именно экономическое и политическое наступление в так называемой неприсоединившейся трети мира, особенно на Ближнем Востоке и Южной Азии» [23]. Соответственно, «от идеи сокращения программ внешней помощи в 1956 г. можно спокойно отказаться» [23].

Эта кампания очень быстро качнула баланс сил внутри администрации в пользу прогрессистов, позволив президенту открыто занять сторону радикалов. Реакция Эйзенхауэра была молниеносной – в течение нескольких дней запрос на финансирование помощи на следующий, 1956 г. вырос до почти фантастических 5 млрд долл.

Таким образом, используя визит Хрущева, «младотурки» из администрации смогли спасти программу помощи и влить в нее новую энергию. Однако это был пока не тот качественный разворот MSP от военно-политического «сдерживания» к «помощи развитию», о котором мечтали прогрессисты.

Коренной перелом в данном вопросе произошел после президентских выборов в ноябре 1956 г., которые уверенно выиграл Эйзенхауэр. Холистер был быстро уволен, а «машину помощи» президент сразу же без колебаний опять вручил прогрессистам – ICA возглавил преданный сторонник президента Дж. Смит [27, р. 381–382]. Кроме того, в сенате демократы сформировали мощную пропрогрессистскую группу Фулбрайта – Кеннеди, которая активно поддерживала «младотурок» в республиканской администрации.

Если в конце 1955 г. прогрессистам удалось спасти помощь как инструмент глобализации, то в начале 1957 г., получив значительное внутривнутриполитическое преимущество над оппонентами из консервативной и военно-бюрократической группировок, имея своего человека во главе агентства помощи и поддержку в конгрессе, а самое главное, президента в качестве единомышленника (хотя и очень осторожного), «младотурки» приступили к радикальному качественному развороту внешнеэкономической стратегии, в первую очередь в сфере помощи. Его главная цель заключалась в необходимости дискредитировать философию «взаимной безопасности», расчистить идеологическое поле для проникновения идей «глобального девелопментализма».

Несмотря на внушительное политическое преимущество, было ясно, что для публичного обоснования такого радикального шага нельзя было обойтись без обращения к «внешней угрозе». Началась мощнейшая и уникальная по своей организованности пропагандистская кампания в СМИ, которой дирижировал один из лидеров радикальных глобалистов С.Д. Джексона. При этом все участники дискуссии демонстрировали редкое единство взглядов и аргументации.

Главная идея кампании заключалась в том, что советская помощь перестала быть «одним из аспектов холодной войны», она превратилась в ее «сердцевину», главный инструмент, а стратегическим направлением «коммунистического наступления» стал регион освободившихся стран. Москва выбрала такую стратегию потому, что использование военно-политического инструментария, особенно в Европе, себя исчерпало.

Объясняя причины такого разворота СССР, прогрессистские издания указывали, что во второй половине 1950-х гг., после Суэцкого кризиса, Бандунгской конференции, лавинообразного нарастания процесса деколонизации и создания десятков новых государств, которые должны были выбрать, по какому пути им развиваться, США не могли более руководствоваться старой стратегией, сформулированной в 1951 г. в рамках Закона о взаимной безопасности. Данный закон требовал от тех стран, которые претендуют на получение

помощи, блоковой солидарности и участия в военно-политическом «сдерживании» СССР. Однако почти все освободившиеся страны выбрали «неприсоединение» или нейтралитет, рассматривая при этом включение в западные военные блоки только как замену европейского империализма американским [8].

Пользуясь такой неповоротливостью Вашингтона, утверждали пропагандисты С.Д. Джексона, Москва начала идеологическое наступление, главным инструментом которого стала экономическая помощь, выглядевшая намного привлекательнее американской. Так, русские не «прикрепляли» к своим пакетам помощи какие-либо условия (например, проведение реформ), как это делал Вашингтон, а позволяли освободившимся странам самим планировать проекты развития. Кроме того, Москва не предоставляла безвозмездную помощь (гранты), а предпочитала мягкие займы, которые также выглядели более привлекательно для новых государств. Наконец, СССР был согласен на возврат кредитов в форме сырьевой продукции (у Египта – хлопок, у Бирмы – рис, у Индии – чай и т. д.), а не твердой валютой [26].

Выбранный Москвой подход представлял собой самый легкий путь навязать коммунистическую идеологию, в первую очередь ее экономический аспект. Если советские займы и специалисты будут приниматься более благосклонно слаборазвитыми странами, утверждали прогрессисты, то тоталитарная часть их экономик – государственный сектор – будет развиваться более активно по мере расширения советской сферы влияния. В то же время США начнут терять экономические возможности (рынки и источники сырья), что может стать для них смертельным ударом. «Если эти страны будут вынуждены полагаться на помощь Советского Союза и начнут постепенно играть роль его сателлитов, то мы столкнемся со всеми опасностями, которые будет нести с собой сжатие свободного мира» [14, р. 213].

Но самая главная опасность для США заключалась в том, что СССР, используя свою помощь, мог перенаправить «националистический импульс» в деструктивное антизападное русло [5, р. 6–7]. Исходя из этого, новая долгосрочная программа американской помощи

должна была фокусироваться не столько на борьбе с советским «экономическим наступлением» как таковым (что составляло смысл концепции «взаимной безопасности»), сколько на развороте этих националистических настроений в конструктивное русло экономического прогресса (концепция «помощи развитию»).

В условиях усиливавшегося национализма помощь являлась единственным инструментом, позволявшим США влиять на ситуацию в третьем мире. Однако слаборазвитые страны были готовы принять помощь, только если она была направлена не на борьбу с американскими врагами, а соответствовала их целям, главной среди которых являлся рост уровня жизни [14; 18].

Аналитики прогрессистской ориентации подчеркивали: «...вы не можете купить друзей или лояльность. Но вы можете показать людям свою заинтересованность в их усилиях улучшить собственную жизнь... Вы можете помочь людям помочь себе и тем самым построить сильные нации, способные защитить свою собственную свободу. Общая заинтересованность в свободе делает страны хорошими союзниками. Нет сомнений, что это самый крепкий бастион защиты от коммунистической агрессии» [20].

Обосновывая долгосрочный характер новой стратегии помощи, прогрессисты указывали, что «единственным честным ответом будет то, что она должна продолжаться всю нашу жизнь и, возможно, жизнь наших детей» [24, р. 2459]. «США должны продолжить посылать миллиарды за рубеж до тех пор, пока русские не откажутся от своих планов захватить мир. Поскольку такой итог русской активности крайне маловероятен, то программа помощи США... должна продолжаться очень долго» [19].

Результаты пропагандистской кампании прогрессистов были весьма впечатляющими. Опросы общественного мнения представлялись особенно важными для продвижения нового плана через конгресс. Так, с глубоким удовлетворением подчеркивалось, что в 1957 г. 71 % опрошенных граждан считал, что экономическая помощь союзникам США была важнее, чем военная поддержка (в 1951 г. таких было только 51 %). 52 % оп-

рошенных поддерживали экономическую помощь для таких нейтральных стран, как Индия. Самая большая доля опрошенных (49 %) считала, что долгосрочные программы – «хорошая идея». Таким образом, делался вывод, что в целом общественное мнение поддерживало изменение философии американской программы помощи [13, р. 700; 25, р. 437].

Используя инерцию этой успешной кампании, прогрессисты сумели сделать следующий революционный шаг. Уже в 1957 г. они добились создания внутри MSP новой структуры помощи в виде Фонда займов на развитие (Development Loan Fund – DLF). В рамках фонда можно было выделять долгосрочные кредиты не только странам-союзникам, но и нейтральным государствам без привязки к идеологии «взаимной безопасности».

Однако, добившись создания DLF, прогрессисты столкнулись с нежеланием конгресса выделять для него достаточное финансирование. Кроме того, было ясно, что в течение 1958 г. эта модернизированная структура помощи будет проходить период становления и не сможет приносить реальных результатов. Все это могло поставить DLF и всю концепцию «помощи развитию» под удар оппозиции. Поэтому, чтобы сохранить фонд и получить финансирование, прогрессисты в 1958 г. начали новую пропагандистскую кампанию, описывающую все ужасы «коммунистического наступления».

Теперь подчеркивалось, что это наступление не ограничивалось ЮВА, а приобрело глобальный характер. Южная Азия, Ближний Восток, Южная Америка – везде в 1958 г. наблюдалось энергичное советское «экономическое проникновение». Так, общая помощь Москвы, переданная 11 ключевым странам Ближнего Востока, составила 1,9 млрд долл., из которых 1,5 млрд долл. были предоставлены в форме экономической помощи, в то время как США предоставили странам региона лишь 900 млн долл. Кроме того, американская программа покрывала более широкий регион, чем советская помощь, которая концентрировалась на таких важнейших в стратегическом отношении странах, как Египет, Цейлон и Йемен [10].

При этом указывалось, что «Советы создали большой и явно высокоэффективный

механизм помощи» [27, р. 389]. Советский полевой персонал превышал американский в 11 важнейших странах в соотношении 2 570 к 1 890 человек. «Советские специалисты явно великолепны – в отношении профессиональной подготовки, аккуратного общения с местным населением, часто языковых возможностей, и они готовы жить и работать в суровых условиях» [27, р. 389].

Группа демократов в сенате также активизировала использование риторики о «советской угрозе». Особенно активен был молодой сенатор Дж. Кеннеди. Он настаивал, что «реальная угроза со стороны советско-китайской коалиции заключается не в том, что она может обогнать нашу страну в промышленном производстве, а в том, что она отчуждает от США наших союзников и друзей в неприсоединившейся части мира» [30]. Сенатор утверждал: «1959 год станет нашим раундом... И если мы будем сейчас действовать в правильном направлении и в правильных рамках, то мы сможем сократить этот постоянно растущий разрыв» [22, р. 157].

Неожиданно прогрессистов поддержал даже Г. Трумэн, который утверждал, что «начиная с 1953 года Советский Союз добился колоссальных успехов в своем экономическом наступлении, в то время как мы торговали военными пактами. <...> Это та сфера, в которой Кремль может доставить свободному миру больше проблем, чем, возможно, он мог бы со всеми своими ракетами и пропагандой в духе холодной войны» [6].

Все эти цифры и факты должны были подтвердить правильность нового курса администрации и необходимость хотя бы подтянуть американские фонды «помощи развитию» к советскому уровню. В целом используемый подход оказался плодотворным: на очередной, 1959 г. конгресс заметно увеличил фонды DLF и несильно возражал против особого акцента на регионы Ближнего Востока, Латинской Америки и Южной Азии. Впервые, начиная с Корейской войны, экономическая помощь в рамках MSP превысила военную [17, р. 135].

Таким образом, к концу 1950-х гг. прогрессисты уверенно перехватили инициативу в отношении формирования внешнеэкономической политики США и принципов использо-

вания помощи. Президенту Эйзенхауэру это не очень нравилось, он даже старался их притормаживать (например, с помощью так называемого «доклада Драппера»), пытаясь не допустить разбалансировки интересов внутри MSP.

Однако ситуация в мире во все большей степени доказывала правильность такой стратегической коррекции. Так, в 1960 г., когда Америка готовилась к президентским выборам, на карте мира появилось более десятка новых независимых государств. Они были полны молодой националистической энергии и явно не собирались слишком долго терпеть свое униженное экономическое положение. В США становилось ясно всем, что пытаться перетягивать их на свою сторону через участие в блоках типа «взаимной безопасности» бессмысленно. С другой стороны, было бы чрезвычайно опрометчиво бросать их на произвол судьбы, поскольку «экономическое наступление» коммунистического блока продолжало набирать силу (с 1954 по 1960 г. Москвой и Пекином было предоставлено кредитов на 3,8 млрд долл.) и ничто не могло остановить новые государства от получения советской или китайской помощи, если она им понадобится.

В результате большинство наблюдателей и экспертов в США было уверено, что любая вновь выбранная администрация, демократическая или республиканская, столкнется с необходимостью более решительно продолжить смещение главного акцента своих внешних усилий с военно-политического «сдерживания» на долгосрочную «помощь развитию».

Дж. Кеннеди, выиграв президентские выборы, на волне своей победы предпринял ряд шагов в сторону дальнейшего ослабления MSP, расширения «помощи развитию», продвижения стратегии девелопментализма. В первую очередь ему удалось создать специализированное агентство (Agency for International Development – AID) и получить большие деньги на программу «Союз ради прогресса», которая предполагала глубокое реформирование стран Латинской Америки. Летом 1961 г. в Вене он пытался лично убедить Н.С. Хрущева остановить свое «экономическое наступление», намекая на возмож-

ность расширить латиноамериканскую программу на весь третий мир. Однако советский лидер не видел смысла уступать: он был уверен в том, что СССР выбрал правильную стратегию, которая скоро довершит «общий кризис капитализма».

Результаты. Таким образом, можно сказать, что на протяжении 1950-х гг. три самые влиятельные группы интересов в правительстве США активно конкурировали между собой за контроль над программой помощи, которая являлась самым эффективным инструментом строительства НМЭП. При этом самым сильным аргументом в этой борьбе явились советская и коммунистическая угрозы. Именно активность Москвы или Пекина в третьем мире становилась ядром пропагандистских кампаний в сражениях за голоса в конгрессе. Таких кампаний в 1950-е гг. было четыре, и все они были инициированы прогрессистами. Так, в 1954 г. они пытались разыграть «вьетнамскую карту» для продвижения «плана Маршалла для Азии»; в конце 1955 г. ими был остановлен «консервативный реванш», направленный на ликвидацию всей программы помощи; в начале 1957 г. им удалось наконец интегрировать в MSP первый инструмент «помощи развитию» – DLF; а в 1958 г. прогрессисты сумели обеспечить полноценное финансирование этого инструмента.

В целом во второй половине 1950-х гг. прогрессистская группировка использовала свои аргументы в ходе пропагандистских кампаний более эффективно, что позволило ей взять программу помощи в рамках MSP под свой контроль и начать переориентацию внешнеэкономической стратегии США с господствовавшей доктрины «взаимной безопасности» в сторону глобалистской концепции «помощи развитию». Указанный тренд достиг своего пика в начальный период президентства Дж. Кеннеди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев, В. И. Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее / В. И. Бартенев // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 204–234.
2. Глазунова, Е. Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам / Е. Н. Глазунова // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 126–157.
3. Шенин, С. Ю. Помощь США слаборазвитым странам. Гарри Трумэн и «пункт-4» / С. Ю. Шенин. – Саратов : Изд-во СГУ, 2017. – 228 p.
4. Шенин, С. Ю. Помощь США слаборазвитым странам. Дуайт Эйзенхауэр и «отбрасывание» коммунизма / С. Ю. Шенин. – Саратов : Изд-во СГУ, 2018. – 272 p.
5. Acheson, D. What is Point Four? Address by the Secretary of State, January 25, 1952 / D. Acheson. – Washington, D.C. : GPO, 1952. – 12 p. – (Department of State Publication No. 4487).
6. Aid Funds Urgent, Truman Declares // The New York Times. – 1959. – 5 Apr. – P. 45.
7. Asia As a Region // The New York Times. – 1955. – 16 May. – P. 22.
8. Bowles, C. The Challenge of the Next Decade / C. Bowles // The New York Times Magazine. – 1957. – 21 Apr. – P. 189, 206–208.
9. Bowles, C. The Crisis That Faces Us Will Not Wait / C. Bowles // The New York Times Magazine. – 1955. – 27 Nov. – P. 245, 266–270.
10. Cut in Interest for Aid is Balked // The New York Times. – 1958. – 19 Jan. – P. 59.
11. Eisenhower, D. Report to Congress on the Mutual Security Program / D. Eisenhower // Department of State Bulletin. – 1954. – Vol. 30, № 770. – P. 484–490.
12. Goldman, M. Soviet Foreign Aid / M. Goldman. – N. Y. ; Washington ; L. : Praeger, 1967. – 265 p.
13. Haviland, H. Foreign Aid and the Political Process: 1957 / H. Haviland // The American Political Science Review. – 1958. – Vol. 52, № 3. – P. 689–724.
14. Hoffman, P. Blueprint for Foreign Aid / P. Hoffman // The New York Times Magazine. – 1957. – 17 Febr. – P. 213, 237–239.
15. Hoffman, P. World Investment, not Foreign Aid / P. Hoffman // The New York Times Magazine. – 1952. – 3 Febr. – P. 185, 204–206.
16. Kaufman, B. The United States Response to the Soviet Economic Offensive of the 1950s / B. Kaufman // Diplomatic History. – 1978. – Vol. 2, № 2. – P. 153–165.
17. Kaufman, B. Trade and Aid: Eisenhower's Foreign Economic Policy, 1953–1961 / B. Kaufman. – Baltimore : John Hopkins University Press, 1982. – 296 p.
18. Lacy, D. Foreign Aid: Is It Still Necessary? / D. Lacy // Harper's Magazine. – 1957. – 16 Febr. – P. 71–80.
19. McGaffin, W. Foreign Aid to Stay On / W. McGaffin // Chicago Daily News. – 1957. – 6 Mar. – P. 17.

20. More Foreign Aid Urged by Hoffman // *Chicago Daily News*. – 1957. – 1 May. – P. 22.
21. Reston, J. A Gain for President / J. Reston // *The New York Times*. – 1954. – 5 Aug. – P. 2.
22. Rostow, W. Eisenhower, Kennedy, and Foreign Aid / W. Rostow. – Austin : University of Texas Press, 1985. – 342 p.
23. Schmidt, D. Policy Appraisal Urged on Dulles / D. Schmidt // *The New York Times*. – 1955. – 29 Nov. – P. 1.
24. Speech by Sen. Hubert H. Humphrey, February 12, 1957 // *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 85th Congress, 1st Session*. – Washington, D. C. : GPO, 1957. – Vol. 103, part 2. – P. 1421–2848.
25. Staley, E. The Future of Underdeveloped Countries: Political Implications on Economic Development / E. Staley. – N. Y. : Harper, 1961. – 483 p.
26. Thorp, W. American Policy and the Soviet Economic Offensive / W. Thorp // *Foreign Affairs*. – 1957. – Vol. 35, № 2. – P. 271–282.
27. U.S. Congress. House of Representatives. Mutual Security Act of 1958. Hearings before the Committee on Foreign Affairs on H.R. 12181. 85th Congress, 2nd Session. – Washington, D. C. : GPO, 1958. – 992 p.
28. U.S. Congress. Senate. Foreign Assistance Activities of the Communist Bloc and Their Implications for the United States. 85th Congress, 1st Session. – Washington, D. C. : GPO, 1957. – 134 p.
29. U.S. International Cooperation Administration. Office of Public Reports. Background for Mutual Security. – Washington, D. C. : GPO, 1955. – 26 p.
30. Wehrwein, A. Kennedy Visions Wide Negro Role / A. Wehrwein // *The New York Times*. – 1959. – 13 Apr. – P. 56.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. Amerikanskije programmy pomoshhi zarubezhnym stranam v oblasti bezopasnosti: proshloe, nastojashhee, budushhee [U.S. Security Assistance Programs: Past, Present, Future]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Moscow University Bulletin of World Politics], 2016, no. 4, pp. 204-234.
2. Glazunova E.N. U istokov sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu: amerikanskaja programma tehničeskoj pomoshhi razvivajushhimsja stranam [At the Origins of International Development Cooperation: The U.S. Program of Technical Assistance to Underdeveloped Countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Moscow University Bulletin of World Politics], 2012, no. 2, pp. 126-157.
3. Shenin S. Yu. *Pomoshch SShA slaborazvitym stranam. Garri Trumen i «punkt-4»* [U.S. Aid to Underdeveloped Countries. Harry Truman and the “Point Four”]. Saratov, Izd-vo SGU, 2017. 228 p.
4. Shenin S. Yu. *Pomoshch SShA slaborazvitym stranam. Duajt Eyzenkhauser i «otbrasyvaniye» kommunizma* [U.S. Aid to Underdeveloped Countries. Dwight Eisenhower and the “Rollback” of Communism]. Saratov, Izd-vo SGU, 2018. 272 p.
5. Acheson D. *What is Point Four? Address by the Secretary of State, January 25, 1952*. Washington, D.C., GPO, 1952. 12 p. (Department of State Publication No. 4487).
6. Aid Funds Urgent, Truman Declares. *The New York Times*, 1959, April 5, p. 45.
7. Asia as a Region. *The New York Times*, 1955, May 16, p. 22.
8. Bowles C. The Challenge of the Next Decade. *The New York Times Magazine*, 1957, April 21, pp. 189, 206-208.
9. Bowles C. The Crisis That Faces Us Will Not Wait. *The New York Times Magazine*, 1955, November 27, pp. 245, 266-270.
10. Cut in Interest for Aid is Balked. *The New York Times*, 1958, January 19, p. 59.
11. Eisenhower D. Report to Congress on the Mutual Security Program. *Department of State Bulletin*, 1954, vol. 30, no. 770, pp. 484-490.
12. Goldman M. *Soviet Foreign Aid*. New York, Washington, and London, Praeger, 1967. 265 p.
13. Haviland H. Foreign Aid and the Political Process: 1957. *The American Political Science Review*, 1958, vol. 52, no. 3, pp. 689-724.
14. Hoffman P. Blueprint for Foreign Aid. *The New York Times Magazine*, 1957, February 17, pp. 213, 237-239.
15. Hoffman P. World Investment, Not Foreign Aid. *The New York Times Magazine*, 1952, February 3, pp. 185, 204-206.
16. Kaufman B. The United States Response to the Soviet Economic Offensive of the 1950s. *Diplomatic History*, 1978, vol. 2, no. 2, pp. 153-165.
17. Kaufman B. *Trade and Aid: Eisenhower's Foreign Economic Policy, 1953-1961*. Baltimore, John Hopkins University Press, 1982. 296 p.
18. Lacy D. Foreign Aid: Is It Still Necessary? *Harper's Magazine*, 1957, February 16, pp. 71-80.
19. McGaffin W. Foreign Aid to Stay On. *Chicago Daily News*, 1957, March 6, p. 17.
20. More Foreign Aid Urged by Hoffman. *Chicago Daily News*, 1957, May 1, p. 22.
21. Reston J. A Gain for President. *The New York Times*, 1954, August 5, p. 2.
22. Rostow W. *Eisenhower, Kennedy, and Foreign Aid*. Austin, University of Texas Press, 1985. 342 p.
23. Schmidt D. Policy Appraisal Urged on Dulles. *The New York Times*, 1955, November 29, p. 1.

24. Speech by Sen. Hubert H. Humphrey, February 12, 1957. *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 85th Congress, 1st Session*. Washington, D.C., GPO, 1957, vol. 103, part 2, pp. 1421-2848.

25. Staley E. *The Future of Underdeveloped Countries: Political Implications on Economic Development*. New York, Harper, 1961. 483 p.

26. Thorp W. American Policy and the Soviet Economic Offensive. *Foreign Affairs*, 1957, vol. 35, no. 2, pp. 271-282.

27. *U.S. Congress. House of Representatives. Mutual Security Act of 1958. Hearings Before the*

Committee on Foreign Affairs on H.R.12181. 85th Congress, 2nd Session. Washington, D.C., GPO, 1958. 992 p.

28. *U.S. Congress. Senate. Foreign Assistance Activities of the Communist Bloc and Their Implications for the United States. 85th Congress, 1st Session*. Washington, D.C., GPO, 1957. 134 p.

29. *U.S. International Cooperation Administration. Office of Public Reports. Background for Mutual Security*. Washington, GPO, 1955. 26 p.

30. Wehrwein A. Kennedy Visions Wide Negro Role. *The New York Times*, 1959, April 13, p. 56.

Information About the Author

Sergey Yu. Shenin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Информация об авторе

Сергей Юрьевич Шенин, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.14>

UDC 94+327
LBC 63.3(0)+66.4(5)

Submitted: 01.05.2020
Accepted: 22.06.2020

SATO MASARU'S VIEWS ON THE RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS IN THE 1990s – 2000s WITHIN THE CONTEXT OF HIS PROFESSIONAL BIOGRAPHY

Maria N. Malashevskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Paper examines the views on politics and politicians of a former diplomat, member of the Japanese MOFA “Russian school”, popular political analyst, author of more than 200 books and articles on politics, politicians and political thought, Sato Masaru. *Methods and materials.* The objective of this study is to extract the most relevant and illustrative ideas about politics and political behavior, expressed by a former diplomat, which relate to the essential characteristics and contents of the Russian-Japanese negotiations in the 1990s. The data sources for our analysis are the memoirs by Sato Masaru and his non-fiction texts (“The Self-Destructing Empire”, “The Art of Negotiating”, “State, God and Marxism”, “Russian-Japanese Diplomatic Relations: Northern Territories and Intelligence”). *Analysis.* Sato Masaru expresses uncommon views on Japanese and Russian political culture during the period of the rise of the Russian-Japanese relations in Post-Cold War era, which coincided with the “Lost Decade” depression in Japan in the 1990s and lasted for three decades. Moreover, Sato’s views illustrate the pragmatic approaches of the Japanese diplomatic machine towards the dialogue with Russia, while he obtained his information by observing members of elite groups of politicians in Moscow and Tokyo. In order to extract and study Sato’s most representative ideas, we have divided our text into four parts: (1) Sato Masaru’s professional biography, (2) his views on the structure of Russian and Japanese elite groups in relation to Sato’s diplomatic activities; (3) his assessment of the Putin-Abe dialogue in the context of the international situation. *Results.* The specific Sato’s views concerning Russian-Japanese relations in the Post-Cold War decades consist in (1) similarities between Russian and Japanese political cultures within the structure and behavior of elites, which are beneficial for a fruitful interstate dialogue; (2) assessment of the Putin-Abe ties in the 2010s taking into account Sato’s diplomatic experience in the 1990s and a panoramic view of international affairs under the Ukrainian crisis and sanctions during the 2010s.

Key words: Sato Masaru, MOFA of Japan, Russian-Japanese relations, intellectual history, nationalism in Japan.

Citation. Malashevskaya M.N. Sato Masaru’s Views on the Russian-Japanese Relations in the 1990s – 2000s Withing the Context of His Professional Biography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 160-172. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.14>

УДК 94+327
ББК 63.3(0)+66.4(5)

Дата поступления статьи: 01.05.2020
Дата принятия статьи: 22.06.2020

ИДЕИ САТО МАСАРУ О РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ СВЯЗЯХ В 1990–2010-е гг. В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

Мария Николаевна Малашевская

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды одного из бывших дипломатов-русистов МИД Японии Сато Масару, являющегося в настоящее время известным в Японии политическим аналитиком, автором более 200 книг и статей. Он высказывает оригинальные идеи относительно функционирования японской и российской политических культур в конце XX – начале XXI в. и транслирует их широкой общественности. Его взгляды на внутреннюю сторону переговорного процесса раскрывают подходы японской стороны к формированию политики на российском направлении, а оценка состояния российско-японских отношений в 2010-е гг. на фоне

международно-политических процессов свидетельствует о глубине анализа политической реальности. Задача исследования состоит в выявлении и изложении специфических идей Сато Масару применительно к характеру и содержанию переговорного процесса с Россией в постбиполярную эпоху (1990–2010-е гг.). В работе показана прямая связь между его профессиональной биографией и идеями, высказанными в многочисленных работах, рассмотренных в контексте внутривосточных и международно-политических изменений. Источниками для конкретно-проблемного, сравнительного и содержательного анализа являются опубликованные Сато Масару мемуары и аналитические тексты. Статья разделена на несколько частей, раскрывающих: 1) профессиональную биографию Сато Масару; 2) взгляды Сато на структуру японских и российских высокостатусных групп в связи с его дипломатической работой; 3) оценку современного состояния российско-японских отношений. Тексты Сато Масару не обладают системностью, в проведенном нами исследовании сделана попытка выделить свойственные данному автору идеи о российско-японских отношениях последних тридцати лет, касающиеся взаимодействия России и Японии на уровне элит, а также рассмотрены оценки двустороннего диалога с учетом изменения международно-политической ситуации в 2014 г. в связи с политическим кризисом на Украине.

Ключевые слова: Сато Масару, МИД Японии, российско-японские отношения, интеллектуальная история, национализм в Японии.

Цитирование. Малашевская М. Н. Идеи Сато Масару о российско-японских связях в 1990–2010-е гг. в контексте его профессиональной биографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 160–172. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.14>

Введение. Взгляды, которыми руководствуется японское дипломатическое сообщество, и интеллектуальное содержание проводимой политики крайне фрагментарно затрагиваются в работах отечественных исследователей, уступая место детальному изложению фактов двусторонних отношений и историко-проблемному и политологическому анализу их состояния на протяжении двухвековой истории (Э.Я. Файнберг, Л.Н. Кутаков, С.Л. Тихвинский, И.А. Латышев, Е.М. Османов, К.Е. Черевко, В.Э. Молодяков, Д.В. Стрельцов, В.В. Щепкин, А.Н. Панов, В.В. Кузьминков, А.Е. Куланов и др.). Политические отношения, дипломатия и территориальный спор вокруг южных островов Курильского архипелага, так называемые исследования о «северных территориях», представляют собой основной круг тем, поднимаемых японским научным сообществом и публицистами (Симотомай Нобуо, Вада Харуки, Кимура Хироси, Хасэгава Цуёси, Ивасита Акихиро, Окуяма Ютака, Хонда Рёити, Роккаку Хироси и др.). С точки зрения японских исследователей, полноценный суверенитет, преодоление последствий Второй мировой войны, экономическая и политическая мощь и имидж Японии являются идейным ядром, обуславливающим логику проводимой Токио политики [15]. Российское направление японской дипломатии нередко оценивается в качестве площадки для от-

стаивания исключительно территориального суверенитета и рассматривается через призму правового аспекта отношений, то есть подписанных соглашений, что значительно упрощает оценку идейного содержания деятельности МИД Японии, его «русской школы»¹ и политических элит Японии в отношении нашей страны.

Объектом изучения в настоящей статье являются идеи и оценки относительно содержания и механизмов российско-японского взаимодействия в постбиполярную эпоху, отраженные в публицистических и автобиографических работах дипломата-русиста Сато Масару, служившего некарьерным специалистом МИД Японии в 1985–2002 гг. и ставшего одним из видных специалистов по России во внешнеполитическом ведомстве Японии. Он работал с лидерами «русской школы» МИД, такими как Того Кадзухико, Кавато Акио, Тамба Минору, оставившими заметный след в двусторонних отношениях и интеллектуальной истории российско-японских связей, являвшимися авторами академических работ, воспоминаний и художественных произведений о России и российском направлении дипломатии Японии. Сато Масару стал наиболее плодотворным из дипломатов-русистов в отставке на литературном поприще. Он начал публикационную и общественно-политическую деятельность после увольнения из МИД Японии

в результате коррупционного скандала вокруг его политического патрона Судзуки Мунэо в 2002 г.: с 2005 г. Сато написано и опубликовано более 200 книг, статей, сборников интервью, он редактор и постоянный автор нескольких общественно-политических журналов. В настоящее время Сато Масару позиционирует себя в качестве публициста и независимого политического мыслителя, творчество которого обращено к актуальным политическим проблемам. В отечественной научной литературе взглядов выбранного нами автора касались такие японоведы и специалисты по международным отношениям, как Д.В. Стрельцов, А.В. Иванов, В.В. Кузьминков, А.Е. Куланов, В.И. Винокуров.

Методы и материалы. В данной работе ставится задача выделить отраженные в текстах Сато Масару специфические идеи о политике, политиках, российско-японских отношениях, политических культурах России и Японии в контексте диалога двух стран после распада СССР. Представленное исследование находится на стыке дипломатической, интеллектуальной и персональной истории и сфокусировано на разборе идей Сато Масару исходя из исторического контекста их появления, то есть с учетом внутривнутриполитических, международно-политических и идеологических изменений, произошедших в Японии в этот период, и анализа его личного профессионального и духовно-интеллектуального опыта. Понимание предложенных Сато Масару идей требует освещения его профессиональной биографии и рассмотрения отношений с политиком Судзуки Мунэо, наложивших глубокий отпечаток на содержание его публикаций. В качестве методологии применяется конкретно-проблемный, сравнительный и содержательный анализ нескольких текстов Сато Масару («Саморазрушающаяся империя» [21], «Искусство ведения переговоров» [23], «Государство, бог и Маркс» [22], «Российско-японские дипломатические отношения: «северные территории» и разведка» [24]), в которых отражены своеобразные и разносторонние взгляды бывшего дипломата. Для решения поставленной задачи текст исследования разделен на несколько частей, раскрывающих: 1) профессиональную биографию Сато Масару; 2) взгляды Сато на структуру

японских и российских высокостатусных групп в контексте его дипломатической работы; 3) оценку современного состояния российско-японских отношений.

Анализ. Пик активности дипломата Сато Масару приходится на 1990-гг., получившие в Японии название «потерянное десятилетие» по причине постигшего эту страну кризиса, совпавшего с периодом окончания холодной войны. На национальном уровне Япония столкнулась с комплексным кризисом: во-первых, с экономическими потрясениями, которые связаны с так называемым крахом «экономики мыльного пузыря» в 1990 г. и началом затяжной экономической депрессии [16, с. 204; 37, с. 267–268]; во-вторых, с политическим кризисом и распадом политической системы 1955 г., установленной премьер-министром Хатояма Итиро в форме доминирования либерально-демократической партии, консолидировавшей в своих руках всю полноту власти в стране; в-третьих, с природными и антропогенными экстремальными ситуациями (землетрясение в Кобэ в 1995 г., зариновая террористическая атака в Токийском метро, серия убийств, совершенных несовершеннолетними) [1; 17]. Во внешнеполитическом измерении Япония испытала уменьшение авторитета на мировой арене на фоне «поражения» в войне в Персидском заливе в 1991 г., деструктивной политики в СССР в 1991–1992 гг., сведенной до давления на правительство Б.Н. Ельцина по территориальной повестке. В середине десятилетия наметился стремительный рост Китая, приведший к утрате Японией лидирующего положения в Азии [36, р. 73, 80, 155]. В 1990-е гг. в интеллектуальной жизни страны наблюдается глубокое переосмысление идеи «национального государства» и рост национализма в процессе трансформации в «нормальное государство» [8, с. 131–132; 9, с. 153]. На деятельности МИД Японии отразились в первую очередь международные события, связанные с окончанием холодной войны, а также внутривнутриполитический кризис 1993 г., когда доминантная с 1955 г. либерально-демократическая партия утратила лидерство до 1996 г., что привело к размытию прочной базы национальной внешнеполитической стратегии. Возвращение партии к власти в 1996 г. заставило ее членов выработать бо-

лее четкую стратегию внутренней и внешней политики. Судзуки Мунэо, патрон Сато Масару, оказался в команде правящей группировки, и идеи Судзуки и Сато получили возможность для внедрения в проводимую Токио политику.

1. Профессиональная биография Сато Масару. Сато Масару родился в 1960 г. в префектуре Сайтама в семье бывшего военнослужащего Японской императорской армии и уроженки Окинава, жертвы американских бомбардировок и плена в 1945 г., принявшей католичество после окончания войны и воспитавшей в этой вере сына [21, с. 379–380]. Будущий дипломат получил хорошее образование в известном киотском университете Досися, где специализировался на изучении Чехословакии [22, с. 91–92]. После окончания магистратуры на факультете религиоведения, защитив магистерскую диссертацию на тему «Связь протестантизма и социалистической власти в Чехословакии», в 1985 г. он сдал специальный экзамен для поступления в МИД Японии в качестве дипломата-специалиста (некарьерного дипломата).

В МИД Японии Сато Масару направили изучать русский язык, что предопределило дальнейший путь в качестве дипломата-руссиста. По традиции он был командирован для повышения профессиональной и языковой квалификации в Великобританию, а затем в 1987 г. прибыл в посольство Японии в Москве в должности третьего секретаря. В этот период наблюдалось стремительное сближение СССР и Японии, инициированное премьер-министром Накасонэ Ясухиро и министром иностранных дел Абэ Синтаро². Япония, занимая статус западной экономической сверхдержавы, стояла на втором месте по объему ВВП среди стран капиталистического лагеря, в 1980-е гг. превратилась в экономического лидера среди государств Азии [15, с. 163]. В середине 1980-х гг. эти обстоятельства предоставили возможность выстраивать более прагматическую политику в отношении СССР, хотя истеблишмент продолжал мыслить в терминах «Гранд-стратегии Ёсида» с ее ориентацией на военно-стратегический альянс с США, продвижение ценностей «свободного мира» и лидерство в Азии в качестве ведущей экономики и демократии региона [3; 6; 15, с. 27, 170; 38, с. 118–120]. В это время в СССР

была запущена политика «перестройки» и «нового политического мышления», наметившая поворот советской внешней политики в сторону сближения со странами Запада, в том числе и с Японией, что отражено в выступлении М.С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г., где советский лидер говорил о расширении связей со странами Азии [19, с. 10–29]. Японское правительство и лично премьер-министр Накасонэ Ясухиро приветствовали наращивание экономических контактов между странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) и рассматривали политику Токио в качестве основного стимула для экономической интеграции Дальнего Востока СССР в АТР [14, с. 509–510].

Сато Масару, прибыв к месту службы в Москве в 1987 г., начал свою работу в условиях расширения и прагматизации диалога с СССР, и в то же время, после ухода Накасонэ с поста премьер-министра, в 1988–1989 гг. начался новый виток догматизации политики Токио, который продлился до осени 1992 года. Это было связано с ужесточением требований территориального характера, приобретших свойства предварительных условий для расширения сотрудничества [33, с. 27]. Догматизация проводимой Токио политики на советском, а затем российском направлении продвигалась консервативно настроенными лидерами либерально-демократической партии (Уно Сосукэ, Сакураути Ёсио, Одзава Итиро, Ватанабэ Митио и др.) в ходе встреч с М.С. Горбачевым, Б.Н. Ельциным, Э.А. Шеварднадзе, А.В. Козыревым.

Сато Масару, служивший в посольстве до 1995 г., занимался детальным изучением политической, экономической и этнополитической ситуации в СССР (Прибалтика, Кавказ). В годы пребывания в Москве он прилагал усилия для налаживания личных контактов с представителями советского общества. Благодаря учебе в МГУ, в эти годы ему удалось познакомиться с молодыми прибалтийскими диссидентами, ставшими источником сведений о текущих настроениях и актуальных событиях в Прибалтике [21, с. 114–124]. К середине 1990-х гг. дипломат приобрел обширные связи в интеллектуальной и журналистской среде Советского Союза и впоследствии Российской Федерации, тесно общался с политиками и общественными деятелями.

В начале 1990-х гг. Сато Масару познакомился со своим будущим политическим патроном – влиятельным депутатом нижней палаты парламента Судзуки Мунэо (либерально-демократическая партия Японии), который в 1990-е – начале 2000-х гг. специализировался в парламенте на проблеме «северных территорий». В июне 1991 г. депутат в должности парламентского советника министра иностранных дел Японии посетил Москву для встречи с заместителем министра иностранных дел СССР И.А. Рогачёвым, тогда Сато Масару был назначен переводчиком делегации [28, с. 160].

После распада СССР обмен информацией между Сато Масару и Судзуки Мунэо стал более интенсивным. В 1990-е гг. Судзуки занимал видное положение в партии, возглавлял комиссию по внешней политике в нижней палате парламента. Депутат сблизился с другими представителями «русской школы», в частности Того Кадзухико. Благодаря влиятельности Судзуки Мунэо, Сато и Того с середины 1990-х гг. получили политическую поддержку для продвижения своих проектов в области российско-японских отношений через парламент. После возвращения в Японию в 1995 г. Сато был назначен на должность эксперта в Департаменте международной информации МИД и до 2002 г. занимался сбором и анализом сведений о России. В 1998 г. по распоряжению Обути Кэйдзо он должен был создать специальную разведывательную структуру по изучению России и оспариваемых Японией островов [22, с. 114].

В 1991–2002 гг. на основе «тангема Сато – Судзуки» формируется так называемая «группа Судзуки» (*Судзуки дан*), идейным ядром которой станет предметный курс по расширению контактов с молодой российской политической элитой, направленный на укрепление позиций Японии в Москве и продвижение концепции «поэтапного решения территориальной проблемы». Высшей точкой влияния так называемой «группы Судзуки» станут 1996–2001 гг. при премьер-министрах Хасимото Рютаро, Обути Кэйдзо и Мори Ёсиро, вернувших власть либерал-демократов. Судзуки Мунэо связывали тесные партийные и личные отношения с влиятельным лидером партии Обути Кэйдзо, возглавлявшим одну из

ее наиболее могущественных фракций (осколок бывшей «суперфракции Танака»). Идеи Сато и Судзуки превалировали в предложениях Токио, выдвинутых на переговорах с Б.Н. Ельциным во второй половине 1990-х гг. и в первые годы президентства В.В. Путина, а также в проводимой Японией политике инфраструктурных проектов на Курильских островах [13]. В кабинете Хасимото Рютаро Судзуки Мунэо занимал должность директора Агентства по делам Окинавы и «северных территорий»: в этом качестве он участвовал во встрече на высшем уровне между Б.Н. Ельциным и Хасимото Рютаро в ноябре 1997 г. и в переговорах с сахалинской администрацией в конце 1997 г. [28, с. 185]. Расширение влияния Судзуки в МИД Японии и важная роль, которую начали играть Сато Масару и Того Кадзухико в формировании политики в отношении России, вызвали острое недовольство среди дипломатов-русистов, поскольку многие не разделяли взглядов и подходов Того и Сато и не одобряли их влияние на переговоры с Россией. Сато Масару отметил, что резким противником курса, которого он придерживался вместе с Того Кадзухико и Судзуки Мунэо, стал заведующий Отделом России МИД Кодэра Дзиро, занимавший этот пост в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [20, с. 87]. Кодэра выказывал резкое недовольство по отношению к Судзуки Мунэо, действовавшему напрямую через Того Кадзухико (директор Департамента Европы 1999–2001 гг.) и эксперта Сато Масару, образуя канал связи между МИД и Кабинетом министров в обход Отдела России.

Вторым фактором, приведшим к сокрушительному падению Судзуки Мунэо и его единомышленников, стала острая политическая борьба с харизматичным лидером Коидзуми Дзюньитиро, пришедшим к власти в 2001 году. Судзуки Мунэо потерпел поражение: в 2002 г. разразился коррупционный скандал, связанный с его именем (так называемый «инцидент Судзуки Мунэо»; *судзуки мунэо дзикэн*) [12]. Предметом особого внимания следователей, прессы и широкой общественности стал «Дом российско-японской дружбы», возведенный на о. Кунашир в рамках помощи, оказанной Японией России посредством программ официальной помощи развитию (ОПР) во второй половине 1990-х гг. [2; 25; 29].

Деятельность Судзуки была обесценена, против него началось уголовное расследование, где он, Сато Масару и несколько десятков сотрудников МИД Японии были признаны виновными, лишены своих должностей, оштрафованы или заключены под стражу [11, с. 200–201]. После длительного следствия в феврале 2005 г. Сато был признан виновным в предательстве интересов МИД и расходовании средств министерства и «осужден Токийским окружным судом на 2 года 6 месяцев исправительных работ с отсрочкой вступления приговора в законную силу на четыре года» [31].

Воспользовавшись неожиданно пришедшей в связи с громким скандалом славой, Сато проявил себя как талантливый писатель. В 2005 г. на смену Сато-дипломату пришел Сато-публицист, дебютировавший с книгой «Ловушка государства» [20], где легким, увлекательным языком изложен его взгляд на события конца 1990-х – начала 2000-х гг., связанные со скандалом вокруг Судзуки Мунэо, ситуацией в МИД и нюансами переговоров с Россией. Книга стала бестселлером и была переиздана в 2007 году. Россия и МИД Японии были первыми темами его творчества, хотя в настоящее время круг затрагиваемых им проблем значительно шире: он касается политической культуры Японии, японской дипломатии в Азии, идеологии и религии, актуальных проблем японской внутренней политики, угроз со стороны терроризма, империализма, национализма.

В фокусе ранних работ Сато Масару стоит фигура Судзуки Мунэо, которого он, руководствуясь философией Г.В.Ф. Гегеля, оценивает в качестве великой личности [22, с. 49; 4, с. 84]. Сато подводит читателя к мысли, что деятельность Судзуки Мунэо на поприще российско-японских отношений была проникнута замыслом истории, прямо называет его «исторической личностью» (*рэкиситэки кодзин*) [22, с. 51]. Столкновение Судзуки Мунэо и Коидзуми Дзюнъитиро трактуется как историческая необходимость. При этом Судзуки Мунэо изображается как защитник истинных интересов государства (на примере его российской политики) [22, с. 14–16], а Коидзуми Дзюнъитиро – как властолюбивый популист. В работах Сато первого десятилетия публи-

цистического творчества мир политического во многом замыкается на фигуре его политического патрона и их совместном опыте дипломатической работы.

2. «Внутренний круг» во внутренней и внешней политике. В мемуарах Сато Масару приписывает себе роль политического антрополога, который, будучи действующим дипломатом, имел доступ к высокостатусным группам российских и японских политиков. Такие группы стремятся сохранить контроль над информацией о себе и закрыты для включенного наблюдения ученых [32, с. 65]. В текстах Сато российско-японский диалог – это не результат, представленный в виде достигнутых договоренностей и подписанных документов, а переговорный процесс, протекающий на разных уровнях взаимодействия. Это обусловлено тем, что Сато обладает богатым опытом общения с советскими и российскими политическими элитами, приобретенным в годы службы в Москве.

Борьба групп интересов внутри японской политической элиты и возможность налаживания контактов с новым российским политическим истеблишментом – одна из центральных тем ранних работ Сато Масару. В «Искусстве ведения переговоров», помимо классификации переговоров по типам [23; 10], автор дает детальные характеристики представителям мира японской и российской политики и дипломатии. Представляет интерес оригинальная оценка личности Б.Н. Ельцина: «Ельцин – вдумчивый и хитрый политик. Это значит, что он приблизил и дал новое назначение Тарпищеву не по своему царскому капризу, поскольку тот не оставил его в изоляции, когда Ельцин впал в немилость (Горбачева. – М. М.), и продолжал играть с ним в теннис. Он назначил того на должность контролирующего спорт и туризм в России, когда Тарпищев управлял “спортивной мафией” страны. Как мне кажется, это было сделано для укрепления его личной платформы власти» [23, с. 124]. Изображая российскую политическую систему в лицах, Сато Масару ставит в ее центр самого президента Б.Н. Ельцина, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти, поэтому влияние на первое лицо государства определяло успех переговоров Японии с Россией. Такой подход нашел практическое

применение в период подготовки неформальной встречи «без галстуков» между Хасимото Рютаро и Б.Н. Ельциным в Красноярске, когда Сато Масару, Того Кадзухико и Судзуки Мунэо провели для японского лидера лекцию о методах налаживая эффективного контакта с Б.Н. Ельциным [28, с. 180].

Политический мир России и Японии в текстах Сато Масару обладает определенным параллелизмом. На основе опыта Судзуки Мунэо он высвечивает важный нюанс политического поведения – доступ Судзуки к так называемой «внутренней деревне» (*ути но мура*), то есть верхушке политической элиты Японии при премьер-министрах Хасимото, Обути и Мори. Борьба за власть с Коидзуми лишила Судзуки этого доступа, когда он был отстранен от государственных дел посредством публичного коррупционного скандала (так называемое «уничтожение политика», *сэйдзика массацу* [27]).

Особая тема в творчестве Сато Масару – это тайные переговоры элит в России и Японии и переговоры элит между собой. Они представляют собой принципиально новый механизм взаимодействия между Россией и Японией, внедренный после окончания холодной войны в 1990-е гг., и, как считает Сато, являются неотъемлемым атрибутом проведения эффективной политики Токио в Москве на современном этапе. Он проводит аналогию между политическим миром Москвы и Токио, представляя в качестве примера переговоры Судзуки Мунэо с депутатами из региона Кансай (Западная Япония) во время парламентских выборов в июле 1998 г., состоявшиеся в одном из ресторанов в фешенебельном районе Акасака в Токио³. Сато считает, что собеседники Судзуки были связаны с организованной преступностью и могли оказать ему поддержку на предстоящих выборах [23, с. 120]. Он намеренно подчеркивает сходство организованной преступности в России и в Японии 1990-х гг., указывая на влияние незаконных группировок на администрацию Б.Н. Ельцина путем предоставления силовой и финансовой поддержки политикам. Соответственно, представители таких группировок пробуждали интерес для реализации политики Токио в России.

Для продвижения выгодных японской стороне решений требовались связи во «внут-

ренних кругах» политической элиты России. Сато Масару отмечает, что в российской политической жизни аналогичную ресторанами Акасака роль играют специальные закрытые московские рестораны. Сато Масару выстроил мост между двумя политическими культурами, который позволил создать эффективную коммуникацию между Токио и Москвой и стал механизмом японской дипломатии в последнем десятилетии XX века. Согласно Сато, в Токио узкий круг принимающей государственные решения элиты называется «*ути но мура*» или «*оку но ин*» («заповедный храм»), а в России 1990-х гг. эту роль исполняет «*инна:са:куру*» («внутренний круг»), под которым подразумевается ограниченная группа лидеров правительства и бизнеса, принимающая важнейшие государственные решения и жестко контролирующая контакты и информацию о себе. Площадкой для встреч служит отдельно построенное здание с садом и ограниченным доступом. Сато вспоминает, что японская сторона в конце 1990-х гг. надеялась заручиться поддержкой прояпонского лобби в Москве. Тогда некий известный адвокат, связанный со спецслужбами и чиновничеством, пригласил его в специальный ресторан с целью проведения переговоров [23, с. 182–183]. Москва искала финансовой помощи, а Токио был заинтересован в лоббировании вопроса о Курилах в российском парламенте. Судзуки Мунэо должен был выглядеть в Москве влиятельным лоббистом с достаточным политическим весом для улаживания в японском правительстве возможных трений по вопросу решения территориальной проблемы с Россией и подписания мирного договора. Сато писал о поставленном перед ним выборе провести подобную сделку, но он предпочел отказаться от данного решения, поскольку оно «преступно», тем самым поставив вопрос о пределах морального поведения в политике. В своих ранних работах Сато через призму личного опыта показал конкретные механизмы взаимодействия России и Японии в 1990-е гг. на уровне переговоров элит, аналогичные мотивы не раскрываются в его работах последних лет. Он намеренно проводит параллель между принципами функционирования российской и японской политических культур с целью обнаружения возможных точек пересечения,

представляющих собой капитал конструктивного сотрудничества.

3. Российско-японские дипломатические отношения: «северные территории» и разведка. В небольшой работе «Российско-японские дипломатические отношения: “северные территории” и разведка» [24], вышедшей в 2017 г., Сато Масару обращается к широкому кругу международно-политических проблем, на фоне которых анализируется российско-японский диалог последнего десятилетия. В основу книги легла серия статей, опубликованных Сато Масару в 2013–2016 гг. в его авторской колонке на страницах известной консервативной газеты «Санкэй Экспресс», традиционно занимающей резко антироссийские позиции по территориальной проблеме. В качестве эпилога представлен сокращенный текст его анонимной работы 1991 г., посвященный изложению причин и процесса распада СССР и роста националистических движений в советских национальных республиках [5]. В статьях 2013–2016 гг. Сато Масару комментировал события российско-японского взаимодействия в 2013 г. после прихода к власти Абэ Синдзо, политический кризис на Украине 2014 г., санкции против России со стороны стран Запада, в том числе Японии, развитие диалога между Россией и Японией на высшем уровне после 2014 года. Он попытался обозначить роль спецслужб в формировании политики государств (на примере В.В. Путина, А.В. Турчинова и др.), однако эта часть слабо раскрыта, автор ограничился упоминанием связей политиков со спецслужбами, глубоко не анализируя значение разведки в политике, проводимой Россией, Украиной и странами ЕС. Сато Масару остается последовательным, стремясь высветить роль лидера России в лице ее президента, поставленного, как и в более ранних работах, на вершину российской властной иерархической пирамиды. Налаживание «доверительного диалога» и «личное доверие» между В.В. Путиным и Абэ Синдзо представляют собой базис конструктивных связей России и Японии [24, с. 42, 44–45, 206]. Сато излагает нюансы российско-японского диалога 2013–2016 гг., однако с внешних, объективных позиций, в отличие от более ранних работ, где он на основе личного опыта и субъективных оценок показывает

внутреннюю сторону переговоров между элитами Москвы и Токио [20; 21; 23; 26]. В качестве главной проблемы автор текстов поставил территориальные разногласия двух стран, уравненные с проблемой заключения мирного договора. Однако, опираясь на материалы российских медиа, он стремился показать разницу позиций России и Японии, сформировавшуюся на основе исторического опыта и трактовок истории в обеих странах.

Относительно политического кризиса на Украине 2014 г. и последовавших санкций в отношении России Сато осторожно продвигал мысль о необходимости для Японии самостоятельной позиции [24, с. 105]. Он отдельно остановился на процессе восстановления контактов на высшем уровне между Россией и Японией осенью 2014 г., рассматривая приезд в Москву бывшего премьер-министра Мори Ёсиро, с которым у президента России сложились дружеские отношения в период влияния Сато на диалог России и Японии в 2000–2001 гг., в качестве ключа к восстановлению утраченной динамики диалога между Москвой и Токио в середине 2010-х гг. [24, с. 148–151]. Сато Масару определял «Токийскую декларацию» 1993 г., в которую включена так называемая «территориальная статья», и «Иркутское заявление» В.В. Путина и Мори Ёсиро 2001 г. как базис для развертывания диалога между премьер-министром Абэ Синдзо и президентом В.В. Путиным в 2015–2016 годах.

Сато Масару трактовал события на Украине, сближение России и Китая через призму популярных на Западе идей «нового империализма» [34; 35], приписывая Москве, Пекину и Тегерану цель сформировать «новую ось» мирового порядка [24, с. 102–103]. В нескольких работах он стремился последовательно показать империалистическую сущность СССР и современной России, использующей в качестве идеологического ядра особую форму националистической идеологии – «евразийскую концепцию»⁴ [24, с. 16]. Кремль, по его мнению, наследует имперские традиции Византии в экспансионистской политике, что необходимо учитывать японской дипломатии, стремящейся реализовать территориальные требования [24, с. 18]. Проблема национализма – одна из наиболее исследуемых японскими учеными тем [7; 30] – неоднократно поднималась в

текстах Сато: независимо от своей формы, национализм понимается этим автором как государствообразующий «миф», ядро идеологической системы [22, с. 184, 190, 210–211], однако его эскалация трактуется Сато как путь к разрушению государства. Он подчеркивает универсальный характер конструирования «мифов» в государственных идеологиях стран Европы, Азии и Африки [21; 22].

Кризис на Украине в 2014 г. Сато Масару также увязал с тенденцией к формированию этнократической элиты на постсоветском пространстве и усмотрел связь между событиями 2014 г. и процессом распада СССР в 1989–1991 г., анализируя рост националистических движений в Прибалтике, в Центральной Азии и на Южном Кавказе. «Движение национального пробуждения», усилившееся в национальных республиках на рубеже 1980–1990-х гг., и отказ от содействия «старшего брата» в лице РСФСР привели к дезинтеграции Советского Союза и объявлению независимости бывших социалистических республик [24, с. 213–272]. Таким образом, Сато Масару связал современную международно-политическую ситуацию, политические отношения России и Японии в 2010-е гг. с периодом 1980–1990-х годов. Анализируя актуальные события, Сато Масару ссылается на личный опыт дипломатической службы, акцентируя внимание на изучаемых им проблемах в годы работы в посольстве в Москве в 1987–1995 годах. Российско-японские переговоры 1996–2001 гг. рассматриваются им в качестве наиболее продуктивных в постбиполярную эпоху, поскольку внедрялись новые механизмы взаимодействия, такие как глубокий диалог на уровне российской и японской элит, были выдвинуты альтернативные подходы относительно решения территориальных разногласий (концепция поэтапной передачи) и расширения конструктивного партнерства; при активном участии Сато Масару, Того Кадзухико и Судзуки Мунэо была проведена встреча на высшем уровне между Мори Ёсиро и В.В. Путиным в Иркутске и было подписано «Иркутское заявление» в 2001 г., подтвердившее территориальную статью «Токийской декларации» 1993 г. и действенность «Совместной декларации» 1956 г. [24, с. 191, 196]. Представители так называемой «группы Судзуки» оце-

нивают это заявление как «дипломатическую победу» Японии по территориальному вопросу, к которой они лично причастны [26, с. 214].

Результаты. Тексты Сато Масару отражают многообразие его взглядов, имеющих отношение к развитию российско-японского диалога в 1990–2010-е гг., политическому поведению, месту национализма в политике. Личный опыт работы в посольстве в Москве, служба в качестве аналитика МИД, сотрудничество с Судзуки Мунэо продолжают оставаться центральными мотивами его творчества. Разработанные ими в 1990-е гг. дипломатические механизмы преподносятся в качестве критерия эффективности российско-японских отношений в текущей ситуации. Взгляд на универсалии политической культуры в связи с моделями поведения российских и японских элит, проблемы национализма и создания «государственных мифов» позволяют проводить аналогии на глубинном мировоззренческом и идеологическом уровнях и выстраивать конструктивное взаимодействие между Японией и Россией.

Сато остается последовательным в своих взглядах относительно иерархии политической структуры России, ставя на вершину пирамиды президента страны. Развитие «доверительных отношений» на уровне лидеров стран становится залогом формирования продуктивных межгосударственных связей. Наконец, Сато Масару последовательно рассматривает в качестве ядра российской национальной идеи разные формы «империализма», что должно способствовать пониманию целей политики Москвы в глазах токийского политического истеблишмента, на который в значительной мере ориентированы тексты Сато Масару последних лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «русской школой» (росиан суку:ру) подразумеваются сотрудники Отдела СССР, после распада СССР – Отдела России, которые специализируются на России; это обиходное название в японском информационном пространстве. А.Н. Панов предлагает термин «русская группировка» для страновых отделов [18, с. 46–47].

² С 1977–1978 гг. до 1984–1985 гг. отношения стран были фактически заморожены на фоне нор-

мализации связей Японии и КНР и политики стран Запада, выступавших против советской операции в Афганистане. Волевым усилием Накасонэ Ясухиро его администрация начала прощупывать почву для разморозки отношений еще в 1983–1984 гг., в 1985 г. он посетил СССР с неофициальным визитом.

³ Район Акасака – один из деловых и наиболее фешенебельных районов Токио, отели и рестораны этого района служат главной площадкой для неофициальных переговоров между депутатами, чиновниками и представителями бизнеса; это место, где бурлит закулисной политической жизни страны.

⁴ Сато опирается на идею британского журналиста Ч. Кловера – автора книги «Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism» (2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1990 нэндай барабара-ни натта кото – Оосава Сатоси интабю: [= Разные проблемы 1990-х гг. – интервью с Оосава Сатоси]. – 05.10.2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cakes.mu/posts/17880/> (дата обращения: 29.04.2020). – Загл. с экрана.
2. В Японии арестуют лидера «русской группы» // Коммерсантъ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/327651> (дата обращения: 29.04.2020). – Загл. с экрана.
3. Ван Вэйбин. Ёсиданайкаку-но тайттю: гоку тайсаку то сэйкэйбунри [= Политика кабинета Ёсида Сигэру в отношении Китая и политика «сэйкэйбунри»] / Ван Вэйбин // Сю:до:хо:гаку [= Журнал Университета Хиросима-Сюдо]. – 2003. – № 25 (2). – С. 111–137.
4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; пер. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
5. Дзай Мосукува нихондзин сё:ся ман. Сорэн но хонто: но хонто – миндзокумондай [= Японец-сотрудник торговой компании в Москве. Вся правда о Советском Союзе: этнические проблемы]. – Токио: Айпэккупурэсу, 1991. – 53 с.
6. Ёсида Сигэру // Политическая энциклопедия современной Японии. В 2 т. Т. 1 / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе, И. М. Крупянко. – М.: Междунар. отношения, 2018. – С. 280–283.
7. Карубэ Тадаси. Фую:суру рэкиси – 1990 нэндай но тэнно:рон [= Ускользящая история: теория тэнно в 1990-е гг.] / Карубэ Тадаси // Сякай кагаку кэнкю: [= Исследования общественных наук]. – 2006. – Т. 58, вып. 1. – С. 37–46.
8. Като Тикако. Кокуминкоккарон то сэнгорэ-кисигаку – «си» рон-но кано:сэй [= Теория национального государства и послевоенная историческая наука: возможности эго-концепции] / Като Тикако // Рицумэйкангэнгобунгакукэнкю: [= Исследования языка и литературы Рицумэйкан]. – 2015. – № 10. – С. 125–139.
9. Крупянко, М. Японский национализм (идеология и политика) / М. Крупянко, Л. Арешидзе. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 408 с.
10. Кузьминков, В. В. Об искусстве проведения переговоров Масару Сато» / В. В. Кузьминков // Япония наших дней. – 2010. – № 3. – С. 56–79.
11. Латышев, И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005 / И. А. Латышев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2005. – 416 с.
12. Малашевская, М. Н. Разгром «группы Судзуки Мунэо» в 2002 г. и ужесточение политического курса Японии в отношении России при Коидзуми Дзюнъитиро / М. Н. Малашевская // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 11–21.
13. Малашевская, М. Н. Политика Японии на российском направлении во второй половине 1990-х гг.: инфраструктурные проекты Судзуки Мунэо (1995–2000 гг.) / М. Н. Малашевская // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 2 (10). – С. 95–103.
14. Накасонэ Ясухиро га катару сэнго нихонгайко: [= Японская послевоенная дипломатия, изложенная Накасонэ Ясухиро] / авт. и сост. Накасонэ Ясухиро. – Токио: Изд-во Синтё:ся, 2012. – 663 с.
15. Нихон-но гайко. Дзэн 6 кан. Дай 2 кан. Гайко: си сэнгохэн [= Японская дипломатия. Т. 2. История дипломатии в послевоенные годы]. – Токио: Иванами сётэн, 2013. – 302 с.
16. Огава Кадзуо. Усиниварэта дзю:нэн но синдзицу [= Правда о потерянном десятилетии] / Огава Кадзуо. – Токио: То:ё:кэйдзай симпо:ся, 2009. – 392 с.
17. Оосава Сатоси. 1990 нэндай рон [= Концепции 1990-х гг.]. – Токио: Кавадэ сёбо синся, 2017. – 336 с.
18. Панов, А. Н. Японская дипломатическая служба / А. Н. Панов. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 184 с.
19. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина, 28 июля 1986 года // Избранные речи и статьи. В 7 т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1987. – С. 9–34.
20. Сато Масару. Кокка но вана. Гаймусё: но расупутин то ёбарэтэ [= Ловушка государства. Меня назвали Распутиным МИДа] / Сато Масару. – Токио: Синтё:ся, 2005. – 550 с.
21. Сато Масару. Дзикайсуру тэйкоку [= Само-разрушающаяся империя] / Сато Масару. – Токио: Синтё:ся, 2006. – 414 с.
22. Сато Масару. Кокка то ками то марукусу [= Государство, бог и марксизм] / Сато Масару. – Токио: Тайё: кикаку сноппан, 2007. – 287 с.
23. Сато Масару. Ко:сё:дзюцу [= Искусство ведения переговоров] / Сато Масару. – Токио: Бунгэйсундзю:, 2011. – 527 с.

24. Сато Масару. Нитирогайко: - хоппо:рё:до то интэридзэнсу [= Российско-японские дипломатические отношения: «северные территории» и разведка] / Сато Масару. – Токио : Кадокава, 2017. – 274 с.

25. Судзуки дзимусё-дэ дзидзэнсэссёку. Ёнто:-сиэнко:дзи [= Расследование в приемной депутата Судзуки. Дело о помощи четырем островам] // Асахи симбун никкан [= Ежедневная газета Асахи]. – 2002. – 21 февр.

26. Судзуки Мунэо. Хоппо:рё:до токумэйко:сё: [= Специальная миссия «северные территории»] / Судзуки Мунэо, Сато Масару. – Токио : Коданся, 2007. – 412 с.

27. Судзуки Мунэо. Сэйдзикамассацу. «Сай-синсэйкю:» дэ мизта нагататё: но вана [= Игнорирование мнения политиков. Ловушки в правительственном квартале Нагататё ввиду «пересмотра иска»] / Судзуки Мунэо, Сато Масару. – Токио : Токумасётэн, 2013. – 264 с.

28. Судзуки Мунэо. Омэй. Кокка-ни дзинсэй-о убаварэта отоко но кокухаку [= Бесславию. Признание человека, которому государство разрушило жизнь]. – Токио : Коданся, 2009. – 315 с.

29. Судзукисигава-ни ёнсэн госяку манъэн. Хоппо: дзигё: дзютю:-но ситися кэнкин [= Судзуки получил 45 миллионов йен. Строительные фирмы, занимавшиеся возведением объектов на Курилах] / Асахи симбун никкан [= Ежедневная газета Асахи]. – 2002. – 21 февр.

30. Хираиси Наоаки. Гэндай нихон-но «насё:-наридзуму» – наника га то:варэру но ка [= Вопросы к современному японскому национализму] / Хираиси Наоаки // Сякай кагаку кэнкю: [= Исследования общественных наук]. – 2006. – Т. 58, вып. 1. – С. 9–35.

31. Хладнокровный и пронизательный реалист Масару Сато («Sankei Shimbun», Япония) // ИноСМИ.RU. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050914/222245.html> (дата обращения: 29.04.2020). – Загл. с экрана.

32. Щепанская, Т. Б. Этнография политики как проблема / Т. Б. Щепанская // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 58–71.

33. Эдамура Сумио. Как распадались империя. Воспоминания посла Японии в Москве, 1990 – 1994 / Эдамура Сумио. – М. : Япония сегодня, 2003. – 348 с.

34. Goble, P. Putin's Neo-Imperialism: Russia's Shift to Hard Power. – 14.06.2017 / P. Goble // Медиа-группа RealClearDefense (RCD). – Electronic text data. – Mode of access: https://www.realcleardefense.com/articles/2017/06/14/putins_neo-imperialism_russias_shift_to_hard_power_111585.html (date of access: 03.06.2020). – Title from screen.

35. Kagarlitsky, B. Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism / B. Kagarlitsky, R. Desai, A. Freeman. – N. Y. : Routledge, 2019. – 176 p.

36. Japanese Strategic Thought Toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. – 280 p.

37. Saxonhouse, G. R. The Bubble and the Lost Decade / G. R. Saxonhouse, R. M. Stern // The World Economy. – 2003. – Vol. 26. – P. 267–281.

38. Tang Siew Man. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century / Tang Siew Man // Akademika. – 2007. – Vol. 70, № 1. – P. 117–136.

REFERENCES

1. 1990 *nendai barabara-ni natta koto* – Oosawa Satoshi *intabyu*: [Scattered Issues of the 1990s – Interview with Oosawa Satoshi], 2017, October 5. URL: <https://cakes.mu/posts/17880> (accessed 29 April 2020).

2. V Japonii arestujut lidera «russkoj gruppy» [The “Russian Group” Leader Will be Arrested in Japan]. *Kommersant*. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/327651> (accessed 29 April 2020).

3. Wan Weibin. Yoshida naikaku-no taichu:goku taisaku to seikeibunri [The Yoshida Shigeru Cabinet Strategy for China and the “Seikeibunri” Policy]. *Shu:do:ho:gaku* [Journal of Hiroshima Shudo University], 2003, no 25 (2), pp. 111–137.

4. Hegel G.W.F. *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p.

5. *Zai mosukuwa nihonjin sho:sha man. Soren no honto: no honto – minzokumondai*. [The Japanese Employee in the Trade Company in Moscow. The Truth About the USSR – Ethnic Problems]. Tokyo, Aipekkupuresu Publ., 1991. 53 p.

6. Esida Sigeru [Yoshida Shigeru]. Krupjanko M.I., Areshidze L.G., Krupjanko I.M., eds. *Politicheskaja jenciklopedija sovremennoj Japonii* [Political Encyclopedia of Modern Japan], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2018, vol. 1, pp. 280–283.

7. Karube Tadashi. Fuyu:suru rekishi – 1990 *nendai-no tenno:ron* [Drifting History – The Tenno Theory in 1990s]. *Shakai kagaku kenkyu*: [Japan Journal of Social Science], 2006, vol. 58, iss. 1, pp. 37–46.

8. Kato Chikako. Kokuminkokkaron to sengorekishigaku – ‘shi’-ron-no kano:sei [The Nation-State Theory and Historiography in Postwar Japan]. *Ritsumeikangengobungakukenkyu*: [Ritsumeikan Studies in Language and Culture], 2015, no 10, pp. 125–139.

9. Krupjanko M.I., Areshidze L.G. *Japonskij nacionalizm (ideologija i politika)* [Nationalism in Japan – Ideology and Politics]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2012. 408 p.
10. Kuz'minkov V.V. Ob iskusstve provedenija peregovorov Masaru Sato [The Art of Negotiation by Sato Masaru]. *Japonija nashih dnei* [Japan Nowadays], 2010, no. 3, pp. 56-79.
11. Latyshev I.A. *Putin i Japonija. Budut li ustupki? 2000–2005* [Putin and Japan. Will There be Concessions? 2000–2005]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2005. 416 p.
12. Malashevskaya M.N. Razgrom «gruppy Sudzuki Munjeo» v 2002 g. i uzhestochenie politicheskogo kursa Japonii v otnoshenii Rossii pri Koizumi Junichiro [The “Suzuki Muneo Group” Defeat in 2002 and Toughening of Japanese Policy Towards Russia Under Koizumi Junichiro Rule]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 2014, no. 4, pp. 11-21.
13. Malashevskaya M.N. Politika Japonii na rossijskom napravlenii vo vtoroj polovine 1990-h gg.: infrastrukturnye proekty Sudzuki Muneo (1995–2000 gg.) [Japanese Policy Towards Russia in 1990s: Suzuki Muneo's Infrastructural Projects (1995–2000)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2016, no. 2 (10), pp. 95-103.
14. Nakasone Yasuhiro ga kataru sengo nihongaiko: [Japanese Foreign Policy Since 1945: Yasuhiro Nakasone Oral History]. Tokyo, Shincho:sha Publ., 2012. 663 p.
15. *Nihon-no gaiko: Dzen 6 kan. Day 2 kan. Gaiko: shi sengohen* [Japanese Diplomacy. In 6 Vols. Vol. 2. The History of the Post-War Diplomacy]. Tokyo, Iwanami shoten Publ., 2013. 302 p.
16. Ogawa Kazuo. *Ushinawareta jyu:nen-no shinjitsu* [Truth About Lost Decade]. Tokyo, Ti:yo:Keizai shimpo:sha Publ., 2009. 392 p.
17. Oosawa Satoshi. *1990 nendai ron* [Concepts of the 1990s]. Tokyo, Kawade shobo Publ., 2017. 336 p.
18. Panov A.N. *Japonskaja diplomaticheskaja sluzhba* [Foreign Service in Japan]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1988. 184 p.
19. Rech' na torzhestvennom sobranii, posvjashhennom vrucheniju Vladivostoku ordena Lenina, 28 ijulja 1986 goda [Speech by Mikhail Gorbachev in Vladivostok, July 28, 1986]. *Izbrannye rechi i stat'i. V 7 t. T. 4* [Selected Speeches and Writings. In 7 Vols. Vol. 4]. Moscow, Politizdat Publ., 1987, pp. 9-34.
20. Sato Masaru. *Kokka no wana. Gaimusho: no rasupu:chin to yobarete* [The Trap of the State: Rasputin of the Ministry of Foreign Affairs Speaks]. Tokyo, Shinchosha Publ., 2005. 550 p.
21. Sato Masaru. *Jikaisuru teikoku* [Self-Destroying Empire]. Tokyo, Shinchosha Publ., 2006. 414 p.
22. Sato Masaru. *Kokka to kami to marukusu* [The State, God and Marxism]. Tokyo, Taiyo: kikaku shuppan Publ., 2007. 287 p.
23. Sato Masaru. *Ko:sho:jutsu* [The Art of Negotiations]. Tokyo, Bungeishunju: Publ., 2011. 527 p.
24. Sato Masaru. *Nichirogaiko: - hoppo:ryo:do to interijensu* [Russian-Japanese Diplomatic Relations: “Northern Territories” and Intelligence]. Tokyo, Kadokawa Publ., 2017. 274 p.
25. Suzuki jimusho-de jizensesshoku. Yonto:shienko:ji [Investigation at the Deputy Suzuki's Office. The Case Concerning the Assistance to Four Islands]. *Asahi shimbun nikkan*, 2002, February 21.
26. Suzuki Muneo, Sato Masaru. *Hoppo:ryo:do tokumeiko:sho:* [Special Mission Called “Northern Territories”]. Tokyo, Kodansha Publ., 2007. 412 p.
27. Suzuki Muneo, Sato Masaru. *Seijikamassatsu. 'Saishinseikyū: '-de mieta Nagatacho no wana* [Ignoring the Opinions of Politicians. Nagatatyō District Traps in the Background of the Lawsuit Reconsideration]. Tokyo, Tokumashoten Publ., 2013. 264 p.
28. Suzuki Muneo. *Omei. Kokka-ni jinsei-wo ubawareta otoko no kokuhaku* [Dishonour. Confessions of a Man Whose Life Was Destroyed by the State]. Tokyo, Kodansha Publ., 2009. 315 p.
29. Suzukishigawa-ni yonsen gohyaku man'en. Hoppo: jigyo: juchu:-no shichisha kenkin [Suzuki Got 45 Million Yen. Construction Companies Engaged in Building the Facilities in the Kuril Islands]. *Asahi shimbun nikkan*, 2002, February 21.
30. Hiraishi Naoaki. Gendai nihon-no 'nasho:narizumu' – nani-ka-ga to:wareru-no-ka [Nationalism in Contemporary Japan]. *Shakai kagaku kenkyū:* [Japan Journal of Social Science], 2006, vol. 58, iss. 1, pp. 9-35.
31. Hladnokrovnyj i pronicatel'nyj realist Masaru Sato («Sankei Shimbun», Japonija) [Clear-Headed and Perspicacious Realist Masaru Sato (Sankei Shimbun, Japan)]. *InoSMI.RU*. URL: <http://inosmi.ru/world/20050914/222245.html> (accessed 29 April 2020).
32. Shhepanskaja T.B. Jetnografija politiki kak problema [Political Ethnography as a Problem]. *Antropologija vlasti. Hrestomatija po politicheskoi antropologii. V 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse* [Anthropology of Authority. Chrestomathy on Political Anthropology. In 2 Vols. Vol. 1. Authority in Anthropological Discourse]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006, pp. 58-71.
33. Edamura Sumio. *Kak raspadalas' imperija. Vospominanija posla Japonii v Moskve, 1990–1994* [The Decline of the Empire. Memories of the Japanese

Ambassador in Moscow, 1990–1994]. Moscow, Japonija segodnja Publ., 2003. 348 p.

34. Goble P. Putin's Neo-Imperialism: Russia's Shift to Hard Power, June 14, 2017. *Media Group RealClearDefense (RCD)*. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2017/06/14/putins_neoimperialism_russias_shift_to_hard_power_111585.html (accessed 3 June 2020).

35. Kagarlitsky B., Desai R., Freeman A. *Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism*. New York, Routledge, 2019. 176 p.

36. Rozman G., Togo K., Ferguson J.P., eds. *Japanese Strategic Thought Toward Asia*. New York, Palgrave Macmillan, 2007. 280 p.

37. Saxonhouse G.R., Stern R.M. The Bubble and the Lost Decade. *The World Economy*, 2003, vol. 26, pp. 267-281.

38. Tang Siew Man. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century. *Akademika*, 2007, vol. 70, no. 1, pp. 117-136.

Information About the Author

Maria N. Malashevskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, m.malashevskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-8722>

Информация об авторе

Мария Николаевна Малашевская, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, m.malashevskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-8722>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.15>

UDC 327.8
LBC 66.4

Submitted: 22.05.2020
Accepted: 10.07.2020

ROLE OF STIGMATIZATION IN INTERNATIONAL PERCEPTION OF THE TRIPLE FRONTIER BETWEEN BRAZIL, ARGENTINA AND PARAGUAY

Irina I. Arsentyeva

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Valeriya D. Orekhova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article studies the Triple Frontier – a Tri-Border Area along the junction of Brazil, Argentina and Paraguay. The main aim is to analyze the reasons for its perception as an ‘outlaw territory’, the term generally associated with the terrorist threat. *Methods and materials.* Stigmatization theory, symbolic interactionism and securitization theory serve as a theoretical and methodological basis for the research. The main sources for the analysis are official reports, communiqués, interviews, and publications in leading periodicals. *Analysis.* The article analyzes the formation of international perception of the Triple Frontier since the mid-1990s. It highlights objective and subjective grounds for the negative image that has been created to date; defines the mechanisms exploited by the United States to stigmatize the region and the reasons for selective securitization of threats emanating from there. According to the authors, the Triple Frontier is characterized by a complex set of relationships between multiple stakeholders. Their diverse and often contradictory interests form a convergent-divergent space which affects security of local residents, security of Latin American countries, and, to a certain extent, international security in general. *Results.* In the final part of the article the main scientific results obtained during the research are formulated, and possible ways of further development regarding this case are outlined. The authors conclude that to destigmatize the Triple Frontier it is necessary to rebrand it – to create a new, positive image, taking advantage of the geopolitical and geo-economic situation, as well as the availability of unique water resources.

Key words: the Triple Frontier, stigmatization theory, symbolic interactionism, securitization, security, security threats, ‘outlaw territory’, terrorism.

Citation. Arsentyeva I.I., Orekhova V.D. Role of Stigmatization in International Perception of the Triple Frontier Between Brazil, Argentina and Paraguay. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 173-182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.15>

УДК 327.8
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 22.05.2020
Дата принятия статьи: 10.07.2020

РОЛЬ СТИГМАТИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ ТРОЙНОЙ ГРАНИЦЫ БРАЗИЛИИ, АРГЕНТИНЫ И ПАРАГВАЯ

Ирина Ильинична Арсентьева

Институт философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Валерия Дмитриевна Орехова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объектом исследования в статье выступает Тройная граница – трехсторонняя пограничная область на стыке Бразилии, Аргентины и Парагвая. Основной целью является анализ причин ее международного восприятия как «территории вне закона», чье наименование ассоциируется с террористической угрозой. *Методы и материалы.* Теория стигматизации, символический интеракционизм и теория секьюритизации образуют теоретико-методологическую базу исследования. Источниками служат официальные доклады, коммюнике, интервью, публикации в ведущих периодических изданиях. *Анализ.* В статье анализируется процесс формирования международного восприятия Тройной границы с середины 1990-х гг.; выделяются объективные и субъективные основания негативного образа, который создан на сегодняшний день; определяются механизмы, использованные Соединенными Штатами Америки для стигматизации региона, и причины выборочной секьюритизации исходящих отсюда угроз. По мнению авторов, Тройная граница характеризуется сложным комплексом взаимоотношений множества стейкхолдеров. Их разнообразные и зачастую противоречивые интересы формируют конвергентно-дивергентное пространство, влияющее на безопасность местных жителей, безопасность латиноамериканских стран и, в определенной степени, на международную безопасность в целом. *Результаты.* В заключительной части статьи формулируются основные научные результаты, полученные в ходе исследования, намечаются возможные пути дальнейшего развития ситуации. Авторы приходят к выводу, что для дестигматизации Тройной границы необходимо провести ее ребрендинг – создать новый, положительный имидж, воспользовавшись преимуществами геополитического и геоэкономического положения, а также наличием уникальных водных ресурсов. *Вклад авторов.* И.И. Арсентьевой выстроена общая концепция исследования, осуществлена научная редакция статьи, проанализированы иностранные источники и исследования, которые использовались при написании аналитической части работы. В.Д. Ореховой изучены работы англоязычных авторов, на которых базируется теоретико-методологическая часть исследования.

Ключевые слова: Тройная граница, теория стигматизации, символический интеракционизм, секьюритизация, безопасность, угрозы безопасности, «территория вне закона», терроризм.

Цитирование. Арсентьева И. И., Орехова В. Д. Роль стигматизации в международном восприятии Тройной границы Бразилии, Аргентины и Парагвая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 173–182. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.15>

Introduction. Almost in the center of the Southern Common Market (hereinafter MERCOSUR) the state borders of Brazil, Argentina and Paraguay converge, forming the so-called Triple Frontier or Tri-Border Area (Spanish: la Triple Frontera). Since the mid-1990s, this zone has been the focus of attention of the United States, which claims it to be an ‘outlaw territory’ featured in terrorism, smuggling and corruption. One of our previous papers has already investigated this topic, but the issue of terrorism has not been considered. In our opinion, it requires a separate analysis, including theoretical and methodological one.

Particular interest in the terrorism issue is due to the fact that the very name ‘the Triple Frontier’ started being used in the international lexicon after the US intelligence services had suspected the presence of Islamist terrorist groups in the region. This collocation appeared after two terrorist attacks in Buenos Aires in 1992 and 1994, at first in the discourse of public officials and in the US periodicals, and then on the pages of Latin American newspapers and in Spanish-language

documents. It finally came in use in 1998, when Brazil, Argentina and Paraguay signed the *General Plan for the Tri-Border Area* (Spanish: *el Plan General de Seguridad para la Triple Frontera*), which gave a prominent place to preventive counter-terrorism measures.

Thus, the terrorist threat has become some kind of an essential attribute for the name of the region, so the phrase ‘the Triple Frontier’ has strong negative connotations, which make up a sort of a label or ‘stigma’. In turn, the latter notion is related to the stigmatization theory and, in a broader sense, to symbolic interactionism (in the framework of this study, stigma (Greek: *στίγμα* – ‘mark / spot’), will be interpreted as a verbal label capturing a negative trait or phenomenon, and stigmatization – as the process of purposeful use of such labels towards individual actors).

Therefore, we consider it possible to use these theoretical and methodological bases to analyze the reasons for the international perception of the Triple Frontier as an ‘outlaw territory’ associated with terrorism. This analysis

is the main aim of the study and it presumes consistent accomplishment of the following objectives:

- to identify those provisions of symbolic interactionism and the stigmatization theory that can be rewarding in the analysis of the chosen issue;
- to describe as a process how introduction of stigmas into political discourse and their subsequent securitization occurs;
- to analyze how international perception of the Triple Frontier is being formed by means of highlighting objective and subjective grounds for the negative image that has been formed to date;
- to assess the relevance of the terrorist threat to security of residents living in the Tri-Border Area, national security of Latin American states and international security in general;
- to draw main conclusions obtained in the course of the study, and to outline possible ways for further development of the situation.

It should be noted that despite sufficient popularity of the Tri-Border Area at the international level, Russian researchers practically do not address this topic. In addition, it cannot be denied that there have been repeated attempts to make Russian foreign policy an object of stigmatization in recent years, so the analysis of how this process takes place is doubtlessly of interest. These circumstances determine relevance, scientific and practical significance of this study.

Methods and materials. The stigmatization theory emerged on the basis of symbolic interactionism, the main provisions of which were developed by representatives of the Chicago School of Sociology, G. Mead [16] and H. Blumer [3]. The central concept is symbolic interpretation of interpersonal interaction. In the process of communication people first try to understand the intentions of others, to determine their meaning in accordance with their own mentality and, based on the reached conclusions, construct responses through language, gestures, cultural symbols, etc. In other words, the reaction is based not on the actions of other people, but on the importance attached to these actions. We will proceed from this position when analyzing the processes of stigmatization in international relations.

A. Wendt, the developer of constructivism in the theory of international relations, synthesized a lot of achievements of sociology, including

symbolic interactionism. The researcher focused on the processes of interaction between the actors (agents) that create social reality. Any social structure, as well as world politics and international relations, are primarily considered by him, first of all, not as a material, but as an intersubjective entity. “The character of international life is determined by the beliefs and expectations that states have about each other, and these are constituted largely by social rather than material structures” [24, p. 20].

The approach suggested by A. Wendt has gained popularity among researchers developing the problems of identity and deviant behavior of individual actors, since it gives an opportunity to take a new look at the mechanism of norm formation in world politics as a result of a competition between different ideas of states concerning what is right and appropriate (see: [1]).

Another well-known representative of the Chicago School of Sociology, E. Goffman, compared interaction between people with the theater, where everyone performs a number of roles and, adjusting to circumstances, constructs different scenarios of behavior. In case someone’s actions do not conform to existing, generally accepted standards, the processes of his / her social rejection are triggered.

It is important for our research, that E. Goffman was one of the first who started using the concept of ‘stigma’ [11] – the attribute, distinctive feature, the presence of which allows us to qualify a person’s belonging to a certain discrete social category. In turn, it is discriminated by ‘normal’ majority – people who do not have this characteristic. Symbols with different degrees of transparency might become a basis for stigmatization, some of them are so poorly expressed that they can be easily hidden from others, i.e., social information plays a key role in whether a person can avoid being ‘stigmatized’.

It is obvious that stigmatization might occur not only at the level of interpersonal interactions, but also in international relations (in this regard, it is possible to recall the famous thesis of A. Wendt “States are people too” [24, p. 215]). The researchers working in this field identify stages of stigmatization [15]. Firstly, the condemned by the society attributes of a specific object are identified. Then a simplified image (stamp) clothed in the appropriate language form is created on

their basis, designing a stigma, which starts functioning as a negative (intolerant) variation of the 'we-others' opposition. If the one who created the stigma has influence on the world stage, then stigmatization changes the position of the 'stigmatized' in the system of international relations and leads to its structural discrimination fixed at the normative level.

'State sponsors of terrorism', 'rogue states' / 'pariah states', 'backlash states' and 'failed states', as well as 'outlaw territories' / 'lawless territories' considered in this article are examples of stigmas used in world politics and international relations. Almost all of them are the products of the US political culture and were actively exploited in the political discourse of the early 2000s, when the global war on terrorism became the defining trajectory of the American foreign policy strategy.

Let's examine 'outlaw territories' in more detail. In general terms, researchers define them as areas governed by transnational criminal, terrorist and insurgent organizations which are engaged in illegal economic activities out of effective state control. "It is a dream come true for criminals and terrorists to find a place where no one can look for them, and where they can mix with, ally with... and work with minimum interference from legal authority" [14, p. 392]. Geographical areas that meet these requirements are connected to each other in the same way as international corporations arranging production cycles in different countries within a single financial and logistics network. Having considered 80 examples of such territories (including the Triple Frontier), American researchers S. Brown and M. Hermann have called them 'black spots' in the system of international relations like black holes in astronomy [5].

It is also important for us to trace back how stigmas are introduced into political discourse. In this case discourse refers to a series of interrelated statements in a certain context, at certain time, in a certain place, and structuring reality in a certain way [13, p. 223]. At the same time, it should be taken into account that by using particular language means while naming a phenomenon we interpret its essence and express our attitude to it. In the political sphere the phenomenon might not only be interpreted, but also designated as a threat to national and/or international security.

Securitization theory developed by the Copenhagen School is of interest in this regard,

as it defines security discourse formation [6]. In general, the mechanism is the following: a certain object at a certain point of time starts being securitized – interpreted as a source of threat, and the securitizing actor seeks to convince public of its rightness. This happens through a special (perlocutionary) speech act, which declares the threat, demands close attention to it, and requests the use of extraordinary measures to neutralize the source of danger. The securitization process is considered complete when the speech act reaches its goal by finding of political elite and population, mass media and academic community. The probability of such development depends on a number of domestic and foreign policy conditions, i.e. on the political context, as well as on reality of the alleged danger, which seems absolutely logical at first glance.

However, in practice, the issue about the extent to which stigma reflects reality, the stigmatized and subsequently securitized objects really pose a threat, is debatable. Thus, H. Müller, former Director of Peace Research Institute Frankfurt, argues that we are able just to analyze discourse, without having any hope to discover real things behind the words [18, p. 382]. Based on this, it is possible to assume that often the formed stigmas are some kind of simulacra that generate the second-order reality, and can be used for substitution of concepts in the course of achieving certain political goals. For instance, organized crime refers to domestic problems, but by appealing to its connection with the terrorist threat it is easier to justify interference in the internal affairs of sovereign states.

At the same time, it is obvious that labels giving negative interpretation of events taking place in some states and regions affect their perception by the international community. In this regard the point of view of the American researcher M. Clary, who uses the concept of 'national reputation' [7], is of interest. He believes it is constructed on an intersubjective level under the influence of lots of factors and to a certain extent is a subject of manipulation. Reputation reflects behavior, rhetoric, intentions, interests, and goals of a country on the international arena. Compared to actions committed in the past it is expressed in dynamics, so its formation is continuous. Consequently, the stigma only captures a certain historical context. However,

once fixed in discourse, it continues to influence national reputation even after its disappearance. According to M. Clary, neutralization of a stigma is possible as a result of expensive rebranding, which means not only rejection of deviant behavior, but also pinning occurred reassessment in corresponding actions. In other words, it is not enough to take criticism from the international community into account, it is essential to counter it with something new that gives a chance to create and consolidate a positive image. In the framework of our research this process can be provisionally designated as destigmatization.

The stated above theoretical and methodological grounds allow us to look at the object of the research – the Triple Frontier – from an unusual perspective when analyzing formation of its international perception since the mid-1990s and describing the role of the United States in this process. The following sources are used to ensure reliability of the analytical part of the study: reports of the State Department and the Library of Congress, Communique of the 3 + 1 Group (Argentina, Brazil, Paraguay, and the United States), interviews with officials, publications in leading US periodicals, and others.

Analysis. The Triple Frontier of Brazil, Argentina and Paraguay is located at the convergence of two powerful rivers – the Parana River and one of its largest tributaries, the Iguazu River. The territory includes three cities: Brazilian Foz do Iguacu, Argentine Puerto Iguazu and Paraguayan Ciudad del Este. They are sometimes referred to as the ‘triple city’ or ‘triangle’ because in fact they constitute a conurbation, within its borders residents move freely using two international border bridges and a ferry crossing. In addition, the location on the rivers provides numerous, almost uncontrolled entry and exit points.

The main geo-economic advantage of the Triple Frontier is its intermodal nature linking a number of international trade chains. Due to the existing infrastructure (three airports, developed road and banking networks), this zone is an excellent gateway to major South American markets with high purchasing power.

The Binational (Brazilian-Paraguayan) hydroelectric power station, the Itaipu Dam, one of the two largest in the world along with the Chinese Sanxia (the Three Gorges Dam), has a significant impact on the development of the Tri-

Border Area. Moreover, it is geographically located at the epicenter of the Guarani Aquifer, one of the largest and easiest aquifers on the planet in terms of access.

At the same time, it is a territory where poverty and unemployment flourish; it is characterized by an ultra-high level of shadow economy and corruption being a real logistics ‘paradise’ for traffic in drugs, weapons, counterfeit products, illegal migration, forged documents trading, etc. Beyond that, a lot of experts, primarily Americans, argue that there is a threat of growing radical Islamist sentiment in the Tri-Border Area, where a large number of people from Arab countries live. It is the latter aspect that we will focus on in more detail.

The notion ‘Triple Frontier’ entered the international political discourse after two terrorist attacks in Buenos Aires – on the Israeli Embassy (1992) and the Argentine Israelite Mutual Association (1994). As a result of the explosion of powerful bombs, 114 people were killed and more than 500 were injured. The US intelligence agencies claimed the attacks were organized by Syrian-Lebanese merchants living in the Tri-Border Area, who, being involved in the trade of weapons and drugs, were preparing a springboard for Hezbollah (it should be remarked that in those days none of the Latin American countries included it in the list of terrorist organizations).

The collapse of the World Trade Center’s Twin Towers in New York (2001) reinforced these suspicions. The pressure on the governments of Argentina, Brazil, and especially Paraguay was increased in order to get them control the problem area. According to Washington, Middle Eastern islamists (primarily from Iran and Lebanon) can get financial support from numerous trading companies located in the Tri-Border Area and owned by the Arabs, use established channels for money laundering and documents forgery in order to enter the giant Amazon basin, whose inaccessibility provides favorable conditions for terrorist camps deployment.

It should be noted that the Tri-Border Area is home to one of the largest Arab communities in South America which, according to various estimates, counts from 20 to 30 thousand people (while the total population in the ‘triangle’ is about 600 thousand); mostly they are Lebanese, who control some key directions of cross-border trade.

According to the US intelligence agencies, many of them may be members of sleeper cells of international terrorism, which are ready to be activated at any time on the orders of their centers.

The Triple Frontier began to appear in the US State Department's reports, *Patterns of Global Terrorism* in 2000. At first, there were three paragraphs, which characterized the Tri-Border Area as a focal point for Islamic extremism in Latin America, although the authors recognized that no acts of international terrorism were committed in any of the three countries during the year [19]. After 9/11 Washington included the issue of the Triple Frontier in the strategy to combat international terrorism. In *Patterns of Global Terrorism 2001*, the State Department devoted 11 paragraphs to the Triple Frontier, having defined it as a hub for Hezbollah and HAMAS, used for financial and logistical purposes [20]. In 2003 this was also stated in one of the interviews given by General J. Hill, who headed the US Southern Command at the time. According to him, Middle Eastern Islamist groups annually received from 300 to 500 million dollars from the 'triangle' and similar areas of Latin America [23].

Among the published works it is worth noting the report *Terrorist and Organized Crime Groups in the Tri-Border Area (TBA) of South America* [12], prepared by the Federal Research Division, the Library of Congress, in 2003. Although the preface to the report acknowledged that it was based on open sources (mainly periodicals), the text itself categorically stated – Islamist terrorist groups used the Triple Frontier to raise funds, recruit, and organize attacks in the Americas.

The American establishment has constantly stressed inability of Brazil, Argentina and Paraguay to control the situation; such poor governance creates threats to international security and requires an immediate response. Thus, in 2003, President G.W. Bush demanded from Brazil to send troops to Iraq and strengthen control over the Triple Frontier [4], which once again proved that the object of securitization was a terrorist threat.

After the statements of US officials, the attention of the American media to the Tri-Border Area has increased: if in the 1990s they addressed this topic sporadically, since 2001 it has happened regularly. As evidence, the study *The Triple Frontier: Globalization and Social Construction*

of the Space (Spanish: *La Triple Frontera: Globalización y construcción social del espacio*) might be used [17]. Its authors, S. Montenegro and V. Gimenez, analyzed publications in such leading American newspapers as *The Washington Post*, *The Washington Times*, and *The New York Times*. In the end they came to the conclusion that since the mid-1990s perception of the Triple Frontier was expressed in a similar matrix of discourses: 'outlaw land', a remote and 'strange' region; and the three countries whose jurisdiction it was could not or did not want to establish any order there [17, p. 47].

After the events of September 11, *The Washington Times* wrote that the Triple Frontier, being highly sensitive to corruption and shadow economy, may be a convenient place for planning and financing terrorist activities. The same newspaper, with reference to experts from the Terrorism Research Center (Virginia, USA), also claimed that the Tri-Border Area was a training zone for killing Americans and Jews [17, p. 51]. The content of articles in *The New York Times* and *The Washington Post* was also fully complied with the assessments of the US State Department. One of the most important aspects was to emphasize weak potential of local authorities in managing the region, which is almost an independent 'gray zone', 'space without a state', where mafia structures operate freely and with impunity [17, p. 62].

So, it is clear that the stigma 'outlaw territory' used by the American establishment towards the Triple Frontier in the context of the fight against terrorism has entered the agenda of journalism and academic community. This has led to a corresponding attitude of the population and, given the level of influence and popularity of the American media, has formed international perception of the Triple Frontier. Latin American periodicals have also been influenced by the American approach, although, of course, it is characterized by a greater variability of estimates.

The authorities of Brazil, Paraguay and Argentina, for their part, claimed they had found no solid proof that a network for financing terrorism in the 'triangle' existed. However, after the terrorist attacks in Buenos Aires, the Triple Frontier has become more strictly controlled; border monitoring and surveillance of people crossing it, the Arab Diaspora representatives and

foreign citizens, have been enhanced. In 1996, the Tripartite Command of the Triple Frontier, an anti-terrorist unit of the three countries' police forces, was formed.

In 2002, based on the Tripartite Command, the 3+1 Group with the participation of the United States was created. It was assumed that the cooperation would cover a number of areas, including anti-terrorist measures and investigation of cross-border crimes. The emphasis was on preventive activities. In the first years of its work information exchange on possible terrorist attacks in the Tri-Border Area was intensified, measures for its joint patrolling were developed [8], and in the framework of MERCOSUR the information system about those entering its territory was designed, similar to the one which is shared by the states of the Schengen zone. A number of Arab citizens suspected of links to radical Islamist groups were extradited from the Tri-Border Area.

However, eventually the cooperation has almost stopped. This was largely due to Brazil's resistance to the presence of American intelligence within the Triple Frontier. In recent years, Argentina and Paraguay have shown their intention to resume the work of the group [22] including the recognition of Hezbollah as a terrorist organization in 2019 [10]. But full cooperation, which, in our opinion, could contribute to solving some acute problems of the 'triangle', is impeded both by the low level of economic development, complicating a consistent fight against negative phenomena in the Latin American countries and the emphasized military focus on counter-terrorism, promoted by Washington in bilateral relations and within the inter-American system.

It should be noted that American statements concerning the terrorist threat in the Tri-Border Area are constantly criticized for the weak evidence base. In 2019, the journal *NACLA Report on the Americas* published an article with the catchy title *Tales of Terror on the Triple Frontier* [4]. Its author, F. Brancoli, a professor at the Federal University of Rio de Janeiro, believes that the issue of terrorism there is the result of longtime US selective securitization of threats emanating from the region.

In this regard it is logical to wonder: why was the terrorist threat chosen as the securitization object? The charges of organized crime would have been much more convincing. The Tri-Border

Area, called the 'attraction pole of illegal activities' [2], is a classic example of the 'black spots' that we have mentioned in the section *Methods*. And it is obvious that the current situation is not just an implication of a high level of corruption, but its institutionalization, which means transition from the category of crimes of individual officials to a mass social phenomenon, common practice, a usual element of the socio-economic system. "In fact, political power gives organized crime recognition in society and allows it to acquire legitimacy" [21, p. 120].

The Triple Frontier in its current state is a convergent-divergent space of relationships between a lot of stakeholders who seek to obtain financial profit, and weak government regulation leads to the situation when the gray and black markets are the main engines of economic activity. In this connection, let us return to the question why the label 'outlaw territory' was linked not to organized crime, smuggling and corruption, but to international terrorism. In our opinion, the answer is quite clear. In the first case, this remains an internal problem of Brazil, Argentina and Paraguay, falling, for example, under the jurisdiction of the International Criminal Police Organization (INTERPOL); in the second scenario, it gives Washington greater opportunities to act in accordance with its own ideas about the proper world order and the national mission in its establishment.

The US interest in the region is quite understandable: the processes taking place there (like drug trafficking or arms smuggling) pose threats to its national security. However, geopolitical factors cannot be discarded. Thus, control of the Tri-Border Area would give the United States additional leverage over MERCOSUR, which accounts for more than half of the population and GDP of the Latin American region. In addition, as already noted, the considered territory is located the epicenter of the Guarani Aquifer. It is the Guarani, with its fresh water reserves estimated at 37 thousand cubic kilometers, that has been recognized as the most valuable strategic asset of the region, which is especially important today, when global water wars are becoming more and more real.

In conclusion, it should be stated that this study does not aim to track how the perception of the U.S. Triple Frontier was changed depending

on which political party – Republicans or Democrats – was governing. At the same time, it is obvious that the greatest activity on the part of the United States was observed in the early 2000s during the presidency of Republican G.W. Bush due to the declared fight against terrorism in all directions. After B. Obama came to power, the name ‘Triple Frontier’ was quite rarely used in the American political discourse, and this trend continues to this day. Thus, the State Department’s *Country Reports on Terrorism 2018* [9] gives it a minor place, traditionally referring to the established tradition, to financing of Hezbollah. However, in our view, the problem is not how the American assessment of the situation in the Tri-Border Area has been changing, but the fact that it is extremely difficult to get rid of labels once attached; moreover, they are easily ‘revived’ at the slightest change in the political context. Therefore, a lot depends on the further actions of Brazil, Argentina and Paraguay. In this case, as already noted, we can argue about the need for rebranding or destigmatization, but we must understand that this is a long and expensive process in every respect.

Results. The aim of the work was to analyze the international perception of the Triple Frontier held by Brazil, Argentina and Paraguay in the course of the stigmatization theory and to find out the reasons why this territory is associated primarily with the terrorist threat. Based on the results of the research, the following scientific outcome was obtained:

- the provisions of symbolic interactionism and the stigmatization theory have been highlighted, it allows us to explain differences in assessments of a degree and nature of the threat posed by the Triple Frontier to international security;

- the article identified the mechanisms used by the United States of America to stigmatize the Triple Frontier as an ‘outlaw territory’ and selectively securitize threats emanating from it, so that the Tri-Border Area has gained an international reputation as a financial and logistics hub for Islamic extremism;

- the objective reasons for the negative image of the Triple Frontier have been defined, which give grounds for experts to attribute it to ‘black spots’ in the regional security system.

The results suggest that Brazil, Argentina and Paraguay should first restore control over

the Triple Frontier, where criminal organizations and individuals are currently engaged in illegal economy almost with impunity. In this case, state control is understood as suppression of any such activity, which requires a comprehensive, consistent counteraction to corruption in local government bodies, as well as development of more effective border control measures aimed, among others, at preventing smuggling of goods re-exported from Paraguay (certain steps are already being taken by the Brazilian side).

It is also necessary to rebrand this territory – to create a new, positive international image, taking advantage of the position in the center of MERCOSUR and the Guarani Aquifer, which potentially opens great opportunities for socio-economic development. An additional significant advantage is that there are the Iguazu Falls included in the UNESCO World Heritage List – one of the most attractive places on the planet from the tourist perspective. However, the most promising, in our opinion, is the socio-ecological direction associated with the comprehensive study and conservation of unique water resources. This particular area implies excellent opportunities for expanding cooperation with other actors in international relations and gradually improving the image of the Triple Frontier. Some projects are already being developed, such as the Project for Environmental Protection and Sustainable Development of the Guarani Aquifer System, implemented by Brazil, Argentina, Paraguay, and Uruguay with the support of the Global Environment Facility, the World Bank, several other international organizations and individual states.

To date, the Triple Frontier does not belong to territories with a high risk of terrorist attacks. However, radicalism is winning in areas prone to clientelism where illegal activities thrive against the backdrop of institutional corruption; organized crime is localized, and the majority of the population is below the poverty line, unable to earn a living legally. Therefore, on the one hand, a consistent practical fight against these negative phenomena is needed, on the other – in-depth scientific research that will identify the main security threats and develop mechanisms to neutralize them without labeling is essential.

REFERENCES

1. Adler-Nissen R. The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism. *ERIS – European Review of International Studies*, 2016, vol. 3, pp. 27-39. DOI: <https://doi.org/10.3224/eris.v3i3.27340>.
2. Bello Arellano D. La Triple Frontera como polo de atracción de actividades ilícitas: Condiciones endógenas institucionales e ilegalidad. *Atenea, (Concepción)*, 2013, no. 508. DOI: <https://doi.org/10.4067/s0718-04622013000200008>.
3. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley, University of California Press, 1986. 208 p.
4. Brancoli F. Tales of Terror on the Triple Frontier. *NACLA Report on the Americas*, 2019, vol. 51, no. 1, pp. 85-89. DOI: <https://doi.org/10.1080/10714839.2019.1593697>.
5. Brown S.S., Hermann M.G. *Transnational Crime and Black Spots: Rethinking Sovereignty and the Global Economy*. London, Palgrave Macmillan, 2020. 250 p.
6. Buzan B., Waeber O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
7. Clary M.Q. *From Pariah to Phoenix: Improving a National Reputation from the Ashes of the Past*. Lanham, Lexington Books, 2020. 210 p.
8. *Communique of the 3 + 1 Group on Tri-Border Area Security, Washington, DC*. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/wha/rls/70992.htm> (accessed 6 January 2020).
9. *Country Reports on Terrorism 2018, U.S. Department of State*. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Country-Reports-on-Terrorism-2018-FINAL.pdf> (accessed 10 March 2020).
10. *Fighting Terror in the Tri-Border Area (Q&A with Alison August Treppel, Executive Secretary of the Organization of American States's Inter-American Committee Against Terrorism)*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/fighting-terror-the-tri-border-area> (accessed 5 February 2020).
11. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New Jersey, Prentice-Hall, 1963. 147 p.
12. Hudson R. *Terrorist and Organized Crime Groups in the Tri-Border Area (TBA) of South America*. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/pdf-files/TerrOrgCrime_TBA.pdf (accessed 22 December 2019).
13. Lazar A., Lazar M.M. The Discourse of the New World Order: “Out-Casting” the Double Face of Threat. *Discourse & Society*, 2004, vol. 15, no. 2-3, pp. 223-242. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926504041018>.
14. Levitsky M. Dealing with Black Spots of Crime and Terror: Conclusions and Recommendations. *International Studies Review*, 2008, vol. 10, pp. 392-395.
15. Link B.G., Phelan J.C. Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, 2001, vol. 27, pp. 363-385.
16. Mead G.H. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, University of Chicago Press, 1934. 400 p.
17. Montenegro S., Gimenez Beliveau V. *La Triple Frontera: Globalización y construcción social del espacio*. Buenos Aires, Miño y Dávila editores, 2006. 256 p.
18. Muller H. Security Cooperation. *Handbook of International Relations*. London, Sage, 2002, pp. 369-392.
19. Patterns of Global Terrorism 2000. *U.S. Department of State*. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2000//index.htm> (accessed 6 December 2019).
20. Patterns of Global Terrorism 2001. *U.S. Department of State*. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2001/pdf/index.htm> (accessed 15 December 2019).
21. Pérez Calderón J. La Triple Frontera como centro de atracción del yihadismo en América Latina: Orientación teórico-histórica. *Hallazgos*, 2018, vol. 14, no. 27, pp. 111-128. DOI: <https://doi.org/10.15332/s1794-3841.2017.0027.05>.
22. *Triple Frontera: Argentina busca reeditar la cooperación con Brasil, Paraguay y los Estados Unidos*. URL: https://www.clarin.com/politica/triple-frontera-argentina-busca-reeditar-cooperacion-brasil-paraguay-unidos_0_ESefhQQ1Z.html (accessed 28 January 2020).
23. *U.S. General: Islamic Rebels Get Cash from Latin America Gangs*. URL: <https://www.orlandosentinel.com/news/os-xpm-2003-03-10-0303100117-story.html> (accessed 4 February 2020).
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 432 p.

Information About the Authors

Irina I. Arsentyeva, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Sofyi Kovalevskoy St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation, airen1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4145-8790>

Valeriya D. Orekhova, Candidate of Sciences (Politics), Assistant, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, valeriaorekhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1381-608X>

Информация об авторах

Ирина Ильинична Арсентьева, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация, airen1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4145-8790>

Валерия Дмитриевна Орехова, кандидат политических наук, ассистент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, valeriaorekhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1381-608X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.16>

UDC 327.7(4:479)
LBC 66.4(4),60

Submitted: 30.12.2020
Accepted: 23.07.2021

**THE EUROPEAN UNION'S STRATEGY FOR THE SOUTH CAUCASUS COUNTRIES
WITHIN THE EASTERN PARTNERSHIP PROGRAM:
20 DELIVERABLES FOR 2020**

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anna S. Prygunkova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Due to the destabilization of the situation in the countries of the South Caucasus in 2020, the region is of particular relevance today. At the present stage, it is an object of geopolitical competition for numerous international actors: the Russian Federation, the United States of America, the European Union, the Republic of Turkey. The article examines the EU policy in the process of implementing the Eastern Partnership program as part of the European political strategy. In relation to the South Caucasus region, the interim results of the EU's activities on the implementation of 20 deliverables for 2020 in relation to the states of the South Caucasus are analyzed. *Methods.* Comparative analysis makes it possible to give a comprehensive assessment of European policy in the region by identifying priority areas and development prospects by comparing the intermediate results of 20 deliverables for 2020 in the South Caucasus countries within the framework of their bilateral relations with the EU. *Analysis.* The analysis of the activities of the European Union in relation to the South Caucasus countries is associated with the determination of the prospects for the development of the European strategy in the region. The analysis included tracking the dynamics of the implementation of the 20 deliverables for 2020 in relation to Azerbaijan, Armenia and Georgia, as well as options for developing a European strategy in the South Caucasus countries, taking into account the new policy in the context of the Eastern Partnership beyond 2020. *Results.* As a result of the analysis, the EU's competitive advantages in the South Caucasus were determined by identifying areas in which the EU's geopolitical interests intersect with other actors.

Kew words: European Union, Eastern Partnership, 20 deliverables for 2020, South Caucasus, EU foreign policy.

Citation. Parubochaya E.F., Prygunkova A.S. The European Union's Strategy for the South Caucasus Countries Within the Eastern Partnership Program: 20 Deliverables for 2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 183-192. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.16>

УДК 327.7(4:479)
ББК 66.4(4),60

Дата поступления статьи: 30.12.2020
Дата принятия статьи: 23.07.2021

**СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА
В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА:
20 РЕЗУЛЬТАТОВ К 2020 ГОДУ**

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анна Сергеевна Прыгункова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В связи с дестабилизацией ситуации в странах Южного Кавказа в 2020 г., данный регион сегодня имеет особую актуальность. На современном этапе он является объектом геополитической конкуренции для многих международных акторов: Российской Федерации (далее – РФ), Соединенных Штатов Америки (далее – США), Европейского союза (далее – ЕС), Турецкой Республики (далее – ТР). В статье рассматривается политика ЕС в процессе реализации программы Восточного партнерства (далее – ВП) как части европейской политической стратегии. В отношении Южно-Кавказского региона анализируются промежуточные итоги деятельности ЕС по реализации 20 результатов к 2020 г. в отношении государств Южного Кавказа. *Методы.* Сравнительный анализ позволит дать комплексную оценку европейской политике в регионе за счет выявления приоритетных областей и перспектив развития путем сравнения промежуточных итогов 20 результатов к 2020 г. в странах Южного Кавказа в рамках их двусторонних отношений с ЕС. *Анализ.* Анализ деятельности Европейского союза в отношении стран Южного Кавказа связан с определением перспектив развития европейской стратегии в регионе. Анализ включал прослеживание динамики реализации программы 20 результатов к 2020 г. в отношении Азербайджана, Армении и Грузии, а также варианты развития европейской стратегии в странах Южного Кавказа с учетом новой политики в контексте программы «Восточное партнерство после 2020». *Результаты.* В результате анализа была дана комплексная оценка политике ЕС на Южном Кавказе за счет выявления приоритетных сфер в реализации 20 результатов к 2020 г. в рамках двусторонних отношений ЕС с Арменией, Азербайджаном и Грузией. *Вклад авторов.* В данной статье Е.Ф. Парубочей были определены характерные особенности реализации европейской стратегии в регионе, а также выявлены предпосылки ее формирования. А.С. Прыгунковой были определены промежуточные итоги программы ВП в каждой из стран Южного Кавказа в контексте реализации 20 результатов к 2020 году.

Ключевые слова: Европейский союз, Восточное партнерство, 20 результатов к 2020 г., Южный Кавказ, внешняя политика ЕС.

Цитирование. Парубочая Е. Ф., Прыгункова А. С. Стратегия Европейского союза в отношении стран Южного Кавказа в рамках программы Восточного партнерства: 20 результатов к 2020 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 183–192. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.16>

Введение. Первоначально Сообщение Европейской комиссии Совету и Европейскому парламенту по политике расширения Европы не включало в себя Азербайджан, Армению и Грузию. В обновленной Европейской политике соседства (далее – ЕПС) страны Южного Кавказа являются одним из приоритетных направлений внешней политики ЕС [13]. В настоящее время они привлекают пристальное внимание международных акторов, не в последнюю очередь исходя из соображений европейской безопасности.

Теме европейской стратегии в регионе Южного Кавказа в рамках ЕПС и программы ВП посвящены многочисленные исследования. Среди отечественных исследователей, изучающих сотрудничество ЕС с Азербайджаном, Арменией и Грузией на современном этапе, можно особенно выделить работы И.М. Узнародова, Ю.С. Кудряшовой, А.А. Языковой, И.В. Болговой. Эволюцию политики ЕС в контексте взаимодействия с Южным Кавказом в своих трудах исследовали К.В. Юматов, А. Айвазян [8].

Отдельная группа исследователей фокусировала внимание на месте и роли стран

Южного Кавказа в региональной геополитической системе, а также в системе региональной безопасности. К таким авторам относятся С.М. Иванов, Н.Г. Галоян и Г.С. Котанджян. Механизмы реализации Европейской политики соседства на примере Азербайджана, Армении и Грузии исследовал А.А. Стрелков. Различные аспекты участия государств Южного Кавказа в программе Восточного партнерства исследуют П.А. Барахвостов, К.И. Елизарьева [2].

Среди работ зарубежных ученых этапам и проблемам формирования ЕПС посвящены труды С. Ганзле, Б. Липперта, С. Мюллер-Краеннер. Т.С. Герман и П. Семнеби фокусировали свое внимание на участии ЕС в актуальных событиях, происходящих на Южном Кавказе [20]. Особенности двусторонних взаимоотношений ЕС со странами Южного Кавказа посвящены публикации М. Йирачека, Л. Алиевой и А. Читаладзе [12].

В рамках данной работы представляется важным дать комплексную оценку политике ЕС в странах Южного Кавказа в контексте реализации 20 результатов до 2020 г., ут-

вержденных в рамках программы Восточного партнерства в 2017 году. Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, выявить предпосылки запуска 20 результатов до 2020 года. Во-вторых, определить особенности и динамику реализации программы в отношении к Азербайджану, Армении и Грузии. В-третьих, спрогнозировать возможные варианты развития европейской стратегии в странах Южного Кавказа, с учетом новой утвержденной политики относительно программы «Восточное партнерство после 2020 г.».

Реализация европейской стратегии по отношению к странам Южного Кавказа рассматривается через теорию регионализма, позволяющую охарактеризовать всестороннее взаимодействие акторов европейского региона с государствами Южного Кавказа, а также обосновать доминирующую роль ЕС в сотрудничестве с ними.

Методы исследования. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ. Использование метода сравнения позволило сопоставить результаты реализации программы ВП в отношении Азербайджана, Армении и Грузии. Эмпирической базой исследования послужили:

- нормативно-правовые акты ЕС (2003–2020 гг.);
- статистические данные (2017–2020 гг.);
- заявления высших должностных лиц ЕС (2017–2020 гг.).

Анализ. Сама мысль о формировании европейской стратегии по отношению к странам Южного Кавказа зародилась среди политических кругов ЕС после распада СССР. Большое значение в формировании подхода ЕС по отношению к Южному Кавказу имели этнические противоречия, которые обострились в регионе в рамках нагорно-карабахского конфликта. Интерес к его мирному урегулированию особенно проявляла Франция, так как в этой стране присутствуют многочисленные представители армянской и грузинской диаспор. Определенную роль в его разрешении играли Италия, Швеция и Финляндия в рамках Минской группы ОБСЕ.

В качестве последствий распада СССР Армения, Грузия и Азербайджан получили не только независимость и суверенитет, но и серьезный экономический кризис. Это стало

поводом для сохранения и продолжения активной европейской политики в регионе.

В то же время у стран Южного Кавказа не было сторонника и лоббиста в ЕС. В связи с этим Армения, Грузия и Азербайджан были включены в ЕПС относительно поздно, в июне 2004 года.

Основным фактором привлечения внимания ЕС, а также международного сообщества, являются природные ресурсы региона, а именно газ и нефть, в основном добываемые с территории Азербайджана. ЕС в значительной степени зависит от поставок энергоресурсов из очень ограниченного числа стран. В этой области Азербайджан занял лидирующее место с ростом ВВП примерно на 20 % с 1995 г., достигнув пика в 2006–2008 гг. благодаря своим запасам нефти, и мог получить экономическую независимость [11]. В результате этого ЕС осознал необходимость всерьез заняться проблемой диверсификации природных ресурсов, и Южный Кавказ превратился в транзитный маршрут, приносящий энергетические запасы в Европу.

С целью усиления своего влияния в регионе ЕС в рамках ЕПС начал разрабатывать инициативы для более тесного регионального сотрудничества. Государства Южного Кавказа совместно с еще тремя постсоветскими странами (Беларусь, Молдова, Украина) в 2009 г. стали участниками программы ЕС Восточное партнерство, одной из трех масштабных программ ЕС, направленных на сближение с соседними регионами.

Для более детального исследования стратегии ЕС на Южном Кавказе в рамках программы Восточного партнерства рациональнее разделить процесс ее реализации на три этапа: 1) 2009–2013 гг.; 2) 2013–2017 гг.; 3) 2017–2020 гг.

За первые четыре года реализации ВП, ЕС столкнулся с множеством проблем, связанных с особенностями моделей развития каждой из стран Южного Кавказа. Процесс преобразования региона с акцентом на европейские стандарты невозможно было продолжать по единому шаблону. В связи с экономическими, демографическими и политическими факторами Армения, Азербайджан и Грузия имели абсолютно разные показатели в скорости развития, чего ЕС изначально не учел [2, с. 203].

В рамках первого этапа наиболее активные преобразования произошли в Грузии. Революция, случившаяся в 2004 г., окончательно сформировала «европейский» вектор во внешней политике страны. ВВП Грузии вырос с 11,07 млрд долл. США в 2009 г. до 17,19 млрд долл. США в 2013 г. [4]. Основные реформы правительства были направлены на либерализацию экономики и модернизацию страны по европейским стандартам.

В Армении скорость экономических трансформаций была ограничена в связи с особенностями модели экономического развития страны, которой Армения была вынуждена придерживаться из-за дефицита природных ресурсов и зависимости от других государств, в том числе и от России. Несмотря на это, за первые четыре года участия в ВП Армения смогла увеличить свой ВВП с 8,65 млрд долл. США в 2009 г. до 11,12 млрд долл. США в 2013 г. [1]. Постепенно формировалась и нормативно-правовая база сотрудничества с ЕС в рамках ВП, которая должна была способствовать ускорению темпов «европеизации» государства.

Азербайджан, в отличие от Грузии и Армении, оставался единственной страной Южного Кавказа, которая сохраняла как экономическую, так и политическую дистанцию в контексте реформистских идей ЕС. Во многом это обусловлено самостоятельной экономической политикой Азербайджана, чей ВВП уже на 2009 г. составил 12,2 млрд долл. США [11], а к 2013 достиг 16,2 млрд долл. США [3]. Именно экономические ресурсы данного участника ВП послужили поводом для подписания с ЕС декларации по газопроводу «Южный коридор». Азербайджан, таким образом, к завершению первого этапа реализации ВП стал главным торговым партнером ЕС при товарообороте 16,7 млрд евро, 14,37 млрд евро из которых приходились на импорт нефтепродуктов в ЕС [17].

Второй этап реализации ВП был посвящен работе над ошибками, допущенными в результате применения ЕС общего подхода по отношению ко всем странам Южного Кавказа. Таким образом, с 2014 по 2017 г. в отношении с Грузией начинается взаимодействие с акцентом на вектор сотрудничества, установленный в Соглашении об ассоциации: раз-

витие экономики, реформы законодательной базы и судебной системы [6].

Взаимодействие с Арменией стало более регламентированным в рамках ВП. Основным вектором сотрудничества в данном случае представители ЕС обозначили демократизацию страны по европейским стандартам: развитие и защита прав и свобод человека, распространение и приверженность демократическим ценностям, верховенство закона [21].

Политический вектор, реализуемый ЕС по отношению к Азербайджану, включал в себя начало стратегической модернизации страны. Сохраняя тесные экономические связи, правящие элиты ЕС стали все больше делать акцент на политическом диалоге с официальными представителями Азербайджана. В результате осенью 2016 г. Совет ЕС утвердил мандат Европейской комиссии по вопросу переговоров о заключении всеобъемлющего соглашения ЕС с Азербайджаном, которое должно было заменить аналогичный документ 1996 года.

В ноябре 2017 г. представители государств-членов ЕС встретились в Брюсселе с главами государств-членов ВП. По итогам саммита стороны согласовали совместную декларацию, которая подтверждала смещение национальных политик стран ВП в сторону европейского вектора. В декларации подчеркивалось, что ЕС и его шесть восточных партнеров одобрили совместный план работы 20 результатов к 2020 г., который стал основным фокусом в процессе реализации ВП, направленным на стратегическое информирование граждан об эффективности европейской политики [22].

Таким образом, предложенные Европейской комиссией 20 результатов на 2020 г. были направлены на достижение конкретных целей и активизацию действий в четырех ключевых приоритетных областях: экономическое развитие; укрепление институтов государственного управления; связь и энергоснабжение; мобильность и контакты между людьми. Кроме того, выделялось несколько смежных целей, среди которых более активное взаимодействие с организациями гражданского общества, вопрос гендерного равенства, усиление стратегических коммуникаций и поддержка разнообразных и независимых СМИ [9].

Для достижения поставленных целей такого масштабного плана ЕС использовались различные инструменты поддержки стран-партнеров. В частности, стоит выделить такие программы, как EU4Business и EU4Youth Programme, в рамках которых осуществлялся масштабный комплекс действий, нацеленный на всестороннюю поддержку восточных соседей ЕС в процессе реализации 20 результатов к 2020 году.

Инициатива EU4Business обобщает европейские программы поддержки предпринимательства и предлагает новые возможности для государств-партнеров. Одной из наиболее актуальных тем для проектов в рамках EU4Business является упрощение доступа к европейским рынкам малому и среднему бизнесу стран ВП. По итогам успешной реализации EU4Business с 2009 по 2017 г. в рамках 20 результатов к 2020 г. государства Южного Кавказа стали участниками ряда новых экономических проектов. В частности, весной 2020 г. стартовала программа «Цифровая трансформация армянских МСП».

EU4Youth – программа ЕС, реализуемая в период 2017–2020 гг. и содействующая активному участию молодежи из стран ВП в жизни общества и расширению возможностей для их трудоустройства. За три года реализации бюджет программы составил 22,75 млн евро. Эффективность EU4Youth подтвердилась одобрением Европейской комиссией в конце 2020 г. третьего модуля программы в течение 2021 г. и утверждением дополнительного бюджета в 16 млн евро [24].

В контексте развития гражданского общества как одной из приоритетных сфер в рамках 20 результатов к 2020 г. ЕС привлекал организации гражданского общества и муниципальные органы власти к мониторингу результатов программ поддержки. Таким образом, анализ промежуточных итогов 20 результатов к 2020 г. осуществлялся как в рамках совместной работы ЕС с партнерами, так и индивидуально каждым актором, в том числе и государствами Южного Кавказа.

В июле 2020 г. Институт политики Грузии опубликовал отчет «Реализация Грузии 20 результатов Восточного партнерства к 2020 г.» [19]. В обзоре отражен прогресс и проблемы, возникшие при решении тех или иных

задач. За отчетный период было усовершенствовано антидискриминационное законодательство. Стамбульские конвенции ратифицированы, и сейчас грузинское законодательство почти полностью соответствует международным стандартам. Активизировалось участие женщин в бизнесе и программе EU4Youth.

С целью укрепления потенциала организаций гражданского общества Грузии в рамках 20 результатов к 2020 г. ЕС остается крупнейшим финансовым донором. В рамках Единого механизма поддержки ЕС финансовая помощь, выделенная на развитие гражданского общества Грузии, составила 18,55–22,65 млн евро (2017–2020 гг.).

Грузия пытается в полной мере использовать возможности интеграции своей экономики с ЕС через Соглашение о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли. По итогам на 2020 г. ЕС является главным торговым партнером Грузии, на долю которого приходится около 27 % ее общего товарооборота [5]. Несмотря на это, есть проблемы со свободным доступом малого и среднего бизнеса к европейским рынкам.

Согласно Программе регионального развития на 2018–2021 гг. только 42,3 % занятого населения нанимается работодателем: 84,5 % находится в Тбилиси, а 45,6 % – в Абхазии [25]. Во всех остальных регионах количество занятых ниже, чем в среднем по стране, и есть резкие различия между регионами с точки зрения экономического и социального развития. Не произошло заметных изменений в законодательстве и политике в области финансирования партийных кампаний. Ключевым негативным фактором является отсутствие автономного подразделения, отвечающего за расследование коррупционных дел.

Грузия значительно отстает и в процессе сближения с ЕС в области экологического руководства. Недостаточное финансирование, выделение лишь 0,4 % государственного бюджета на охрану окружающей среды (около 60 млн лари) в сочетании с дефицитом кадровых ресурсов привели к значительным задержкам и проблемам в реализации Третьего государственного плана действий по охране окружающей среды (NEAP) [23].

Открытие первой и на сегодняшний день период единственной Европейской школы ВП в

Тбилиси является позитивным сигналом от ЕС. Однако количество доступных в настоящее время стипендий довольно ограничено как в рамках школы, так и в целом в области академической мобильности.

Сотрудничество ЕС с Арменией в период реализации 20 результатов к 2020 г. проходило также в рамках Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Республикой Армения и ЕС, подписанном осенью 2017 г. [14]. В сфере сквозных результатов Армения, как и Грузия, обновила и частично реализовала план действий по гендерным вопросам. В рамках двухлетнего проекта EU4Youth «Лучшие навыки для лучшего будущего» с участием Армении более 1 300 тыс. молодых людей прошли обучение в области предпринимательства, а также было пересмотрено 12 молодежных политик.

Активно проводилась просветительская деятельность ЕС в Армении в 2019 г. в честь празднования 10-летия ВП, тем самым обеспечивая усиление стратегической коммуникации и поддержку независимых медиа и СМИ.

В 2019 г. на долю ЕС приходилось около 20 % от общего товарооборота Армении, что сделало его вторым экономическим партнером Армении после Российской Федерации. Объем торговли между всеми странами ВП и ЕС с Арменией увеличился в период с 2016 по 2019 г. на 27 % [9]. Для Армении был подготовлен комплекс мероприятий в контексте развития умной специализации – политики, основанной на акценте на сильные стороны и конкурентные преимущества каждого регионального актора. На реализацию проектов в сферах, утвержденных в 20 результатах к 2020 г., ЕС для Армении было выделено более 200 млн евро [14].

С целью улучшения работы институтов государственного управления Армения приняла новые всеобъемлющие реформы сектора правосудия. После принятых изменений ЕС положительно оценил выборы 2018 г. в Армении и даже поспособствовал их организации. «К вашему сведению, весь объем помощи из-за рубежа будет исключительно европейским, то есть ЕС и три государства-члена окажут содействие. Не будет ни американских денег, ни японских денег», – заявил посол ЕС в Армении П. Свитальский [7].

Инициатива ЕС и Международных финансовых институтов по развитию энергетической эффективности повысила политическую заинтересованность в Армении. Прогресс в области защиты окружающей среды в отношении Армении оценивается как «умеренный». В январе 2020 г. при поддержке ЕС открылась Лаборатория ГНКО «Центр мониторинга окружающей среды и информации» в г. Ереване.

В июле 2018 г. Европейский парламент принял резолюцию о переговорах по новому двустороннему соглашению, в которой подчеркивалось, что углубление отношений зависит от соблюдения Азербайджаном основных ценностей и принципов демократии, верховенства закона, надлежащего управления и уважения к человеческим правам и основным свободам [16]. Однако на начало 2020 г. правительство Азербайджана так и не выразило приверженности к подписанию данного документа. В отличие от Грузии или Армении, Азербайджан выстраивает самостоятельный внешнеполитический вектор, основываясь на своих государственных интересах. Это объясняет весьма ограниченный прогресс в области сквозных результатов.

Несмотря на это, Азербайджан занимает 146-е место из 167 стран в рейтинге демократии Economist Intelligence Unit за 2019 г. [15] и классифицируется как «несвободный» в отчете «Свобода в мире» за 2020 г. [10]. Несмотря на надежды, что парламентские выборы в феврале 2020 г. могли бы привести к увеличению свободы оппозиции, последствия выборов характеризовались усилением репрессий в отношении политической оппозиции, журналистов и правозащитников.

Наиболее прогрессивной в рамках 20 результатов к 2020 г. в отношении Азербайджана стала экономическая сфера. На 2019 г. ЕС оставался ключевым торговым партнером Азербайджана, на которого приходилось около 37 % от общей торговли страны [17]. ЕС оказал помощь 9 198 компаниям Азербайджана в финансировании, обучении и поддержке выхода экспорта на новые рынки в рамках инициативы EU4Business, что способствовало созданию более 36 267 новых рабочих мест [18]. В 2019 г. в рамках 20 результатов к 2020 г. Азербайджан также присоединился к

Фонду Е5Р, который развивает экологическое партнерство и энергетическую эффективность в Восточной Европе.

Результаты. Таким образом, прогресс, достигнутый в реализации 20 результатов к 2020 г. в странах Южного Кавказа, в ежегодных мониторингах ЕС был оценен как «умеренный». Несмотря на осязаемое развитие, общая картина по-прежнему дает довольно неоднозначные результаты. Из 20 результатов к 2020 г. достигнуто 5 % целей, значительного прогресса удалось достигнуть по 70 % задач и 25 % планов так и не реализовались. Несмотря на это, в рамках он-лайн-саммита ВП летом 2020 г. европейские лидеры положительно оценили достигнутые результаты в период за последние три года. Однако для более эффективной реализации программы после 2020 г. ЕС призывает своих партнеров активизировать усилия для достижения дополнительного прогресса во всех областях, включая нерешенные проблемы в области правосудия и борьбы с коррупцией, а также в отношении гендерного равенства и защиты окружающей среды.

Вероятно, что новый пакет результатов будет утвержден в рамках полноценного саммита ВП в 2021 году. При условии его утверждения в отношении государств Южного Кавказа, в частности после 2020 г., ожидается усиление экономического влияния ЕС в Грузии и Армении при реализации более сдержанной экономической стратегии в отношении Азербайджана. Одновременно с этим в рамках двусторонних отношений ЕС с Азербайджаном предвидится смещение вектора на экологический аспект сотрудничества. Наконец, во всех трех государствах Южного Кавказа планируется реализация цифровой трансформации, что впоследствии может обеспечить ЕС значительное преимущество в борьбе за стратегическое влияние на данной территории.

В период пандемии COVID-19 в 2020 г. ЕС оказывал всестороннюю поддержку своим партнерам на Южном Кавказе. На основе сравнительного анализа двусторонних отношений ЕС со странами Южного Кавказа в контексте реализации 20 результатов к 2020 г. была дана комплексная оценка приоритетам европейской политики в регионе. Исходя из этого, ЕС намерен наращивать сотрудниче-

ство с Арменией, продолжать активный диалог с Грузией и сохранять партнерские отношения с Азербайджаном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армения – Валовый Внутренний Продукт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://datacommons.org/place/country/ARM?utm_medium=explore&mpop=amount&opt=EconomicActivity&cpv=activitySource%2CGrossDomesticProduction&hl=ru (дата обращения: 20.03.2021). – Загл. с экрана.
2. Барахвостов, П. А. Кавказское измерение «Восточного партнерства» (2009–2016) / П. А. Барахвостов // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 4. – С. 199–208.
3. ВВП Азербайджана 1990–2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/az.html> (дата обращения: 20.03.2021). – Загл. с экрана.
4. Грузия – Валовый Внутренний Продукт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas/%D0%93%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D1%8F/%D0%92%D0%92%D0%9F> (дата обращения: 20.03.2021). – Загл. с экрана.
5. Отношения ЕС – Грузия в фактах и цифрах. – 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.euneighbours.eu/ru/vostok/stay-informed/publications/otnosheniya-es-gruziya/> (дата обращения: 23.03.2021). – Загл. с экрана.
6. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Грузией 1996 г. // Сайт Московской государственной юридической академии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_georgia.htm (дата обращения: 01.02.2021). – Загл. с экрана.
7. Халатян, А. «Накануне схватки»: Как Евросоюз влияет на выборы в Армении / А. Халатян // Евразия Эксперт. – 2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/nakanuneshkhvatki-kak-evrosoyuz-vliyaet-na-vybory-v-armenii/> (дата обращения: 03.02.2021). – Загл. с экрана.
8. Юматов, Ю. К. Эволюция политики Европейского союза на Южном Кавказе / Ю. К. Юматов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 126–131.
9. 20 Deliverables For 2020 Monitoring – State of Play in February 2020. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2020-06/Monitoring%20Spring%202020_20%20Deliverables%20for%202020.pdf (date of access: 11.02.2021). – Title from screen.
10. 2020 Freedom in the World report. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <https://>

freedomhouse.org/explore-the-map?type=fiw&year=2021 (date of access: 11.02.2021). – Title from screen.

11. Azerbaijan GDP – real growth rate. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.indexmundi.com/azerbaijan/gdp_real_growth_rate.html (date of access: 11.02.2021). – Title from screen.

12. Chitaladze, A. Understanding Europeanization in Georgia and Armenia – Discourses, Perceptions and the Impact on Bilateral Relations / A. Chitaladze // Analytical Bulletin. – 2015. – № 8. – P. 29–54.

13. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament // Commission of the European Communities. – 2003. – Electronic text data. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (date of access: 14.03.2021). – Title from screen.

14. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. – 2017. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/agreement/?id=2017024&DocLanguage=en> (date of access: 11.02.2021). – Title from screen.

15. Democracy Index 2019 // Economist Intelligence Unit. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index/> (date of access: 04.03.2021). – Title from screen.

16. European Parliament recommendation of 4 July 2018 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission // High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the negotiations on the EU-Azerbaijan Comprehensive Agreement. – 2018. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0294_EN.html (date of access: 04.03.2021). – Title from screen.

17. European Union, Trade in goods with Azerbaijan. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf (date of access: 14.04.2021). – Title from screen.

18. Facts and Figures about EU-Azerbaijan Relations. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eap_factsheet_azerbaijan.pdf (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

19. Georgias Implementation of 20 Eastern Partnership Deliverables for 2020. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <http://gip.ge/georgias-implementation-of-20-eastern-partnership-deliverables-for-2020/> (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

20. German, T. C. Corridor of Power: The Caucasus and Energy Security / T. C. German // Caucasian Review of International Affairs. – 2008. – № 2 – P. 64–65.

21. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Armenia. Progress in 2014 and recommendations for actions: Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. EC Doc. SWD(2015) 63 final. – Brussels, 2015. – Electronic text data. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/armenia-enp-report-2015_en.pdf (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

22. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. – 2017. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14821-2017-INIT/en/pdf> (date of access: 12.04.2021). – Title from screen.

23. Ministry of Finance, Georgia. State Budget. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://mof.ge/5261> (date of access: 12.04.2021). – Title from screen.

24. Newsletter of the EU4Youth Programme. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2020-12/EU4Youth_Newsletter_December_2020.pdf (date of access: 03.04.2021). – Title from screen.

25. Regional Development Program of Georgia for 2018–2021 Years // Ministry of Regional Development and Infrastructure of Georgia. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/geo185566ENG.pdf> (date of access: 07.04.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Armeniya – Valoviy Vnutrenniy Product* [Armenia – Gross Domestic Product]. URL: https://datacommons.org/place/country/ARM?utm_medium=explore&mprop=amount&popt=Economic Activity&cpv=activitySource%2CGross Domestic Production&hl=ru (accessed 20 March 2021).

2. Barakhvostov P.A. Kavkazskoe izmerenie «Vostochnogo partnerstva» (2009–2016) [The Caucasian Dimension of the Eastern Partnership in 2009–2016]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2016, no. 4, pp. 199–208.

3. *VVP Azerbaidjana 1990–2019* [GDP of Azerbaijan 1990–2019]. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/az.html> (accessed 20 March 2021).

4. *Gruziya – Valoviy Vnutrenniy Product* [Georgia – Gross Domestic Product]. URL: <https://knoema.ru/atlas/%D0%93%D1%80%D1%83%D0%>

B7%D0%B8%D1%8F/%D0%92%D0%92%D0%9F (accessed 20 March 2021).

5. *Otnosheniya ES – Gruzziya v faktakh i tsifrakh* [Facts and Figures About EU-Georgia Relations], 2020. URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/vostok/stay-informed/publications/otnosheniya-es-gruzziya-> (accessed 23 March 2021).

6. Soglasheniye o partnerstve i sotrudnichestve mezhdru ES i Gruziiyey 1996 g. [EU-Georgia Partnership and Cooperation Agreement 1996]. *Sayt Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Website of the Moscow State Law Academy]. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_georgia.htm (accessed 01 February 2021).

7. Khalatyan A. «Nakanune skhvatki»: Kak Yevrosoyuz vliyayet na vybory v Armenii [“On the Eve of the Fight”: How the European Union Affects the Elections in Armenia]. *Evrasiya Ekspert*, 2018. URL: <https://eurasia.expert/nakanune-skhvatki-kak-evrosoyuz-vliyayet-na-vybory-v-armenii> (accessed 03 February 2021).

8. Yumatov Y.K. Evolyutsiya politiki Yevropeyskogo soyuza na Yuzhnom Kavkaze [Evolution of European Union Policy in the South Caucasus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2012, no. 1 (17), pp. 126-131.

9. *20 Deliverables For 2020 Monitoring – State of Play in February 2020*, 2020. URL: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2020-06/Monitoring%20Spring%202020_20%20Deliverables%20for%202020.pdf (accessed 11 February 2021).

10. *2020 Freedom in the World Report*, 2021. URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fiw&year=2021> (accessed 11 February 2021).

11. *Azerbaijan GDP – Real Growth Rate*, 2020. URL: http://www.indexmundi.com/azerbaijan/gdp_real_growth_rate.html (accessed 11 February 2021).

12. Chitaladze A. Understanding Europeanization in Georgia and Armenia. *Analytical Bulletin*, 2015, no. 8, pp. 29-54.

13. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. *Commission of the European Communities*, 2003. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed 14 March 2021).

14. *Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community and Their Member States, of the One Part, and the Republic of Armenia, of the Other Part*, 2017. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/agreement/>

?id=2017024&DocLanguage=en (accessed 11 February 2021).

15. Democracy Index 2019. *Economist Intelligence Unit*, 2020. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index/> (accessed 4 March 2021).

16. European Parliament Recommendation of 4 July 2018 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission. *High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the Negotiations on the EU-Azerbaijan Comprehensive Agreement*, 2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0294_EN.html (accessed 4 March 2021).

17. *European Union, Trade in Goods with Azerbaijan*, 2021. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf (accessed 14 April 2021).

18. *Facts and Figures About EU-Azerbaijan Relations*, 2020. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eap_factsheet_azerbaijan.pdf (accessed 3 April 2021).

19. *Georgias Implementation of 20 Eastern Partnership Deliverables for 2020*, 2020. URL: <http://gip.ge/georgias-implementation-of-20-eastern-partnership-deliverables-for-2020/> (accessed 3 April 2021).

20. German T.C. Corridor of Power: The Caucasus and Energy Security. *Caucasian Review of International Affairs*, 2008, no. 2, pp. 64-65.

21. *Implementation of the European Neighbourhood Policy in Armenia. Progress in 2014 and Recommendations for Actions: Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. EC Doc. SWD (2015) 63 Final*, Brussels, 2015. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2015/armenia-enp-report-2015_en.pdf (accessed 03 April 2021).

22. *Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit*, 2017. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14821-2017-INIT/en/pdf> (accessed 12 April 2021).

23. *Ministry of Finance, Georgia. State Budget*, 2020. URL: <https://mof.ge/5261> (accessed 12 April 2021).

24. *Newsletter of the EU4Youth Programme*, 2020. URL: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2020-12/EU4Youth_Newsletter_December_2020.pdf (accessed 3 April 2021).

25. Regional Development Program of Georgia for 2018–2021 Years. *Ministry of Regional Development and Infrastructure of Georgia*, 2021. URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/geol185566ENG.pdf> 5261 (accessed 7 April 2021).

Information About the Authors

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Anna S. Prynunkova, Expert of the Center for Public Diplomacy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, prynunkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4185-5780>

Информация об авторах

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Анна Сергеевна Прыгункова, эксперт Центра общественной дипломатии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, prynunkova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4185-5780>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>

UDC 342.6
LBC 63.3(7)

Submitted: 26.04.2020
Accepted: 09.06.2020

HISTORY OF EMERGENCY POWERS OF THE US PRESIDENTS: FROM ABRAHAM LINCOLN TO DONALD TRUMP

Nataliya S. Latypova

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the context of the COVID-19 pandemic announced by the WHO in 2020, American researchers bring up the question of the legitimacy, adequacy, or, on the contrary, redundancy of measures taken by the US leadership to protect the population. The study of the US President's history of emergency powers can demonstrate how previous American Presidents managed to preserve or, conversely, subvert the established liberal foundations of American society in emergency situations. *Methods and materials.* The author used methods of structural analysis and synthesis, historical and legal comparative method, formal legal method, and method of legal modeling. *Analysis.* The author studied A. Lincoln's extra-constitutional authority to emancipate slaves, suspend the Habeas Corpus Act, create a volunteer army, and declare a naval blockade. On the basis of legal sources, we carried out the analysis of F. Roosevelt's decisions on the creation of courts-martial and the internment of people of Japanese descent; reviewed the activities of G. Bush after the September 11 attacks and D. Trump's emergency measures related to building the border wall in the south of the USA. *Results.* During the research, we found, that each military, economic, or social crisis increased the political significance and role of the executive branch in emergencies. We can characterize the increase of the emergency powers, delegated to the US Presidents, as steadily growing due to the crises that took place in various periods of American history. It was proved, that the precedents of emergency measures created by A. Lincoln, F. Roosevelt and George W. Bush had a long-term impact on the actions of the next US Presidents, opening up new legal opportunities for the use of emergency powers. At the same time, Congress and the US Supreme Court have taken a controversial stance on the validity of the President's actions at various historical stages. Most of the time, the status of the legislative and judicial branches of government, as well as the understanding of "emergency situation" itself depended on the specific case and practical political needs.

Key words: the US Constitution, President's emergency powers, American Civil War, COVID-19 pandemic, Emancipation Proclamation, President Roosevelt, US Supreme Court, Trump's emergency powers.

Citation. Latypova N.S. History of Emergency Powers of the US Presidents: From Abraham Lincoln to Donald Trump. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 193-211. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>

УДК 342.6
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 26.04.2020
Дата принятия статьи: 09.06.2020

ИСТОРИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА США: ОТ АВРААМА ЛИНКОЛЬНА ДО ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Наталья Сергеевна Латыпова

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В условиях объявленной Всемирной организацией здравоохранения в 2020 г. пандемии COVID-19 среди американских исследователей вновь встает вопрос о правомерности, достаточности, либо, наоборот, избыточности мер, предпринимаемых руководством США для защиты населения. Исследование истории чрезвычайных полномочий Президента США продемонстрирует, каким образом предшествовавшим американским президентам удавалось сохранить, либо, наоборот, разрушить устоявшиеся либеральные основы американского общества в чрезвычайных ситуациях. *Методы и материалы.* Автором использованы методы структурного анализа и синтеза, историко-правовой и формально-юридический методы, метод правового моделирования. *Анализ.* Исследовано использование А. Линкольном своих внеконституционных полномочий для приостановки Habeas corpus акта, создания добровольческой армии и объявления морской блокады. На основе правовых источников проведен анализ решений Ф. Рузвельта о создании военных трибуналов и интернирования лиц японского происхождения, рассмотрена деятельность Д. Буша после террористических атак 2001 г. и чрезвычайные меры Д. Трампа в связи со строительством стены на южной границе США. *Результаты.* Исследование позволило определить, что каждый военный, экономический или социальный кризис усиливал политическое значение и роль исполнительной власти в чрезвычайных обстоятельствах. Установлены факты эпизодического увеличения объема чрезвычайных полномочий, делегируемых Президентам США в различные исторические периоды, в целом характеризующиеся их поступательным ростом. Доказано, что созданные А. Линкольном, Ф. Рузвельтом и Дж. Бушем-младшим прецеденты применения чрезвычайных мер оказали долгосрочное влияние на действия последующих Президентов США, открыв перед ними новые правовые возможности использования чрезвычайных полномочий. При этом Конгресс и Верховный суд США занимали противоречивые позиции относительно обоснованности действий Президента на различных исторических этапах. В большинстве своем позиция законодательной и судебной ветвей власти, а также само понимание «чрезвычайности» зависели от конкретной ситуации и практических политических нужд.

Ключевые слова: Конституция США, чрезвычайные полномочия Президента США, Гражданская война в США, пандемия COVID-19, прокламация Линкольна, Президент Рузвельт, Верховный суд США, чрезвычайные полномочия Трампа.

Цитирование. Латыпова Н. С. История чрезвычайных полномочий Президента США: от Авраама Линкольна до Дональда Трампа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 193–211. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>

Introduction. The historical experience of the development of the American Institute of President's Emergency Powers, which was tested by the Civil War, the Great Depression, two World Wars, the terrorist threat and the pandemic, seems to be unique in terms of the possibility to maintain the foundations of a democratic system in emergency situations, as well as to keep a balance between rights and freedoms of citizens and to maintain total control. However, in the history of one of the oldest world democracies, there were examples of ineffective governance and violation of this balance, and it is also of research interest.

The history of the United States is a rare example of the commitment of the country's Presidents to the idea of liberal democracy and the rule of law, despite the almost unlimited possibilities of using emergency powers.

As E. Gottain notes, "Throughout the late 18th and 19th centuries, Congress passed laws to give the president additional leeway during military, economic, and labor crises" [36].

As a result, by 2020, the President of the United State has the access to emergency powers contained in 136 statutory provisions [25], which have been recently calculated by the Brennan Center for Justice at the Law School of New York University. Various historical examples of the state response and the reaction of the head of the executive branch to critical, emergency circumstances within the country demonstrate the variability of ways and means of overcoming them. Scientific research in this area under the current conditions of the economic crisis and the declared COVID-19 pandemic has not only theoretical but also practical significance.

Methods and materials. The basis of the research is general scientific and private scientific methods. As for the research of the Institute of Emergency Powers of the President in the United States structural analysis and synthesis methods have been used to determine the structures and essences of the President's constitutional and non-constitutional powers. Within the framework of

the research, an attempt has been made to form a comprehensive view of the possibilities for applying the President's emergency powers under the current conditions of the COVID-19 pandemic, and the usage of the legal modeling method. The study is also based on an analysis of regulatory acts of the President of the United States, laws of Congress and court decisions examined using comparative legal and formal legal methods. The historical and legal method, in turn, has made it possible to assess the genesis of the institution of emergency powers in historical retrospective.

The sources of the study were normative acts and court decisions adopted during the presidency of A. Lincoln, F. Roosevelt and G. Bush, D. Trump, appeals to the nation, and publication in the mass media of the relevant periods. The data from the Brennan Center for Justice at the Law School of New York University [26], the electronic archives of the US Government and the Supreme Court have also been used. As for scientific literature, the author has studied the works of American, Italian and British researchers: D. Ticnora, E. Gothen, E. Rostow, T. Crownin, D. Goldsmith, B. Kleinerman, D. Farber, L. Coinin, G. Tessuto, S. Horton, P. Harris and others.

Analysis. It should be noted that there is no any legal definition of the concept of emergency powers of the President in the US legislature so far. In the 1952 Youngstown judgment in which the US Supreme Court blocked President Truman's attempt to seize the country's steel mills, Judge Jackson noted that the court "declare the existence of inherent powers ex necessitate to meet an emergency", however, these broad emergency powers were something that the ancestors missed [63] from the Constitution. Indeed, the US Constitution itself only states that the President's emergency powers "He shall... recommend to Congress Consideration such Measures as he shall judge necessary and expedient... and he may, on extraordinary Occasions, convene both Houses, or either of them" [13].

Moreover, the occurrence of "emergency circumstances" in relation to the President's powers only serves as an excuse for the Senate to consider the measures proposed by the President, however, within the meaning of the Constitution, it is not the basis for taking on special powers.

Let us turn to the theoretical aspects of understanding the emergency power used by the Founding Fathers. The American political theory of emergency management was formulated under the influence of the ideas of the English political philosopher John Locke, whose thought influenced the authors of the Constitution. Locke argued that the threat of a national crisis – unforeseen, sudden, and potentially catastrophic – required the creation of broad executive emergency powers that should be exercised by the head of executive branch in situations when the legislative branch did not provide any means or procedure for protecting the state.

Emergency power is mentioned in chapter 14 of its Second Civil Management Treatise, in which Locke speaks of emergency powers as a "prerogative" that should be left to the discretion of who owns the executive branch, as the legislative body is usually too numerous and, as a result, too slow, and also because it is impossible to provide for all emergency situations and the corresponding needs of society in the legislation. Thus, the executive branch remains free to act on many issues that are not regulated by laws [62].

The extent to which the Founding Fathers adhered to this view of the role of the executive branch in emergency situations remains a highly controversial issue. Whatever their understanding of this role was, historical experience has shown that its development in practice was largely based on how individual Presidents viewed their position and its functions.

For example, F. Roosevelt during the period of his presidency significantly expanded the concept of "emergency situations", when it would be possible for the executive branch to use its broad powers. Beginning with F. Roosevelt, the widespread use of delegated authority in times of crisis significantly expanded the meaning of the concept of "emergency" – this term was used to get the approval of the public and Congress, often without any relation to real threats. As a result, F. Roosevelt and his successor Harry S. Truman referred to a formal state of emergency to justify the broad powers delegated to them.

A similar approach to use the "limited emergency" was taken by D. Trump when a state of emergency in order to finance the construction of a wall on the border with Mexico was introduced. The majority of researchers and

congressmen also did not find these circumstances sufficiently “extreme”. It was noted that “A failure to secure money is just not just the same as a natural disaster or terrorism event” [61].

Thus, the use of emergency powers by F. Roosevelt during the economic crisis, by Harry S. Truman during the Korean War, although Congress never officially declared it a “war”, and by D. Trump during the construction of the wall on the southern border with Mexico have blurred the idea of what constitutes “emergency” and circumstances that are critical enough to delegate emergency powers to the President.

National Emergencies Act of 1976, which calls the emergency measures previously taken by the Presidents as the authority granted by law to the President, introduced some clarity in determining the procedure for applying emergency powers and their scope “as a result of the existence of any declaration of national emergency” [44].

Moreover, the law states that “the words” any national emergency in effect “means a general declaration of emergency made by the President”, and still does not explain the meaning and limits of “emergency”.

In the Report of the Special Committee on the Cessation of the State of Emergency in the Country of 1973, which heralded the adoption of the National Emergencies Act of 1976, the President’s emergency powers are understood through the prism of their relationship with the constitutional prerogatives of Congress and significance for American society: “These hundreds of statutes delegate to the President extraordinary powers, ordinarily exercised by the Congress, which affect the lives of American citizens in a host of all-encompassing manners” [54].

Thus, in a broad sense, the emergency powers of the US President should mean the powers directly granted to the President of the United States by the Constitution, Acts of Congress, as well as the implied powers that must be exercised by the head of the executive branch to deal with an emergency situation.

The doctrine of A. Lincoln’s implied authority. Throughout the first half of the 19th century, preceding the Civil War, in many cases Congress had superiority over the President in the issue of the distribution of powers, although not without exception [7, p. 11]. S.G. Parechina emphasized, “for almost the entire century, the

presidency has remained as a subordinate branch of the government of the National Administration” [9, p. 80]. The period of the Civil War became a vivid example of the unprecedented growth in the importance of the executive branch, the strengthening of its political role and expansion of powers by cutting back on the prerogatives of Congress, and a certain “transformation of the form of state” took place [8, p. 26]. The precedent was created by A. Lincoln, the 16th president of the United States, and as many researchers note, he was the first President who began to use his emergency powers actively in times of martial law [1; 5; 11].

The usage of extra-constitutional authority by A. Lincoln is evidenced by numerous regulations adopted by the head of the executive branch in the period from 1861 to 1865. In conditions of active military operations, the President of the United States convened an army, declared a sea blockade, lifted the Habeas Corpus Act [20], and abolished slavery in the rebellious states without the sanction of Congress.

After the shelling of Fort Sumter on April 12, 1861, the day is considered as the day when the Civil War began, A. Lincoln declared the southern states to be in a state of rebellion. In one of the first proclamations of the war period, “Proclamation 80 – Calling Forth the Militia and Convening an Extra Session of Congress” of April 15, 1861, the head of state announced the extraordinary convocation of Congress and the creation of a volunteer army. According to this act, the President called for joining the armed forces in order to wage war on the South. “The militia of the several States of the Union to the aggregate number of 75,000 in order to suppress said combinations and to cause the laws to be duly executed” [17].

The proclamation also indicated the need to convene an extraordinary session of parliament on July 4, 1861 in order to determine the set of measures necessary to ensure state security and public interests [17], which, unlike the convocation of the militia, was on the list of his constitutional powers discussed above (Section 3, Article 2 of the US Constitution).

In a new proclamation, “Proclamation 83 – Increasing the Size of the Army and Navy”, dated May 3, 1861, the President announced a significant increase in the strength of the army

and navy. The document proclaimed that 42 thousand volunteers were called up for military service in the Union army for three years, and the number of regular troops was increased by the same amount [19].

It should be emphasized that according to the US Constitution (Section 8, Article I) only Congress has the exclusive right “To provide for calling forth the Militia to execute the Laws of the Union, suppress Insurrections and repel Invasions” [13, p. 39]. A. Lincoln’s new plan to increase the size of the army was not agreed and authorized by parliament. At the same time, it should be noted that the proclamation text nevertheless provided for the approval of this decision with Congress, but later: “The call for volunteers hereby made and the direction for the increase of the Regular Army... will be submitted to Congress as soon as assembled” [19].

As a result, on July 17, 1862, the US Congress passed the Militia Act, and on March 3, 1863, the Enrollment Act [22], which fixed the previous decisions of the President in due process.

Guided by the same goals “to the protection of the public peace and the lives and property of quiet and orderly citizens” [18] in the proclamation “Proclamation 81 – Declaring a Blockade of Ports in Rebellious States” of April 19, 1861, the President without the authorization of Parliament announced a sea blockade of the southern ports of the Confederation. The proclamation stated that “For this purpose a competent force will be posted so as to prevent entrance and exit of vessels from the ports aforesaid” [18].

It seems obvious that from the first days of the Civil War there was a redistribution of powers between the executive and legislative branches of government, namely, an imbalance in the system of costs and balances in favor of the President’s broad emergency powers.

The normative act that caused the most discussion about its legitimacy, both among contemporaries and among historians, was the decree on the suspension of the Habeas Corpus Act [37] – “Executive Order” of April 25, 1861. The decree gave permission to military commander A. Scott to use weapons in the case of arming the inhabitants of the state of Maryland and their appearance on the side of the Confederation, if necessary, use weapons, “in the extremest necessity, the suspension of the writ of

habeas corpus” [15]. As V.V. Sogrin notes, “On April 25, the choice between law and expediency was made in favor of the latter” [12, p. 184].

The president suspended his action along the route from Philadelphia to Washington by a proclamation of April 27, 1861. The military was prescribed: “...If at any point on or in the vicinity of any military, line which is now or which shall be used between the city of Philadelphia and the city of Washington you find resistance which renders it necessary to suspend the writ of habeas corpus for the public safety, you ...are authorized to suspend that writ” [16].

On the territory of the whole country, the action of the Habeas Corpus was suspended by the proclamation “Proclamation 94 - Suspending the Writ of Habeas Corpus” declared by A. Lincoln on September 24, 1862.

It must be emphasized that, similar to the previously considered presidential proclamations, the decision to suspend the Habeas Corpus according to Section 9 Article I of the Constitution [13, p. 34] was the exclusive prerogative of the US Congress, and not the President. Following the need for legislative consolidation of the President’s decisions, the parliament nevertheless adopted the corresponding law [22] on a national scale, but only six months later at the March session in 1863.

Further evidence of the use of “implied powers” in emergency situations was the presidential act to abolish slavery in rebellious states – the Proclamation 95 – Regarding the Status of Slaves in States Engaged in Rebellion Against the United States [21] of January 1, 1863. Decisions to ban slavery and proclaim the new status of slaves in the southern states were also taken bypassing Congress on the basis of the act of the executive branch, not law. A. Lincoln himself in the text of the proclamation justified the need and availability of authority to accept it “necessary war measure for suppressing”, and also “by virtue of the power in me vested as Commander in Chief of the Army and Navy of the United States in time of actual armed rebellion against the authority and Government of the United States” [21].

Only after the end of the war in 1865, this act of the executive branch which had been adopted in an emergency, and actually lost its legal force in peacetime, was legally enacted by the Thirteenth Amendment to the US Constitution [13, p. 43].

It should be noted that in almost all cases the use of extra-constitutional powers by the President, the US Supreme Court took his side and supported these actions in the court decisions. An example is the decision of the Supreme Court in the Milligan case of 1866, which ruled that the suspension of the Habeas Corpus Act by A. Lincoln in an emergency was legal [35]. At the same time, the court emphasized that the President could not use a war or a state of emergency as an excuse to ignore the established procedure for legal proceedings and “a citizen not connected with the military service and a resident in a State where the courts are open and in the proper exercise of their jurisdiction cannot, even when the privilege of the writ of habeas corpus is suspended, be tried, convicted, or sentenced otherwise than by the ordinary courts of law” [32].

Also the provision regarding the functioning of a jury in emergency situations is of special interest: “The guaranty of trial by jury contained in the Constitution was intended for a state of war, as well as a state of peace, and is equally binding upon rulers and people at all times and under all circumstances” [32]. This provision once again testifies to the presence of the axiom of the need to maintain liberal democratic values, even in a state of emergency, in the political thought of the United States.

After analyzing the acts of A. Lincoln concerning the use of emergency powers, it should be noted that the President’s decisions adopted during the Civil War obviously went beyond the limits of his constitutional powers, most of which was the prerogative of Congress. On this issue, the American researcher L. Cooney noted that the Commander-in-Chief of the United States Army and Navy and the police of certain states became the legislator of the nation for twelve critical weeks. Normal joint legislative enforcement procedures were suspended, and America gained its first experience of dictatorship [43, p. 176]. It is difficult to disagree with this statement, since “indeed, in an emergency, A. Lincoln, by his actions, expanded the powers of the President, implemented essentially a new concept of the executive branch in a state of emergency, and in fact he created a kind of constitutional dictatorship with the support of Congress” [7, p. 14].

However, it should be recognized that neither Congress nor the Supreme Court during the war

and subsequently made decisive attempts to declare the acts of the President unconstitutional. Partly the support of the legislative and judicial branches of government was due to the adequacy of the measures taken by the President, their proportionality with the current military situation and the lack of attempts to usurp power by the current head of state under the pretext of emergency measures.

Speaking about upholding the legality of his decisions, A. Lincoln himself insisted that the federal government was obliged to resist the secession of the southerners, since it violated the US Constitution, and the powers of the President as the head of the executive branch to restrict the rights of individuals were used for the sole purpose of preserving the Union

Toward the end of the war, such an expansion of A. Lincoln’s presidential powers was formulated by himself in the form of a “prerogative theory”. According to it, the President has the right “for the good of the nation” and to solve extraordinary problems facing the state, to take on unconstitutional powers. Thus, emphasizing that the institution of the presidency must be flexible and become what the time and the situation require.

Emergency Powers of F. Roosevelt. At a time when Abraham Lincoln was creating a modern concept of presidential authority, authorizing decisive measures of the President in legislature and foreign policy under exceptional conditions, another American president, Franklin Delano Roosevelt, finally institutionalized it during his term as head of the executive branch.

In response to the economic crisis and the Great Depression, F. Roosevelt radically revised the distribution of powers between the three branches of government, placing the institution of the presidency at the center of the political system and crisis management system of the American state.

Unlike A. Lincoln, F. Roosevelt demanded almost complete submission from other branches of government in relation to decisions related to ensuring national security. In turn, Congress and the Supreme Court, as D. Tichenor notes, “mostly obliged with this domineering commander-in-chief regardless of the civil liberties implications” [58, p. 770].

During the presidency of F. Roosevelt (1933–1945), the jurisdiction of the executive

branch was significantly expanded due to the destructive challenge to the economic system and the threat to national security posed by Hitler and the Japanese attack on Pearl Harbor. As D. Madison correctly noted, “war is the mother of the exaltation of the executive branch” [38, p. 400]. Due to the fact that “victory could be won only by means that were difficult to find in the democratic arsenal” [3, p. 129] during the Second World War, the American presidency became an extremely powerful institution. The economic crisis of the Great Depression and the outbreak of war required unprecedented and sustainable national political leadership and vigorous government action. At the same time, as T. Crownin emphasizes, “Plainly, however Roosevelt’s spirited enthusiasm, his understanding of the office and its promise, and his skilled use of the presidency as both a moral and political pulpit contributed to the evolution of the modern presidency” [29, p. 277].

Cases of German saboteurs and Japanese internment give a clear idea of the nature and content of the implied powers of F. Roosevelt during the Second World War.

At the beginning of the war, in his radio address to the nation on December 29, 1940, F. Roosevelt emphasized that “never before since Jamestown and Plymouth Rock has our American civilization been in such danger as now” [59, p. 598]. The threats of fascist Germany about world domination could not worry the American government. In the ranks of the Third Reich Army, saboteurs who were capable to commit subversive activities in the United States were actively trained. As a result of the emergence of a real threat of sabotage on American soil by Nazi Germany on May 27, 1941, F. Roosevelt declared a state of emergency.

A year later, the President took advantage of his implied powers with respect to the trial of German saboteurs.

On July 2, 1942, F. Roosevelt, as President and Commander-in-Chief of the Ground Forces and Navy, signed the Proclamation on the establishment of a military commission, authorizing it to conduct war crimes trials, and approved the rules of procedure for the trial and review of the verdict of the military commission.

In the Proclamation of July 2, 1942 № 2561, the President declared: “I, Franklin D. Roosevelt,...

by virtue of the authority vested in me by the Constitution and the statutes of the United States, do hereby proclaim that all persons who are subjects, citizens or residents of any nation at war with the United States... and who during time of war enter or attempt to enter the United States... and are charged with committing or attempting or preparing to commit sabotage, espionage... shall be subject to the law of war and to the jurisdiction of military tribunals; and that such persons shall not be privileged to seek any remedy or maintain any proceeding... in the courts of the United States” [48].

The U.S. Supreme Court in the judgment in the case of *Quirin v. Cox* of July 31, 1942 supported the use of emergency powers by Roosevelt in the trial of intelligence officers, saboteurs and other persons directed by hostile Nazi Germany. In fact, this confirmed the legitimacy of the actions of the President and initiated some review of judicial practice. In a similar case during the Civil War (*Milligan case* of 1866 [32], examined by us above), the court did not support the decision of A. Lincoln to conduct a trial of traitors by a military court. However, in the case of German saboteurs, the Supreme Court sided with F. Roosevelt, adding a new prerogative to the US President’s emergency powers.

In essence, it was established that, “In time of war between the United States and Germany, petitioners, wearing German military uniforms and carrying explosives... were landed from German submarines in the hours of darkness, at places on the Eastern seaboard of the United States... All had received instructions in Germany from an officer of the German High Command to destroy war industries and war facilities in the United States, for which they or their relatives in Germany were to receive salary payments from the German Government” [33].

Based on the analysis of the acts committed by saboteurs, the Supreme Court qualified them as a “crime against the laws of war”, and the President, as the Supreme Commander-in-Chief, quite legitimately based on Proclamation № 2561, submitted cases to the military commission. At the same time, the court noted that the plaintiffs could not invoke the decision of the Supreme Court in the *Milligan case* [32] of 1866, despite the fact that at the time of their arrest the civil courts were open and were functioning normally

and that the military commission was legally established by F. Roosevelt. It was said that “ ‘military commission’ appointed by military command as an appropriate tribunal for the trial and punishment of offenses against the law of war” [33].

Judge Biddle, speaking on behalf of the President, argued that the Milligan doctrine, which established a common right to a civil process if civil courts continued to function, became “absurd” because “the war today is so quick, so sudden”. He also justified the President’s decision to create a military commission from the perspective of the executive branch: “I have always argued that the President has special powers as the Supreme Commander. ...I affirm that the Supreme Commander, acting in the circumstances of the war and reflecting the invasion, is not bound by statutes” [33].

Thus, the decision of F. Roosevelt to transfer all cases of sabotage by German agents to the military commissions was fully supported by the Supreme Court, which established the legitimacy of Proclamation № 2561. On August 3, 1942, two days after the trial, all eight saboteurs were found guilty and sentenced to death.

An illustrative example of the use of F. Roosevelt’s emergency powers during the Second World War was also the Japanese internment of 1942.

Tension between the white-skinned population of the western coast of the USA existed even before the outbreak of World War II, however, according to D. Tichnor, “Envy over economic success, combined with a distrust over cultural separateness and long-standing anti-Asian racism, turned into disaster for Japanese Americans when the Empire of Japan attacked Pearl Harbor on December 7, 1941” [58, p. 769].

Western lobbyists, many of whom represented competing economic interests, pressured Congress and the President to deport people of Japanese descent from the west coast. The FBI Director J. Edgar Hoover, having studied intelligence, reported to F. Roosevelt in a confidential note: “The necessity for mass evacuation is based primarily upon public and political pressure rather than on factual data” [55, p. 383].

F. Roosevelt also received reports from General Ralph Van Deman, the head of military intelligence during the First World War, that he

“after studying available information, he concluded that evacuation and internment of Japanese Americans was not only unnecessary but about the craziest proposition that I have heard of yet” [55, p. 324].

During the hearings in the Congress Committee on this issue, representatives of the Ministry of Justice presented their objections to the proposal for Japanese internment based on constitutional and ethical standards, but mass nervousness and media reports influenced public sentiment and put pressure on the President, as well as the US Army representatives.

The introduction of curfews and the relocation of people of Japanese descent was supported by Lieutenant General D.L. Devitt, who believed that “most Japanese immigrants and Japanese-American citizens on the Pacific Coast had divided loyalties and in many cases actively aided the enemy” [58, p. 780]. Secretary of Defense G. Stimson and army officials also shared his position.

In the end, F. Roosevelt supported their proposal by signing Executive Decree № 9066 on February 19, 1942, allowing people of Japanese descent to be relocated to special military zones. The decree provided for the purpose of “successful warfare” and “all kinds of protection against espionage and sabotage” to create “to prescribe military areas in such places and of such extent as he or the appropriate Military Commander may determine” [57]. From the military districts defined by the command, it was possible to remove and evict “any or all persons”, whom “the Secretary of War or the appropriate Military Commander may impose in his discretion”, or to establish the conditions under which persons could enter such regions, to remain in them or leave them. Moreover, “Secretary of War is hereby authorized to provide for residents of any such area who are excluded there from, such transportation, food, shelter and other accommodations as may be necessary” [57].

In practice, this decree meant the creation of military zones on the West Coast, from those territory people of Japanese descent were to leave and move to specially created resettlement camps controlled by the US military command. As a result of signing of this decree, according to the estimates of D. Tichnor, approximately “120,000 men, women and children of Japanese ancestry – more

than two-thirds of whom were birthright citizens – were interned under armed guard in ‘relocation camps’ from Wyoming to Arkansas” [58, p. 769].

It is noteworthy that the restrictions applied only to Japanese citizens and citizens of Japanese descent who were ordered to come to checkpoints and then move to camps run by the recently organized military resettlement department, which was subordinate to the Ministry of the Interior. These measures were not applied to citizens of German and Italian descent. F. Roosevelt quickly rejected the idea of their internment as harmful to national unity and morale.

The legislative branch represented by the US Congress, despite internal disagreements, sided with the President on this issue. The US Congress supported and legitimized the decree of F. Roosevelt, signed by him in the framework of his emergency powers, on March 21, 1942, and Congress passed public law № 503, which provided “a penalty for violation of restrictions or orders with respect to persons entering, remaining in, leaving, or committing any act in military areas or zones”. At the same time, a rather high measure of responsibility was established for violation of the regime of stay in military zones – “a fine of not to exceed \$5,000 or to imprisonment for not more than one year, or both, for each offense” [24].

The U.S. Supreme Court also provided unconditional support to the executive branch in resolving the legality of the evacuation of people of Japanese descent and reflected its position in the decision in the *Korematsu v. USA* case of December 18, 1944. The decision in the case established that an American citizen of Japanese descent *Korematsu* was convicted in accordance with the Law of March 21, 1942 “for remaining in San Leandro, California, a ‘Military Area’ contrary to Civilian Exclusion Order No. 34 of the Commanding General of the Western Command, U.S. Army, which directed that, after May 9, 1942, all persons of Japanese ancestry should be excluded from that area” [40].

The opinion of the court seems to be controversial. On the one hand, “all legal restrictions which curtail the civil rights of a single racial group are immediately suspect” regarding their legitimacy and “courts must subject them to the most rigid scrutiny”. On the other hand, “that is not to say that all such restrictions are

unconstitutional», because “public necessity may sometimes justify the existence of such restrictions” [40].

This conclusion of the Supreme Court confirms the thesis that there was public pressure and biased judgments regarding the danger of people of Japanese descent, but not confirmed by actual documentary sources.

With unconditional support from the legislative and judicial branches of government, F. Roosevelt was able to exercise emergency powers not provided for by the US Constitution or special statutes. Moreover, the measures taken were dictated, often not by the presence of a real threat to public and national security, but by the desire to mitigate public unrest, panic and satisfy the interests of large entrepreneurs and the military leadership. The level of restriction of the rights and freedoms of US citizens significantly exceeded the limit established by A. Lincoln during the Civil War, and indicated the approval of such measures by other branches of government, an unprecedented strengthening of the role of the executive branch in the middle of the 20th century. It is difficult to judge the validity, and, most importantly, the effectiveness of Japanese internment and the creation of military commissions, since the President’s goals regarding public peace were achieved, but the question if the means were comparable to the real threat remains debatable.

According to a contemporary of the events under consideration, I. Rostow “war-time treatment of Japanese aliens and citizens of Japanese descent on the West Coast has been hasty, unnecessary and mistaken”, the regulation “converts a piece of war-time folly into political doctrine, and a permanent part of the law”, which created “precedent which may well be used to encourage attacks on the civil rights of citizens and aliens” [52, p. 489]. In part, this assumption was confirmed when D. Bush exercised his emergency powers in relation to foreign citizens after the September 11, 2001 attacks.

Critics of the concept of using the presidential power of F. Roosevelt saw in his actions the beginning of the “imperial presidency”, and the “unhealthy concept of presidential power” [29, p. 277].

It should be noted that assessments of the actions of F. Roosevelt vary depending on the

political positions of the authors and the period of the research. From a conservative point of view, F. Roosevelt can be considered as a dictator who limited rights and freedoms. As Herbert Hoover, the head of the FBI, wrote, "The effort to crossbreed some features of Fascism and Socialism with our American free system speedily developed in the Roosevelt administration» [29, p. 277].

Supporters of F. Roosevelt note that the period of his presidency should be assessed in the context of the necessary and possible in difficult and extraordinary conditions of the war. Difficult times required bold, experimental, and sometimes bold leadership. The development of the institution of the presidency in the hands of F. Roosevelt reflected the development of events in Western society, both in the private and public sectors. Noting the validity of both points of view, one has to agree with the fact that the doctrine of emergency powers and the expansion of executive powers during the war with Germany and Japan laid the foundation for the creation of a military-industrial state in the United States.

In particular, it is worth noting the Report of the Special Committee on the Termination of the State of Emergency in the Country, also known as Senate Report 93-549 of 1973, which heralded the adoption of the National Emergencies Act of 1976. The report noted that prior to Franklin Roosevelt, Presidents responded to emergencies through existing legal authority or through the adoption of emergency legislation. F. Roosevelt took a more decisive approach, believing that "it was not only [the President's] right but his duty to do any thing that the needs of the Nation demanded unless such action was forbidden by the Constitution or by the laws. Under this interpretation of executive power I did and caused to be done many things not previously done by the President and the heads of departments. I did not usurp power but I did greatly broaden the use of executive power" [54]. Responding to the Great Depression and World War II, F. Roosevelt used the state of emergency to demonstrate his intention to expand the powers of the executive branch, and he succeeded with the support of Congress and the Supreme Court of the United States.

It should be noted that, undoubtedly, the use of emergency powers by the Presidents of the USA during all crisis periods of history provided

flexibility and speed of response, however, it should be recognized that they were not always used for their intended purpose. In particular, a certain excess of the limits of application of emergency powers took place at the beginning of the 21st century during the presidency of G. Bush.

Emergency Presidential Powers of George W. Bush. As a result of the attacks of September 11, 2001 in New York, the US leadership was faced with a new national threat, and emergency measures were required to protect society and the state, as well as to restructure domestic and international politics. In this situation, the executive branch represented by the President, as in the cases considered earlier, insisted on its dominant role and the constitutional principle of the separation of powers against the existing threat.

It is significant that in his official address to the nation on September 11, George W. Bush pointed out that "Terrorist attacks can shake the foundations of our biggest buildings, but they cannot touch the foundation of America... America was targeted for attack because we're the brightest beacon for freedom and opportunity in the world" [23, p. 1291]. Moreover, the very beacon of freedom over the next few years often demonstrated excessive measures to protect the nation, significant restrictions on the rights and freedoms of citizens. Most of the measures taken to protect the state from terrorism were taken within the framework of the institution of emergency powers of the President under consideration.

On September 14, 2001, President George W. Bush signed a state of emergency Proclamation "Declaration of National Emergency by Reason of Certain Terrorist Attacks". According to the Proclamation, the state of emergency in the country "exists by reason of the terrorist attacks at the World Trade Center, New York, New York, and the Pentagon, and the continuing and immediate threat of further attacks on the United States" [49, p. 1291].

At the same time, using his emergency powers, on September 14, 2001, the President signed Decree № 13223 "Ordering the Ready Reserve of the Armed Forces to Active Duty" [46], giving the right to "recall any regular officer or enlisted member on the retired list to active duty and to detain any enlisted member beyond the term of his or her enlistment" [46].

It was pointed out that it was necessary to increase (taking into account restrictions established by law) “the number of members of the armed forces on active duty beyond the number for which funds are provided in appropriation Acts for the Department of Defense” [46].

Some researchers [31; 58] noted that G. Bush later used the state of emergency to call several thousand reservists and members of the National Guard for military service for the Iraq war, but the war was not related to the September 11 attacks. Moreover, “the classical effect of the unity of citizens around the president during the war acted in his favor” [10, p. 3].

Congress initially supported the emergency actions of the President by adopting a joint Resolution of September 14, 2001, referred to as “Permission to Use Military Force”. This Resolution received the legal status on September 18, 2001 and authorized the use of the United States Armed Forces against those who were responsible for the attacks on September 11. This act provided the President with the opportunity to apply “all necessary and appropriate force against those nations, organizations, or persons he determines planned, authorized, committed, or aided the terrorist attacks” [41].

Thus, George W. Bush, as the supreme commander in chief and head of the executive branch, was given broad military powers by the US Congress, which had a significant impact on the scope and capabilities to carry out emergency military operations by subsequent US Presidents. In particular, according to the Report of the Congressional Research Service [45], published on May 11, 2016, when adopting executive acts, the President referred to the law discussed above 37 times in connection with military operations in 14 countries with the aim of using the Armed Forces outside the United States and organizing military tribunals (Executive Decree № 13425), to authorize “special” methods of interrogation suspects in terrorism (Executive Decree № 13440) and other measures. Among the designated countries Afghanistan, Georgia, Iraq, Libya, Somalia, Syria and others are mentioned. Moreover, “18 cases of using the” Permission to Use Military Force “occurred during the presidency of George W. Bush, and 19 – during the presidency of B. Obama” [45]. Updated in

2018, the report documented 2 additional cases of using the powers provided for by the law by the B. Obama administration and 2 by the D. Trump administration [45].

At the same time, the Supreme Court on several occasions declared the use of the “Permission to Use Military Force” by the President unreasonable and illegal. In the decision in the *Hamdan v. Rumsfeld* case, the US Supreme Court found that during a military operation in Afghanistan in 2001, a Yemeni citizen was detained for conspiracy with al-Qaeda and transferred to Guantanamo Prison, where a year later his case was referred to a military tribunal, and later a bill of indictment was imposed. *Hamdan* argued that the military tribunal did not have the power to convict, since a conspiracy was not a war crime.

In this proceeding, the Supreme Court ruled that the military tribunals in Guantanamo Bay “lacks the power to proceed because its structure and procedures violate both the UCMJ and the four Geneva Conventions signed in 1949” [42]. Representatives of the administration of George W. Bush, in contrast to the plaintiffs, referred to the doctrine of emergency powers that had been formulated in the earlier decision in the case of *Quirin v. Cox* during the presidency of F. Roosevelt, who recognized the application of the military tribunal to German saboteurs as legal. However, the court in its decision noted that “Congress had, through Article of War, sanctioned the use of military commissions to try offenders or offenses against the law of war” and “contrary to the Government’s assertion, even *Quirin* did not view that authorization as a sweeping mandate for the President to invoke military commissions whenever he deems them necessary” [42].

The following decree № 13224 “Blocking Property and Prohibiting Transactions” [34, p. 1358] of September 23, 2001 prohibited any transactions not only with suspected foreign terrorists, but also with any foreigners or any US citizens who were suspected of supporting terrorism. This decision was made “because of the pervasiveness and expansiveness of the financial foundation of foreign terrorists” [34, p. 1358].

According to Bush’s Emergency Decree, sanctioned individuals were “foreign persons to have committed, or to pose a significant risk of committing, acts of terrorism that threaten the

security of U.S. nationals or the national security, foreign policy, or economy of the United States; to assist in, sponsor, or provide financial, material, or technological support for, or financial or other services to or in support of, such acts of terrorism” [34, p. 1359].

Once a person was recognized as such in accordance with the Decree, not a single American had the right to hire him, provide an apartment for rent, provide medical services or even sell bread, unless the Government granted the relevant permission to complete the transaction.

The specified list of persons seems to be quite objective and proportionate to the alleged threat. However, it should be noted that the practical implementation of the President’s Emergency Decree in the future allowed researchers to talk about gross violations of human rights in some cases. In this context, we fully see the practical application of the precedent of the use of emergency powers in relation to foreign persons. This precedent appeared during the internment period of people of Japanese origin by F. Roosevelt.

It is noteworthy in this aspect, the court decision in the case of D. Padilla. The court decision concerning the trial in the case of D. Padilla indicated the process to define “the balance between national security and the rights of American citizens” [56, p. 4], which is of particular research interest in terms of the boundaries of the President’s emergency powers, that are sufficient to eliminate the threat, but not destroy the liberal foundations of the state.

The decision cites the plight of D. Padilla [56, p. 5], an American citizen who was arrested at O’Hare Airport and charged of conspiracy to create and operate a bomb. However, the court found that the Bush administration lacked evidence to support its allegations. Lawyers were not allowed to visit the accused and D. Padilla was detained in prison without charge or investigation for two years.

As it was noted in the decision of the Supreme Court, “some argue the Bush administration was justified in arresting a U.S. citizen and holding him for two years without due process because, after all, he was in league with terrorists. The logical fallacy here is known as begging the question you assume the conclusion in the proposition. How can the administration

know Jose Padilla was a terrorist intent on mass killings through use of a ‘dirty’ bomb without due process? And if this can be proven, why doesn’t the government initiate a trial?” [56, p. 7].

Drawing a historical parallel, the Supreme Court explained that it is impossible: “It’s hard to see how the Supreme Court could side with the administration in the Padilla case, even if a few other presidents, most notably Abraham Lincoln during the Civil War, have gotten away with the suspension of due process” [56, p. 5]. The Supreme Court and the public saw the obvious problem in the case of D. Padilla. If the President and his administration, within the framework of the exercising emergency powers, could authorize the arrest of D. Padilla as long as it was necessary, without an indictment or trial, then “why can’t it do the same thing with any of us?” [56, p. 9].

Another controversial case when US President George W. Bush used his emergency powers was the permission to open a prison in Guantanamo Bay. Using the “prerogative of the executive branch to protect the country from terrorists, the head of the administration also ordered the prisoners to be given a special status - ‘enemy combatants’” [2, p. 153] and actually authorized the torture of prisoners by Executive Decree № 13440 on the application of the Geneva Conventions to detention and Executive Decree № 13567 on Guantanamo.

According to the official report (currently declassified) of the CIA Detention and Interrogation Program of the CIA under the US Senate (hereinafter referred to as the Report) issued on December 13, 2012, “the full Committee Study, which totals more than 6,700 pages, remains classified but is now an official Senate report”, which was presented to the public and to the President. The Report was presented to the public and to the President “in the hopes that it will prevent future coercive interrogation practices” [28].

According to the conclusions made in the official Report, intelligence officers, with the sanction of the President and the government, used torture on prisoners who were suspected of involvement in terrorist organizations: “The CIA placed detainees in ice water ‘baths’, ...led several detainees to believe they would never be allowed to leave CIA custody alive”. It was also proved that “one interrogator told another detainee that

he would never go to court, because “we can never let the world know what I have done to you” [28]. It was pointed out that the use of their “improved methods” of interrogation by the intelligence department as a result did not become an effective means of obtaining information from detainees, and the justification for their use was based on inaccurate data on effectiveness. The US Senate Intelligence Committee Chairperson, Diana Feinstein, became a supporter of emergency measures by President George W. Bush. She, in her opening remarks to this Report, justified the adoption of such emergency measures by the President in the context of events in which decisions were made. She noted that “it is easy to forget the context in which the program began, ...It is worth remembering the pervasive fear in late 2001 and how immediate the threat felt... I can understand the CIA’s impulse to consider the use of every possible tool to gather intelligence... and which was encouraged by political leaders and the public to do whatever it could to prevent another attack” [28].

Speaking generally about the use of his emergency powers by President George W. Bush in the framework of the declared state of emergency, it should be noted that lawyers and representatives of the presidential administration during this period put forward their own theory of presidential power, which has been supported for a decade.

According to K. Edelson [31, p. 376], emergency powers, implemented by the Bush administration, actually justified the uncontrolled presidential powers to use the armed forces, detain and interrogate prisoners, extraordinary extradition and intelligence gathering. And since the Constitution calls the President the head of the executive branch, he could repeal any laws restricting his powers in the field of national security.

Thus, the September 11, 2001 attacks and the subsequent use of emergency presidential powers by George W. Bush once again demonstrated an example of the “implementation of the concept of “integrity of the executive branch”, which, broadly interpreting Article II of the US Constitution, gives the President the inalienable right to act independently” [4, p. 97]. At the same time, the adopted Law on “Permission to Use Military Force”, which was

the result of the redistribution of the prerogatives of the use of the Armed Forces under the threat of terrorism, was another act that supplemented the doctrine of emergency powers of the President. The law significantly expanded their scope compared to the predecessors and opened a window of opportunity to use the Armed Forces by the subsequent Presidents – B. Obama and D. Trump, and as the study has showed, they used repeatedly during the period of their presidency.

Emergency actions of D. Trump. Another controversial example of the use of emergency powers can be considered the actions of the current US President D. Trump in the construction of the wall on the US-Mexican border. On February 15, 2019, D. Trump signed Proclamation № 9844, declaring a state of emergency and implying the possibility of attracting billions of dollars from the budget for the construction of the border wall, which “involves the re-equipment of 376 km of the wall and the construction of about 160 km of a new fence” [14]. The Proclamation was signed after the US Congress refused to redirect \$ 8 bln in its new draft budget but D. Trump insisted on it.

The Proclamation stated that “the current situation at the southern border presents a border security and humanitarian crisis that threatens core national security interests and constitutes a national emergency” [50] and based on data on an increase in the number of immigrants and difficulties in their deportation the President “declares that a national emergency exists at the southern border of the United States” [50].

The Proclamation signed by D. Trump is unprecedented in the sense that none of the emergency situations officially announced by the US Presidents since 1976 was intended to circumvent Congress in order to gain the opportunity to spend money that Congress had expressly refused to allocate. In this regard, the Speaker of the House of Representatives N. Pelosi and Senator C. Schumer in a joint official statement noted that “Declaring a national emergency would be a lawless act, a gross abuse of the power of the presidency” [47]. Senator B. Schatz also considered that “A failure to secure money is just not just the same as a natural disaster or terrorism event” [27].

In response to Congress, a joint resolution was passed on the same day to end the state of

emergency in the country: “Resolved by the Senate and House of Representatives of the United States of America in Congress assembled, that... the national emergency declared by the finding of the president on February 15, 2019, in Proclamation 9844 (84 Fed. Reg. 4949) is hereby terminated” [39]. However, on March 15, 2019, the president vetoed a joint resolution of Congress, in the text of the appeal he referred to statistics and showed an increase in immigration from Mexico and Latin America, the organization of drug trafficking from these countries and an increasing crime rate among immigrants. He stressed that the adopted resolution “It is a dangerous resolution that would undermine United States sovereignty and threaten the lives and safety of countless Americans” [60]. The President vetoed it, and later Congress could not overcome without gaining the required 2/3 of the votes. Subsequently, in July 2019, the Supreme Court indirectly supported the President’s actions in the trial of the Sierra Club v. D. Trump [30], reversing the decision of the lower district court to block funds for the construction of the wall, and allowed money to be used pending further trial.

Regarding the historical significance and interconnectedness of the measures taken by D. Trump, it is worth agreeing with the point of view of Congressman M. Rogers that such a declaration of a state of emergency in the country creates a dangerous precedent that undermines the constitutional principle of separation of powers. Bypassing Congress and Article I of the Constitution, President Trump has opened up the possibility for any future President of the United States to take such measures alone without Congress approval [51], thus further expanding the capacity of the institution of emergency powers.

On March 13, 2020, D. Trump signed a decree declaring a state of emergency in connection with the coronavirus pandemic. To what extent the current president will be able to follow the liberal traditions that were honored by his predecessors, history will show. However, several researchers [53] in the United States have already raised the issue that there is a threat to democratic values in the current situation.

Results. The study of a number of emergency situations that took place during the presidency of A. Lincoln, F. Roosevelt, George

W. Bush and D. Trump testifies to the historical transformation of the concept of “emergency”, the change in the scope of authority granted to the President in different historical periods and the controversial position of Congress and of the US Supreme Court regarding their legitimacy.

Summarizing the experience of using emergency powers by American Presidents, it should be noted that the considered emergency situations have become historical examples that show the sharp strengthening of the executive branch due to the redistribution of constitutional powers between the President and Congress. Since it is the executive branch, headed by the President, that has emergency capabilities, and the institutional features of the executive branch itself are favorable in an emergency situation, such the redistribution of powers in favor of the President seemed quite reasonable. Congress, as a body that does not have the legal capacity to implement emergency measures in practice, as a rule, went into the background in the historical examples that have been studied. Moreover, it should be noted that such a transformation was always temporary, and was caused only by a threat to national security that required the consolidation of administrative functions in the President’s hands.

Despite the temporary nature of the redistribution of constitutional prerogatives, the emergency measures taken by the US Presidents have become precedents and a part of the doctrine of “implied” powers. As it was established in cases of emergency measures taken by A. Lincoln, F. Roosevelt and George W. Bush, such precedents had a long-term impact on the legal possibilities of using emergency measures by subsequent US Presidents, creating the so-called clause powers [6, p. 92]. A. Lincoln initiated the creation of a modern concept of presidential authority, authorizing the use of extra-constitutional powers by the President in the name and for the benefit of the nation, F. Roosevelt, in turn, formulated this concept by placing the institution of the presidency at the center of the political system and crisis management system of the American state. During the presidency of George W. Bush, the powers of the President expanded significantly beyond what the Constitution prescribes, especially in matters of national security. The presidency of D. Trump will also

leave an imprint on the doctrine of emergency powers, expanding the concept of “emergency” situations and providing subsequent US Presidents with a precedent for using emergency powers to circumvent Congress in the allocation of finances.

Comparing quantitative indicators of the volume of powers granted, it should be noted that the institution of the presidency since 1789, the period of the election of the first President of the United States, in fact has not included additional emergency powers, except those provided by the Constitution, namely, recommendations to Congress and the convening of an emergency session. A. Lincoln became the first head of the executive branch who initiated his actions during the Civil War (1861–1865) and created the prerogative theory, which implied the right to suspend the Habeas Corpus Act, to declare a draft in the army and to create military tribunals. At the same time, the exact number of statutes delegating emergency powers to the President of the United States was not calculated until 1933.

From 1933 to 1976, according to the report of the Senate Special Commission, it was established that Congress adopted or revised more than 470 statutes [54] that delegated powers to the President of the United States, which had previously been the prerogative of Congress. Such an extraordinary extension of emergency powers, including during the presidency of F. Roosevelt, which significantly expanded the executive power of the President, became the basis for the adoption of the National Emergencies Act of 1976, which regulates the procedure for declaring and lifting a state of emergency.

In the period between its adoption and the COVID-19 pandemic declared in 2020, the President was also given wide powers in a state of emergency, although with fewer acts. Between 1976 and 2020 136 statutory provisions were adopted [25], which relate to various fields; from military to criminal law, and 96 statutory provisions require only the signature of the President. At the same time, speaking about the number of emergency situations themselves, which have been declared since 1976, it should be noted that in just 44 years, 61 states of emergency were declared in the USA: George W. Bush declared 13, and President D. Trump has declared 5 so far.

Thus, the results of the study indicate an episodic increase in the volume of emergency

powers granted to the President during various historical periods, but in general, characterized by their steady growth. The number of emergency provisions declared since the adoption of the Act of 1976 and the considered examples of their use in recent decades clearly indicate the expansion of the concept of “emergency” and “emergency situation”.

It should be noted that over the past 200 years, Congress has provided the US Presidents with something that the Constitution did not provide: in fact, unlimited emergency powers, which, if misused, can cause an emergency, not its liquidation. What has hindered the massive abuse of this power so far is the effective functioning of the system of checks and balances, which, even in emergency situations, does not allow US Presidents to encroach excessively on civil rights and freedoms, as well as to attempt to usurp power. The Presidents’ commitment to liberal values was also partly significant. The Institute of Emergency Powers “has historically rested on the assumption that the president will act in the country’s best interest when using them. With a handful of noteworthy exceptions, this assumption has held up” [36].

Obviously, in many respects this success was due not only to the heads of state, but also to Congress and the US Supreme Court, that did not allow the adoption of laws and relevant judicial decisions that could violate the basic principles of a democratic society.

At the same time, Congress and the US Supreme Court showed a different attitude to the emergency measures taken by the President. Congress in some cases supported the emergency actions of the President, such as during the presidency of A. Lincoln and F. Roosevelt, at the same time, the actions of George W. Bush and D. Trump were assessed by Congress as erroneous and unconstitutional. The US Supreme Court also demonstrated various opportunistic positions regarding the President’s emergency acts, in some cases condemned the excessive measures taken by the President (Milligan case, Padilla case), in others – supported the position of the head of the executive branch (Korematsu case, Sierra Club case). These circumstances, as well as the analysis of the use of emergency presidential powers, indicate the dependence of the position of the legislative and judicial branches

of government on the issue of supporting the President on the specific socio-political situation and the practical needs of the emergency period. The level of confidence in the sitting President and the degree of his commitment to liberal values in the eyes of Congress and the Supreme Court has significant importance.

REFERENCES

1. Alent'eva T.V. Linkol'n kak voennyj prezident [Lincoln as a War President]. *Amerikanistika. Aktual'nye podhody i sovremennye issledovanija* [American Studies. Actual Approaches and Modern Explorations]. Kursk, Kurskij gosudarstvennyj universitet, 2009, iss. 2, pp. 122-138.
2. Glazunova E.N. Guantanamo: istorija s prodolzheniem [Guantanamo: A Story with a Sequel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Moscow University Bulletin of World Politics], 2011, no. 3, pp. 153-183.
3. Gutorov V.A. F.D. Ruzvel't i Vtoraja mirovaja vojna: neskol'ko predvaritel'nyh zametok [F.D. Roosevelt and the Second World War: A Few Preliminary Notes]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2015, no. 2, pp. 129-139.
4. Zhuravleva V.Ju. *Peretjagivanie kanata vlasti: vzaimodejstvie Prezidenta i Kongressa SShA* [American Presidents and Congress in Tug-of-War for Power]. Moscow, IMJeMO RAN Publ., 2011. 164 p.
5. Kozlihin I.Ju. Konceptija "chrezvychajnyh polnomochij" prezidenta A. Linkol'na [President A. Lincoln's Concept of "Emergency Powers"]. *Vestnik LGU. Serija 6. Istorija KPSS, nauchnyj kommunizm, filosofija, pravo*, 1988, no. 3, pp. 86-95.
6. Kucherenko P.A. Polnomochija Prezidenta SShA v sisteme sderzhek i protivovesov [Powers of the President in the U.S. System of Checks and Balances]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2010, no. 4, pp. 92-101.
7. Latypova N.S. *Grazhdanskaja vojna (1861–1865 gg.) ee vlijanie na formirovanie gosudarstvenno-pravovoj sistemy SShA* [Civil War (1861–1865) Its Influence on the Formation of the State and Legal System of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 2019. 215 p.
8. Latypova N.S. Forma pravleniya v SShA v usloviyah Grazhdanskoy vojny (1861–1865 gg.) [Form of Government in the United States During the Civil War (1861–1865)]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule of Law State: Theory and Practice], 2019, vol. 57, no. 3, pp. 25-30.
9. Parechina S.G. *Institut prezidentstva: istoriia i sovremennost* [Institute of the Presidency: History and Modernity]. Minsk, ISPI, 2003. 163 p.
10. Zhidkov O.A., eds. *Soedinennye Shtaty Ameriki. Konstitutsiia i zakonodatelnye akty* [United States of America. The Constitution and Legislative Acts]. Moscow, Progress Publ., 1993. 786 p.
11. Rogov S.M. Vtoraja administracija Dzhordzha Busha-mladshego [The Second George W. Bush Administration]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2006, no. 2 (434), pp. 3-30.
12. Salomatin A.Ju. *Modernizacija gosudarstva i prava v SShA (konec XVIII – XIX v.): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Modernization of State and Law in the United States (Late 18th – 19th Century). Dr. jurid. sci. diss.]. Penza, 2004. 452 p.
13. Sogrin V.V. *Prezidenty i demokratija: amerikanskij opyt* [Presidents and Democracy: The American Experience]. Moscow, Ves' mir Publ., 1998. 200 p.
14. Filippenko A.A. Amerikano-meksikanskaja granica: stena razdora [U.S.-Mexico Border: The Wall of Strife]. *Rossija i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. S1, p. 8.
15. *Abraham Lincoln: "Executive Order", April 25, 1861*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-400> (accessed 18 January 2020).
16. *Abraham Lincoln: "Executive Order", April 27, 1861*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-465> (accessed 20 January 2020).
17. *Abraham Lincoln: "Proclamation 80 – Calling Forth the Militia and Convening an Extra Session of Congress", April 15, 1861*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-80-calling-forth-the-militia-and-convening-extra-session-congress> (accessed 18 January 2020).
18. *Abraham Lincoln: "Proclamation 81 – Declaring a Blockade of Ports in Rebellious States", April 19, 1861*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-81-declaring-blockade-ports-rebellious-states> (accessed 21 January 2020).
19. *Abraham Lincoln: "Proclamation 83 – Increasing the Size of the Army and Navy", May 3, 1861*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-83-increasing-the-size-the-army-and-navy> (accessed 21 January 2020).
20. *Abraham Lincoln: "Proclamation 94 – Suspending the Writ of Habeas Corpus", September 24, 1862*. *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-94-suspending-the-writ-habeas-corpus> (accessed 23 January 2020).

21. *Abraham Lincoln: "Proclamation 95 – Regarding the Status of Slaves in States Engaged in Rebellion Against the United States (Emancipation Proclamation)"*, January 1, 1863. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-95-regarding-the-status-slaves-states-engaged-rebellion-against-the-united> (accessed 25 January 2020).
22. *Act of March 3, 1863, 12 Stat. 819*. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/12/STATUTE-12-Pg755.pdf> (accessed 27 January 2020).
23. Address to the Nation on the Terrorist Attacks September 11, 2001. *Weekly Compilation of Presidential Documents*, 2001, vol. 37, pp. 1301-1317. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2001-09-17/pdf/WCPD-2001-09-17.pdf> (accessed 16 March 2020).
24. *An Act of March 21, 1942, 56 Stat. 173, to Provide a Penalty for Violation of Restrictions or Orders with Respect to Persons Entering, Remaining in, Leaving, or Committing Any Act in Military Areas or Zones*. URL: <https://catalog.archives.gov/id/5730387> (accessed 13 February 2020).
25. A Guide to Emergency Powers and Their Use. December 5, 2018. *Brennan Center for Justice*. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/guide-emergency-powers-and-their-use> (accessed 2 February 2020).
26. Declared National Emergencies Under the National Emergencies Act, 1978–2018. *Brennan Center for Justice*. URL: <https://www.brennancenter.org/sites/default/files/analysis/NEA%20Declarations.pdf> (accessed 5 March 2020).
27. Clark D. *Dangerous: Bipartisan Attack on Trump National Emergency Declaration*. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/congress/dangerous-abuse-lawless-bipartisan-attack-trump-national-emergency-declaration-n971826> (accessed 23 May 2020).
28. Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program. *Senate Select Committee on Intelligence*. December 13, 2012. URL: <https://www.aclu.org/files/assets/SSCISStudyCIAsDetentionInterrogationProgramES.pdf> (accessed 6 April 2020).
29. Cronin T.E., Hochman W.R. Franklin D. Roosevelt and the American Presidency. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 15, no. 2, 1985, pp. 277-286. URL: www.jstor.org/stable/27550206 (accessed 11 April 2020).
30. *Donald J. Trump, President of the United States, et. al. against Sierra Club, et. al. (19A60)*. July 26, 2019. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/19a60_o75p.pdf (accessed 25 May 2020).
31. Edelson C. *Emergency Presidential Power: From the Drafting of the Constitution to the War on Terror*. Wisconsin, University of Wisconsin Press, 2013. 376 p.
32. *Ex parte Milligan, 71 U.S. 2, 1866*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/71/2> (accessed 19 January 2020).
33. *Ex Parte Quirin, 317 U.S. 1 (1942)*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/317/1> (accessed 21 February 2020).
34. Executive Order 13224 – Blocking Property and Prohibiting Transactions With Persons Who Commit, Threaten To Commit, or Support Terrorism. September 23, 2001. *Weekly Compilation of Presidential Documents*, vol. 37, no. 39, pp. 1358-1361. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2001-10-01/html/WCPD-2001-10-01-Pg1358-3.htm> (accessed 15 April 2020).
35. Farber D. *Lincoln's Constitution*. Chicago, University of Chicago Press, 2004. 240 p.
36. Goitein E. The Alarming Scope of the President's Emergency Powers. *The Atlantic*. January/February 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/01/presidential-emergency-powers/576418> (accessed 15 April 2020).
37. Habeas Corpus Act 1679. *Acts of the English Parliament*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Cha2/31/2/contents> (accessed 26 January 2020).
38. Hamilton A., Madison J., Jay J. *The Federalist, on the New Constitution, Written in the Year 1788*. Hallowell, Glazier, Masters and Smith, 1842. 452 p.
39. H.J.Res.46 – *Relating to a National Emergency Declared by the President on February 15, 2019*. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-joint-resolution/46/text> (accessed 20 May 2020).
40. *Korematsu v. United States, 323 U.S. 214 (1944)*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/323/214/#tab-opinion-1938225> (accessed 16 March 2020).
41. *Joint Resolution, September 18, 2001, 115 Stat. 224*. URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf> (accessed 17 May 2020).
42. *Hamdan v. Rumsfeld, Secretary of Defense, et al.* URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/05pdf/05-184.pdf> (accessed 17 May 2020).
43. Koing L. *The Chief Executive*. New York, Harcourt, Brace & World, 1975. 452 p.
44. *National Emergencies Act. Public Law 94-412. September 14, 1976*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-90/pdf/STATUTE-90-Pg1255.pdf> (accessed 20 May 2020).
45. Memorandum. Presidential References to the 2001 Authorization for Use of Military Force in Publicly Available Executive Actions and Reports to Congress. February 16, 2018. *Congressional Research Service*. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/pres-aumf.pdf> (accessed 17 May 2020).

46. Ordering the Ready Reserve of the Armed Forces to Active Duty and Delegating Certain Authorities to the Secretary of Defense and the Secretary of Transportation September 14, 2001. *Weekly Compilation of Presidential Documents*, 2001, vol. 37, pp. 1311-1317. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2001-09-17/pdf/WCPD-2001-09-17.pdf> (accessed 2 April 2020).

47. Pelosi N., Schumer Ch. Joint Statement on the Possibility of President Trump Declaring a National Emergency. *Press Release of February 14, 2019*. URL: <https://www.speaker.gov/newsroom/21419-2> (accessed 19 May 2020).

48. *Proclamation 2561 Denying Certain Enemies Access to the Courts of the United States by the President of the United States of America*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-1942-07-07/pdf/FR-1942-07-07.pdf#page=1> (accessed 18 March 2020).

49. Proclamation 7463 – Declaration of National Emergency by Reason of Certain Terrorist Attacks September 14, 2001. *Weekly Compilation of Presidential Documents*, 2001, vol. 37, pp. 1310-1311. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2001-09-17/pdf/WCPD-2001-09-17.pdf> (accessed 9 April 2020).

50. *Proclamation 9844 of February 15, 2019. Declaring a National Emergency Concerning the Southern Border of the United States*. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/20/2019-03011/declaring-a-national-emergency-concerning-the-southern-border-of-the-united-states> (accessed 21 May 2020).

51. Rodgers C.M. *How Would Elizabeth Warren Use This?* February 14, 2019. URL: <https://mcmorris.house.gov/mcmorris-rodgers-how-would-elizabeth-warren-use-this> (accessed 22 May 2020).

52. Rostow E. The Japanese American Cases – A Disaster. *The Yale Law Journal*, 1945, vol. 54, no. 3, pp. 489-533. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3172&context=fss_papers (accessed 29 February 2020).

53. Savage C. Trump Declared an Emergency Over Coronavirus. Here's What It Can Do. *The New York Times*, March 13, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/>

2020/03/13/us/politics/coronavirus-national-emergency.html (accessed 18 April 2020).

54. *Senate Report 93-549: War and Emergency Power Statutes*. November 19, 1973. URL: <https://famguardian.org/Subjects/LawAndGovt/Articles/SenateReport93-549.htm> (accessed 20 May 2020).

55. Smith J.E. *Grant*. New York, Simon and Schuster, 2001. 781 p.

56. The Importance of Due Process for Jose Padilla. *Congressional Record*, 2004, vol. 150, no. 20. 162 p. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-2004-02-24/html/CREC-2004-02-24-pt1-PgE210-2.htm> (accessed 29 March 2020).

57. *The President Executive Order 9066: Resulting in the Relocation of Japanese*. February 19, 1942. URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=74&page=transcript> (accessed 13 March 2020).

58. Tichenor D.J. Historical Set Points and the Development of U.S. Presidential Emergency Power. *Perspectives on Politics*, 2013, vol. 11, no. 3, pp. 769-788. URL: www.jstor.org/stable/43279646 (accessed 21 February 2020).

59. *U.S. Department of State, Publication 1983, Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941*. Washington, D.C., U.S., Government Printing Office, 1943, pp. 598-607.

60. *Veto Message to the House of Representatives for H.J. Res. 46*. March 15, 2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/veto-message-house-representatives-h-j-res-46> (accessed 20 May 2020).

61. Werner E., Min Kim S, Wagner J. *Bipartisan Attack on Trump National Emergency Declaration*. March 14, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-renews-veto-threat-as-senate-prepares-to-rebuke-him-on-national-emergency/2019/03/14/2efbea36-4647-11e9-af8-4512a6fe3439_story.html (accessed 2 February 2020).

62. Wootton D. *Modern Political Thought: Readings from Machiavelli to Nietzsche*. Indianapolis, Hackett Publishing, 1996. 946 p.

63. *Youngstown Sheet & Tube Co. v. Sawyer, 343 U.S. 579 (1952)*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/343/579> (accessed 21 May 2020).

Information About the Author

Nataliya S. Latypova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Dostoevskogo St, 131, 450005 Ufa, Russian Federation, marchrose@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Латыпова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, ул. Достоевского, 131, 450005 г. Уфа, Российская Федерация, marchrose@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.18>

UDC 94(73).081
LBC 63.3(7)

Submitted: 28.04.2020
Accepted: 25.05.2020

PRESIDENT ANDREW JOHNSON IMPEACHED: THE FIRST PRESIDENTIAL IMPEACHMENT IN AMERICAN HISTORY

Tatiana V. Alentieva

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the mechanism of impeachment procedure on the example of the first practical application of it in the history of the U.S. in relation to President Andrew Johnson. This created a necessary precedent in the further political struggle between the branches of government and has made the study of the history of the first presidential impeachment an urgent problem. Impeachment cases were brought against six subsequent presidents: Cleveland, Hoover, Truman, Nixon, Reagan, and G.W. Bush in the lower house of Congress. W. Clinton and D. Trump's impeachment was discussed in the Senate, but was not successful. *Methods and materials.* The article is based on materials from the American press as well as cartoons. The novelty of the source base is in combination of verbal and visual materials. The author used theoretical concepts developed within the framework of interdisciplinarity. The problem-chronological approach was the methodological basis of the research. In American historiography, Johnson is regarded as the "worst" President in U.S. history. However, the debate over the legitimacy of the first impeachment of a President in U.S. history has not subsided until now. In American studies, the impeachment of Andrew Johnson has not been specifically considered. *Analysis.* The conflict between the President and Congress was caused by the Reconstruction policy. The confrontation between the two branches of government led to impeachment. The President was charged in connection with the dismissal of Secretary of War E. Stanton, which was a violation of the Tenure of Office Act. The article examines how the impeachment procedure was implemented by Congress and why it failed. *Results.* Despite the failure, the first impeachment of a President in the history of the United States showed the effectiveness of the "checks" and "balances" mechanism in implementing the principle of separation of powers. It has become a deterrent to the relationship between the President and Congress.

Key words: history of the United States, 19th century, the US Constitution, impeachment, Radical Republicans, Reconstruction of the South, Andrew Johnson.

Citation. Alentieva T.V. President Andrew Johnson Impeached: The First Presidential Impeachment in American History. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 212-221. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.18>

УДК 94(73).081
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 28.04.2020
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ИМПИЧМЕНТ ПРЕЗИДЕНТА ЭНДРЮ ДЖОНСОНА: ПЕРВАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ США

Татьяна Викторовна Алентьева

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению механизма процедуры импичмента на примере первого в истории США применения ее на практике в отношении Президента Эндрю Джонсона. Это создало необходимый прецедент в дальнейшей политической борьбе между ветвями власти и делает изучение истории первого президентского импичмента актуальной проблемой. Против шести последующих президентов Г. Кливленда, Г. Гувера, Г. Трумэна, Р. Никсона, Р. Рейгана, Дж. Г. Буша в нижней палате Конгресса возбуждались дела об импичменте. В отношении У. Клинтона и Д. Трампа импичмент обсуждался в Сенате, но успеха не

имел. Статья основана на материалах американской прессы, также привлекались карикатуры. Новизна источниковой базы заключается в сочетании вербальных и визуальных материалов. Автор использовал теоретические концепции, разработанные в рамках междисциплинарности. Методологической основой исследования стал проблемно-хронологический подход. В американской историографии Джонсон рассматривается как «наихудший» президент в истории США. Однако дискуссии по поводу правомерности первого в истории США импичмента в отношении Президента не утихают до сих пор. В отечественной американистике импичмент Эндрю Джонсона специально не рассматривался. Причиной конфликта между Президентом и Конгрессом послужила политика Реконструкции. Противостояние двух ветвей власти привело к импичменту. Обвинение Президенту было выдвинуто в связи с отстранением от должности военного министра Э. Стэнтона, что явилось нарушением Закона о пребывании в должности. В статье рассматривается, как процедура импичмента была реализована Конгрессом и почему она потерпела неудачу. Несмотря на неудачу, первый в истории США импичмент в отношении Президента показал действенность механизма «сдержек» и «противовесов» в реализации принципа разделения властей. Он стал сдерживающим фактором в отношениях Президента и Конгресса.

Ключевые слова: история США, XIX век, Конституция США, импичмент, радикальные республиканцы, Реконструкция Юга, Эндрю Джонсон.

Цитирование. Алентьева Т. В. Импичмент Президента Эндрю Джонсона: первая практика применения в истории США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 212–221. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.18>

Introduction. The relevance of the problem of constitutional removal from office of the highest official is surely the most important mechanism for implementing the principle of separation of powers and implementing democratic governance in practice. In this regard, the US experience is very interesting and instructive. Impeachment proceedings against a top official (President) are provided for in the US Constitution in article 2, section 4. It is implemented in two stages. The grounds for impeachment are “high treason, bribery, and other serious crimes and offenses” [4, p. 37]. The first stage is the initiation of impeachment proceedings by the lower house of Congress – the House of Representatives. Here it is enough to gather a simple majority to initiate the process. The second stage is the consideration of the case in the Senate. Here, the impeachment procedure resembles a court hearing and is conducted under the auspices of the Supreme Court. Impeachment plays a crucial role as a “check” on Executive power in the constitutional system of separation of powers. In the history of the United States, there have been 3 cases of instigation and impeachment proceedings against a top official – the President.

Andrew Johnson became the first US President to be impeached. It is true that it did not come to a conviction, but the procedure itself was important in the confrontation between the two branches of government: the Executive and

the Legislative. Impeachment charges were subsequently brought by the lower house of Congress against G. Cleveland, H. Hoover, H. Truman, R. Reagan, and G. Bush, Jr. The threat of impeachment forced President R. Nixon to resign in 1974. In 1998, the W. Clinton sex scandal with M. Lewinsky became an occasion for a political confrontation between the President and Congress, but it did not come to a condemnation, the votes of senators were divided exactly in half: 50 against 50. Initiation of impeachment proceedings against the current President D. Trump was initiated on September 24, 2019 by the speaker of the Lower House, N. Pelosi, a supporter of the Democratic party. The charges against Trump were related to the White House’s Ukrainian policy. On December 18, 2019 the House of Representatives voted on two charges against D. Trump – “abuse of power” and “obstructing a congressional investigation”. On February 5, 2020, at the end of the consideration of the charges in the Senate, Trump was acquitted on both counts, as he failed to get 2/3 of the votes necessary to convict the President. Johnson’s story served as a lesson for subsequent heads of state. Thus, for the first time in American history, the impeachment of a top official created the necessary precedent and now plays the stabilizing role in the system of checks and balances, and continues to influence the political sphere of the United States.

The purpose of the article is for the first time in Russian historiography to consider the reasons and course of the first impeachment trial in the history of the United States against President A. Johnson, as well as to analyze its significance for the US constitutional system.

Methods and materials. Consideration of the problem requires a dialectical approach and adherence to the principles of objectivity and historicism, as well as the use of special methods of historical research. The historical and biographical method allowed us to identify and analyze Johnson's life path, revealing his personal qualities in the course of psychohistory. The historical and genetic method made it possible to identify the causes, circumstances and factors that influenced the initiation of impeachment proceedings, as well as to study the dynamics of the political process and the role of chance in the development of events. In the context of the retrospective method, one can better understand the significance of the impeachment procedure for modern democracies. The ideographic method allowed us to consistently describe the process of political struggle, the result of which was an attempt to remove the President from office. Currently, any historical research is in the field of interdisciplinarity, so in order to understand the essence of what is happening, it is necessary to use the methods of political science, sociology, psychology, and jurisprudence.

The materials of the US Congress, published in full in the *Congressional Globe* are the sources for writing this article. Their study makes it possible to identify all aspects of Johnson's impeachment, including the debate and voting procedure. The work involves periodicals: *Harper's Weekly*, *New York Tribune*, *New York Times*, *The Nation*. Press materials make it possible to understand the public reaction to the events. Visual sources have become a valuable aid – political cartoons that represented politicians and their activities in a grotesque way and have allowed us to better understand what shortcomings of the President were mocked by artists.

In Russian American studies, Johnson's impeachment was not considered. In American historiography, Johnson is considered the "worst", "accidental" President in the history of the United States, so he is not as popular as other owners of

the White House. Nevertheless, the figure of the 17th President did attract the attention of biographers. In different periods, many detailed biographies appeared. Among them, it is worth highlighting both apologists and critics; the position of researchers is mainly determined by their attitude to the Radical Reconstruction. In the 1920s – 1930s, apologetic biographies of the 17th President appeared, praising his "self-made-man" phenomenon and moderation in politics [6; 18; 32; 43]. According to these authors, Johnson was a humane, enlightened, and liberal statesman who waged a courageous fight for the Constitution and democracy against insidious and unscrupulous radicals driven by vindictive hatred of the South and political intolerance.

Since the 1960s, historians have focused on the situation of African-Americans as a central issue of the Reconstruction. These authors considered Johnson a saboteur of radical efforts to improve the fate of freedmen. Thus, the historian E. McKittrick showed him as a narrow-minded, vindictive and stubborn man who thwarted the post-war reunification of the North and South [17].

Of course, the most attention of researchers was drawn to the impeachment process. A number of historians considered it a sad mistake, and the miscalculations of the Johnson administration were explained by the opposition of radicals [16; 19]. The opposite view was to justify the actions of radicals and recognize impeachment as a necessary measure. M. Le Benedict argued that the impeachment of Johnson was a justified and necessary step to strengthen democracy [7]. The position adopted by H.L. Trefousse and Ch. Hearn is similar [13; 40; 41]. Historian and lawyer, African-American woman A. Gordon-Reed believes that Johnson was not at all suitable for the complex tasks of the Reconstruction. She claims that the failures of this President were due to "his preternatural stubbornness, his mean and crude racism" [12, p. 144]. The events related to the impeachment are described in detail in the form of popular fiction by historians and writers, such as N. Gerson, D. Stewart, B. Wineapple [11; 31; 42].

Analysis. Johnson became President by accident – as a result of the assassination of the 16th President. On April 14, 1865, Lincoln was killed by actor J. Booth during a performance at

Ford's theater. His Vice-President, A. Johnson, became President according to the Constitution.

Andrew's ascent to political Olympus was difficult enough. He stressed repeatedly that he was able to put into practice the American dream of a "self-made man": to be born in a "log cabin", to achieve the highest office in the country, to become President.

Born in Raleigh, in the southern state of North Carolina, to a poor white family, he seemed to have no chance of making a meteoric political career. Because of the family's poverty, he never attended school. Mastering the skill of a tailor allowed him to "stand out of the crowd". He moved to Western Tennessee. Here he got a family, became a successful businessman, engaged in self-education, and took the first steps in a political career. Having become rich, he bought himself slaves, in all he had ten of them [41, p. 31]. His political career was very favorable. Joining the Jacksonian Democrats, he successfully advanced through the stages of his political career. Starting as a representative in the state legislature, he was elected to the lower house of Congress in 1843, and served as Governor of Tennessee in 1853–1857, then as a Senator from that state. During the secession period, he remained a loyal supporter of the Union and did not leave his post in the Senate. During the Civil War, he was appointed military Governor of Tennessee with the rank of Brigadier General [26, p. 289].

In 1864, in the presidential election, he was paired with A. Lincoln as Vice President, despite belonging to the War Democrats. The Republicans hoped to strengthen their positions with this alliance [5, p. 402].

Becoming President after the end of the cruel Civil War, Johnson developed his plan to return the rebellious southern states to the Union, which was called "Presidential Reconstruction". His program offered amnesty to all those who took the oath of allegiance to the Union, except for those who owned property worth more than 20 thousand dollars [27, p. 355]. The latter had to personally apply to the President with petitions, which flattered the former "poor white man". To be readmitted to the Union, the states had to ratify the 13th amendment, which abolished slavery. Meanwhile, local elections everywhere resulted in victories for Democrats and former

confederates. A number of southern states adopted black codes requiring African-Americans to work on plantations under conditions that did not differ much from their former status as slaves. In December 1865, a secret organization of white racists, the Ku Klux Klan, was created to intimidate and kill African-Americans.

Famous cartoonist T. Nast reflected the negative consequences of the presidential policy in the cartoon "Reconstruction as it works". In the central scene, the artist used a Shakespearean motif, as he often did, depicting Johnson as an evil Iago plotting against the heroic Othello (the Moor). Nast portrayed the main black hero as a wounded Union veteran who was denied his just and deserved place in American political life. At the top center, Nast placed scenes depicting a slave auction and flogging, emphasizing the continuity between the pre- and post-war South. At the top left and right, he included images of race riots in Memphis and New Orleans as symbols of constant and appalling violence against black people [1, p. 351].

The political establishment in the North was represented by various groups. Moderate Republicans sought to keep Democrats out of power at the national level, but they did not want African-American suffrage. The Northern Democrats favored the unconditional restoration of the southern states to the Union. Radical Republicans sought the right to vote and other civil rights for African-Americans. Some newspapers in the northern states began campaigning for their voting rights. *The New York Times* wrote: "...it would be better for Grant to surrender to Lee than to allow a state of affairs where Negroes are not allowed to vote" [20, p. 4]. *The Nation* argued: "by denying Negro suffrage, we make fools of ourselves every time we talk about democratic principles" [37, p. 4].

The congressmen refused to recognize the election of southern representatives as legitimate, and established a Committee to recommend new Reconstruction laws. There were passed a law that expanded the rights of the Freedmen's Bureau as well as the first African-American Civil Rights Act. However, Johnson vetoed it. The President enjoyed his right to "put congressmen in their place". He vetoed a total of 29 times during his presidency, while his predecessor Lincoln only 7 times [10, pp. 248-249].

On February 22, 1866, George Washington's birthday, Johnson delivered an impromptu speech to his supporters. He mentioned himself more than 200 times in his speech and accused his political opponents of not wanting to restore the Union as quickly as possible, refusing to extend the hand of friendship to southerners on his terms. When the crowd demanded their names, Johnson named T. Stevens, Ch. Sumner, and W. Phillips, and even accused them of plotting to kill him. Republicans regarded this address as a declaration of war. The *New York Tribune* called Johnson a "Judas" and a "drunken tailor" [21, p. 4], and *Harper's Weekly* considered his attacks on radicals "disgusting, offensive, unprecedented in the history of the country" [39, p. 147].

Despite persistent calls from moderates to sign the Civil Rights Act, Johnson strongly opposed it, vetoing it. The historian E. Foner considered this step of the President as "the most disastrous miscalculation in his political career" [10, p. 250-251]. D. Stewart considered the veto "a strategic mistake that set the tone of eternal confrontation with Congress" [31, p. 53]. The veto was overcome by congressmen, for the first time in the history of the United States, such a thing was done on an important, and not a minor bill [9, p. 211].

Congress initiated the adoption of the 14th amendment to the Constitution, according to which any person born in the United States received citizenship. Male persons were guaranteed voting rights, "excluding persons deprived of the right to vote for participation in a riot or criminal offenses" [4, pp. 43-44].

Both houses passed the Freedmen's Bureau Act for the second time, and again the President vetoed it, and the veto was again overturned. Cartoons, mostly by T. Nast, constantly and sharply ridiculed the activities of the 17th President. One of them was devoted to numerous presidential vetoes. It shows Johnson on the steps of the White House kicking out a box of law. In another of his cartoons, Nast depicts the President as King Andy, sitting on a throne, with a crown on his head, a scepter and an orb in his hands. Next to him, Secretary of State W. Seward, as his grand vizier, told him what to do and who should be beheaded [1, pp. 342-344].

With the support of the President, the southerners strongly opposed the ratification of the 14th amendment. In response, the joint

congressional Commission issued a series of laws that initiated the Radical Reconstruction of the South. The former rebel states were divided into 5 military districts. The restoration of civil government in them was provided for by the convocation of constitutional conventions, whose task was to create new authorities capable of guaranteeing suffrage for former slaves and ratifying the 14th amendment. The President was deprived of the right to pardon former rebels. All voters were required to take the oath of allegiance to the Union [2, p. 95; 22, p. 4; 38, p. 83; 28, p. 51; 30, p. 547].

Based on the acts of military reconstruction, the right to vote was given to about 1 million black people (up to 75 % of them illiterate) and 1 million white people (up to 30% illiterate), up to 200 thousand confederates were deprived of this right. In 1867, 735,000 African-Americans and 635,000 white people participated in the election of constitutional conventions, which became an important event in the history of Reconstruction. For the first time in the South, black people (43% of the population) participated in the official bodies that determined the fate of this region. They received up to 28% of the seats in the constitutional conventions convoked in the first half of 1868, promoting the "Radical Reconstruction" on the ground [3, p. 95].

Attempts to reach a compromise failed, and a political war broke out between the Republicans, on the one hand, and Johnson, along with his Northern and Southern democratic allies, on the other. The battleground was the Congressional elections of 1866, when the southern states were not yet eligible to vote. Republicans won a landslide victory, increasing their majority in Congress by two-thirds, in the Senate they had a ratio of 42 to 12 against the Democrats, and in the House of Representatives 143 to 49. With a constitutional majority, they could now easily overcome the presidential veto [40, p. 271].

On March 2, 1867, Congress passed the Tenure of Office Act despite the President's veto. With his help, congressmen wanted to protect the Secretary of War, the radical Republican E. Stanton, Lincoln's appointee. Nevertheless, Johnson dismissed Stanton and appointed Major General L. Thomas to his position. Thomas personally handed the notice of dismissal to Stanton. Instead of leaving the office, the latter

barricaded himself inside and ordered Thomas's arrest. He informed the speaker of the House of Representatives, S. Colfax, and the President Pro tempore of the Senate, B. Wade, of the situation [29, p. 51].

The President's conflict with Congress became inevitable. The *New York Tribune* stated: "Mr. Johnson's quarrel with Congress was pre-determined and pre-planned; it was caused by his determination to break with the Republicans and declare war on them. All of Mr. Johnson's efforts are aimed at preventing congressional Reconstruction" [25, p. 4]. So Stanton's resignation became a convenient reason for Republicans to begin the procedure of removing the President from office [24, p. 4].

An impeachment resolution prepared by T. Stevens and J. Bingham was introduced in the House of Representatives. The North's press largely approved of the radicals' actions. Editor H. Greeley wrote: "We wholeheartedly approve of the actions of the House of Representatives. If the Republican Party has, or has ever had, an enemy, in the highest degree, deadly and insidious, then his name is undoubtedly Johnson. He should be impeached for the good of the country, and people will say 'Amen'" [23, p. 4]. His position was shared by the editor of *Harper's Weekly*, W. Curtis, who noted: "If Johnson is removed from office, public confidence in both branches of government will only increase, while the man whose elevation was a deep humiliation for every self-respecting American will forever sink into Lethe" [33, p. 163].

Johnson could not be charged with treason or bribery. The concept of "other serious crimes and criminally punishable acts (misdemeanors)", also provided by the Constitution as a reason for impeachment, was rather vague. But it was that very charge, which radical Republicans decided to use. They believed that a violation of the Tenure of Office Act would be the basis for impeachment.

On February 24, 1868, the House of Representatives voted 126 to 47 (with 17 members not voting) in favor of a resolution to begin impeachment proceedings against the President for serious crimes and misdemeanors committed by him. On March 2, the House of Representatives passed 11 articles of impeachment against the President [14, pp. 1613-1619].

Article 1 stated that by removing Stanton from office, the President had committed a serious official misconduct. 127 congressmen voted for it and 42 were against it.

Article 2 charged the President with appointing L. Thomas as interim Secretary of War without congressional approval, which also qualified as a serious official misconduct. Approved: "yea" – 124, "nay" – 41.

Article 3 actually repeated the charge of the second article, emphasizing that the appointment of L. Thomas was illegal, since the position of Secretary of War was not vacant during the recess of the Senate. Approved: "yea" – 124, "nay" – 40.

Article 4 charged "intimidation and threats" against Stanton, the legitimate Secretary of War. Approved: "yea" – 117, "nay" – 40.

Article 5 actually repeated the charge formulated in the previous article with small variations. Approved: "yea" – 127, "nay" – 42.

Article 6 added to the previous charges that the President and L. Thomas conspired to "by force to seize, take, and possess the property of the United States in the Department of War". Approved: "yea" – 127, "nay" – 42.

Article 7 charged the President with preventing Stanton from "holding a position to which he was lawfully appointed". Approved: "yea" – 127, "nay" – 42.

Article 8 dealt with the financial aspects of the problem. In it, the President was accused of intending "to take possession of the property of the United States in the War Department, to control the payment of money allocated for military purposes". Approved: "yea" – 127, "nay" – 42.

Article 9 accused Johnson of trying to transfer the functions of the Secretary of War to the commander of the Washington military district, major General W. Emory. Approved: "yea" – 108, "nay" – 41 [15, pp. 1638-1642].

Thus, the first 9 articles related to the removal of E. Stanton from the post of Secretary of War and the appointment of L. Thomas the interim Secretary of War, as well as financial issues of the military Department, which was qualified by congressmen as serious official misconduct and only in the 9th article referred to a serious crime. Voting on these articles shows certain cohesion among both Republicans and Democrats.

Article 10 is much more interesting, as it cited long passages from speeches by A. Johnson, in which he tried, according to congressmen, to discredit their activities. It stated that the President "...did attempt to bring into disgrace, ridicule, hatred, contempt and reproach, the Congress of the United States... so hatred and contempt for It, weaken and destroy respect... openly and publicly... make and declare, with a loud voice, certain intemperate, inflammatory and scandalous harangues, and therein utter loud threats and bitter menaces against Congress". Then there were the most characteristic passages from the President's speeches, in which he threatened to expel his opponents from Congress and to veto all radical laws. Approved: "yea" – 88, "nay" – 44.

Article 11 accused the President of not recognizing the authority of the 40th Congress on the grounds that it did not represent the southern states, and therefore Johnson denied that Congress the right to pass laws and amendments to the Constitution, which the congressmen considered a serious official misconduct. Approved: "yea" – 109, "nay" – 32 [15, p. 1642].

As we can see, articles 10 and 11 charged the President with disrespect for the Congress and even non-recognition of its powers. At the same time, it is obvious that these articles met with the least support of congressmen when voting. All these charges were just a pretext for impeachment; it was about the fate of the Reconstruction.

In general, the document was legally weak. Despite all his shortcomings and ill-considered actions, the President did not commit high treason, and although articles 6 and 8 hinted at financial irregularities, there were no facts cited to accuse the President of corruption. Almost all of the articles, with the exception of the ninth, referred to serious official misconduct, but not to crimes.

On March 4, 1868, 11 articles of charges were submitted to the Senate. The next day, it began its sessions as an impeachment court presided over by Chief Justice S. Chase. Then the senators were sworn in as jurors [10, p. 336; 36, p. 195].

On the advice of a lawyer, the President did not attend court sessions. The trial was held in public, and the Senate galleries were filled to capacity. The public interest was so great that the Senate issued entrance passes for the first

time in its history. For each day of the trial, 1000 multi-colored tickets were printed, giving admission for one day [35, p. 21].

On March 30, after a short break, the hearing resumed. The session was opened by B. Butler with a three-hour accusatory speech, in which he referred to historical precedents from English history and proved the illegality of Stanton's dismissal. As an experienced lawyer and public speaker, he immediately elicited cheers from the audience. The climax was when Butler took a red-stained shirt from a bundle and, waving it in front of the audience, claimed that it belonged to a former slave, an employee of the Freedmen's Bureau, who had been brutally beaten by Ku Klux Klansmen. Thus a new expression appeared in the political lexicon: "waving a bloody shirt" [31, p. 207].

This symbolic gesture was approved by radical Republicans. Ch. Sumner, a staunch abolitionist, made a fiery speech in which he assured that the indictments of the House of Representatives were formal, and the root of the evil was the very position of the President in relation to the Reconstruction of the South. "This is one of the last great battles with slavery. Driven from these legislative chambers, driven from the field of war, this monstrous power has found a refuge in the Executive Mansion, where, in utter disregard of the Constitution and laws, it seeks to exercise its ancient far-reaching sway... No one can doubt it. Andrew Johnson is the impersonation of the tyrannical slave power. In him, she was alive again... He once declared himself the Moses of the colored race. Behold him now the Pharaoh. With such treachery in such a cause there can be no parley. Every sentiment, every conviction, every vow against slavery must now be directed against him. Pharaoh is at the bar of the Senate for judgment... And the sentence must be pronounced!" [8, pp. 463-474].

Sumner's position was supported by John Sherman, brother of the famous Civil War General W.T. Sherman. He also believed that the essence of the problem was the President's Reconstruction policy: "Instead of cooperating with Congress to implement the laws it passed, he obstructed and delayed their implementation, seeking to cause contempt for the laws and the legislature. With enormous powers, he neglects to protect unionists in the rebel states, so that murder, violence, and destruction of property occur throughout these

states, while the political power is inactive”. Speaking about the essence of the indictment, Sherman stressed that Stanton’s removal from office was not just a gross violation of the law, but “...includes all the elements of a crime, namely: a violation of an explicit law, intentionally and intentionally committed with the intent to undermine the constitutional authority of the Senate... and this has a detrimental effect, which is that the President gets unlimited power over all officials” [8, p. 450].

Speaking in support of the prosecution, R. Yates stressed the importance of the impeachment procedure for the future of the country. “It is difficult to assess the importance of this test... This trial is aptly named the constitutional court... the precedents established by this trial will be cited as standard precedents in all such trials in the future” [8, p. 484].

A number of senators, including those belonging to the Republican Party, opposed the President’s condemnation. Most of them believed that the indictment of the House of Representatives did not give grounds for removing the President from office. Grimes stated that the principle of presidential impeachment was unacceptable. “I cannot agree to destroy the harmonious work of the Constitution in order to get rid of an unacceptable President. Whatever my opinion of this man may be, I cannot afford to trifle with his high position” [8, p. 424].

The lack of evidence for the charges was mentioned in a speech by a moderate Republican, L. Trumbull. He bluntly stated that removing Stanton from office was not a “crime” and nothing in the President’s behavior suggested a conspiracy to usurp power. He also argued that undermining the President’s authority on insufficiently convincing grounds would play a bad role in the future fate of the country. “To condemn and depose the chief magistrate of a great country when his guilt is not apparent in the 11 articles of impeachment, and for insufficient reason, would be fraught with far greater danger to the future of the country than if Mr. Johnson were left in office for the remaining months of his term, with powers curtailed and limited, as has been done under recent legislation” [8, p. 420].

Quite emotional was the speech in defense of Johnson by Senator W. Grosbeck of Ohio: “He

is a patriot! He may make mistakes, but he loves his country... no amount of testing could force him to change the Union... he is not capable of treason” [8, p. 310].

At the time of the trial, the Senate consisted of 54 members representing 27 states (10 former Confederate States had not yet been re-admitted to representation in the Senate). An impeachment conviction required a two-thirds majority, in this case 36 votes. Of the 11 charges, only three articles were voted on: 2, 3 and 11. Total: 35 – “yea”, 19 – “nay”. The conviction failed by only one vote [8, pp. 410-412; 34, p. 350].

None of the seven Republicans who voted against impeachment was able to continue his political career, and their party members did not forgive their treachery. Johnson remained in office until the end of his term on March 4, 1869, although as a “lame duck”, he had little influence on public policy. He had to give up the idea of re-election for a second term. The 1868 election was won by Civil War hero Ulysses S. Grant, who supported black suffrage. This allowed the Congress to continue the policy of Radical Reconstruction of the South, which ended with the adoption of the 15th amendment to the US Constitution.

Results. The first impeachment of a top official in the history of the United States did not lead to the removal of President Johnson, and one vote was not enough to convict him. But it demonstrated the effectiveness of this procedure, since even an unsuccessful impeachment in terms of results led to a temporary change in the balance of the branches of power. In fact, the struggle between the President and Congress was over who would implement the Reconstruction policy and what measures. Despite the failure of impeachment, the institution of the presidency was weakened, and Congress secured a dominant position until at least the end of the 19th century. A number of American historians rightly consider the Reconstruction of the South to be the final stage of the Second North American revolution. Impeachment brought Radical Reconstruction to its logical conclusion by passing the 15th amendment to the Constitution, which secured voting rights regardless of race and color. This was the first impeachment of a Chief Executive in the history of the United States. With this in mind, subsequent presidents should have acted with an eye to Congress. This was a clear

confirmation of the effectiveness of the system of “checks and balances” laid down by the Founding Fathers in the American Constitution, which made the separation of powers in the United States real, not formal.

REFERENCES

1. Alenteva T.V. *Razyaschee oruzhie smeha. Amerikanskaya politicheskaya karikatura XIX veka (1800–1877)* [A Striking Weapon of Laughter. American Political Caricature of the Nineteenth Century (1800–1877)]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 458 p.
2. Allen J. *Rekonstruktsiya: Bitva za demokratiyu v SShA 1865–1876* [Reconstruction: The Battle for Democracy 1865–1876]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, 1963. 273 p.
3. Sogrin V.V. *Istoriya SShA* [History of the United States]. Moscow, Mezhdunarodnyie otnosheniya Publ., 2020. 600 p.
4. Zhidkov O.A., ed. *Soedinennye Shtaty Ameriki. Konstitutsiya i zakonodatelnye akty* [The United States of America. Constitution and Legislative Acts]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1993. 768 p.
5. Andrew Johnson. *Harper's Weekly*, 1864, June 25.
6. Beale H.K. *The Critical Year: A Study of Andrew Johnson and Reconstruction*. New York, Harcourt, Brace and Company, 1930. 454 p.
7. Benedict M.L. *The Impeachment and Trial of Andrew Johnson*. New York, Norton, 1999. 216 p.
8. *Congressional Globe. Senate. 40th Congress. 2nd Session. Supplement to the Globe. Trial of Andrew Johnson*. Washington, F. & J. Rives & George A. Bailey, 1868. 526 p.
9. Domestic Intelligence. *Harper's Weekly*, 1867, April 6.
10. Foner E. *Reconstruction: America's Unfinished Revolution. 1863–1877*. New York, HarperCollins, 2002. 690 p.
11. Gerson N.B. *The Trial of Andrew Johnson*. New York, Thomas Nelson, 1977. 159 p.
12. Gordon-Reed A. *Andrew Johnson*. New York, Times Books, 2011. 192 p.
13. Hearn Ch.G. *The Impeachment of Andrew Johnson*. New York, McFarland, 2012. 269 p.
14. Impeachment of the President. *Congressional Globe. 40th Congress. 2nd Session*, 1868, March 2, vol. 39.
15. Impeachment of the President. *Congressional Globe. 40th Congress. 2nd Session*, 1868, March 3, vol. 39.
16. Mantell M.E. *Johnson, Grant, and the Politics of Reconstruction*. New York, Columbia University Press, 1973. 224 p.
17. McKittrick E. *Andrew Johnson and Reconstruction*. Oxford, Oxford University Press, 1988. 533 p.
18. Milton G.F. *The Age of Hate: Andrew Johnson and the Radicals*. New York, Coward-McCann, 1930. 787 p.
19. Nash H.P., Jr. *Andrew Johnson: Congress and Reconstruction*. Plainsboro, New Jersey, Associated University Presses, 1972. 170 p.
20. *New York Times*, 1865, June 10.
21. *New York Tribune*, 1866, February 24.
22. *New York Tribune*, 1866, February 23.
23. *New York Tribune*, 1868, February 19.
24. *New York Tribune*, 1868, January 15.
25. *New York Tribune*, 1868, January 16.
26. President Andrew Johnson. *Harper's Weekly*, 1865, May 13.
27. President Johnson's Amnesty Proclamation. *Harper's Weekly*, 1865, June 10.
28. Reconstruction Measures. *Harper's Weekly*, 1868, January 25.
29. Secretary Stanton's Restoration. *Harper's Weekly*, 1868, January 26.
30. Southern Reconstruction. *Harper's Weekly*, 1867, August 31.
31. Stewart D.O. *Impeached: The Trial of President Andrew Johnson and the Fight for Lincoln's Legacy*. New York, Simon & Schuster, 2009. 464 p.
32. Stryker L.P. *Andrew Johnson: A Study in Courage*. New York, Macmillan, 1929. 875 p.
33. The Impeachment. *Harper's Weekly*, 1868, March 14.
34. The Impeachment. *Harper's Weekly*, 1868, May 30.
35. The Impeachment Trial. *Harper's Weekly*, 1868, April 4.
36. The Impeachment Trial. *Harper's Weekly*, 1868, March 28.
37. *The Nation*, 1865, July 27.
38. The New Reconstruction Bill. *Harper's Weekly*, 1867, February 8.
39. The President's Speech. *Harper's Weekly*, 1866, March 10.
40. Trefousse H.L. *Andrew Johnson: A Biography*. New York, W.W. Norton & Company, 1989. 271 p.
41. Trefousse H.L. *Impeachment of a President: Andrew Johnson, the Blacks, and Reconstruction*. New York, Fordham University Press, 1999. 252 p.
42. Wineapple B. *The Impeachers: The Trial of Andrew Johnson and the Dream of a Just Nation*. New York, Random House, 2019. 576 p.
43. Winston R.W. *Andrew Johnson: Plebeian and Patriot*. New York, Henry Holt and Company, 1928. 549 p.

Information About the Author

Tatiana V. Alentieva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, alenttv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-0494>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Алентьева, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, alenttv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-0494>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.19>

UDC 316.628.23:327
LBC 66.4(7Coe)

Submitted: 17.01.2020
Accepted: 25.03.2020

DECISION-MAKING AND EXECUTIVE POWER DEPARTMENTS' ADAPTATION. BARACK OBAMA'S PACIFIC POLICY CASE

Vitalii E. Boldyrev

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Centre for Asia-Pacific Studies, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the Barack Obama's government and administration's decision-making process related to the Asia-Pacific, the interaction of specific officials, rather than general policy goals, played a determining role. *Methods.* Using the structural method, the history of everyday life, and adaptology, the author analyzed the hidden sides of decision-making process that influenced the official narrative. *Analysis.* The analysis is related to interaction with counterparts and behavioural strategies of the president, his administration, the State Department, the Department of Defense and the United States trade representative as the key centers involved in the struggle for policy elaboration. *Results.* Because of high competition among them and the desire of each center to stand for its position, the decision-making process has acquired several peculiarities. To mark their own position and reduce the influence of their competitors, the agencies developed their own strategies supported by created related concepts and narratives, opened new jobs, concealed their real attitudes towards each other as well as the real meanings of the strategies, and proposed new forms of interaction with non-state actors. To prevent the strengthening of other parts of the process Barack Obama and his advisors developed the concept of rebalance. Hillary Clinton responded with the concept of pivot. The Department of Defense, as these narratives struggled, was forced to side with the president, thereby disguising its true goals. United States trade representative R. Krik avoided the struggle and concentrated on adapting to objective conditions. As a result of the struggle, the Barack Obama's government and administration have not developed a common regional strategy based on common goals and understanding of the region.

Key words: USA, Asia-Pacific, rebalance, pivot, adaptation, foreign policy, decision-making process.

Citation. Boldyrev V.E. Decision-Making and Executive Power Departments' Adaptation. Barack Obama's Pacific Policy Case. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 222-235. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.19>

УДК 316.628.23:327
ББК 66.4(7Coe)

Дата поступления статьи: 17.01.2020
Дата принятия статьи: 25.03.2020

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ И АДАПТАЦИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. ПРИМЕР ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКИ Б. ОБАМЫ

Виталий Евгеньевич Болдырев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН,
Центр азиатско-тихоокеанских исследований, г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. В процессе разработки политики в отношении АТР в администрации и правительстве Б. Обамы определяющую роль играли не общие политические установки, а характер взаимодействия между сотрудниками органов исполнительной власти. С использованием структурного метода, истории повседневности и адаптологии в статье проанализированы скрытые стороны процесса принятия решений, которые нашли отражение в официальном нарративе. Ключевыми центрами, вовлеченными в борьбу за разработку курса, были президент и его администрация, Госдепартамент, Министерство обороны, представитель США

на торговых переговорах. Вследствие высокой конкуренции между ними и стремлением отстаивать интересы своего ведомства процесс принятия решений приобрел некоторые особенности. Чтобы обозначить свою позицию и ослабить влияние конкурентов, ведомства разрабатывали не только свои стратегии, но и создавали связанные с ними концепции и нарративы, открывали новые рабочие места для их обслуживания, маскировали свое реальное отношение друг к другу, равно как и истинные цели своих ведомств, предлагали новые формы взаимодействия с негосударственными акторами. Чтобы предотвратить усиление других центров принятия решений, Б. Обама и его советники разработали концепцию «перебалансировки». Ответным шагом Х. Клинтон стала концепция «кардинального поворота». Министерство обороны в условиях борьбы этих нарративов вынужденно встало на сторону президента, замаскировав тем самым свои истинные цели. Торговый представитель США Р. Крик уклонился от этого противостояния и сконцентрировался на адаптации к объективным условиям. Следствием этой межведомственной борьбы стало отсутствие единой региональной стратегии, основанной на общих целях, задачах и понимании региона.

Ключевые слова: США, Азиатско-Тихоокеанский регион, перебалансировка, кардинальный поворот, адаптация, внешняя политика, процесс принятия решений.

Цитирование. Болдырев В. Е. Принятие решений и адаптация органов исполнительной власти. Пример тихоокеанской политики Б. Обамы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 222–235. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.19>

Введение. Как правило, при исследовании и прогнозировании политики того или иного государства проще оперировать видимыми, легко читаемыми данными, которые характеризуют макроуровень взаимодействия государств или социальных сил. При таком подходе акцент делается на общей динамике процессов, а за скобками исследования остаются меньшие уровни социальных взаимодействий, которые, тем не менее, программируют состояние более высоких уровней. Именно анализ микроуровня позволяет лучше понимать логику поведения правительства и проводимого им курса.

В контексте такой постановки методологической проблемы большой интерес и одновременно вызов для исследователя представляет процесс принятия решений, связанный с тихоокеанской политикой Б. Обамы. Приняв страну после Дж. Буша-мл., который начал две долгосрочные военные кампании, новый президент должен был создать себе существенно отличающийся имидж, как с помощью риторики, так и практических действий. Официальные тексты, которые посвящены тихоокеанскому курсу 44-го президента, носившему «имиджевый» характер, свидетельствуют о наличии трудностей, возникших в процессе принятия решений: их маркером стало использование двух слов: «кардинальный поворот» (“pivot”) и «перебалансировка» (“rebalance”).

Методы и материалы. Для более глубокого понимания процессов, происходивших

в 2009–2016 гг. в исполнительной власти США, потребуется методология, отличающаяся от традиционной, которая ограничивала бы исследовательское поле анализом деятельности ведомств и общественных институтов. На необходимость таковой для исследования процесса принятия решений в Соединенных Штатах в целом еще в середине 1980-х гг. указывали Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный. По их мнению, она должна определяться двумя аспектами, проистекающими из особенностей процесса принятия решения в Соединенных Штатах. Первый из них связан с участием формальных и неформальных сил. Второй определен сочетанием формальной и неформальной сторон функционирования государственного аппарата [4, с. 4].

О необходимости совершенствования соответствующей методологии свидетельствует и исследование, проведенное М. Гальперином и П. Клэпп, по результатам которого был создан каталог неформальных способов продвижения интересов и взаимодействий, которые используют американские бюрократы [17].

Однако при этом предполагалось, что неформальное поведение бюрократов, которое определяется не регламентами и должностными инструкциями, а логикой межличностного взаимодействия, вплетено в формальное, определенное законами, служебными документами.

Чтобы еще больше сконцентрироваться на неформальных факторах, определяющих

стратегии и шаги ведомств или отдельных государственных функционеров, требуется заимствовать отдельные элементы методологии других общественных наук.

В рамках настоящего исследования наиболее полезными выглядят адаптология и история повседневности. Хотя они имеют разные генетические корни, если следовать логике В.И. Шишкина, эти два направления связаны друг с другом, поскольку адаптация обусловлена повседневной жизнью [6, с. 26]. Соответственно адаптационная стратегия определяется структурой повседневности.

При такой трактовке значимо то, что история повседневности предполагает сбор и анализ отдельных фактов, которые позволяют более точно реконструировать характер общих процессов, выявить их локальные во времени и пространстве особенности, конкретизировать закономерности, определить единство и неравномерность социальных процессов [32, с. 173].

Она исходит из того, что жизнь любого человека, даже облеченного широкими властными полномочиями, определяется разнообразием и многогранностью форм бытия и практик, которые подчас характеризуют неприметные стороны жизни. Выделяется пять основных параметров, состояние которых определяет повседневную жизнь: практические шаги, меры для освоения пространства, персональные профили акторов (социальные, психологические, биографические и т. д.), сети их социальных связей, поведенческие отклонения [3, с. 58–66].

История повседневности в исследовании недавнего прошлого, которое относится, скорее, к исследовательскому полю политологии, а не истории, ставит ряд методологических ограничений. Ключевым методом становится структурный, ориентированный на выявление взаимодействий между вовлеченными акторами и между ними и окружающей их средой. Ему соответствует подход приближения ошупью, предполагающий нелинейное прочтение источников информации, чтобы выявить причины, цели и логику социальных взаимодействий и траекторий движения акторов. Это в свою очередь заставляет исследователя отказаться от каких-либо предварительных собственных мировоззренческих установок и

подойти к исследованию какого-либо объекта или предмета как к исследованию чистого феномена. Такой подход к анализу делает необходимым отказаться и от предварительного указания установок и императивов акторов, вовлеченных в исследуемую проблему. Наконец, власть с точки зрения истории повседневности является совокупностью практических действий, совершаемых конкретными людьми, а не институтами [3, с. 63, 66].

В этом случае анализ процесса принятия решений, касающегося конкретного направления внешней политики, предстает исследованием локального по времени примера более длительного и более сложного по своей структуре явления. Этот пример существует в динамике и определен практическими шагами и взаимодействием вовлеченных акторов, каждый из которых обладает персональными особенностями. При этом они существуют в рамках единой, не застывшей на месте системы, которая определяет как правила игры, так и правила уклонения от них, принимающие в зависимости от ситуации конкретную форму.

Со своей стороны, адаптология в большей мере акцентирует внимание на динамических изменениях структуры социума, выявлении соответствующих моделей и закономерностей.

В ее рамках российские историки предложили следующие подходы. С.В. Яров исследовал адаптации через призму конформизма. Под ним он понимал приспособление людей к новым условиям, которые были созданы властью, их языку, правилам, практикам, сценариям. Им же в российский научный лексикон было введено слово «лаборатория» с совершенно новым значением, а именно трансформированные, модифицированные существующие или вновь созданные повседневные практики, площадки и формы взаимодействия с целью формирования нового человека. Именно они становились основным инструментом конформизма [7, с. 5–6, 42–43, 70].

К.Л. Захарова указывает на то, что вместе с конформизмом, который предполагает то, что люди активно перенимают новые, предложенные им клише, существует мимикрия, формальное превращение в сторонника кого-либо или чего-либо [1, с. 46].

Поскольку и конформизм, и мимикрия исследуются посредством анализа языка, в практическом плане это ставит следующую проблему: для изучения конформизма достаточно выявить те языковые формы, которые отражают принятие правил игры. Для того чтобы доказать, что конкретные слова являются признаком мимикрии, нужно выявить наличие публичного транскрипта, с помощью которого выражается уважение к власти, и скрытого транскрипта, который отражает подлинные намерения субъекта. Публичный транскрипт связан с внешним проявлением властной практики, отражает принятие подвластными определенных норм подчинения власти и уважения к ней [1, с. 52; 7, с. 5–6, 71].

Таким образом, в контексте исследования взаимодействий внутри исполнительной власти единственным аспектом применения адаптологии является анализ того, действительно ли представители конкретных ведомств следовали концепции региональной политики, предложенной президентом, находились в оппозиции к ней, или выступали ее временными, формальными попутчиками, чтобы скрыть свои истинные интересы и реализовать их в будущем при более благоприятных обстоятельствах.

В соответствии с положениями истории повседневности и адаптологии в центре исследовательского внимания будет находиться структура неформального взаимодействия органов исполнительной власти и соответствующее профессиональное поведение их сотрудников. С помощью анализа созданных ими текстов, как официального, так и неофициального характера, будут выявлены формы их приспособления к меняющейся обстановке и друг к другу.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы установить, как на внешнеполитический процесс тихоокеанской политики США 2009–2016 гг. повлияло повседневное взаимодействие органов исполнительной власти и приспособление их сотрудников друг к другу и окружавшей их среде, как внешней данности.

Задачи исследования состоят в следующем:

– опираясь на концепцию циклов американской истории А.М. Шлезингера-мл., опре-

делить место президентства Б. Обамы в континууме американской истории, выявить, как это положение повлияло на процесс принятия решений тихоокеанской политики Б. Обамы;

– выявить роль наиболее влиятельных личностей в этом процессе;

– реконструировать повседневные практики ведомств и их ключевых сотрудников, установить их явный и скрытый смысл, который свидетельствовал о характере и целях взаимных приспособлений.

Поскольку исследование хронологически относится к недалекому прошлому, источниковая база представляет собой ключевой вызов. И история повседневности, и адаптология требуют опоры на разные источники, причем приоритет отдается источникам персонального происхождения. Несмотря на всю временную близость тихоокеанской политики Б. Обамы, в отличие от других региональных внешнеполитических направлений, именно оно обеспечено не только максимальным разнообразием видов источников, но и их значительным количеством: опубликованы публичные выступления, стенограммы официальных лиц, электронные письма госсекретаря Х. Клинтон, мемуары участников процесса принятия решений. Они позволяют провести необходимый анализ взаимодействий президента, его аппарата, государственного департамента, министерства обороны и торгового представителя США. Правда, здесь присутствуют существенные ограничения. Во-первых, из-за небольшого временного лага между исследуемым феноменом и написанием статьи проблема секретности не дает возможности реконструировать максимально полную картину феномена. Этим продиктован отказ от насыщенного описания, ведущего приема истории повседневности, который используется для воссоздания подробных сетей взаимодействия. Вместо этого при анализе отдельных аспектов, если это уместно, акцент делается на символическом контексте публичных действий подобно тому, как М. Грэм исследовала политику Б. Обамы в области безопасности [16, p. 180–202]. Во-вторых, проблема доступности информации ограничивает круг исследуемых ведомств, лиц и примеров их взаимодействий.

Анализ. В соответствии с концепцией А.М. Шлезингера-мл. американский истори-

ческий процесс развивается циклически. Каждый цикл имеет три фазы: период активизма, пик цикла и период усталости. В течение первой фазы общественные силы и представляющее их правительство стремятся реализовать новые меры для решения наиболее насущных проблем. На пике цикла предложенные меры и модели успешно работают. В период усталости они дают сбой, накапливаются новые проблемы, которыми общество пренебрегает, а правительство продолжает ориентироваться на апробированные способы их решения [27, р. 28–29].

Основной начавшегося в 1980-х гг. цикла американской истории в сфере экономики была свободная торговля. Основанная на ней хозяйственная модель успешно функционировала до экономического кризиса 2008 года. Таким образом, в контексте концепции циклов американской истории он стал рубежом между пиком цикла и периодом усталости.

Другим важным параметром, который определил место Б. Обамы в истории США, стало партийное развитие. Анализируя новейшую историю Демократической партии, В.О. Печатнов пришел к выводу, что последняя волна ее развития началась в годы президентства У. Клинтона, на которое пришелся пик исторического цикла. В середине 2000-х гг. идеи 42-го президента получили дальнейшее развитие, найдя отражение в предвыборной программе Б. Обамы [5, с. 458–462].

Кроме того, ряд ключевых постов администрации и правительства, связанных с политикой США в АТР, заняли люди, имевшие опыт работы в исполнительной власти при У. Клинтоне. В их числе госсекретарь Х. Клинтон (2009–2013), заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Кэмпбелл (2009–2013), министр обороны Л. Панетта (2011–2013). Наконец, Дж. Манн обращает внимание, что большинство сотрудников, независимо от опыта работы в период президентства У. Клинтона, разделяло сложившиеся в 1990-е гг. фундаментальные взгляды Демократической партии на внешнюю политику, основанные на идее распространения либеральных экономических и политических свобод в мире [18, р. 57].

Иными словами, Б. Обаму сдерживали не зависящие от него условия, он был ограни-

чен господствовавшими идеями и тенденциями развития американского общества. В этих условиях он оказался неспособен предложить какие-либо принципиально новые внешнеполитические идеи.

Несмотря на внешнее идейное единство, исполнительная власть при Б. Обаме не была монолитной. Уже на этапе формирования высших эшелонов власти Б. Обама, не имевший достаточного опыта для управления государством, стремился назначить на ответственные посты представителей разных групп Демократической партии, чем заложил потенциал для будущих противоборств и конфликтов [18, р. 2–6, 43]. Наибольший риск был связан с назначением Х. Клинтон главой Госдепартамента. В данном случае сторонники Б. Обамы, равно как и глава государства, оказывались вынуждены иметь дело не просто с назначенцем. Во-первых, она была очень влиятельным членом Демократической партии, и ее назначение было продиктовано опасениями, что, став сенатором, Х. Клинтон получит возможность эффективно атаковать курс президента, в то время как вхождение в кабинет лишит ее такой возможности. Во-вторых, для нее не было чуждым стремление быть серым кардиналом. На это указывает ее опыт первой леди. За мастерство закулисного влияния ее прозвали неофициальным заместителем госсекретаря правительства У. Клинтона. В-третьих, она имела широкие связи, которые могла противопоставить социальным контактам президента [18, р. 3–6].

Стремясь минимизировать риски, связанные с назначением Х. Клинтон, которая, получив от президента управленческую автономию в пределах вверенного ей ведомства, была полна решимости сделать Азию центром внешней политики США [2, с. 35, 67], Б. Обама, опираясь на своих ближайших советников по делам Азии, предложил концепцию «перебалансировки». Китаевед Дж. Бадер, ведущий советник президента по делам Азии и один из ключевых оппонентов Х. Клинтон [18, р. 5], в своих мемуарах следующим образом изложил ее приоритеты: укрепление отношений с КНР, поддержание баланса сил с опорой на союзников, построение экономического лидерства, обеспечение денуклеаризации и нераспространения на Корейском полуострове, поддер-

жание сильного присутствия США во всех сферах региональных отношений, участие и лидерство в ключевых региональных организациях, продвижение прав человека [9, р. 6–8].

Предложив концепцию «перебалансировки», которая по своей сути представляла реакцию на состояние региональной среды, и часто используя этот термин в публичном пространстве, Б. Обама был против того, чтобы любое другое ведомство имело свою региональную концепцию [10, р. 11, 29–30]. Так президент добивался идейного конформизма других ведомств в процессе принятия решений, создав лабораторию по воспитанию своих сторонников. Тот факт, что данное слово прочно вошло в политический лексикон в период правления 44-го президента, указывает, что эта языковая лаборатория работала эффективно, а значит несла для Х. Клинтон риск снизить ее влияние.

Как следствие, для укрепления своих позиций и в противовес президентской концепции главе внешнеполитического ведомства было необходимо не только разработать альтернативную концепцию, но и сопроводить ее неформальными шагами, позволяющими укрепить свои позиции. Таковой стала концепция «кардинального поворота», которую госсекретарь представила, не используя бюрократические каналы, а презентовав ее в широком публичном пространстве. Всего таких презентаций было две. Первая состоялась в январе 2010 г. во время выступления в Голлолу. Тогда были выделены следующие приоритеты:

- опора на действующие военно-политические союзы;
- взаимодействие со странами АТР в рамках существующих региональных институтов;
- достижение принятия региональными институтами эффективных и прагматичных решений;
- поддержание и усиление гибкости американской линии;
- необходимость для США как азиатско-тихоокеанской державы решить, какие институты будут определяющими в регионе [25].

Во второй раз концепция была презентована на страницах журнала «Форин Полиси» в октябре 2011 года. В статье Х. Клинтон уже по-другому расставила приоритеты, по-друго-

му их сформулировала, предложила новые. В ней она исходила из того, что после окончания войн на Ближнем и Среднем Востоке внешняя политика США оказалась в поворотной точке. При этом поворот должен быть осуществлен в сторону усиливающейся Азии, и иметь следующее содержание: укрепление двусторонних военно-политических союзов, укрепление отношений с усиливающимися державами, вовлечение в региональные институты, расширение торгово-инвестиционного сотрудничества, широкое военное присутствие, продвижение демократии и прав человека, обеспечение свободы мореплавания [11].

Происшедшая трансформация свидетельствует, что процесс концептуального осмысления и разработки азиатско-тихоокеанской политики в Госдепартаменте постоянно развивался, реагируя на изменения внешней среды и учитывая общие реалии внутренней среды. Так, в первой интерпретации кардинального поворота акцент делался на необходимости поддерживать военно-политический баланс, опираясь на традиционные военно-политические союзы, взаимодействовать со странами региона в рамках и на полях существующих многосторонних объединений (например, АТЭС, АСЕАН, ВАС и т. д.) и развития региональных институтов, выгодных американским интересам [Транстихоокеанское партнерство (далее – ТТП)].

Во второй же интерпретации в ответ на интенсификации споров за острова и акваторию в Южно-Китайском море, активным участником которых был Китай, появляется пункт об обеспечении свободы мореплавания. Также концепция была дополнена традиционным для демократических правительств, начиная с правительства Дж. Картера, пунктом о продвижении и защите прав человека, чтобы укрепить авторитет среди однопартийцев и правозащитных групп, являвшихся сторонниками Демократической партии. По-видимому, это было сделано ввиду того, что к осени 2011 г. в Госдепартаменте завершилась разработка политики в отношении Мьянмы, и начиналась активная фаза ее осуществления. По инициативе Х. Клинтон, стержнем этого курса стало поощрение мьянманского правительства следовать американским стандартам соблюдения прав человека [2, с. 134–164].

Развивалась концепция кардинального поворота и в практическом плане, чему в немалой степени способствовал советник Х. Клинтон К. Кэмпбелл, которого она знала как специалиста по Восточной Азии еще в бытность первой леди. Чтобы эффективнее воздействовать на бюрократию, в том числе непосредственно связанную с президентом, К. Кэмпбелл участвовал в создании 70 новых должностей в Госдепартаменте для обслуживания политики «кардинального поворота» [10, р. 16], основав, таким образом, лабораторию внешнеполитического ведомства, как языковую, так и по производству кадров с необходимым стилем мышления, в противовес лаборатории президента.

В результате этих шагов влияние Х. Клинтон выросло. Об этом свидетельствует то, что в ходе отдельных выступлений и на некоторых приемах Б. Обама, проявляя учтивость по отношению к влиятельному госсекретарю и представленной ей элите Демократической партии, иногда употреблял слово «кардинальный поворот», чем вводил в заблуждение своих сторонников [10, р. 29; 23]. Эта черта поведения президента проявлялась и после смены руководителя внешнеполитического ведомства [24].

С назначением Дж. Керри на пост государственного секретаря в 2013 г. и уходом влиятельного сторонника концепции кардинального поворота К. Кэмпбелла проблема межведомственного противоборства между Белым домом и Госдепартаментом исчезла, завершившись победой концепции Б. Обамы. Тем не менее язык, разработанный Х. Клинтон, продолжал оказывать незначительное влияние на речь президента.

Другой влиятельный в партийных кругах назначенец из числа приближенных к У. Клинтону, Л. Панетта, встал во главе Министерства обороны. В контексте межведомственного взаимодействия его влияние зависело не столько от персональных качеств и связей руководителя, сколько от мощи каналов взаимодействия огромной социальной корпорации, включающей вооруженные силы, военно-промышленный комплекс и связанные с ним гражданские предприятия.

При его предшественнике, Р. Гейтсе, который сохранял пост министра обороны в

2009–2011 гг., военные стремились поднять вопрос о политике в отношении Китая в нужном им ключе, используя бюрократические каналы. Их позиция сводилась к тому, что необходимо усилить сдерживание КНР, привлекая не только союзников, но и партнеров, оказывая последним военную помощь, включая поставки вооружений. Наиболее перспективным партнером министерству обороны виделся Вьетнам. Однако все, кто выступал в отношении Китая с позиций более твердых, чем Госдепартамент, вызывали недоверие как в правительстве, так и в администрации. Дело в том, что помощник Х. Клинтон Дж. Стейнберг и советник Б. Обамы Т. Дониолон сходились во мнении, что политика в отношении Китая, основанная на дипломатии, не должна была противопоставлять его Соединенным Штатам. Такое единство позволяло Х. Клинтон с помощью заявлений и переговоров нейтрализовать влияние военных на политику в отношении Китая [18, р. 243–244].

Сменив Р. Гейтса, Л. Панетта попытался обозначить независимую позицию оборонного ведомства по вопросу политики в отношении КНР не только выйдя за принятые во внешнеполитическом ведомстве и Белом доме рамки мышления, но и используя с этой целью внешние, небюрократические каналы. Выступая перед рабочими Коннектикутской верфи, на которой строятся ударные подводные лодки, он заявил, что США находятся перед лицом угрозы со стороны растущих держав, включая Китай, и США придется заверить их, что у Америки достаточно сил, чтобы обеспечить защиту на Тихом океане [14]. Фактически это заявление свидетельствовало о намерении качественно перевооружить американские вооруженные силы, вложить дополнительные средства в развитие сил сдерживания, которые предполагалось ориентировать на выполнение боевых задач по отношению к новым центрам силы.

Так как эта позиция противоречила взглядам двух ключевых центров по принятию решений – Госдепартамента и президентской администрации – Л. Панетта оказался в непростой ситуации: он рисковал испортить отношения с влиятельной Х. Клинтон и одновременно потерять доверие верховного главнокомандующего.

Во избежание худшего сценария, он предпринял тактический ход, чтобы замаскировать истинные цели и интересы своего ведомства и одновременно продемонстрировать лояльность президенту. Выступая на международном форуме Шангри-Ла в Сингапуре 2 июня 2012 г., Л. Панетта впервые употребил термин «перебалансировка», вложив в него тот смысл, что это ключевой элемент новой военной стратегии США, который предполагает перевод 60 % боевых судов в Тихий океан на постоянное базирование, а также развитие новых технологий [28].

Однако, употребив это слово на форуме единожды, министр обороны использовал его четыре раза, выступая перед внутренней аудиторией 14 июня 2012 г. по возвращении из зарубежной поездки, назвав перебалансировку ключевым элементом новой оборонительной стратегии. Она, по заявлению Л. Панетты, включала развитие военных партнерств, поддержание постоянного военного присутствия, обеспечение способности распространить американскую военную мощь в регионе [36].

Частота использования слова, целевая аудитория выступлений, а также вложенный смысл, его соотношение с высказываниями перед рабочими верфи и приоритетом, который сформулировал Р. Гейтс, позволяет сделать следующие выводы. Из двух наиболее распространенных в американском лексиконе слов, которыми обозначалась азиатско-тихоокеанская политика в 2009–2016 гг., Л. Панетта выбрал предложенную президентом «перебалансировку», а не «кардинальный поворот», предложенный Государственным департаментом и Х. Клинтон. Этим публичным транскриптом министр обороны внешне продемонстрировал свою лояльность президенту. В то же время смысл, вложенный руководителем военного ведомства в это слово, свидетельствовал, что приоритеты по сдерживанию Китая, сформулированные его предшественником, сохраняются. Таким образом, эти шаги были предприняты не только для демонстрации лояльности верховному главнокомандующему, не только с целью лавирования между ведомствами, но и для того, чтобы сохранить ранее сформулированные приоритеты в безопасности в контексте межведомственного противоборства.

В дальнейшем Э. Картер, заместитель Л. Панетты, впоследствии сменивший его на посту министра обороны в 2013 г., в публичных выступлениях часто употреблял термин «перебалансировка», но иногда именовал ее «так называемой перебалансировкой». Впервые эта характерная черта языка Э. Картера проявилась во время публичного выступления в исследовательском центре «Азиатское общество» в Нью-Йорке в августе 2012 г., совпавшего с началом обсуждения секвестра оборонного бюджета в Конгрессе. Его текст свидетельствовал, что у Пентагона, несмотря ни на какие языковые конструкции, сохраняются два долгосрочных приоритета азиатско-тихоокеанского курса: поставка новой техники в американские вооруженные силы и развитие военно-политических союзов и партнерств [38].

Чтобы в дальнейшем минимизировать риск финансовых ограничений, зависевших от позиции законодателей, и сохранить прежние приоритеты, министерство обороны продвигало свои интересы, используя слушания в Конгрессе, в ходе которых доносило до его членов свою интерпретацию АТР. По их мнению, именно из этого региона исходила ключевая перспективная военная угроза Соединенным Штатам, заключающаяся в росших и модернизовавшихся вооруженных силах КНР. Именно это внешнее для США изменение в регионе больше всего беспокоило американских военных. Наиболее благоприятным ответом они считали более эффективное сдерживание этой угрозы, невозможное без увеличения ассигнований. Всего эта проблема поднималась представителями Министерства обороны и связанными с ними исследовательскими организациями, а также их сторонниками на 6 из 12 слушаний, проходивших в Палате представителей и Сенате в 2013–2016 гг. и посвященных азиатско-тихоокеанской политике Б. Обамы [8; 19; 21; 22; 30; 37]. Стратегический расчет военных состоял в том, чтобы добиться большей поддержки среди представителей Республиканской фракции, так как некоторые из них открыто занимали антикитайские позиции [21, р. 21]. Этот фактор, по предположениям Министерства обороны, должен был поспособствовать формированию выгодной военно-промышленному комплексу

республиканской повестки, которую не сможет проигнорировать будущий кандидат партии в президенты, и в случае его победы ВПК будет проще добиться ассигнований на новые вооружения, которые Пентагон в свою очередь сможет использовать, в числе прочего, для усиления сдерживания Китая. Иными словами, стратегическая цель военных состояла в том, чтобы адаптировать целевую социальную среду к своим ведомственным интересам.

Другие способы приспособления, не столько к позиции других ведомств, сколько к менявшейся среде, реализовывал торговый представитель США Р. Крик. Будучи советником президента, который выступал против существования разных ведомственных внешнеполитических концепций, он предпочел уклониться от борьбы между сторонниками «переконструирования» и приверженцами «кардинального поворота». Для него более важной была адаптация к условиям, не зависящим от субъективных взглядов. Наиболее важным из них стало присоединение США к Транстихоокеанскому партнерству. Соответствующее решение было принято Дж. Бушем-мл. в ноябре 2008 г., так что для администрации Б. Обамы этот факт стал условием, не зависящим от нее, к которому необходимо было адаптироваться. Процесс разработки соглашения о ТТП представлял собой длительную череду сменявших друг друга раундов. Каждый из них был организован в форме широкой площадки, в рамках которой принимающая сторона организовывала встречи, презентации, в ходе которых между собой контактировали официальные лица и представители групп интересов, для которых либерализация торговли была благоприятной. При содействии торгового представителя этот формат был использован американскими производителями молока, других сельскохозяйственных продуктов, профсоюзами, фармацевтической отраслью и региональными группами интересов, ориентирующихся на Демократическую партию, для лоббирования ответственных органов исполнительной власти [35]. Впоследствии ряд их интересов нашел отражение в заключительных документах, подготовленных по итогам переговоров [33; 34], а значит, этот формат стал одним из примеров формирования сре-

ды, благоприятной для администрации и правительства.

Во время второго президентского срока Б. Обамы исполнительная власть использовала другие формы поиска сторонников среди бизнеса, как национального, так и иностранного. К ним относились организованные ей немногочисленные официальные приемы и дискуссионные площадки, участие в которых принимали президент и представители экономических министерств и ведомств, чтобы заручиться поддержкой американских бизнесменов, ориентированных на экспорт, и иностранных компаний, имевших свои филиалы в США [15; 20].

Однако, строя сеть проponentов либерального внешнеэкономического курса, администрация и правительство не обращали внимание на те группы, чьи интересы не соотносились с приоритетами правительства и администрации Б. Обамы. Позиции оппозирующих групп усилились весной 2015 года. Так, в конгрессе соглашения о свободной торговле, приводившие к потере рабочих мест в США, были названы плохими сделками [26]. В профсоюзной среде, которая поначалу поддерживала переговоры о ТТП, стало расти сомнение, что Мексика и Вьетнам усовершенствуют трудовое законодательство [13]. Большие опасения вызывала готовность Вьетнама и Брунея решать торговые споры, не нанося ущерба американской текстильной промышленности [31; 39], которая изначально оценивала соглашения о свободной торговле с тихоокеанскими странами как угрозу существенного снижения присутствия на американском рынке за счет увеличения доли иностранных конкурентов на нем [12].

Рост негативных отношений создавал существенный риск потерять голоса на предстоящих выборах президента и членов Конгресса Демократической партией, которая традиционно опиралась на поддержку профсоюзов. Как следствие, Б. Обама стал избегать неформальных каналов продвижения соглашения о ТТП. В 2016 г. после начала избирательной кампании, в ходе которой Д. Трамп позиционировал себя защитником групп населения, пострадавших от либеральной политики, Б. Обама вынужденно мимикрировал под фразеологию республиканского кандидата.

Объявляя о подписании соглашения о ТТП, он назвал его новым видом торговой сделки, которая ставит интересы американских рабочих прежде всего [29].

Поскольку к подобным клише президент более не прибегал, то это выступление, скорее всего, стало экстренной реакцией Б. Обамы на участие Д. Трампа в предвыборной гонке и отчаянной попыткой сохранить для демократических кандидатов традиционный партийный электорат в преддверии выборов.

Результаты. Поскольку президентский срок Б. Обамы пришелся на заключительную фазу исторического цикла, то и на образ мышления его администрации и правительства существенное влияние оказывало наследие У. Клинтона, чье президентство пришлось на пик исторического цикла, когда основные модели внутренней и внешней политики работали эффективно. Учитывая достижения 1990-х гг. в сфере экономики и торговли, несмотря на происшедший в 2008 г. экономический кризис, администрация продолжала курс свободной торговли в отношении стран Азии и Тихого океана, не учитывая происходившие социальные трансформации, приведшие к росту влияния групп, заинтересованных в протекционистской политике, противоположной по своей сути президентскому курсу.

Значительное воздействие на процесс принятия решений, касавшихся азиатско-тихоокеанской политики, оказывали влиятельные личности, являвшиеся таковыми вследствие своих социальных связей, имиджа, формального и неформального статуса. Их амбиции, намерения и шаги фактически определяли особенности межведомственной борьбы и специфику использования практик в 2009–2016 годах. То обстоятельство, что большинство таких назначенцев занимали руководящие посты в период первой администрации Б. Обамы, позволяет выделить два этапа адаптационных процессов исполнительной власти США в 2009–2016 годах. В 2009–2012 гг. происходили интенсивные адаптационные процессы, которые в большей степени определялись не столько долгосрочными целями, сколько текущей спецификой взаимодействия между ведомствами и официальными лицами. В 2013–2016 гг. процессы взаимного приспособления характеризовались меньшей интенсивностью, и были в большей степени обусловлены стра-

тегическими целями, а не особенностями взаимодействия.

Межведомственная борьба в 2009–2016 гг. имела ряд отличительных характеристик. Первой из них стало создание двух специфических нарративов, в которых были представлены конкурирующие концепции региональной политики. Второй отличительной чертой было активное использование внешних каналов передачи информации, таких как выступления перед трудовыми коллективами, на международных форумах, перед исследовательским сообществом, публикация статей в авторитетных журналах. Они использовались либо для того, чтобы лучше презентовать свое видение политики среди реальных или потенциальных сторонников в расчете получить конкурентные преимущества перед другими ведомствами, либо для того, чтобы внешне продемонстрировать свою лояльность одному из влиятельных центров процесса принятия решений и, таким образом, замаскировать истинные приоритеты. Третья особенность была связана со стремлением отдельных ведомств уклониться, насколько это было возможным, от противостояния нарративов. Оно привело к тому, что в рамках своих стратегий ведомства наделяли долгосрочные формальные, рутинные практики (переговоры, слушания) неформальным содержанием, а именно, использовали их с целью построения сетей сторонников. Четвертой характерной чертой было то, что представители исполнительной власти больше приспособивались друг к другу, нежели приспособивались к своим целям и задачам окружающей их среду и адаптировались к ней самой.

Объективно существовавшие временные ограничения, доминировавшие идеи в Демократической партии, персональный состав органов исполнительной власти, личные амбиции и социальные связи, групповые интересы не позволили разработать единую азиатско-тихоокеанскую политику, которая объединяла бы ключевые ведомства общим видением региона и пониманием интересов, целей и задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарова, К. Л. Мимикрия как способ политической адаптации в постфевральском политическом пространстве Сибири / К. Л. Захарова // Политическая

адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2015. – С. 45–64.

2. Клинтон, Х. Р. Тяжелые времена / Х. Р. Клинтон. – М. : Эксмо, 2016. – 736 с.

3. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – М. : РОССПЭН, 2010. – 271 с.

4. Механизм формирования внешней политики США / под ред. Г. А. Трофименко, П. Т. Подлесного. – М. : Наука, 1986. – 216 с.

5. Печатнов, В. О. От Джефферсона до Клинтона: демократическая партия США в борьбе за избирателя / В. О. Печатнов. – М. : Наука, 2008. – 503 с.

6. Шишкин, В. И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты / В. И. Шишкин // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2015. – С. 3–44.

7. Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов / С. В. Яров. – СПб. : Европейский дом, 2006. – 569 с.

8. Across the Other Pond: U.S. Opportunities and Challenges in the Asia Pacific. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. One Hundred Fourteenth Congress. First Session. February 26, 2015. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2015. – 89 p.

9. Bader, J. A. Obama and China's Rise: An Insider Account of America's Asia Strategy / J. A. Bader. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2012. – 171 p.

10. Campbell, K. M. The Pivot: Future of American Statecraft in Asia / K. M. Campbell. – N. Y. ; Boston : Twelve, 2016. – 401 p.

11. Clinton, H. R. America's Pacific Century / H. R. Clinton // Foreign Policy. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas/pacific/century> (date of access: 18.10.2017). – Title from screen.

12. Congressional Record. Extensions of Remarks. – October 12, 2011. – P. E1832–E1833. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.congress.gov/crec/2011/10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgE1832-2.pdf> (date of access: 16.09.2017). – Title from screen.

13. Congressional Record. 2015. 12th May. – Electronic text data. – Mode of access: <https://congress.gov/crec/2015/05/12/CREC-2015-05-12-pt1-PgH2858-3.pdf> (date of access: 21.08.2016). – Title from screen.

14. E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls

India, China 'threats'. Sent: Thursday, November 17, 2011, 6:29 PM. – Electronic text data. – Mode of access: https://foia.state.gov/search/results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (date of access: 06.01.2017). – Title from screen.

15. Expected Attendees at Tonight State Dinner for the President of Korea and Mrs. Kim Yoon-ok. October 13, 2011. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/10/13/expected-attendees-tonight-state-dinner-president-korea-and-mrs-kim-yoon-ok> (date of access: 05.11.2016). – Title from screen.

16. Graham, M. Presidents' Secrets. The Use and Abuse of Hidden Power / M. Graham. – New Haven ; L. : Yale University Press, 2017. – 258 p.

17. Halperin, M. H. Bureaucratic Politics and Foreign Policy / M. H. Halperin, P. A. Clapp. – Washington, D.C. : The Brookings Institution, 2006. – 400 p.

18. Mann, J. The Obamians: The Struggle Inside The White House to Redefine American Power / J. Mann. – N. Y. : Penguin Books, 2012. – 392 p.

19. Maritime Security in the Asia-Pacific Region. Hearing Before the Committee on Armed Services, United States Senate. One Hundred Fourteenth Congress. First Session. September 17, 2015. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2016. – 48 p.

20. President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment in United States. April 25, 2014. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/president-obama-attends-roundtable-korean-business-Executives-encourage-investment-united-states> (date of access: 05.11.2016). – Title from screen.

21. Rebalance to Asia II: Security and Defense; Cooperation and Challenges. Hearing Before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. April 25, 2013. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2014. – 43 p.

22. Rebalancing to the Asia-Pacific Region and Implications for U.S. National Security. Hearing Before the Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. July 24, 2013. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2014. – 104 p.

23. Remarks by President Obama and President Lee Myung-bak in Joint Press-Conference. March 25, 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/03/25/remarks-president-obama-and-president-lee-myung-bak-joint-press-conference> (date of access: 02.11.2016). – Title from screen.

24. Remarks by President Obama and President Xi Jinping in Joint Press-Conference. November 12, 2014. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/12/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-joint-press-conference> (date of access: 02.11.2016). – Title from screen.

25. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Address by Hillary R. Clinton, Secretary of State. January 12, 2010. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm> (date of access: 20.05.2012). – Title from screen.

26. Report. Bipartisan Congressional Trade Priorities and Accountability Act of 2015. Submitted by Mr. Ryan of Wisconsin From Committee of Ways and Means together with Dissenting Views. 01.05.2015. Washington: GPO, 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://congress.gov/congressional-report/114th-congress/senate-report/42> (date of access: 21.08.2016). – Title from screen.

27. Schlesinger, A. M., Jr. *The Cycles of American History*/A. M. Schlesinger, Jr. – Boston; N. Y.: A Mariner Book Houghton Mifflin Company, 1999. – 498 p.

28. Shangri-La Security Dialog. June 02, 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1681> (date of access: 03.12.2016). – Title from screen.

29. Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership. February 3, 2016. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership> (date of access: 05.11.2016). – Title from screen.

30. Strengthening U.S. Alliances in Northeast Asia. Hearing Before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. March 4, 2014. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2015. – 49 p.

31. Textile and Apparel Industry Information. February 4, 2016. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-BN-Letter-Exchange-on-Textiles-and-Apparel.pdf> (date of access: 01.06.2016). – Title from screen.

32. Topolski, J. *Nowe idee współczesnej historiografii: O roli teorii w badaniach historycznych* / J. Topolski. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 1980. – 308 s.

33. Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP/factsheet_Goods-Market-Access.pdf (date of access: 24.10.2015). – Title from screen.

34. Trans-Pacific Partnership. Trade and Labour. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP/factsheet_Labour-and-Environment.pdf (date of access: 24.10.2015). – Title from screen.

35. Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco, June 2010. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.ustr.gov/tpp> (date of access: 20.05.2012). – Title from screen.

36. Trip Message: Hawaii, Singapore, Vietnam, India, Afghanistan. June 14, 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1707> (date of access: 03.12.2016). – Title from screen.

37. U.S. Asia-Pacific Strategic Considerations Related to People's Liberation Army Naval Forces Modernization. Hearing Before the Subcommittee on Seapower and Projection Forces of the Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. December 11, 2013. – Washington : U.S. Government Publishing Office, 2014. – 109 p.

38. The U.S. Strategic Rebalance to Asia: A Defense Perspective. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter, New York City, NY, Wednesday, August 01, 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speeches.aspx?SpeechID=1715> (date of access: 03.12.2016). – Title from screen.

39. Viet Nam Registered Textile and Apparel Enterprises. 4 February 2016. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-VN-Letter-Exchange-on-Registered-Textile-and-Apparel-Enterprises.pdf> (date of access: 01.06.2016). – Title from screen.

REFERENCES

1. Zakharova K.L. *Mimikriya kak sposob politicheskoy adaptatsii v postfevral'skom politicheskom prostranstve Sibiri [Mimicry as a Way of Political Adaptation Within Post-February Political Space of Siberia]. Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka: sb. nauch. st.* [Political Adaptation of Siberian Population in the First Third of the 20th Century. Collection of Scientific Articles]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2015, pp. 45-64.

2. Clinton H.R. *Tyazhelye vremena* [Hard Choices]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 736 p.

3. Lyudtke A. *Istoriya povsednevnoy zhizni v Germanii: novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of Everyday Life: New Approaches for Studying Labour, Military and Power]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 271 p.

4. Trofimenko G.A., Podlesnyy P.T., eds. *Mekhanizm formirovaniya vneshney politiki SShA* [US Foreign Policy Forming Mechanism]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 216 p.
5. Pechatnov V.O. *Ot Dzheffersona do Klinton: demokraticeskaya partiya SShA v borbe za izbiratelya* [From Jefferson to Clinton: The Democratic Party of USA in the Struggle for Voters]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 503 p.
6. Sishkin V.I. Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v XX veke: teoretiko-metodologicheskie podkhody i istorograficheskie rezultaty [Political Adaptation of Siberian Population in the 20th Century: Theoretical and Methodological Approaches and Historiographical Results]. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka: sb. nauch. st.* [Political Adaptation of Siberian Population in the First Third of the 20th Century. Collection of Scientific Articles]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2015, pp. 3-44.
7. Yarov S.V. *Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-kh godov* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd of the 1917s – 1920s]. Saint Peterburg, Evropeyskiy dom Publ., 2006. 569 p.
8. *Across the Other Pond: U.S. Opportunities and Challenges in the Asia Pacific. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. One Hundred Fourteenth Congress. First Session. February 26, 2015.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2015. 89 p.
9. Bader J.A. *Obama and China's Rise: An Insider Account of America's Asia Strategy.* Washington, D.C., Brookings Institution Press, 2012. 171 p.
10. Campbell K.M. *The Pivot: Future of American Statecraft in Asia.* New York, Boston, Twelve, 2016. 401 p.
11. Clinton H.R. America's Pacific Century. *Foreign Policy.* URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas/pacific/century> (accessed 18 October 2017).
12. *Congressional Record. Extensions of Remarks.* October 12, 2011, pp. E1832-E1833. URL: <https://www.congress.gov/crec/2011/10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgE1832-2.pdf> (accessed 16 September 2017).
13. *Congressional Record. May 12, 2015.* URL: <https://congress.gov/crec/2015/05/12/CREC-2015-05-12-pt1-PgH2858-3.pdf> (accessed 21 August 2016).
14. *E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H(illary R. Clinton). Subject: Sec(etary of) Def(ense Leon) Panetta Calls India, China 'Threats'. Sent: Thursday, November 17, 2011, 6:29 PM.* URL: https://foia.state.gov/search/Results.aspx?searchText=calling%20china%20threat&collection=Clinton_Email_December_Release (accessed 6 January 2017).
15. *Expected Attendees at Tonight State Dinner for the President of Korea and Mrs. Kim Yoon-Ok. October 13, 2011.* URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/10/13/expected-attendees-tonight-state-dinner-president-korea-and-mrs-kim-yoon-ok> (accessed 5 November 2016).
16. Graham M. *Presidents' Secrets. The Use and Abuse of Hidden Power.* New Haven, London, Yale University Press, 2017. 258 p.
17. Halperin M.H., Clapp, P.A. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy.* Washington, D.C., The Brookings Institution, 2006. 400 p.
18. Mann J. *The Obamians: The Struggle Inside The White House to Redefine American Power.* New York, Penguin Books, 2012. 392 p.
19. *Maritime Security in the Asia-Pacific Region. Hearing Before the Committee on Armed Services, United States Senate. One Hundred Fourteenth Congress. First Session. September 17, 2015.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2016. 48 p.
20. *President Obama Attends Roundtable with Korean Business Executives to Encourage Investment in United States. April 25, 2014.* URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/president-obama-attends-roundtable-korean-business-Executives-encourage-investment-united-states> (accessed 5 November 2016).
21. *Rebalance to Asia II: Security and Defense; Cooperation and Challenges. Hearing Before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. April 25, 2013.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2014. 43 p.
22. *Rebalancing to the Asia-Pacific Region and Implications for U.S. National Security. Hearing Before the Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. July 24, 2013.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2014. 104 p.
23. *Remarks by President Obama and President Lee Myung-Bak in Joint Press-Conference. March 25, 2012.* URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office-/2012/03/25/remarks-president-obama-and-president-lee-myung-bak-joint-press-conference> (accessed 2 November 2016).
24. *Remarks by President Obama and President Xi Jinping in Joint Press-Conference. November 12, 2014.* URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office-/2014/11/12/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-joint-press-conference> (accessed 2 November 2016).
25. *Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Address by Hillary R. Clinton, Secretary of State. January 12, 2010.* URL: <http://>

www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm (accessed 20 May 2012).

26. *Report. Bipartisan Congressional Trade Priorities and Accountability Act of 2015. Submitted by Mr. Ryan of Wisconsin From Committee of Ways and Means Together with Dissenting Views. 01.05.2015. Washington, GPO, 2015.* URL: <https://congress.gov/congressional-report/114th-congress/senate-report/42> (accessed 21 August 2016).

27. Schlesinger A.M., Jr. *The Cycles of American History*. Boston, New York, A Mariner Book Houghton Mifflin Company, 1999. 498 p.

28. *Shangri-La Security Dialog. June 02, 2012.* URL: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1681> (accessed 3 December 2016).

29. *Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership. February 3, 2016.* URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership> (accessed 5 November 2016).

30. *Strengthening U.S. Alliances in Northeast Asia. Hearing Before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. Second Session. March 4, 2014.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2015. 49 p.

31. *Textile and Apparel Industry Information. February 4, 2016.* URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-BN-Letter-Exchange-on-Textiles-and-Apparel.pdf> (accessed 1 June 2016).

32. Topolski J. *Nowe idee współczesnej historiografii: O roli teorii w badaniach historycznych*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskie, 1980. 308 s.

33. *Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access.* URL: http://www.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP/factsheet_Goods-Market-Access.pdf (accessed 24 October 2015).

34. *Trans-Pacific Partnership. Trade and Labour.* URL: http://www.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP/factsheet_Labour-and-Environment.pdf (accessed 24 October 2015).

35. *Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco, June 2010.* URL: <http://www.ustr.gov/tpa> (accessed 20 May 2012).

36. *Trip Message: Hawaii, Singapore, Vietnam, India, Afghanistan. June 14, 2012.* URL: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1707> (accessed 3 December 2016).

37. *U.S. Asia-Pacific Strategic Considerations Related to People's Liberation Army Naval Forces Modernization. Hearing Before the Subcommittee on Seapower and Projection Forces of the Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteenth Congress. First Session. December 11, 2013.* Washington, U.S. Government Publishing Office, 2014. 109 p.

38. *The U.S. Strategic Rebalance to Asia: A Defense Perspective. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter, New York City, NY, Wednesday. August 01, 2012.* URL: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speeches.aspx?SpeechID=1715> (accessed 3 December 2016).

39. *Viet Nam Registered Textile and Apparel Enterprises. 4 February 2016.* URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-VN-Letter-Exchange-on-Registered-Textile-and-Apparel-Enterprises.pdf> (accessed 1 June 2016).

Information About the Author

Vitalii E. Boldyrev, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Centre for Asia-Pacific Studies, Pushkinskaya St, 89, 690001 Vladivostok, Russian Federation, boldyrev89@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2354-8197>

Информация об авторе

Виталий Евгеньевич Болдырев, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, ул. Пушкинская, 89, 690001 г. Владивосток, Российская Федерация, boldyrev89@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2354-8197>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.20>

UDC 329(73)
LBC 66.2(7США)

Submitted: 06.05.2020
Accepted: 15.03.2021

DONALD TRUMP'S POLICY TOWARDS LATIN AMERICA AS AN ISSUE OF THE U.S. POLITICAL STRUGGLE 2020: CANDIDATES' ELECTION PROGRAMS¹

Timur V. Nelin

Research Center "Americana", Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Donald Trump's policy towards the Latin American region and illegal Latino migrants was often criticized by mass media. Many experts admit that over four years of his presidency U.S. cooperation with Latin American countries was severely "undermined". This negative trend should have been the subject of discussion of candidates for the U.S. presidential election in 2020. The purpose of the article is to find out what aspects of Trump's policy towards Latin America were used by the candidates in their campaign statements, for what he was criticized and praised. *Methods and materials.* The research is based on the analysis of candidates' election programs and speeches. Donald Trump's annual messages to Congress are analyzed as well. The author researches the programs of those candidates who reached the final stage of the 2020 elections and those who were most popular at the beginning of 2020 but lost the primaries. In addition to general scientific research methods, the author uses methods of discourse analysis and comparative analysis. *Analysis.* Almost all the candidates criticized the policy of Donald Trump in different way. The main issues were President's approaches to Mexico, Cuba, Venezuela and dealing with illegal immigrants. Trump's policy didn't receive explicit approval from any candidate. Among all the contenders for the post of U.S. President, only Joe Biden offered a more or less developed plan for establishing relations with the Central America countries. *Results.* The author shows that main directions of Trump's policy towards Latin America were not criticized. But the methods of this policy were criticized a lot. Most part of the Latin America region generally fell out of the U.S. foreign policy discourse. And it was almost not represented in the candidates programs and speeches. This suggests that real shifts in the Latin American direction of the U.S. foreign policy will not occur in the coming years.

Key words: U.S. foreign policy, Latin America, 2020 U.S. elections, 2020 U.S. presidential candidates, Trump, Biden.

Citation. Nelin T.V. Donald Trump's Policy Toward Latin America As an Issue of the U.S. Political Struggle 2020: Candidates' Election Programs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 236-245. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.20>

УДК 329(73)
ББК 66.2(7США)

Дата поступления статьи: 06.05.2020
Дата принятия статьи: 15.03.2021

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ США 2020 г.: АНАЛИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ¹

Тимур Владимирович Нелин

Научно-исследовательский центр «Американа», г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Политика администрации Д. Трампа в отношении латиноамериканского региона и нелегальных мигрантов-латинос часто вызывала критику со стороны СМИ. Многие эксперты признают, что за четыре года президентства Д. Трампа сотрудничество США со странами Латинской Америки было сильно подорвано. Такая негативная тенденция должна была стать предметом обсуждения кандидатов на

президентские выборы в США 2020 года. Цель статьи – выяснить, какие аспекты латиноамериканской политики администрации Д. Трампа использовались кандидатами на пост президента в их предвыборных заявлениях, за что критиковали и за что хвалили американского президента. *Методы и материалы.* Исследование построено на анализе предвыборных программ и речей кандидатов на пост президента, а также ежегодных посланий Д. Трампа Конгрессу. Рассматривались как вышедшие в финал кандидаты, так и наиболее популярные в начале 2020 г., но проигравшие праймериз. Помимо общенаучных методов исследования в работе используются методы дискурс-анализа и компаративного анализа. *Анализ.* Практически все кандидаты в той или иной степени критиковали политику Д. Трампа. Критике подверглись подходы президента к Мексике, Кубе и Венесуэле, к решению вопросов нелегальной иммиграции. Явного одобрения политика Д. Трампа не получила не от одного кандидата. Из всех претендентов на пост президента США только Дж. Байден предложил более-менее разработанный план по налаживанию отношений со странами Центральной Америки. *Результаты.* Исследование показало, что критику Д. Трампа вызывало не само латиноамериканское направление его политики, а лишь методы, которые он использовал в достижении своих целей. Большая часть региона Латинская Америка вообще выпала из внешнеполитического дискурса США, никак не была представлена в программах, речах и выступлениях. Это говорит о том, что реальные сдвиги в латиноамериканском направлении внешней политики США в ближайшие годы не произойдут.

Ключевые слова: внешняя политика США, Латинская Америка, выборы в США – 2020, кандидаты в президенты США – 2020, Трамп, Байден.

Цитирование. Нелин Т. В. Латиноамериканское направление политики Д. Трампа во внутриполитической борьбе США 2020 г.: анализ предвыборных программ кандидатов в президенты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 236–245. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.20>

Введение. 3 ноября 2020 г. в США произошло ключевое политическое событие – выборы президента страны. Предвыборная гонка официально началась в начале февраля с первых праймериз в отдельных штатах, хотя очевидно, что кандидаты готовились к гонке заранее, формируя свои программы, определяя позицию по ключевым политическим вопросам еще в 2019 году.

Политика администрации Д. Трампа в отношении Латинской Америки на протяжении четырех лет была неоднозначной и периодически вызывала бурную реакцию в американских и латиноамериканских СМИ. Естественно, все это должно было найти свое отражение в предвыборной гонке, в политической борьбе за пост президента страны. Исследовательский интерес к этой теме может быть обусловлен рядом причин. Во-первых, совершенно очевидно, что несмотря на все мировые перипетии – скачки цен на нефть, борьбу с терроризмом и прочее, – Латинская Америка все равно остается важным и даже одним из основных направлений для внешней политики США хотя бы в силу своего географического положения и исторически сложившихся условий. Это обстоятельство политические деятели и политобозреватели не должны упускать из виду.

Во-вторых, по характеру высказываний на латиноамериканскую тематику можно понять, насколько это направление в американской внешней политике было успешным – за что хвалили и за что критиковали Дональда Трампа в этом вопросе его сторонники и его политические оппоненты. Соответственно, исходя из обозначенных позиций кандидатов, можно примерно представить, какие именно вопросы, связанные с Латинской Америкой, тревожат американское общество. Хотя ответ на последний вопрос могло бы дать социологическое исследование, в данном случае нужно учитывать, что кандидаты на пост президента формулируют свои программы, опираясь на политические предпочтения своего электората, на ранее проведенные соцопросы. Поэтому по количеству полученных этими кандидатами голосов можно в какой-то степени судить и о мнении населения в отношении того или иного политического вопроса.

И в-третьих, учитывая результаты выборов президента, можно примерно представить, в каком русле будет развиваться латиноамериканское направление внешней политики США в следующие четыре года.

В этой связи цель данной статьи – выяснить, какие аспекты латиноамериканской политики администрации Д. Трампа использова-

лись кандидатами на пост президента в их предвыборных заявлениях, подверглись критике или наоборот заслужили одобрение. Было решено обратить внимание и на контекст, в котором «всплывала» тема Латинской Америки. Особенно это касается самого Д. Трампа, поскольку контекст позволяет понять, какое место он отводил латиноамериканскому вектору своей политики по сравнению с другими направлениями.

Методы и материалы. Политика США периода администрации Д. Трампа в отношении Латинской Америки как отдельного региона находит отражение в работах отечественных исследователей П.П. Яковлева, А.А. Манухина, в некоторых материалах аналитического характера [4; 5; 9; 10]. Следует отметить, что П.П. Яковлев, рассуждая о будущем отношений США с их южными соседями, помимо прочего, сравнивает и позиции ведущих игроков предвыборной гонки – Дональда Трампа и Джозефа Байдена – по этому вопросу [7; 10]. Это сравнение ценно тем, что напрямую относится к теме настоящего исследования.

Отдельные аспекты американской политики, такие, например, как споры с Мексикой относительно границы, борьба с нелегальной иммиграцией латиноамериканского населения в США, политика в отношении Кубы и т. д. освещаются в статьях отечественных ученых Института Латинской Америки РАН и Института США и Канады РАН [1; 2; 3; 6; 8]. Примечательно, что в контексте политики Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки отечественные исследователи затрагивают не только вопросы торговли или формирования общей стратегии в отношении региона, но и те, которые, казалось бы, больше касаются внутренней политики США. В частности, это такие аспекты, как борьба с нелегальной иммиграцией и наркоторговлей. На прошедшей в Волгограде 16–17 сентября 2020 г. всероссийской конференции «Трансформация современной политики США в Западном полушарии» эти две темы также обсуждались в контексте латиноамериканской стратегии США.

Вообще политика США в отношении Латинской Америки в большей степени, чем в отношении каких-либо других регионов, оп-

ределялась и определяется внутривнутриполитической повесткой. На это, в частности, обращают внимание специалисты *The Dialogue*, одного из ведущих аналитических центров США. Они отмечают, что никогда эта связь не доходила до таких крайностей, как при администрации Д. Трампа [25].

Интерес западных аналитиков к латиноамериканскому направлению политики Д. Трампа более всего проявился в 2017 году. Тогда действительно возникла интрига – все видели, что новая администрация ломает устоявшиеся практики ведения диалога с латиноамериканскими партнерами, причем было непонятно, к чему все это может привести. Эксперты-политобозреватели обсуждали данную тему на страницах газет и журналов, специалисты готовили аналитические доклады [12; 16; 17]. По мере развития событий, западные, преимущественно американские, СМИ и аналитики оперативно реагировали на действия администрации Д. Трампа в отношении латиноамериканского региона. В рамках настоящей статьи нет смысла анализировать все эти публикации, достаточно лишь отметить, что приведенные в них тематические кейсы касаются таких вопросов, как политика США в отношении Мексики, Венесуэлы, Кубы; борьба с нелегальной иммиграцией и наркоторговлей; политика в отношении левых режимов латиноамериканского региона; торговые вопросы, в том числе борьба с Китаем за латиноамериканский рынок сбыта. Остальные вопросы, как не странно, практически не затрагиваются, или если затрагиваются, то весьма незначительно.

Настоящее исследование строится на анализе предвыборных программ кандидатов в президенты. Учитывались не только дошедшие до финальной стадии кандидаты, но и некоторые выбывшие в результате праймериз. Среди дошедших до финала – два ключевых игрока, Дональд Трамп и Джозеф Байден, и два явных аутсайдера, Хауи Хокинс, представитель от партии зеленых, и Джоан Джорджсен – от либертарианской партии США. Последние две партии хоть и не могут тягаться с республиканцами и демократами, но отражают мнение определенного круга людей. Выборщиков они не имеют. Тем не менее хотя бы для сравнения интересно было проследить

их отношении к латиноамериканскому направлению внешней политики США.

Среди кандидатов, выбывших из гонки, для исследования были выбраны наиболее популярные в начале 2020 года. Со стороны республиканцев это Марк Сэнфорд, Джо Уолш и Уильям Уэлд. Демократы – Берни Сандерс, Майкл Блумберг и Питер Буттиджич. Их программы после проигрыша в праймериз, конечно, потеряли свою актуальность, но их взгляды на политику Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки все равно представляют интерес, поскольку политический вес этих кандидатов в рамках своих партий по-прежнему остается значимым.

Кроме анализа предвыборных программ, уделялось внимание и отдельным высказываниям по латиноамериканской теме, которые могли быть официально не отражены в самих программах, но напрямую или косвенно касались планов относительно латиноамериканского региона. О том, какое место сам Д. Трамп отводил латиноамериканскому вектору политики США, можно судить по его ежегодным посланиям Конгрессу. Фактически третий ежегодный отчет, сделанный в начале февраля 2020 г., можно рассматривать и как программное заявление на предвыборную гонку. При этом, сравнивая его с аналогичным отчетом 2019 г., можно заметить, как за год изменился подход президента к приоритетным направлениям американской политики в отношении региона.

Отдельно стоит заметить, что анализ официальных предвыборных текстов, без привлечения каких-то дополнительных материалов, не может дать сколько-нибудь полного представления о характере отношений США со странами Латинской Америки. Тем не менее в рамках настоящего исследования этот вопрос не является существенным, поскольку внимание уделяется не отношениям как таковым, а тому, как эти отношения видели кандидаты и как доносили свое видение до электората.

Помимо общенаучных методов исследования, в работе используются методы дискурс-анализа и компаративного анализа.

Анализ. Еще до начала предвыборной гонки 2020 г. Д. Трамп своими резкими высказываниями и бескомпромиссными решени-

ями в отношении вопросов, связанных с Латинской Америкой, настроил против себя не только латиноамериканскую элиту, но и многих граждан своей страны. Как отмечали демократы, все это фактически сводило к нулю двусторонние связи и взаимное доверие, которые формировались более четверти века [25].

45-й президент США чрезвычайно непопулярен в Латинской Америке. По данным *Pew Research Center* за 2018 г., имидж Соединенных Штатов в регионе резко упал, как только закончилась администрация Барака Обамы. Институт Гэллапа отмечает, что вообще после избрания Д. Трампа имидж США в мире ухудшился, но при этом крах был особенно драматичным в Латинской Америке, где только 16 % (7 % в Мексике) положительно относились к президенту США [25].

Во многом такая реакция была вызвана методами борьбы администрации Д. Трампа с нелегальными иммигрантами из Латинской Америки. Однако примечательно, что именно эта тема стала одной из ключевых в его ежегодных посланиях Конгрессу. Во втором ежегодном послании от 5 февраля 2019 г. она шла сразу за внутриполитическим блоком, с которого Д. Трамп начал свой фактический отчет. Было заявлено о росте американской экономики, снижении налогов и безработицы, немного внимания было уделено вопросам юстиции, и после этого Д. Трамп перешел к вопросу борьбы с нелегальной иммиграцией. Причем он рассматривал эту тему не иначе как в связи с проблемами наркотрафика, торговли людьми и иных преступлений, идущих от нелегалов [20]. Потом Д. Трамп сказал несколько слов о торговой конфронтации с Китаем и перешел к другой теме, связанной с Латинской Америкой, а точнее с Мексикой – неэффективность НАФТА. Третий кейс, имеющий отношение к Латинской Америке, – критика режима Николаса Мадуро и поддержка Хуана Гуайдо – был обозначен во второй половине ежегодного послания, после вопросов, связанных с НАТО, ДРСМД, Китаем и Северной Кореей, но перед ближневосточным блоком (ИГИЛ², Иран, Талибан³ и т. д.). Всего тема Латинской Америки во втором ежегодном послании была упомянута трижды.

4 февраля 2020 г. в третьем ежегодном послании также было три блока, связанных с латиноамериканским регионом. Д. Трамп начал отчет традиционно с вопросов экономики США – довольно объемный блок – затем сразу перешел к теме реформирования НАФТА, где сообщил, что за шесть дней до своего выступления он подписал соглашение о замене НАФТА на USMCA [21]. Это заявление было преподнесено не просто как информация к размышлению, а как отчет о качественном сдвиге в решении многолетней проблемы. Такой характер выступления можно рассматривать как серьезный задел для предвыборной гонки 2020 года.

После небольшого блока, посвященного торговому соперничеству с Китаем, Д. Трамп перешел к вопросам демократии в Латинской Америке, упоминая кубинцев, никарагуанцев в их стремлении к демократии и отдельно критикуя Н. Мадуро. По сути эта критика была похожа на ту, что прозвучала годом ранее, но с более жесткими выражениями в адрес венесуэльского политика. Кроме того, во время своего выступления американский лидер представил конгрессменам, как он выразился, «настоящего и законного президента Венесуэлы» – Х. Гуайдо, лично присутствовавшего на выступлении Д. Трампа.

Далее в речи опять затрагивалась проблема реформирования НАТО, разные социальные вопросы и т. д. Примечательно, что тема распространения наркомании в США в этот раз прозвучала отдельно от Латинской Америки. Достаточно большой блок, посвященный нелегальной иммиграции, был представлен Д. Трампом во второй половине выступления. В отличие от предыдущего года, риторика была более жесткая, с критикой местных властей, предоставлявших убежище нелегалам. При этом президент подчеркивал, что его команде удалось заключить историческое соглашение о сотрудничестве с правительствами Мексики, Гондураса, Сальвадора и Гватемалы, что сократило количество нелегальных пересечений границы на 75 % [21].

Как можно видеть при сравнении второго и третьего ежегодных посланий Д. Трампа Конгрессу, приоритеты за год несколько сместились – нелегальная иммиграция в латино-

американском блоке ушла на третье место – но ключевая линия при этом осталась прежней. Примечательно также, что связанные с Латинской Америкой кейсы идут рядом с вопросами внутренней политики США, что еще раз подтверждает заявление специалистов *The Dialogue* о тесной связи этих вопросов. Тема России, кстати, в третьем ежегодном послании Конгрессу вообще не упоминалась.

Следует заметить, что те достижения в латиноамериканском вопросе, которыми гордился Д. Трамп: борьба с нелегалами-латинос, с недемократическими режимами на Кубе и особенно в Венесуэле, являлись теми направлениями латиноамериканской политики, которые подверглись критике со стороны оппонентов Д. Трампа в предвыборной кампании 2020 года.

Интересно, что республиканцы, праймериз-конкуренты Д. Трампа, – М. Сэнфорд, Дж. Уолш и У. Уэлд – в своих программах латиноамериканскую тематику мягко обошли.

В предвыборной программе М. Сэнфорда Латинская Америка не фигурировала вообще. Однако на его веб-странице было сказано, что он сторонник Доктрины Теодора Рузвельта, – говорить мягко, имея большую дубинку за спиной, но М. Сэнфорд, в отличие от Т. Рузвельта, под этим подразумевал экономическую мощь США [22].

Хотя Дж. Уолш и У. Уэлд тему Латинской Америки также проигнорировали в своих предвыборных программах, долю критики Д. Трамп все-таки получил. Правда, это было еще за полгода до начала праймериз. Дж. Уолш раскритиковал президента за жесткие методы борьбы с нелегальной иммиграцией, а У. Уэлд – за отказ президента от политики мягкой силы [15; 27]. В целом же, как можно видеть, кандидаты-республиканцы были на стороне Д. Трампа, хотя и с некоторыми оговорками.

Бывшие кандидаты-демократы в своих предвыборных выступлениях уделили больше внимания латиноамериканскому направлению политики США. Б. Сандерс в одном из опросов Совета по международным делам в 2019 г. заявил, что выступает за диалог Н. Мадуро с оппозицией, хотя, конечно, осудил применение силы и отметил, что США должны способствовать переходу власти в Венесуэле от

Н. Мадуро к оппозиции, но при этом не должны вмешиваться во внутриполитическую борьбу, как, по словам Б. Сандерса, США делали не раз. Д. Трамп он раскритиковал за введение широких санкции против нефтяного сектора венесуэльской экономики, что, по сути, ударило не по режиму, а по обычным людям [13].

На официальном сайте предвыборной кампании М. Блумберга тема Латинской Америки не фигурировала, однако демократ все-таки раскритиковал Д. Трампа за жесткие методы борьбы с нелегальными иммигрантами [18].

П. Буттиджич в основном критиковал Д. Трампа за угрозу применения силы против Венесуэлы и за ухудшение отношений со странами Центральной Америки и Мексики, которая, по его словам, является одним из крупнейших торговых партнеров США [11]. При этом примечательно, что тема реформирования НАФТА как-то четко не обозначалась.

По сути позиция П. Буттиджича была близка позиции Дж. Байдена. Последний жестко критиковал Д. Трампа ровно по тем же самым вопросам, при этом основное внимание уделял именно Центральной Америке. В своей программе он призывал вернуться к тем проектам, которые реализовывались администрацией Б. Обамы. Основная ставка делалась на финансирование демократических институтов, посредством которых, по мнению Дж. Байдена, можно победить коррупцию в странах Центральной Америки: Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе (так называемых странах Северного треугольника), именно их он упоминал в первую очередь. Через победу над коррупцией, согласно плану лидера демократов, решится вопрос бедности населения и высокого уровня преступности и как следствие – сократится нелегальная миграция в США [24].

Вообще Дж. Байден – единственный из кандидатов в президенты, кто уделил латиноамериканскому региону особое внимание и даже составил отдельную программу по развитию отношений США со странами Центральной Америки [23]. Хотя, как замечали даже сами его сторонники, эта программа выглядела устаревшей и достаточно скудной [26].

И в заключение программного обзора следует сказать несколько слов об аутсайдерах президентской гонки 2020 г. – Х. Хокинсе и Дж. Джоргенсен. Лидер «зеленых» напрямую не критиковал Д. Трампа, но выступал за открытые границы для мигрантов, что, по его словам, пошло бы на пользу как экономике США, так и странам Латинской Америки. Таким образом, как подчеркивалось, он поддерживает основное право человека на свободу передвижения. Х. Хокинс также выступал против любых операций США по смене политических режимов в Латинской Америке, против экономической политики, направленной на получение прибыли отдельных корпораций, а не на выгоду обычных рабочих. Такое «империалистическое вмешательство» и такая торговая политика, по его мнению, является основной причиной массовой миграции [14]. Хотя риторика Х. Хокинса не содержала явных выпадов в сторону Трампа, но по факту во всех своих пунктах программа «зеленых» полностью противоречила характеру латиноамериканской политики администрации 45-го президента. Любопытно, что если оценивать объем латиноамериканской тематики в программных выступлениях Х. Хокинса, то по сути его можно поставить на третье место после Дж. Байдена и Д. Трампа.

Лидер либертарианской партии Дж. Джоргенсен на веб-сайте своей предвыборной кампании также открыто не критиковала Д. Трампа за его политику в отношении стран Латинской Америки, но сообщала, что поддерживает отмену торгового и туристического эмбарго на Кубе и выступает против строительства стены на границе США и Мексики [19].

Результаты. Как можно видеть из предвыборных программ и высказываний кандидатов на пост президента США, политика администрации Д. Трампа в отношении латиноамериканского региона, как правило, вызывала критику, хотя и достаточно разную по своим масштабам. Примечательно, однако, что основные направления политики Д. Трампа в Латинской Америке никем не критиковались. И республиканцы, и демократы строили свои латиноамериканские планы вокруг одних и тех же вопросов: торговое партнерство с Мексикой, нелегальная иммиграция, демократия на Кубе и в Венесуэле (Н. Мадуро не поддерживает

ровным счетом никто). Собственно на этом все и заканчивалось. Большая часть региона Латинская Америка вообще никак не фигурировала в программах, речах и выступлениях. Практически ничего не говорилось о попытках ослабить китайское влияние на регион. Хотя работа в этом направлении ведется и сейчас, но в дискурсе внутривластной борьбы тема не была представлена. Это выглядит несколько странно – либо в этом вопросе американским политикам нечем было гордиться, либо кандидаты просто игнорировали эту проблему по каким-то своим соображениям. Практически никак не была представлена тема Бразилии, если не считать, что оппоненты Д. Трампа некоторыми своими высказываниями попрекали его за диалог с эпатажным Жаиром Болсонару. Хотя бразильский президент не раз заявлял о готовности сотрудничать с США и сокращать китайские инвестиции, что по идее отвечает интересам и республиканцев, и демократов. Вероятно, поэтому тема и выпала из политической борьбы.

Критика в адрес Д. Трампа строилась лишь на его методах, более жестких, чем предлагали демократы, сторонники мягкой силы. Причем это была просто разность подходов. То, за что ругали Д. Трампа оппоненты, ровно за это же его нередко хвалили сторонники. Одни говорили, что Д. Трамп слишком жестко действовал, другие парировали, что за все предыдущие годы мягкая политика никоим образом проблему не решала: нелегальная иммиграция росла, наркотрафик меньше не становился, недемократические латиноамериканские режимы по-прежнему подавляли протесты оппозиции.

Игнорирование кандидатами важнейших аспектов взаимоотношения США со странами Латинской Америки, конечно же, никак не свидетельствует о слабости и поверхностном характере внешней политики США на латиноамериканском направлении, это лишь следствие жанровой специфики предвыборных текстов, рассчитанных на создание определенного эффекта в электоральной среде. Тем не менее, учитывая сам характер критики президента, можно сделать вывод, что в ближайшие годы реальных сдвигов в латиноамериканском направлении внешней политики США ждать не следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-014-00040 «Трансформация современной политики США в Западном полушарии: региональные последствия и роль глобальных акторов».

The reported article was funded by RFBR, project number 20-014-00040 “Transformation of U.S. Modern Policy in the Western Hemisphere: Regional Consequences and the Role of Global Actors”.

² Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

³ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Г. В. Особенности иммиграционной политики администрации Д. Трампа на примере политики разделения семей / Г. В. Александров // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № S1. – Электрон. текстовые дан. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005249-0>.
2. Балденкова, Ю. В. Нелегальная иммиграция в контексте американо-мексиканских отношений / Ю. В. Балденкова // Россия и Америка в XXI веке. – 2018. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S0000035-5-1>.
3. Елесеенко, Д. М. Венесуэльский фактор в американо-мексиканских отношениях / Д. М. Елесеенко // Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760008979-3>.
4. Захарцова, А. Торговая политика Дональда Трампа и Латинская Америка / А. Захарцова // РСМД. – 2018, 19 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovaya-politika-donald-trampa-i-latinskaya-amerika/> (дата обращения: 25.08.2020). – Загл. с экрана.
5. Манухин, А. А. Особенности политики администрации Дональда Трампа в Латинской Америке / А. А. Манухин // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № S1. – Электрон. текстовые дан. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005322-1>.
6. Маргелова, С. А. Американские СМИ о политике администрации Д. Трампа в отношении Кубы / С. А. Маргелова // Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760009010-8>.
7. Моисеев, А. Трамп, Байден и Латинская Америка: какие перспективы? : [интервью с П. П. Яковлевым] // Международная жизнь. – 2020, 23 окт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://>

interaffairs.ru/news/show/27873 (дата обращения: 13.11.2020). – Загл. с экрана.

8. Филиппенко, А. А. Америко-мексиканская граница: стена раздора / А. А. Филиппенко // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № S1. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005391-7>.

9. Яковлев, П. П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке / П. П. Яковлев // Латинская Америка. – 2018. – № 12. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0002312-2>.

10. Яковлев, П. П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы / П. П. Яковлев // Перспективы. – 2020. – № 3 (23). – С. 52–65. – DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>.

11. 2020 Presidential Candidates on South and Central America: Pete Buttigieg // Ballotpedia. – Electronic text data. – Mode of access: https://ballotpedia.org/2020_presidential_candidates_on_South_and_Central_America (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

12. Adkins, D. Information Sources of Latin American Immigrants in the Rural Midwest in the Trump Era / D. Adkins, H. M. Sandy, J. Derpic // The Library Quarterly. – 2017. – Vol. 87, № 3 (July). – P. 243–256. – DOI: <https://doi.org/10.1086/692301>.

13. Candidates Answer CFR's Questions: Bernie Sanders // Council on Foreign Relations. – 2019, July 30. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.cfr.org/article/bernie-sanders> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

14. Close the Camps: End the Abuse of Immigrants, Enact Humane Immigration Policies // H'20: [Hawkins official website]. – 2019, July 8. – Electronic text data. – Mode of access: <https://howiehawkins.us/close-the-camps-end-the-abuse-of-immigrants-enact-humane-immigration-policies/> (date of access: 10.09.2020). – Title from screen.

15. Coaston, J. Former Massachusetts Gov. Bill Weld Explains Why He's Primarying Donald Trump / J. Coaston // Vox. – 2019, August 28. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.vox.com/2019/8/28/20813989/bill-weld-primary-trump-2020-new-hampshire> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

16. Dominguez, F. Trump and Latin America: Continuity and Change / F. Dominguez // Soundings. – 2017. – № 66 (Summer). – P. 90–101. – DOI: <https://doi.org/10.3898/136266217821733741>.

17. Hawley, A. The Future of U.S.-Latin American Relations under President Donald Trump / A. Hawley; Ibero-Amerikanischen Institut. – 2017, May. – Heft 28. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.iai.spk-berlin.de/fileadmin/dokumentenbibliothek/Ibero-Analysen/>

Ibero_Analysen_28.pdf (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

18. Immigration Reform // Mike Bloomberg 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.mikebloomberg2020.com/policies/immigration> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

19. Q and A: [questions and answers] // Jo20: [Jorgensen official website]. – Electronic text data. – Mode of access: <https://jo20.com/qa/> (date of access: 10.09.2020). – Title from screen.

20. Remarks by President Trump in State of the Union Address // The White House. – 2019, February 6. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

21. Remarks by President Trump in State of the Union Address // The White House. – 2020, February 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3/> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

22. Sanford, M. Issues: Foreign Policy / M. Sanford. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.marksanford.com/issues/> (date of access: 14.09.2020). – Title from screen.

23. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // BidenHarris. – Electronic text data. – Mode of access: <https://joebiden.com/centralamerica/> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

24. The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century // BidenHarris. – Electronic text data. – Mode of access: <https://joebiden.com/americanleadership/> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

25. The Trump Effect in Latin America // The Dialogue. – 2018, December 31. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.thedialogue.org/analysis/the-trump-effect-in-latin-america/> (date of access: 06.09.2020). – Title from screen.

26. Washington, J. We Need to Reverse the Damage Trump Has Done in Latin America. Biden's Plans Don't Cut It / J. Washington // The Intercept. – 2020, April 18. – Electronic text data. – Mode of access: <https://theintercept.com/2020/04/18/trump-latin-america-foreign-policy-joe-biden/> (date of access: 14.09.2020). – Title from screen.

27. What Joe Walsh Thinks About Immigration, Climate Change and Trump // PBS NewsHour. – 2019, August 27. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.pbs.org/newshour/show/what-joe-walsh-thinks-about-immigration-climate-change-and-trump> (date of access: 15.09.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Aleksandrov G.V. Osobennosti immigratsionnoy politiki administratsii D. Trampa na primere politiki razdeleniya semey [Key Elements of the Trump Administration Immigration Policies (On the Example of the Family Separation Policy)]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. S1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005249-0>.
2. Baldenkova Yu.V. Nelegalnaya immigratsiya v kontekste amerikano-meksikanskikh otnosheniy [Unauthorized Immigration in the Context of American-Mexican Relations]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2018, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.18254/S0000035-5-1>.
3. Yeleseyenko D.M. Venesuelskiy faktor v amerikano-meksikanskikh otnosheniyakh [Venezuela's Factor in U.S.-Mexico Relations]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2020, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760008979-3>.
4. Zakhartsova A. Torgovaya politika Donalda Trampa i Latinskaya Amerika [Donald Trump's Trade Policy and Latin America]. *RSMD*, 2018, December 19. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovaya-politika-donalda-trampa-i-latinskaya-amerika/> (accessed 25 August 2020).
5. Manukhin A.A. Osobennosti politiki administratsii Donalda Trampa v Latinskoy Amerike [The Features of Donald Trump Administration's Policy in Latin America]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. S1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005322-1>.
6. Margelova S.A. Amerikanskiye SMI o politike administratsii D. Trampa v otnoshenii Kuby [American Mass Media on the Policy of the Trump Administration Towards Cuba]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2020, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760009010-8>.
7. Moiseyev A. Tramp, Bayden i Latinskaya Amerika: kakiye perspektivy? [Trump, Biden and Latin America: What Are the Prospects? (Interview with Petr Yakovlev)]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [The International Affairs], 2020, October 23. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27873> (accessed 13 November 2020).
8. Filippenko A.A. Amerikano-meksikanskaya granitsa: stena razdora [U.S.-Mexico Border: The Wall of Strife]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. S1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207054760005391-7>.
9. Yakovlev P.P. USMCA: perezagruzka zony svobodnoy trgovli v Severnoy Amerike [USMCA: The Reloading of the North American Free Trade Zone]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2018, no. 12, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0002312-2>.
10. Yakovlev P.P. Politika D. Trampa v Latinskoy Amerike: itogi i perspektivy [Donald Trump's Policy in Latin America: Results and Prospects]. *Perspektivy* [Prospects], 2020, no. 3 (23), pp. 52-65. DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>.
11. 2020 Presidential Candidates on South and Central America. Pete Buttigieg. *Ballotpedia*. URL: https://ballotpedia.org/2020_presidential_candidates_on_South_and_Central_America (accessed 15 September 2020).
12. Adkins D., Sandy H.M., Derpic J. Information Sources of Latin American Immigrants in the Rural Midwest in the Trump Era. *The Library Quarterly*, 2017, vol. 87, no. 3 (July), pp. 243-256. DOI: <https://doi.org/10.1086/692301>.
13. Candidates Answer CFR's Questions. Bernie Sanders. *Council on Foreign Relations*, 2019, July 30. URL: <https://www.cfr.org/article/bernie-sanders> (accessed 15 September 2020).
14. Close the Camps: End the Abuse of Immigrants, Enact Humane Immigration Policies. *H'20. Hawkins Official Website*, 2019, July 8. URL: <https://howiehawkins.us/close-the-camps-end-the-abuse-of-immigrants-enact-humane-immigration-policies> (accessed 10 September 2020).
15. Coaston J. Former Massachusetts Gov. Bill Weld Explains Why He's Primarying Donald Trump. *Vox*, 2019, August 28. URL: <https://www.vox.com/2019/8/28/20813989/bill-weld-primary-trump-2020-new-hampshire> (accessed 15 September 2020).
16. Dominguez F. Trump and Latin America: Continuity and Change. *Soundings*, 2017, no. 66 (Summer), pp. 90-101. DOI: <https://doi.org/10.3898/136266217821733741>.
17. Hawley A. *The Future of U.S.-Latin American Relations under President Donald Trump*, 2017, May, Heft 28. URL: https://www.iai.spk-berlin.de/fileadmin/dokumentenbibliothek/Ibero-Analysen/Ibero_Analysen_28.pdf (accessed 30 August 2020).
18. Immigration Reform. *Mike Bloomberg 2020*. URL: <https://www.mikebloomberg2020.com/policies/immigration> (accessed 15 September 2020).
19. Q and A: (Questions and Answers). *Jo20. Jorgensen Official Website*. URL: <https://jo20.com/qa> (accessed 10 September 2020).
20. Remarks by President Trump in State of the Union Address. *The White House*, 2019, February 6. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2> (accessed 15 September 2020).
21. Remarks by President Trump in State of the Union Address. *The White House*, 2020, February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3> (accessed 15 September 2020).

22. Sanford M. *Issues. Foreign Policy*. URL: <https://www.marksanford.com/issues> (accessed 14 September 2020).

23. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America. *BidenHarris*. URL: <https://joebiden.com/centralamerica> (accessed 15 September 2020).

24. The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century. *BidenHarris*. URL: <https://joebiden.com/americanleadership> (accessed 15 September 2020).

25. The Trump Effect in Latin America. *The Dialogue*, 2018, December 31. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/the-trump-effect-in-latin-america> (accessed 6 September 2020).

26. Washington J. We Need to Reverse the Damage Trump Has Done in Latin America. Biden's Plans Don't Cut It. *The Intercept*, 2020, April 18. URL: <https://theintercept.com/2020/04/18/trump-latin-america-foreign-policy-joe-biden> (accessed 14 September 2020).

27. What Joe Walsh Thinks About Immigration, Climate Change and Trump. *PBS NewsHour*, 2019, August 27. URL: <https://www.pbs.org/newshour/show/what-joe-walsh-thinks-about-immigration-climate-change-and-trump> (accessed 15 September 2020).

Information About the Author

Timur V. Nelin, Candidate of Sciences (History), Director, Research Center "Americana", Novodvinskaya St, 22, office 21, 400010 Volgograd, Russian Federation, timur_nelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

Информация об авторе

Тимур Владимирович Нелин, кандидат исторических наук, директор, Научно-исследовательский центр «Америка», ул. Новодвинская, 22, офис 21, 400010 г. Волгоград, Российская Федерация, timur_nelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.21>

UDC 930(470.45)

LBC 63.1(2Рос-4Вор)64

Submitted: 02.04.2021

Accepted: 27.07.2021

**CENTER FOR THE STUDY OF THE BATTLE OF STALINGRAD:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

Boris G. Usyk

Center for the Study of the Battle of Stalingrad, Volgograd, Russian Federation

Olga J. Redkina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Irina A. Lysenko

Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents some of the results of the Center for the Study of the Battle of Stalingrad for five years of work. Information is given about published collections of documents and materials, encyclopedias and reference books prepared as a result of the interaction of scientific, educational, public organizations and cultural institutions dedicated to the history of the great battle on the Volga. The paper informs about the scientific seminars held at the Center on little-studied issues of the history of the Battle of Stalingrad. The study of genuine sources and the introduction into scientific circulation of arrays of archival documents are aimed at preventing the falsification of historical events, the formation of impartial judgments and the preservation of collective memory of the war.

Key words: Center for Study of the Battle of Stalingrad, falsification of history, scientific seminars, the Astrakhan City Defense Committee, the Stalingrad Group of Forces, “white spots” in the history of the Battle of Stalingrad, preserving the collective memory of the war.

Citation. Usyk B.G., Redkina O.J., Lysenko I.A. Center for the Study of the Battle of Stalingrad: Yesterday, Today, Tomorrow. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 246-252. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.21>

УДК 930(470.45)

ББК 63.1(2Рос-4Вор)64

Дата поступления статьи: 02.04.2021

Дата принятия статьи: 27.07.2021

**ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Борис Григорьевич Усик

Центр по изучению Сталинградской битвы, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Юрьевна Редькина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Альбертовна Лысенко

Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены некоторые итоги деятельности Центра по изучению Сталинградской битвы за пять лет работы. Приведена информация об опубликованных сборниках документов и материалов, энциклопедиях и справочниках, подготовленных в результате взаимодействия научных, образовательных, общественных организаций и учреждений культуры, посвященных истории великого сражения на Волге. Информирована о проводимых в Центре научных семинарах по малоизученным вопросам истории Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Центр по изучению Сталинградской битвы, фальсификация истории, научные семинары, Астраханский городской комитет обороны, Сталинградская группа войск, «белые пятна» в истории Сталинградской битвы, сохранение коллективной памяти о войне.

Цитирование. Усик Б. Г., Редькина О. Ю., Лысенко И. А. Центр по изучению Сталинградской битвы: вчера, сегодня, завтра // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 246–252. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.21>

Город-герой Волгоград аккумулировал уникальный опыт сохранения и трансляции широкой общественности в стране и за рубежом памяти о Второй мировой войне. Важным событием стало создание в октябре 2015 г. Центра по изучению Сталинградской битвы (далее – Центр). Центр организует взаимодействие научных, образовательных, общественных организаций, учреждений культуры, применяет как традиционные, так и инновационные формы научно-исследовательской работы. Изучение источников и введение в научный оборот массивов архивных документов направлены на предотвращение фальсификации исторических событий, формирование беспристрастных суждений и сохранение коллективной памяти о войне.

Цель работы Центра – научное исследование истории Сталинградской битвы и ее влияния на ход Великой Отечественной войны, отображение результатов исследований в печатных и иных изданиях [13]. Идею создания небольшой группы профессиональных историков, которая занимается этим на постоянной основе, поддержал Президент РФ В.В. Путин на мероприятиях, посвященных 70-летию Победы в Сталинградской битве.

Президент России неоднократно отмечал важность работы по сохранению исторической памяти, противодействия ее искажению. Так, на заседании Российского организационного комитета «Победа» 21 мая 2021 г. он обратил внимание на то, что «в числе поправок в обновленную Конституцию, получив-

ших самую большую народную поддержку, вошло положение, посвященное именно сохранению памяти защитников Отечества, сбережению исторической правды» [6].

Об этом В.В. Путин говорил и ранее. «Продуманная и честная патриотическая повестка должна укреплять в новых поколениях базовые ценности, которые отражают традиции, национальную идентичность, весь исторический путь страны. И здесь особая роль принадлежит Великой Отечественной войне, неотделимой от истории каждой российской семьи» [7].

Президент призывает защищать историческую память и имена героев. «Наш ответ на ложь – это правда. Мы продолжим рассказывать о событиях, фактах Великой Отечественной войны, раскрывать и публиковать архивные материалы во всей их полноте» [7]. Данными словами можно выразить основные направления развития Центра.

Инициатива создания Центра принадлежала М.М. Загорулько, доктору экономических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, почетному гражданину Волгоградской области и города-героя Волгограда, участнику Великой Отечественной войны.

Центр был создан 12 октября 2015 г. постановлением Губернатора Волгоградской области А.И. Бочарова. В настоящее время в его составе 10 сотрудников, в большинстве своем имеющих ученые степени и звания. Они продолжают, прежде всего, работу над энциклопедией: «Сталинградская битва: Июль

1942 – февраль 1943 г.». В создании крупного научного труда приняли участие более 500 авторов из 71 региона РФ и 7 стран СНГ. Энциклопедия неоднократно переиздавалась в дополненных вариантах. В 2020 г. вышло в свет 8-е издание, в которое включены новые статьи, добавлен ряд таблиц. С учетом вновь выявленных сведений переработаны приложения «Командный состав Волжской военной флотилии в период Сталинградской битвы»; «Герои Советского Союза и Герои РФ, удостоенные звания за подвиги в Сталинградской битве»; «Приказ Наркома обороны СССР № 312 от 22 сентября 1941 г. о введении новых норм продовольственного снабжения Красной армии» [9].

С переведенной на английский язык энциклопедией «Сталинградская битва» смогли познакомиться ветераны Второй мировой войны из США, Франции, Великобритании, исследователи и сотрудники музеев Германии, Болгарии, Финляндии.

Деятельность Центра по предотвращению фальсификации истории осуществляется путем ведения работы с архивными документами, выявления исторических фактов, их перепроверки в доступных источниках. В дальнейшем проводится научная обработка материалов, подготовка к публикации, и в свет выходят энциклопедические и информационно-статистические справочники, сборники документов по вопросам истории и экономики Сталинградской области военного периода. Большинство из них были изданы при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Администрации Волгоградской области и Администрации г. Волгограда.

Первым вышел в свет сборник документов «Восстановление экономики Сталинградской области (репарационные поставки) 1945–1947 гг.» (проект РГНФ № 15-01-00425) [4]. Сборник подготовлен в сотрудничестве и с использованием ранее неопубликованных документов ГКУ ВО «Государственный архив Волгоградской области», характеризует основные этапы поставок и процесс организации использования репарационного оборудования.

В рамках проекта «Сталинградская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): власть, экономика, общество»,

поддержанном РФФИ, были изданы несколько сборников документов. В сотрудничестве с ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области», ГКУ АО «Государственный архив современной документации Астраханской области» и государственными архивами Волгоградской области опубликован сборник «Астраханский городской комитет обороны», информация о деятельности которого ранее была недостаточно освещена [1].

При содействии сотрудников территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, Государственного архива Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области был подготовлен двухтомный информационно-статистический справочник «Сталинградская область 1939–1943 гг.». В нем дана комплексная характеристика административно-территориального деления, демографической ситуации, социальной сферы. Приведена статистическая информация о промышленности и сельском хозяйстве [11; 12].

В сборник документов и материалов «Сталинградская группа войск. 1943–1944», посвященный восстановлению и налаживанию мирной жизни города и области при поддержке воинских формирований – участников Сталинградского сражения, включены документы Центрального архива министерства обороны и государственных архивов Волгоградской области [10].

В содружестве с ФГУПК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник Сталинградская битва» вышел в свет энциклопедический справочник «Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 гг.», который характеризует работу тружеников портов и пристаней, рабочих и инженерно-технических работников судоремонтно-судостроительных заводов и верфей, нефтебаз [3]. В 2020 г. подготовлено 2-е издание справочника, в него включены 82 новые статьи и 39 ранее неопубликованных документов, отражающих работу транспортного флота, тружеников портов и военных моряков Каспийского моря в 1941–1943 годах.

Энциклопедия «Баррикадный район Сталинграда. Завод “Баррикады”. 1941–1945» [2] предваряет начало большой работы по фор-

мированию энциклопедических справочников, посвященных роли и значению деятельности районов Сталинграда и области в период Великой Отечественной войны. В нее включены статьи, позволяющие составить представление о работе завода «Баррикады», вкладе жителей района в Сталинградскую победу, об эвакуации заводчан в тыл и их труде на различных предприятиях Народного комиссариата вооружения СССР, о восстановлении района и завода после победы.

Подготовлен к публикации сборник документов и материалов «Потребительская и промысловая кооперация Сталинградской области (1942–1943 гг.)», в котором рассматривается деятельность двух крупных хозяйственных систем в период войны, показываются особенности их многоотраслевой деятельности, значение для жизни населения и оказания помощи армии и флоту.

Апробация результатов исследований Центра проходит на научных конференциях международного, национального, регионального уровней.

С 2015 по 2021 г. в Центре по изучению Сталинградской битвы ежемесячно проводятся научные семинары, преимущественно в форме круглых столов, в том числе в он-лайн-формате. Участниками являются: д.э.н., проф. М.М. Гузев, д. искусств., проф. О.И. Луконина, д.и.н., проф. С.Г. Сидоров, д.и.н., доц. Е.В. Булюлина, к.и.н., доц. О.А. Гоманенко, к.и.н., доц. Е.В. Огаркова, к.и.н. С.Ю. Пищулина, к.и.н. И.А. Рябец и др. В работе научных семинаров принимают участие сотрудники государственных архивов Волгоградской области, областной и городской библиотек, музеев, аспиранты и студенты. На заседаниях выступают представители общественных организаций: городской совет ветеранов (председатель – А.Д. Струков), Волгоградская региональная общественно-патриотическая организация «Клуб “Сталинград”» (представитель – к.пед.н., доц. М.Е. Чулкова), международный благотворительный фонд «Сталинградская битва» (представитель – А.В. Джегло), общественная организация «За верность Отечеству» (представитель – Е.А. Черенкова). Свои наработки представляют исследователи-краеведы В.Е. Алабушев, А.К. Медведев, А.А. Смирнов и др.

В рамках научных семинаров рассматриваются недостаточно изученные вопросы истории Сталинградской битвы, так называемые «белые пятна» [5]. Продолжая традиции, заложенные научной школой М.М. Загорулько в НИИ ПЭИР Волгоградского государственного университета [4, с. 190–197], большое внимание уделяется экономическим проблемам периода Великой Отечественной войны.

Всего состоялось свыше 50 семинаров. Тематика, предлагавшаяся к обсуждению в 2019–2021 гг., чрезвычайно широка: «Вооружение судов Волжского речного флота в период Сталинградской битвы», «Командный состав РККА в Сталинградской битве», «Культурно-историческое наследие Сталинградской битвы», «Медицинское обеспечение Красной армии в период Сталинградской битвы», «Современная библиография о Сталинградской битве», «Минирование противником г. Сталинграда и области радиоуправляемыми минами», «Сталинградская область накануне и в начальный период Великой Отечественной войны», «Росошинское военно-мемориальное кладбище: прошлое и настоящее. Уроки исторической памяти», «Сарепта в период Великой Отечественной войны», «Промысловая и потребительская кооперация Сталинградской области (1942–1943 гг.)», «Захоронения советских воинов, погибших в период Сталинградской битвы на территории Среднеахтубинского района», «Сохранение памяти о Сталинградской битве в печатных источниках на территории Волгоградской области», «Сталинградские конструкторы и разработчики оружия в период Великой Отечественной войны», «Формы увековечения памяти погибших при защите Отечества (на примере Красноармейского района города Волгограда)», «Сталинградский областной суд в период Великой Отечественной войны», «Астраханский промышленный узел в 1941–1943 гг.», «Медики Сталинграда в период Великой Отечественной войны», «Отражение Сталинградской битвы в кинохрониках и художественных фильмах», «Организация сельскохозяйственных работ на территории области в период Сталинградской битвы», «Противоэпидемические мероприятия в Астраханском округе в 1941–1943 гг.» и мн. др. [9]. Обсуждение малоизученных проблем истории Сталинградской битвы

позволяет определить новые направления научного поиска, привлечь к исследовательской работе широкие круги общественности, заинтересованные в сохранении памяти о Сталинградской битве [8].

Информация о различных направлениях деятельности Центра размещена на официальном сайте [13]: научные публикации, международное и межрегиональное сотрудничество, Вестник Центра по изучению Сталинградской битвы (выходит с 2016 г.) и др. В частности, Центр приглашает к сотрудничеству исследователей в работе над проектами: «Награжденные медалью “За оборону Сталинграда”», «Ратное поле России», «Советские военнопленные в Сталинградской битве», «Камышинский городской комитет обороны», «Органы государственной власти Сталинградской области в 1941–1945 гг.», «Торговля и снабжение в период Сталинградской битвы».

Центр приступил к формированию библиотеки, в которой аккумулируется мемуарная литература, фотодокументы, материалы конференций, фотоальбомы, газеты и другие источники, связанные со Сталинградской битвой.

Таким образом, за пять лет работы Центр стал единственным специализированным в Волгоградской области научным учреждением, осуществляющим целенаправленную деятельность по комплексному исследованию истории Сталинградской битвы, ведущим работу по предотвращению фальсификации исторических событий периода Второй мировой войны, координирующим разноплановую исследовательскую, публикаторскую и просветительскую деятельность научных и общественных кругов. Приближающийся юбилей 80-летия победы под Сталинградом придает новый импульс в реализации проектов Центра, определенных Администрацией Волгоградской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астраханский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько ; сост.: В. В. Булатов [и др.]. – Волгоград : Издатель, 2017. – 280 с.
2. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады». 1941–1945 : энциклопедия / авт.-сост. В. Е. Алабушев. – Волгоград : Издатель, 2020. – 296 с.
3. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне. Т. 1. Боевые навигации на Нижней Волге и Северном Каспии (1942–1943) : энцикл. справ. / под ред. М. М. Загорюлько ; авт.-сост. В. В. Булатов [и др.]. – Волгоград : Издатель, 2019. – 256 с.
4. Восстановление экономики Сталинградской области. Ремонтные поставки. 1945–1947 : документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Издатель, 2016. – 240 с.
5. Загорюлько, М. М. Научные семинары Центра по изучению Сталинградской битвы / М. М. Загорюлько, И. А. Лысенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 178–185.
6. Заседание Российского организационного комитета «Победа». Под председательством Владимира Путина в режиме видеоконференции состоялось 43-е заседание Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65618> (дата обращения: 22.05.2021). – Загл. с экрана.
7. Латухина, К. Память и гордость. Владимир Путин обещал защитить правду о войне / К. Латухина // Российская газета. – 2019. – № 28 (8039). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/12/vladimir-putin-obeshchal-zashchitit-pravdu-o-vojne.html> (дата обращения: 23.05.2021). – Загл. с экрана.
8. Редькина, О. Ю. Научная школа профессора М. М. Загорюлько / О. Ю. Редькина, В. В. Булатов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – Т. 18, № 2. – С. 190–197.
9. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : энциклопедия / под ред. М. М. Загорюлько ; Администрация Волгоградской области, Центр по изучению Сталинградской битвы. – 8-е изд. доп. – Волгоград : Издатель, 2020. – 848 с., ил.
10. Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг. : документы и материалы / под ред. О. А. Гоманенко, М. М. Загорюлько. – М. : Полит. энцикл., 2019. – 769 с. : ил.
11. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты : информ.-стат. справ. В 2 т. Т. 1. Территория. Население. Власть. Социальная сфера / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Издатель, 2016. – 423 с.
12. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты : информ.-стат. справ. В 2 т. Т. 2. Промышленность. Сельское хозяйство. Водный транспорт

/ под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2017. – 352 с.

13. Центр по изучению Сталинградской битвы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.centre-stalingrad.volglib.ru> (дата обращения: 17.03.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Zagorulko M.M., Bulatov V.V. et al., eds. *Astrahanskij gorodskoj Komitet oborony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy* [Astrakhan City Defense Committee During the Great Patriotic War. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 280 p.
2. Alabushev V.E., ed. *Barrikadnyj rajon Stalingrada. Zavod «Barrikady». 1941–1945: enciklopediya* [Barricade District of Stalingrad. The Barricade Plant. 1941–1945. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2020. 296 p.
3. Zagorulko M.M., Bulatov V.V. et al., eds. *Volzhsko-Kaspijskij bassejn v 1942–1943 godah: obespechenie korenного pereloma v vojne. T. 1. Boevye navigacii na Nizhnej Volge i Severnom Kaspii (1942–1943): encikl. sprav.* [Volga-Caspian Basin in 1942–1943: Providing a Fundamental Turning Point in the War. T. 1. Combat Navigation on the Lower Volga and the Northern Caspian Sea (1942–1943). Encyclopedic Reference]. Volgograd, Izdatel Publ., 2019. 256 p.
4. Zagorulko M.M., ed. *Vosstanovlenie ekonomiki Stalingradskoj oblasti. Reparacionnye postavki. 1945–1947: dokumenty i materialy* [Economic Recovery of the Stalingrad Region. Reparation Deliveries. 1945–1947. Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2016. 240 p.
5. Zagorulko M.M., Lysenko I.A. Nauchnye seminary Centra po izucheniyu Stalingradskoj bitvy [Scientific Seminars of the Center for the Study of the Battle of Stalingrad]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 4, pp. 178-185.
6. *Zasedanie Rossijskogo organizacionnogo komiteta «Pobeda». Pod predsedatel'stvom Vladimira Putina v rezhime videokonferencii sostoyalos' 43-e zasedanie Rossijskogo organizacionnogo komiteta* [Meeting of the Russian Organizing Committee "Pobeda" (Victory). Under the Chairmanship of Vladimir Putin, the 43rd Meeting of the Russian Organizing Committee "Pobeda" (Victory) Was Held on May 20, 2021]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/656188> (accessed 22 May 2021).
7. Latukhina K. Pamyat' i gordost'. Vladimir Putin obeshchal zashchitit' pravdu o vojne [Memory and Pride. Vladimir Putin Promised to Protect the Truth About the War]. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, no. 28 (8039). URL: <https://rg.ru/2019/12/12/vladimir-putin-obeshchal-zashchitit-pravdu-o-vojne.html> (accessed 23 May 2021).
8. Redkina O.Yu., Bulatov V.V. Nauchnaya shkola professora M.M. Zagorulko [Scientific School of Professor M.M. Zagorulko]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2013, vol. 18, no. 2, pp. 190-197.
9. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva. Iyul' 1942 – fevral' 1943: enciklopediya* [The Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943. Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2020. 848 p., il.
10. Gomanenko O.A., Zagorulko M.M., eds. *Stalingradskaya gruppa vojsk. 1943–1944 gg.: dokumenty i materialy* [Stalingrad Group of Forces. 1943–1944. Documents and Materials]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019. 769 p., il.
11. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblast' (1939–1943). Cifry i fakty: inform.-stat. sprav. V 2 t. T. 1. Territoriya. Naselenie. Vlast'. Social'naya sfera* [Stalingrad Region (1939–1943). Figures and Facts. Statistical Reference Book. In 2 Vols. Vol. 1. Territory. Population. Power. Social Sphere]. Volgograd, Izdatel Publ., 2016. 423 p.
12. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya oblast' (1939–1943). Cifry i fakty: inform.-stat. sprav. V 2 t. T. 2. Promyshlennost'. Sel'skoe hozyajstvo. Vodnyj transport* [Stalingrad Region (1939–1943). Figures and Facts. Statistical Reference Book. In 2 Vols. V. 2. Industry. Agriculture. Water Transport]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 352 p.
13. *Centr po izucheniyu Stalingradskoj bitvy* [Center for the Study of the Battle of Stalingrad]. URL: <http://www.centre-stalingrad.volglib.ru> (accessed 17 March 2021).

Information About the Authors

Boris G. Usyk, Candidate of Sciences (History), Academic Adviser, Center for the Study of the Battle of Stalingrad, Chujkova St, 43, 400005 Volgograd, Russian Federation, Centre-Stalingrad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-205X>

Olga J. Redkina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

Irina A. Lysenko, Candidate of Sciences (Economics), Head of Research Department, Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region, Dymchenko St, 16, 400005 Volgograd, Russian Federation, Lysenkoia777@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-8670>

Информация об авторах

Борис Григорьевич Усик, кандидат исторических наук, научный руководитель Центра по изучению Сталинградской битвы, Центр по изучению Сталинградской битвы, ул. Чуйкова, 43, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, Centre-Stalingrad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-205X>

Ольга Юрьевна Редкина, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

Ирина Альбертовна Лысенко, кандидат экономических наук, начальник отдела научно-исследовательской работы, Центр документации новейшей истории Волгоградской области, ул. Дымченко, 16, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, Lysenkoia777@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-8670>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 2513 руб. 13 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 2513.13 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

